БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.
Шкафъ XXXVII Н. О
Полка 7 10 2
№ 19. 17 н15

УЧЕБНИКЪ
ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ

(СО ВКЛЮЧЕНІЕМЪ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ).

СРЕДНІЕ ВѢКА.

СОСТАВИЛЪ

Ю. ФУНКЕ.

КУРСЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

БИБЛІОТЕКИ
Егора Егоровича
ЗАМЫСЛОВСКАГО

КІЕВЪ.
Типографія И. Н. Кушнерева и К°., Елисаветинская ул. д. Михельсона.
1884.

Дозволено цензурою. Кіевъ. 20 Октября 1884 года.

Лен. Гос. Ун-т
18590

Предисловіе.

Составитель предлагаемаго учебника для мужскихъ и женскихъ гимназій руководствовался слѣдующими соображеніями:

1. Составитель не задавался мыслью непремѣнно приспособить учебникъ къ курсу, соотвѣтствующему числу уроковъ въ гимназіяхъ въ данную минуту *). Продолжительный опытъ привелъ составителя къ тому заключенію, что при излишней краткости руководства не достигаются желанные результаты. Преподаваніе исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ должно, между прочимъ, сообщить учащимся положительныя знанія съ тѣмъ, чтобы они навсегда сдѣлались ихъ достояніемъ; полагаю, никто оспаривать не станетъ, что образованный человѣкъ долженъ сохранить въ памяти знаніе прошлаго своего и чужихъ народовъ. Усвоить и сохранить такое знаніе возможно въ томъ случаѣ, если выдающіеся историческіе моменты и замѣчательные историческіе дѣятели достаточно охарактеризованы и если такія характеристики опираются на подходящихъ фактахъ. Только тогда каждая эпоха получитъ въ умѣ учащихся свой обликъ, только тогда они не будутъ смѣшивать эпохъ и приписывать дѣятелямъ небывалыхъ событій. Какъ бы талантливъ ни былъ препода-

*) Въ классическихъ мужскихъ гимназіяхъ въ каждомъ классѣ всего по два урока—число совершенно недостаточное; женскія гимназіи вѣдомства Императрицы Маріи лучше обставлены (въ каждомъ классѣ 3 урока, въ послѣднемъ выпускномъ 4).

ватель, какъ бы прекрасно ни излагалъ онъ въ классѣ характеристическія особенности той или другой эпохи, его разсказъ улетучится изъ памяти, если сообщенное имъ не будетъ подкрѣплено фактами; послѣдніе дадутъ учащимся возможность провѣрить слышанное изъ устъ преподавателя. Такой матеріалъ и должно доставить руководство. Скажутъ иные, что и факты перезабудутся; думаю, что педагогическіе пріемы и методы даютъ средства достигать противоположнаго результата. Во всякомъ случаѣ полагаю, что легче помнить факты, чѣмъ голословныя характеристики и что характеристики только тогда станутъ прочнымъ достояніемъ учащихся (а это именно и желательно), если онѣ провѣрены и сознательно усвоены ими, благодаря достаточному количеству данныхъ. Въ виду вышесказаннаго, составитель и старался включить въ учебникъ наиболѣе крупные факты, которые подтверждали бы изложенное въ предпосылаемыхъ каждой важной эпохѣ краткихъ общихъ обозрѣніяхъ. Дѣло преподавателя, если онъ находитъ, что фактовъ слишкомъ много, выбрать изъ предлагаемаго матеріала то, что онъ считаетъ наиболѣе нужнымъ.

2. При изложеніи курса среднихъ вѣковъ составитель раздѣлилъ его на четыре отдѣла, вмѣсто общепринятаго нашими руководствами дѣленія на два періода, до и послѣ крестовыхъ походовъ. Составитель находитъ, что при этнографическомъ изложеніи по двумъ большимъ отдѣламъ приходится часто упоминать о лицахъ и событіяхъ въ другихъ государствахъ, съ которыми учащіеся еще не знакомы. Вполнѣ избѣжать этого невозможно и при бо́льшемъ дробленіи на періоды, но указанный недостатокъ въ значительной степени можетъ быть устраненъ. На могущее послѣдовать возраженіе, что при принятомъ мною дѣленіи на 4 періода теряется нить въ ходѣ развитія даннаго народа или государства, отвѣчаю, что классныя повторенія прежде пройденнаго даютъ возможность пополнять этотъ пробѣлъ.

3. Въ главахъ, посвященныхъ отечественной исторіи, составитель помѣстилъ въ подлинникѣ отрывки изъ лѣтописей. Если считается полезнымъ въ классическихъ гимназіяхъ при изложеніи древней исторіи требовать отъ учениковъ, чтобы они прочитывали выдержки изъ греческихъ и римскихъ писателей, то тѣмъ болѣе позволительно желать, чтобы учащіеся познакомились съ отрывками изъ нашихъ источниковъ первой руки. Если преподаватель найдетъ для своихъ воспитанниковъ или воспитанницъ затруднительнымъ заучиваніе наизустъ лѣтописныхъ отрывковъ, то можетъ довольствоваться передачею ихъ на современомъ языкѣ съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы переводъ былъ по возможности близокъ къ оригиналу.

4. При передачѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ собственныхъ именъ составитель старался сохранить по возможности или ихъ правописаніе или произношеніе. Примѣровъ здѣсь не привожу, отмѣчу только какъ могущее болѣе броситься въ глаза, что французскія слова съ *oi* я передаю чрезъ *оа*, а не чрезъ уа (Фроассаръ, Валоа а также буржоа вмѣсто общеупотреб. Фруассаръ, Валуа, буржуа). Дѣлаю это потому, что Французъ, если и не говоритъ напр. Валоа, то во всякомъ случаѣ и не Валуа, и на языкѣ его слышится звукъ нѣчто средній между о и у, скорѣе о чрезъ которое произносящій какъ бы скользитъ.

5. Имѣя подъ рукою лучшіе учебники, а также ученые труды, составитель не считалъ непозволительнымъ иногда заимствованіе цѣликомъ удачныхъ выраженій или примѣровъ. Руководство есть компиляція, составитель въ правѣ воспользоваться трудами своихъ предшественниковъ и изысканіями ученыхъ; его вкладъ заключается собственно въ распредѣленіи матеріала и освѣщеніи его руководящею составителемъ идеею.

Нѣсколько словъ по поводу правописанія въ учебникѣ. Составитель позволилъ себѣ отступленіе отъ общепринятаго обычая употребленія прописныхъ буквъ. Онъ ставитъ строчныя буквы въ началѣ многихъ словъ, а именно: въ прилагательныхъ, которыми обозначаются названія морей, полуостововъ и пр., въ заглавныхъ словахъ сочиненій, въ наименованіяхъ учрежденій, законовъ и пр., напр. балканскій, средиземное, слово о полку игоревѣ, вислицкій статутъ, тампліеры. Во избѣжаніе недоразумѣній всѣ такія слова напечатаны въ учебникѣ курсивомъ или между вносными знаками, одни постоянно, другіе только когда упоминаются первый разъ. Прописныя буквы удержаны въ учебникѣ для именъ народовъ, какъ потому чтобы учащіяся не впадали въ ошибки, такъ и потому что жизнь народовъ составляетъ главное содержаніе исторіи. Впрочемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о народѣ, не какъ о цѣлой національности, слова печатаются курсивомъ съ строчною буквою, напр. если говорится нѣмцы въ смыслѣ рыцарей ливонскаго ордена. Строчными же буквами и курсивомъ печатаются слова, означающія названіе горожанъ или областныхъ жителей, а также прилагательныя притяжательныя, происходящія отъ собственныхъ именъ, напр. кіевляне, суздальцы, венеціане, юстиніановъ кодексъ и пр. и пр.

Кіевъ. 1884 г. 15 октября.

Введеніе.

Такъ называемые „средніе вѣка“ отдѣляются отъ древняго міра слѣдующими событіями: утвержденіемъ въ римской имперіи христіанства, какъ господствующей религіи (пол. IV в.), эпохою великаго переселенія народовъ и паденіемъ западной римской имперіи (476 г. по Р. Х.). Конечными предѣлами средневѣковой исторіи можно считать вторую половину XV ст. и между прочимъ такія событія, какъ сверженіе Русскими монгольскаго ига (1480 г.), завоеваніе Константинополя Турками (1453), изобрѣтеніе книгопечатанія (ок. 1450 г.).

Въ означенный промежутокъ времени, обнимающій слишкомъ десять вѣковъ, историческая жизнь, какъ и въ древнемъ мірѣ, сосредоточивается только въ нашемъ „старомъ свѣтѣ“, но при этомъ Азія и Африка (или древній востокъ) остаются историческими почти въ прежнихъ предѣлахъ, въ Европѣ же (западъ) поприще дѣятельности раздвигается на всю среднюю, восточную и сѣверную ея часть. Какъ въ этихъ частяхъ Европы, такъ и въ югозападной историческая роль принадлежитъ новымъ народамъ, преимущественно германскаго, германо-романскаго и славянскаго происхожденія. Германцы и Славяне заявляютъ о своемъ существованіи еще задолго до паденія древняго міра, но только начиная съ V вѣка они постепенно созидаютъ государства, судьба которыхъ составитъ главное содержаніе средневѣковой европейской исторіи. Рядомъ съ этими новыми государствами продолжаетъ

долго жить старая восточно-римская имперія или византійская. На „востокѣ“ выдвигается также новый народъ Арабы, которые распространяютъ свою власть и цивилизацію не только въ Азіи, но и въ Африкѣ и Европѣ; позднѣе выступаютъ на историческое поприще въ Азіи народы монгольскаго и тюркскаго племени и переходятъ также въ Европу.

Всѣ европейскіе народы постепенно принимаютъ христіанскую религію, многіе же азіатскіе и африканскіе—могаммеданскую. Этимъ монотеистическимъ религіямъ уступаетъ шагъ за шагомъ язычество. Оба міра—христіанско-европейскій и могаммеданскій въ Азіи и Африкѣ приходятъ въ теченіе среднихъ вѣковъ часто во враждебное столкновеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ они вліяютъ другъ на друга и въ культурномъ отношеніи.

Къ концу среднихъ вѣковъ начинаютъ вдвигаться въ историческую жизнь невѣдомыя страны Африки и „новый свѣтъ“, но это уже переходное время къ новой исторической жизни европейскихъ народовъ.

Исторію среднихъ вѣковъ различно дѣлятъ на періоды. Включивъ въ учебникъ и отечественную исторію, мы находимъ удобнымъ принять слѣдующіе четыре періода или отдѣла:

Первый періодъ: отъ эпохи великаго переселенія народовъ до образованія русскаго государства и распаденія монархіи Карла В. (отъ полов. V в. до второй пол. IX в.). Содержаніе періода—основаніе новыхъ государствъ Германцами и усвоеніе послѣдними христіанства, возникновеніе въ Азіи новой религіи ислама и ея распространеніе вмѣстѣ съ завоеваніями Арабовъ; въ концѣ этого періода въ Европѣ послѣ долгой борьбы и взаимодѣйствія старыхъ началъ съ новыми возникаетъ правильно организованная монархія Карла В., которая послѣ смерти основателя распадается.

Второй періодъ: отъ образованія русскаго государства и распавшейся монархіи Карла В. до смерти русскаго князя

Ярослава и начала борьбы германскихъ императоровъ съ папами (отъ второй полов. IX в. до половины XI стол.). Главныя явленія этого періода: начало государственной жизни у Славянъ и просвѣщеніе ихъ христіанствомъ, раздѣленіе вселенской церкви, образованіе священной римской имперіи и утвержденіе феодальнаго строя въ западной Европѣ.

Третій періодъ: отъ утвержденія въ Россіи и другихъ славянскихъ государствахъ удѣльной системы и начала борьбы духовной и свѣтской власти въ западной Европѣ до возвышенія Москвы и конца крестовыхъ походовъ (съ пол. XI вѣка до конца XIII и начала XIV в.). Этотъ періодъ характеризуется для нашего отечества господствомъ удѣльно-вѣчеваго строя и подъ конецъ завоеваніемъ Руси Монголами, для западной Европы преобладаніемъ римской церкви и полнымъ развитіемъ феодализма и рыцарства; борьбою папъ съ самыми сильными представителями свѣтской власти—германскими императорами, и крестовыми походами.

Четвертый періодъ: отъ возвышенія Москвы и упадка папской власти до объединенія сѣверовосточной Россіи Іоанномъ III съ одной стороны и торжества монархіи надъ феодализмомъ въ западной Европѣ (отъ начала XIV ст. до второй полов. XV ст.). Для русской исторіи періодъ этотъ замѣчателенъ собираніемъ земли съ одной стороны московскими князьями, съ другой литовскими, а также постепеннымъ упадкомъ удѣльно-вѣчеваго строя; то же явленіе собиранія земли характеризуетъ и исторію другихъ славянскихъ государствъ. Въ западной Европѣ въ XIV и XV вѣкахъ постепенно падаетъ папство и разлагается феодальный строй жизни, а съ другой стороны возвышается монархическая власть и пріобрѣтаютъ важное значеніе города. Кромѣ того крупнымъ событіемъ является утвержденіе турецкаго владычества на балканскомъ полуостровѣ.

Примѣчаніе. XIV и XV вѣка составляютъ переходное время отъ средневѣковой жизни къ новой исторіи. Вторая половина XV в. съ одинаковымъ удобствомъ можетъ быть отнесена какъ къ среднимъ, такъ и къ новымъ вѣкамъ. Обыкновенно принято для западной Европы включать и вторую половину XV в. въ курсъ среднихъ вѣковъ. Въ видахъ бо́льшей законченности, а равно связи событій, мы также даемъ мѣсто въ своемъ учебникѣ для западной Европы второй половины XV ст., которая для нѣкоторыхъ государствъ, напр. Франціи, Испаніи, отчасти Англіи характеризуется „эпохою торжества монархіи“. Такимъ образомъ средніе вѣка для западной Европы закончатся открытіемъ Америки (1492) и началомъ реформаціи (начало XVI в.). Что касается русской исторіи, то хотя это время у насъ ознаменовано аналогическимъ явленіемъ, именно прекращеніемъ удѣльной системы и усиленіемъ княжеской власти; но вслѣдствіе тѣсной связи княженія Іоанна III (съ 1462 года) съ послѣдующими событіями, а также потому что съ Іоанна III у насъ начинается новая эпоха, мы считаемъ болѣе умѣстнымъ отнести вторую половину XV ст. въ исторіи Россіи къ курсу новыхъ вѣковъ. По той же причинѣ, именно тѣсной связи съ новою жизнью западно-европейскихъ народовъ, мы пропускаемъ въ курсѣ среднихъ вѣковъ такія всемірно-историческія событія XIV и XV ст., какъ эпоха возрожденія, великія изобрѣтенія и открытіе новыхъ земель. Обзоръ этихъ явленій долженъ входить въ качествѣ „введенія“ въ учебникъ новой исторіи.

Задолго до начала нашей эры западную (отчасти южную), среднюю (отчасти сѣверную) и восточную Европу заселяли, размѣстившись другъ возлѣ друга по направленію отъ запада къ востоку, Кельты, Германцы, Литовцы и Славяне. Всѣ эти племена принадлежатъ къ индоевропейской семьѣ народовъ. Сѣверная и сѣверовосточная Европа занята была народами финскаго племени, которыхъ Германцы и Славяне все болѣе и болѣе оттѣснили на крайній сѣверъ и сѣверовостокъ. Когда и какъ народы индоевропейской семьи переселились изъ Азіи въ Европу, какъ они сталкивались и тѣснили другъ друга, прежде чѣмъ занять опредѣленныя мѣста, какіе народы жили раньше ихъ въ Европѣ—на эти вопросы современная наука не даетъ еще такихъ данныхъ, которыя могли бы въ качествѣ историческихъ фактовъ войти въ учебникъ исторіи.

Европейскіе народы, исторія которыхъ составляетъ главнымъ образомъ содержаніе такъ называемыхъ среднихъ вѣковъ.

1. КЕЛЬТЫ.

§ 1. Въ началѣ исторической жизни римскаго народа Кельты жили въ Галліи, на *британскихъ* островахъ, *пиринейскомъ* полуостровѣ, въ сѣверной Италіи, а также въ прильпійскихъ и придунайскихъ странахъ (Гельветы и Бойи). Они дѣлились на двѣ вѣтви—галльскую и кимрійскую, первая занимала юговосточную Галлію и сѣверозападную часть

Великобританіи, вторая остальныя части этихъ странъ и придунайскія области. При нѣкоторыхъ особенностяхъ обѣ вѣтви имѣли много общаго и сходнаго. Благодаря Юлію Цезарю и другимъ римскимъ писателямъ, мы имѣемъ болѣе точныя свѣдѣнія о Кельтахъ, населявшихъ *трансальпійскую* Галлію и обыкновенно называемыхъ общимъ именемъ Галловъ. По описанію Цезаря, все населеніе Галліи дѣлилось на *друидовъ* или жрецовъ, *всадниковъ* или благородныхъ и остальную городскую и сельскую массу; около благороднаго группировались имъ покровительствуемые (подручники),—такой общественный союзъ назывался *кланомъ*. Во главѣ многихъ клановъ находился наслѣдственный князь или король *(вергобретъ, бреннъ)*, который при содѣйствіи клано-начальниковъ и при участіи народнаго собранія завѣдывалъ общественными дѣлами, творилъ судъ и предводительствовалъ. Незадолго до Цезаря княжеское достоинство было устранено и аристократическіе роды захватили власть въ свои руки, при чемъ сельскіе жители постепенно превратились въ крѣпостныхъ; городскіе сохранили больше свободы. Нужно замѣтить, что Галлы не чуждались городской жизни, города, и даже укрѣпленные, встрѣчаются особенно на югѣ. Мелкіе народцы и государства Галліи составляли союзы, при чемъ слабѣйшіе находились въ подчиненіи у болѣе сильныхъ. Во главѣ такихъ союзовъ стояли Арверны, Эдуи, Секваны, Белги. Частая вражда ихъ между собою облегчила Цезарю завоеваніе Галліи.

Друиды пользовались большимъ уваженіемъ; они были не только хранителями религіозныхъ вѣрованій и истолкователями воли боговъ, но и судьями, врачами и народными учителями. Друиды не платили податей и не ходили на войну,—такія преимущества привлекали знатныхъ юношей въ ихъ среду; но чтобы стать друидомъ, нужно было много лѣтъ, иногда двадцать, провести въ школѣ, въ которой они

выучивали наизусть множество стиховъ. Предавать письму религіозное ученіе было запрещено, дабы оно не распространялось между непосвященными. Друиды учили о безсмертіи и переселеніи душъ, но хранили свое ученіе въ тайнѣ, народъ довольствовался религіозными обрядами, сопряженными съ заклинаніями и жертвоприношеніями; послѣднія бывали человѣческія. Разъ въ годъ друиды собирались въ опредѣленномъ мѣстѣ (близъ нын. Шартра), чтобы творить судъ по жалобамъ частныхъ лицъ и государствъ; кто не подчинялся этому суду, того постигало страшное наказаніе—лишеніе права присутствовать при богослуженіи (такое наказаніе было равносильно папской анаѳемѣ). Къ друидамъ принадлежали *барды*—пѣвцы, хранители священныхъ гимновъ и пѣсень, въ которыхъ воспѣвались подвиги предковъ. Были также и *друидессы,* предсказывавшія будущее и слывшія чародѣйками.

Римскіе писатели подмѣтили слѣдующія характеристическія особенности Галловъ: подвижность, тщеславіе и любопытство. Они любили посѣщать чужія страны; о движеніяхъ ихъ цѣлыми массами вспомнимъ нашествіе на Римъ въ 390 г. до Р. Х., опустошительное вторженіе въ Македонію и Малую Азію въ III в. Любопытство Галловъ доходило до того, что они останавливили путниковъ для разспросовъ. Цезарь изображаетъ Галловъ народомъ зажиточнымъ; они между прочимъ вели довольно оживленную торговлю.

Романизація Галловъ. Послѣ завоеванія Цезаремъ Галлы постепенно подверглись вліянію римской образованности; этому способствовало между прочимъ поселеніе многихъ Римлянъ въ странѣ, основаніе городовъ, заведеніе высшихъ школъ, а также администрація и судопроизводство на латинскомъ языкѣ. Галльскія мѣстечки превратились въ укрѣпленные города съ храмами, форумами, цирками, каковы Бурдигала, Толоза и др.; около нихъ пестрѣли виллы римскихъ и мѣстныхъ аристократовъ съ красивыми садами, фонтанами и рощами,

предназначенными для охоты. Богатые люди, добившись права римскаго гражданства и принятые въ сенаторское или всадническое сословіе, щеголяли красивою одеждою и вооруженіемъ. Правда, національныя черты не исчезли вполнѣ, что и отличало *галло-римлянина* отъ кореннаго римлянина, но клановое устройство и друидизмъ постепенно уступили мѣсто римскимъ учрежденіямъ и религіи; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ Арморикѣ (Бретани) сохранялась галльская народность съ друидами и бардами.

Сказанное о Галлахъ относится въ большей или меньшей степени и къ Кельтамъ, населявшимъ Британію; здѣсь кельтизмъ удержался очень долго въ югозападной части (нынѣшнемъ Валлисѣ). На *пиринейскомъ* полуостровѣ, покоренномъ Римлянами въ эпоху пуническихъ войнъ, Кельты смѣшались частью съ прежними жителями Иберами и образовали племя Кельтиберовъ. Внѣ сферы римскаго владычества находились Кельты Каледоніи, извѣстные подъ именемъ Пиктовъ и Скотовъ. Что касается Кельтовъ придунайскихъ и жившихъ по Рейну, то они были вытѣснены въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. Германцами.

2. ГЕРМАНЦЫ.

§ 2. Германцы, размѣстившись въ сосѣдствѣ съ Кельтами, вытѣснили послѣднихъ съ береговъ Дуная и Рейна и въ 1-мъ вѣкѣ до Р. Х. занимали все пространство отъ названныхъ рѣкъ до Вислы и морей *нѣмецкаго* и *балтійскаго*. Альпійскія страны до Дуная и лѣвый берегъ Рейна были въ то время уже подъ владычествомъ Рима. Собственно Германія, по описанію Тацита, была покрыта непроходимыми лѣсами, среди которыхъ не пролегала тропа и не всчрѣчались человѣческія жилища на протяженіи многихъ дней пути. Только у перелѣска, на берегу большихъ рѣкъ или ручьевъ

селились Германцы отдѣльными хуторами. Война, охота, рыбная ловля, скотоводство, отчасти земледѣліе составляли главныя ихъ занятія. Образъ жизни Германцевъ и ихъ нравы напоминаютъ нравы и обычаи народовъ первобытныхъ, стоящихъ на низкихъ ступеняхъ гражданственности, при чемъ мы встрѣчаемъ обычныя явленія—гостепріимство, воинственную храбрость, кровавую месть. Между прочимъ римскій историкъ Тацитъ подмѣтилъ любовь Германцевъ къ крѣпкимъ напиткамъ (пиву) и страсть къ игрѣ въ кости, доходившую до проигрыша своей свободы. Женщины пользовались большимъ уваженіемъ, римскій писатель особенно хвалитъ крѣпость брачнаго союза, освященнаго народнымъ обычаемъ; многоженство почти не встрѣчается. Задумавъ важныя предпріятія, Германцы прибѣгали къ женщинамъ-предсказательницамъ—ихъ изреченія считались внушенными богами и имъ повиновались.

Германцы дѣлились на свободныхъ и несвободныхъ. Изъ среды свободныхъ выдвигались благородные *(эделинги)*,— это были роды, предки которыхъ прославились на войнѣ или владѣли большими участками земли (или стадами). Къ несвободнымъ кромѣ рабовъ принадлежали прикрѣпленные къ землѣ или *литы*.

У Германцевъ не было сплошныхъ жилищъ, городской жизни, въ противоположность Кельтамъ, избѣгали. Жили они или отдѣльными семьями въ хуторахъ или располагались разбросанными селеніями. Дворъ эделинга или знатнаго человѣка былъ средоточіемъ разросшагося семейства (*sippschaft*), вокругъ него располагались дворы простыхъ людей свободныхъ и литовъ. Нѣсколько такихъ семействъ составляли общину или *марку*. Древне-германская община—ничто иное какъ родъ. Члены рода жили сосѣдями въ деревняхъ или отдѣльными дворами на общей землѣ, „маркѣ“, обнесенной со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, болотомъ или другою природною гра-

ницею. Союзъ многихъ марокъ назывался „гау“, представителемъ гау'а и вмѣстѣ судьею былъ избранный графъ. Всѣ свободные изо всѣхъ гау'овъ цѣлаго племени сходились въ опредѣленное время и составляли *народное собраніе;* здѣсь избирались *графы,* а въ случаѣ войны—общій предводитель или *герцогъ;* здѣсь же рѣшались всѣ важнѣйшія дѣла, какъ война, миръ, а также опоясывали мечемъ юношей и тѣмъ признавали ихъ совершеннолѣтними и способными ходить на войну; здѣсь наконецъ творили судъ по дѣламъ, влекущимъ за собою смертную казнь. Герцоги и графы избирались изъ сословія благородныхъ. У нѣкоторыхъ племенъ встрѣчается королевское достоинство; очень возможно, что герцоги, совершившіе удачные походы или завоеванія, оставались и по окончаніи войны во главѣ народа и такимъ образомъ становились *королями* или *конунгами.* Хотя достоинство короля и было наслѣдственно, но это не исключало народнаго избранія, при чемъ только не нарушалось право, пріобрѣтенное извѣстнымъ родомъ на конунгарство.

Тацитъ говоритъ, что если долго не было войны, то предпріимчивые вожди оставляли, съ согласія народнаго собранія, родину, чтобы во главѣ молодыхъ боевыхъ товарищей поискать на чужбинѣ славы и добычи. Такое военное товарищество, окружавшее вождя, называлось его *гелейтомъ* или дружиною. Отличившихся вождей могъ народъ поднять на щитъ, т. е. избрать въ короли. Графы и герцоги считали за честь имѣть большую и храбрую дружину. Такими гелейтами Германцы постепенно вторгались и утверждались въ предѣлахъ з. р. имперіи.

Германцы распадались на мелкія племена (Квады, Херуски, Герулы, Ругіи и пр.), но мало по малу они начали составлять союзы, отчасти чтобы противодѣйствовать расширенію римскаго владычества; благодаря родству, отдѣльныя племена легко сливались въ одно цѣлое, при этомъ болѣе

сильное племя получало перевѣсъ и давало имя всему союзу. Такъ образовались большія народности. Вотъ главные народы и ихъ мѣстожительство во 2-мъ и 3-мъ вѣкахъ по Р. Х.: Саксы между Рейномъ и Эльбою, къ западу отъ нихъ Франки по нижнему Рейну; по среднему и верхнему теченію этой рѣки Аллеманы; въ сосѣдствѣ съ послѣдними жили Бургунды, а по нижнему теченію Эльбы Лангобарды. Самымъ сильнымъ народомъ были Готы, подъ властью которыхъ находились многіе германскіе и славянскіе народы, впослѣдствіи освободившіеся (напр. германскіе Вандалы, Гепиды). Оставивъ прежнія жилища у *балтійскаго* моря и Вислы, они перешли въ страну Скиѳовъ (въ южные степи нынѣшней Россіи) и въ 3-мъ вѣкѣ заняли обширное пространство отъ карпатскихъ горъ и Дуная до *чернаго* моря и Дона. Днѣпръ раздѣлялъ жилища Остготовъ, управлявшихся царственнымъ родомъ Амаловъ, отъ Вестготовъ, бывшихъ подъ властью фамиліи Балдовъ. Къ Готамъ рано нашло доступъ христіанство, которое они приняли по ученію Арія: въ половинѣ IV в. епископъ Улфила перевелъ священное писаніе на готскій языкъ (при чемъ заимствовалъ азбуку отчасти изъ греческаго языка).

Религія Германцевъ. Религія Германцевъ, какъ и всѣхъ индоевропейскихъ народовъ, состояла въ обожаніи силъ и явленій природы. Храмовъ и идоловъ первоначально совсѣмъ не было; святилища боговъ находились въ лѣсахъ, подъ широколиственнымъ деревомъ стоялъ жертвенникъ, на которомъ сожигались плоды, животныя, иногда люди; въ святыню эту могъ входить только жрецъ. Главныя божества назывались *азами*, ихъ было 24,—12 мужскихъ и столько же женскихъ. Вотъ имена нѣкоторыхъ азовъ: *Вуотанъ* или *Одинъ*, богъ сраженій, *Донаръ* или *Торъ*, богъ грома, *Бальдуръ* и *Локки*, первый—богъ свѣта и правды, второй—богъ зла и коварства; *Герта*—богиня земли и плодородія, *Гольда* крот-

кая богиня домашняго хозяйства, *Фрикка*, супруга Одина, богиня любви и красоты. Кромѣ главныхъ боговъ были второстепенные, а также много духовъ и геніевъ, владѣвшихъ силою помогать или вредить людямъ. Впрочемъ, религія Германцевъ намъ мало извѣстна—миѳологія и общественный культъ получили развитіе только у той вѣтви германскаго племени, которое поселилось въ Скандинавіи (Норманны) и потѣснило на сѣверъ Финновъ. По скандинавскимъ миѳамъ небесные чертоги Одина назывались „валгаллою“—здѣсь тѣни воиновъ, павшихъ въ битвахъ, пируютъ съ богомъ, при чемъ райскія дѣвы „валькиріи“ разносятъ напитки,—послѣ пира они потѣшаются въ битвахъ или на охотѣ. Жрецы у Германцевъ не имѣли того значенія, что у Кельтовъ, гаданія и прорицанія были удѣломъ вѣщихъ женщинъ.

3. СЛАВЯНЕ.

§ 3. Славяне по переходѣ изъ Азіи въ Европу заняли часть восточной Европы между Вислой и Днѣпромъ и далѣе за Днѣпръ, а также среднее теченіе Дуная (Венгрія, Молдо-Валахія) и подкарпатскую страну (Галиція). Славяне не помнятъ о своемъ переходѣ изъ Азіи и о первоначальныхъ своихъ жилищахъ въ Европѣ, у нихъ сохранились только преданія о пребываніи въ придунайскихъ странахъ. Греческіе и римскіе писатели сообщаютъ немного свѣдѣній о Славянахъ, которые у нихъ были извѣстны подъ общимъ именемъ Венедовъ (Тацитъ): больше знаютъ о нихъ лѣтописцы V и VI вѣковъ по Р. Х., называя ихъ то Венедами или Вендами, то Антами, то Славянами, то Спорами, Сорбами (Сербы). Славяне, какъ обитавшіе въ европейской Россіи, такъ и дунайскіе и подкарпатскіе часто приходили въ столкновеніе съ другими народами и нерѣдко подпадали ихъ власти. Древнѣйшими сосѣдями первыхъ были Скиѳы, народъ, по всей вѣро-

ятности, арійскаго происхожденія, обитавшій въ южныхъ степяхъ нынѣшней Россіи. Памятниками ихъ остались *курганы* или могилы, которыми и теперь усѣяна южная полоса нашего отечества. Бытъ и нравы Скиѳовъ описаны Геродотомъ, который посѣтилъ берега *чернаго* моря, усѣянные греческими колоніями. О народахъ, жившихъ къ сѣверу отъ Скиѳовъ, древніе писатели сообщаютъ баснословные разсказы, напр. о Неврахъ, Андрофагахъ (Людоѣдахъ), Меланхленахъ (Черныхъ Плащахъ),—возможно, что то были народы частью славянскаго племени (какъ можетъ быть и Скиѳы), частью оттѣсненные Славянами къ сѣверу и востоку народы финскаго племени. Въ III в. по Р. Х., какъ мы уже знаемъ, на всемъ пространствѣ отъ Дуная и Карпатъ до *чернаго* моря и даже Дона господствовали Готы и имъ подвластны были нѣкоторые славянскіе народы.

Славяне селились по берегамъ рѣкъ и озеръ отдѣльными родами—семействами, какъ о томъ свидѣтельствуетъ нашъ начальный лѣтописецъ: *„и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мьстьхъ, каждо владѣюще родомъ своимъ“*. Родъ—разросшаяся семья—сообща владѣлъ землею и управлялся родоначальникомъ или старѣйшимъ, что, впрочемъ, не лишало членовъ рода права поставить надъ собою старѣйшимъ младшаго, но болѣе способнаго родича. Разростался родъ—изъ него выдѣлялись родичи, селились отдѣльно и основывали новый родъ. Нѣсколько сосѣднихъ родовъ-общинъ иногда даже и не родственныхъ составляли болѣе обширный общественный союзъ, который назывался у нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ *жупою*, у насъ, быть можетъ, *волостью*. Старшины всѣхъ родовъ жупы или волости сходились на народную сходку или *вѣче* для рѣшенія важныхъ дѣлъ и выбора общаго главы—предводителя, который у разныхъ Славянъ различно назывался *жупаномъ*, *княземъ*, *владыкою*. Мы встрѣчаемъ также племенныя народныя вѣча,

т. е. народныя собранія цѣлаго племени, встрѣчаемъ и племенныхъ князей; но мы не знаемъ, какъ произошла эта княжеская власть. Достигнуть княжескаго достоинства въ цѣломъ племени могли особо прославившіеся роды; ему также могли положить начало вожди, переведшіе племя съ одного мѣста жительства на другое, или же чужеземная дружина. Впрочемъ, такая центральная власть встрѣчается скорѣе какъ исключеніе. Очень рано, еще въ эпоху, предшествовавшую основанію государствъ, у Славянъ были города—такъ назывались огороженныя поселенія, куда, какъ въ болѣе безопасныя мѣста, окрестные жители укрывались съ своимъ имуществомъ въ случаѣ непріятельскаго вторженія. Городъ могъ быть мѣстопребываніемъ одного или нѣсколькихъ родовъ: изъ него, какъ изъ центра, выселялись вѣтви разроставшагося рода, и въ такомъ случаѣ городъ становился средоточіемъ, къ которому тянула окрестная земля.

Иностранные писатели представляютъ Славянъ народомъ миролюбивымъ, осѣдлымъ, земледѣльческимъ. Правда, они не строили прочныхъ жилищъ и легко ихъ покидали при непріятельскомъ нашествіи; что они часто таковыя испытывали, о томъ свидѣтельствуетъ обычай зарывать кладъ въ землю. Кромѣ земледѣлія, Славяне занимались скотоводствомъ, пчеловодствомъ; рѣки и лѣса побуждали къ рыбной ловлѣ и охотѣ. Занятіе земледѣліемъ обусловливало мягкіе нравы и, дѣйствительно, они отличались обычнымъ въ первоначальномъ быту гостепріимствомъ, дозволявшимъ даже украсть у сосѣда, чтобы угостить чужеземца, и почтеніемъ съ родителямъ; мягкость эта выражалась и въ обращеніи съ рабами, которые по истеченіи извѣстнаго времени получали свободу и могли возвратиться домой или остаться среди Славянъ въ качествѣ вольныхъ людей. Дѣвушки пользовались свободою, но женщины были въ подчиненіи и исполняли домашнія работы. Существовало многожество и обычай, чтобы одна изъ

женъ обрекала себя на сожженіе по смерти мужа. Встрѣчаемъ похищеніе или „умыканіе“ невѣстъ—обычай, и до сихъ поръ сохранившійся въ свадебныхъ обрядахъ въ иныхъ мѣстахъ у простаго народа. Начальный русскій лѣтописецъ-монахъ возмущается этимъ, но обычай легко объяснить тѣмъ, что родъ неохотно разставался съ дѣвушкою—будущею работницею; какъ бы въ вознагражденіе онъ требовалъ за дѣвушку, уходящую въ другой родъ, выкупъ или *вьно*. Надъ умершими совершали *тризну*, т. е. поминки, соединенныя съ пьянымъ пиромъ и царапаньемъ лица въ знакъ печали. Тѣло покойника сожигали и пепелъ собирали въ сосудъ, который ставили на придорожныхъ столбахъ; былъ и обычай погребенія въ могилахъ и насыпыванія кургановъ. Обычай кровавой мести былъ, какъ и у Германцевъ, охраной личности. При всемъ миролюбіи Славяне мужественно отстаивали свободу; они сражались обыкновенно пѣшіе безъ оборонительнаго оружія, употребляя копья, луки и стрѣлы, иногда пропитанныя ядомъ.

Языческая религія Славянъ. Религія Славянъ сходна съ религіею всѣхъ арійскихъ народовъ и состояла въ поклоненіи силамъ и явленіямъ природы. Миѳологія и культъ боговъ также бѣдны, какъ и у Германцевъ. Вотъ немногія свѣдѣнія о богахъ и языческихъ празднествахъ главнымъ образомъ у русскихъ Славянъ. Верховный богъ грома и молніи, ниспосылавшій благодатный дождь, у русскихъ Славянъ назывался *Перуномъ*. Солнцу поклонялись подъ разными именами, каковы: *Хорсъ*, *Дажбогъ*, *Волосъ;* послѣдній считался также скотьимъ богомъ, т. е. покровителемъ стадъ (у другихъ Славянъ солнцу поклонялись подъ именемъ *Святовита*, *Радегаста* и пр.). Встрѣчается еще богъ *Сварогъ* (богъ неба), *Стрибогъ*, богъ вѣтровъ. Празднества въ честь этихъ стихійныхъ боговъ и главнымъ образомъ солнца совпадали съ началами временъ года—весны, лѣта, зимы. Остатки

этихъ празднествъ и до сихъ поръ сохраняются въ народѣ въ разныхъ повѣрьяхъ и играхъ; послѣднія примкнули къ праздникамъ христіанской церкви. Таковы: праздникъ *коляды* въ наши рождественскія святки, праздникъ *купалы* или *Ярилы* въ Ивановъ день (24 іюня), сопровождающійся прыганьемъ черезъ горящіе костры, собираніемъ цѣлебныхъ травъ; трава, собираемая въ ночь на Ивана Купалы, считается особенно цѣлебною, потому что она выросла во время сильнаго дѣйствія солнечныхъ лучей. Праздникъ встрѣчи весны и проводовъ зимы перенесенъ на нашу масляницу; проводы зимы напоминаютъ о мертвыхъ, отсюда масляница есть время поминокъ, что выражается блинами—поминальнымъ кушаньемъ. Самую смерть Славяне олицетворяли въ образѣ женщины подъ именемъ *Мары* или *Марены* и чучелу ея сожигали, встрѣчая веселыми играми весну. Высшими женскими божествами у нѣкоторыхъ Славянъ были: *Жива*, богиня плодородія, *Лада*—молодости и красоты. Кромѣ главныхъ боговъ были второстепенные: боги домашняго очага и разныя существа, которыми народная фантазія населяла моря, рѣки и пр.; таковы напр. *лѣшіе*, *водяные*, *русалки;* они и теперь живутъ въ народномъ повѣрьи, напр. русалками считаютъ дѣтей, умершихъ до крещенія, и представляютъ ихъ себѣ живущими въ глубинѣ рѣкъ и озеръ. Сербскія *вилы*, нимфы горъ, соотвѣтствуютъ нашимъ русалкамъ. Существовало также поклоненіе умершимъ предкамъ, ихъ чтили подъ именемъ „рода“, „рожаницы“, „чура“. Славяне имѣли смутное понятіе о загробной жизни; она представлялась имъ продолженіемъ земной, отсюда обычай при погребеніи знатнаго покойника сожигать одну изъ его женъ и погребать вмѣстѣ съ нимъ рабовъ, чтобы было кому ему прислуживать. Существовало и повѣрье, что душа по смерти блуждаетъ около своего земнаго жилья.

О храмахъ и особомъ классѣ жрецовъ у Славянъ не упоминаютъ ни западные лѣтописцы, ни наша начальная лѣ-

18590

топись. Жертвы приносились князьями или родоначальниками на холмѣ у рѣки, или подъ дубомъ; бывали и человѣческія жертвы. Встрѣчаются и человѣкообразные идолы боговъ, напр. въ Кіевѣ былъ идолъ Перуна съ серебряною головою и золотыми усами; упоминаемые въ нашей лѣтописи *волхвы*, *кудесники*, считались чѣмъ то въ родѣ предсказателей, людей близкихъ къ богамъ; они, вѣроятно, перешли къ Русскимъ отъ Финновъ, отличавшихся наклонностью къ волшебству.

Какъ между Германцами скандинавская вѣтвь, такъ и между Славянами прибалтійскіе составляютъ исключеніе относительно языческой религіи. У нихъ встрѣчаемъ довольно развитый культъ съ храмами и жрецами. Напр. въ городѣ Арконѣ, на островѣ Рюгенѣ, гдѣ жило племя *Ранове*, былъ богато украшенный храмъ ихъ бога *Святовита*. Въ храмѣ стоялъ колоссальный идолъ бога съ четырьмя головами, при святилищѣ находился священный бѣлый конь, которымъ жрецы гадали, когда народъ задумывалъ походъ. Ежегодно, послѣ уборки хлѣба происходило большое празднество въ честь бога, и тогда къ арконскому храму стекались всѣ жители острова. Жрецъ торжественно наполнялъ свѣжимъ виномъ рогъ, который идолъ держалъ въ одной рукѣ въ знакъ того, что Святовитъ даруетъ изобиліе земнымъ плодамъ.

(О Литовцахъ см. §§ 98 и 99).

18590

Лен. Гос

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ.

Отъ эпохи великаго переселенія народовъ до начала русскаго государства и распаденія монархіи Карла В.

I. Эпоха великаго переселенія народовъ и паденія з. р. имперіи; основаніе новыхъ государствъ.

§ 4. **Гунны, начало великаго переселенія; государства, основанныя Германцами.** Съ конца IV в. германскіе народы пришли въ необыкновенное движеніе; тѣснимые одни другими, они оставляли свое мѣстопребываніе и пускались странствовать; въ этихъ поискахъ новыхъ мѣстъ осѣдлости, они опрокидывались на своихъ соплеменниковъ, тѣ въ свою очередь увлекались потокомъ и увлекали другихъ; наконецъ всѣ стали вторгаться массами въ предѣлы з. р. имперіи. Сначала они ограничивались грабежемъ, затѣмъ селились въ предѣлахъ римскаго государства и въ заключеніи, захвативъ ту или другую провинцію, основывали новыя государства. Такъ произошла эпоха „великаго переселенія народовъ“; начавшись въ концѣ IV в., она обнимаетъ весь V-й и половину VI-го вѣка и отдѣльными эпизодами продолжается и въ послѣдующія времена. Первый толчокъ такому передвиженію данъ былъ народомъ, извѣстнымъ подъ именемъ Гунновъ и издавна кочевавшимъ въ прикаспійскихъ степяхъ. Гунновъ причисляютъ обыкновенно къ монгольскому поколѣнію, но въ составъ гунскихъ полчищъ, набросившихся на славяно-гер-

манскій міръ, входили и народы арійскаго корня, въ томъ числѣ и Славяне. Это легко объясняется тѣмъ, что кочевники въ своемъ наступательномъ движеніи покоряли и присоединяли къ себѣ многіе народы. Гунны совершали свои походы на малорослыхъ коняхъ, а жены и дѣти подвигались въ кибиткахъ. Съ перваго же появленія Гунны навели ужасъ на европейскіе народы какъ внѣшнимъ видомъ (малаго роста, безбородые, неопрятные), такъ и своими обычаями, напр. быстротою нападенія при оглушительномъ крикѣ. Перешагнувъ Волгу, они покорили Аланъ, жившихъ между этой рѣкой и Дономъ (ок. 375 г.). Вслѣдъ за Аланами Гунны опрокинулись на Готовъ. Остготы не выдержали натиска и покорились. Вестготы же перешли Дунай и съ согласія императора Валента поселились въ Мезіи, на *балканскомъ* полуостровѣ. Подобно Остготамъ, Лангобарды, Гепиды и др. стали данниками Гунновъ, которые, все подвигаясь къ западу, расположились своими кочевьями въ Паннонiи (нын. Венгріи).

Переходомъ чрезъ Дунай Вестготы открыли эпоху великаго переселенія. Поселившись въ Мезіи въ числѣ 200 тысячъ человѣкъ, они не ужились съ туземцами; притѣсняемые римскими чиновниками, которые изъ корыстолюбія продавали имъ по дорогой цѣнѣ хлѣбъ и пр., Вестготы взялись за оружіе и подъ предводительствомъ избраннаго герцога страшно опустошили Ѳракію. Преемникъ Валента, павшаго въ сраженіи съ ними, Ѳеодосій окончилъ готскую войну больше переговорами и предоставилъ Готамъ для жительства Ѳракію и Мезію, при чемъ многихъ принялъ въ военную службу. Этотъ Ѳеодосій предъ смертью окончательно раздѣлилъ римскую имперію между сыновьями: Аркадіемъ и Гоноріемъ, въ 395 г.—первому далъ восточную половину, а второму западную. Зап. р. имперія просуществовала 81 годъ, медленно умирая среди страшныхъ потрясеній отъ Германцевъ и Гун-

новъ. Вотъ краткій очеркъ прозябанія зап. римской имперіи въ связи съ образованіемъ въ ея предѣлахъ новыхъ государствъ.

Въ царствованіе Генорія управленіе и предводительство войскомъ находились въ рукахъ *вандала* Стилихона. Появленіе *германца* во главѣ государства не должно насъ удивлять—въ то время отважные германскіе предводители со своими гелейтами селились въ римской имперіи, принимались на службу и жалованье и нерѣдко достигали, какъ мы это видимъ на примѣрѣ Стилихона, высокаго положенія. Время Стилихона ознаменовано неоднократными нашествіями варваровъ на Италію и провинціи. Вестготы, наскучивъ мирною осѣдлою жизнью, подняли на щиты, т. е. избрали въ короли Алариха изъ знатнаго рода Балдовъ и опустошительно прошли Македонію и Грецію, всюду истребляя памятники древней образованности; вслѣдъ за тѣмъ, пожалованный византійскимъ императоромъ въ званіе намѣстника Иллиріи, Аларихъ вторгся въ сѣв. Италію, но, пораженный въ двухъ битвахъ Стилихономъ, вернулся назадъ (около 403 г.). Не успѣли отхлынуть одни варвары, какъ огромныя толпы Бургундовъ, Свевовъ, Аланъ и Вандаловъ, предводимыя герцогомъ Радагайсомъ вторглись въ Италію, все попирая на своемъ пути; но и они недалеко отъ Флоренціи были разбиты Стилихономъ. Многіе погибли отъ меча и болѣзней, остальная масса, усиленная новыми полчищами единоплеменниковъ, наводнила трансальпійскую Галлію, при чемъ пострадали города по Рейну и истреблено было много народа внутри страны; та же судьба постигла и *пиринейскій* полуостровъ. Послѣ двухлѣтнихъ грабежей Свевы и Аланы поселились въ западной части *пиринейскаго* полуострова, Вандалы на югѣ—по Гвадалквивиру—въ странѣ, которая отъ нихъ получила названіе Андалузіи (Вандалузія); Бургунды же заняли западную Швейцарію и юговосточную Галлію (земли по Ронѣ и верхнему Рейну)

и основали здѣсь *бургундское* королевство (около 410 г.). Между тѣмъ защитникъ Италіи Стилихонъ былъ казненъ по проискамъ своихъ завистниковъ. Этимъ воспользовался Аларихъ и двукратно съ своими Готами ходилъ въ Италію; въ послѣдній разъ онъ взялъ Римъ въ 410 г. и предалъ его трехдневному грабежу, пощажены были одни христіанскіе храмы. Во время похода въ южную Италію Аларихъ умеръ; его преемникъ, съ согласія Гонорія и въ качествѣ римскаго полководца, повелъ Вестготовъ въ Галлію: здѣсь-то, именно въ Аквитаніи, и положено было начало *вестготскому* королевству, которое захватило и сѣверную часть *пиринейскаго* полуострова и простиралось отъ Гаронны до Эбро. Нѣсколько позднѣе весь *пиринейскій* полуостровъ вошелъ въ составъ вестготскаго государства, послѣ того какъ Вандалы и Аланы около 430 г. переселились въ Африку; Вандалы покорили провинцію „Африку“ и основали государство съ главнымъ городомъ Карѳагеномъ; острова *средиземнаго* моря—Сицилія и Сардинія подпали также владычеству Вандаловъ, которые скоро навели своими морскими набѣгами ужасъ на Италію. Вандалы и Бургунды во время своихъ передвиженій просвѣтились христіанствомъ по ученію Арія.

Въ то время какъ въ южной Галліи утверждаются Вестготы и Бургунды, сѣверная дѣлается добычею Франковъ, которые сначала отдѣльными дружинами, а потомъ цѣлыми массами наводняютъ всю страну между Рейномъ и Соммою. Вскорѣ и Британія, предоставленная самой себѣ, благодаря отозванію римскихъ войскъ на югъ, завоевана была Германцами. Бритты, тѣснимые Пиктами и Скотами, пригласили на помощь дружины Саксовъ, славившихся морскими разбоями. Саксы и ихъ соплеменники Англы массами покидали мѣстожительство у низовьевъ Эльбы и поступали на службу къ британскимъ князьямъ. Первое значительное переселеніе Англосаксовъ въ Британію относится къ половинѣ V стол.—

за первыми дружинами подъ начальствомъ Генгиста и Горсы послѣдовали другія. Отразивъ Пиктовъ и Скотовъ, Англо-саксы обратили оружіе на своихъ союзниковъ и постепенно, послѣ полуторовѣковой борьбы, завоевали бо́льшую часть страны, которая получила теперь названіе Англіи, и основали семь англосаксонскихъ государствъ (*Кентъ, Эссексъ, Суссексъ, Вессексъ, Останглія, Мерція, Нортомберландъ*). Туземное населеніе было частью истреблено, частью спаслось бѣгствомъ въ Арморику (отсюда назв. Бретань отъ Бриттовъ). Христіанство исчезло въ Британіи, а также и города, основанные Римлянами. Бритты сохранили независимость только въ Валлисѣ; отсюда они вели упорную войну съ порабо́тителями и героемъ борьбы считается король Артуръ; разсказы о его подвигахъ долго жили въ устахъ народа и впослѣдствіи доставили богатое содержаніе романтическому эпосу.

§ 5. **Аттила, паденіе з. р. имперіи.** Изъ предъидущаго очерка мы знаемъ, что около половины V в. всѣ провинціи з. р. имперіи были уже заняты германскими народами, образовавшими на развалинахъ древняго міра новыя государства. Римскую имперію составляли только Италія и средняя Галлія между Соммою и Лоарою. Прежде чѣмъ пасть подъ ударами Германцевъ, эти обломки прежняго величія подверглись еще опустошительному нашествію Гунновъ. Среди послѣднихъ въ половинѣ V в. явился замѣчательный человѣкъ Аттила, который соединилъ всѣхъ Гунновъ, подчинявшихся отдѣльнымъ вождямъ, и съ умомъ повелѣвалъ подвластными народами. Прозвавшись „бичемъ божіимъ“, предъ которымъ долженъ трепетать весь міръ, онъ хотѣлъ, чтобы обѣ имперіи почувствовали справедливость такого названія. Но, встрѣтивъ мужественный отпоръ со стороны Маркіана, втораго преемника Аркадія, Аттила ограничился западною имперіею. Съ береговъ Тейса, гдѣ раскинута была его деревянная столица, онъ двинулся къ Рейну, увлекая по пути всѣ германскіе народы.

Послѣ разоренія того, что еще осталось отъ римскихъ городовъ на Рейнѣ, Аттила прошелъ въ среднюю Галлію, все ниспровергая до самаго Орлеана. Римскій полководецъ Аэцій, въ союзѣ съ Бургундами, Вестготами и Франками, заставилъ Аттилу отступить отъ этого города и сразился съ нимъ на *Каталаунскомъ* полѣ (близъ Шалона). Эта битва „народовъ“ (451 г.) была проиграна гунскимъ царемъ, до 162 тысячъ легло съ обѣихъ сторонъ, и Аттила возвратился въ Паннонію. Въ слѣдующемъ году онъ повелъ свои полчища въ Италію, разграбилъ многіе города и уже приблизился къ Риму. Но недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и распространившіяся болѣзни въ войскѣ заставили его повернуть назадъ, послѣ того какъ римское посольство съ епископомъ Львомъ I во главѣ поднесло ему богатые подарки. Въ 453 г. Аттила умеръ, ставъ жертвою кровавой мести своей жены; царство его распалось, покоренные народы освободились, а сами Гунны ушли на востокъ и скоро имя ихъ исчезло—они смѣшались съ другими народами.

Во время гунскаго погрома римскимъ императоромъ былъ Валентиніанъ III. Онъ палъ отъ руки сенатора Петронія, который провозгласилъ себя императоромъ. Вдова Валентиніана употребила орудіемъ мести противъ похитителя престола Вандаловъ. Приглашенный ею король Вандаловъ Гейзерихъ овладѣлъ Римомъ и подвергъ его двухнедѣльному грабежу, при чемъ многіе памятники искусства были страшно изуродованы (вандализмъ). По удаленіи Вандаловъ, погромившихъ и другіе города Италіи, *свевъ* Рицимеръ, предводитель римскихъ и наемныхъ войскъ, пятнадцать лѣтъ располагалъ престоломъ, сажая и низвергая одного императора за другимъ. Вскорѣ по смерти Рицимера, полководецъ Орестъ возвелъ на престолъ сына своего Ромула Августула; въ это время Германцы, наводнявшіе Италію, потребовали третьей части страны; получивъ отказъ, они провозгласили своимъ предводителемъ

герула Одоакра. Одоакръ убилъ Ореста, низложилъ Ромула и самъ назвался королемъ германскихъ народовъ въ Италіи или королемъ италіанскимъ. Событіе это случилось въ 476 г. и называется „паденіемъ з. р. имперіи“. Десять лѣтъ спустя Галлія между Соммою и Лоарою завоевана была Франками.

§ 6. **Разселеніе Славянъ.** Эпоха „великаго переселенія“ была и для Славянъ временемъ передвиженія и пріобрѣтенія новыхъ мѣстъ осѣдлости. Славяне, обитавшіе на лѣвомъ берегу Дуная, переходятъ на правый; сначала небольшими, толпами, а потомъ цѣлыми массами они въ V и VI вѣкахъ вторгаются на *балканскій* полуостровъ; подобно Германцамъ, они сперва грабятъ, опустошаютъ, нерѣдко угрожаютъ столицѣ восточной имперіи, а затѣмъ остаются на постоянное жительство. Такъ они заняли Мезію (нын. Болгарію), Ѳракію и постепенно распространились на югъ до *эгейскаго* моря и на западъ — до *адріатическаго*; въ Македоніи и Греціи они смѣшиваются съ мѣстнымъ населеніемъ и обновляютъ выродившееся эллинское племя.

Полуторовѣковой напоръ Славянъ на византійскую имперію (восточно-римскую) происходилъ частью отъ того, что они сами были тѣснимы или Германцами и соплеменниками или кочевниками финно-тюркскаго и финно-монгольскаго племени. Таковы были Болгары — восточно-славянское племя, перекочевавшее изъ южной Россіи къ берегамъ Дуная, и Авары или, какъ ихъ называли Славяне, Обры, финно-монгольскаго происхожденія. Послѣдніе двинулись изъ приуральскихъ странъ и заняли своими кочевьями въ VI в. все пространство отъ Дона до Дуная и, потѣснивъ Болгаръ, жестоко угнетали Славянъ въ нынѣшней южной и югозападной Россіи. Въ дальнѣйшемъ движеніи на западъ Авары пришли въ равнины Венгріи и здѣсь тоже налегли на Славянъ придунайскихъ. Въ концѣ VI вѣка переселеніе Славянъ изъ-за Дуная на *балканскій* полуостровъ пріостановилось; хотя зна-

чительная часть страны уже занята была Славянами, но они не разгромили въ конецъ восточно-римской имперіи, какъ это сдѣлали съ западною Германцы. Но въ началѣ слѣдующаго VII в. произошелъ новый приливъ Славянъ на *Балканскій* полуостровъ и на сей разъ изъ страны прикарпатской (Галиціи), гдѣ издавна жили Хорваты и Сербы. Хорваты, призванные византійскимъ дворомъ противъ Аваровъ, пришли въ Далмацію, какъ гласитъ сказаніе, подъ начальствомъ пяти братьевъ и, частью истребивъ, частью покоривъ утвердившихся здѣсь Аваровъ, сами завладѣли Далмаціею и Славоніею. За Хорватами двинулись ихъ сосѣди и соплеменники Сербы и поселились въ нынѣшней Сербіи, Босніи, Герцоговинѣ, Черногоріи и по берегу Адріатики отъ Цетиньи до *скутарійскаго* озера. Оба эти народа тотчасъ по приходѣ на новыя жилища устроились государствами.

Кромѣ переселенія на югъ, Славяне придунайскіе и подкарпатскіе переселялись на сѣверъ до самого *балтійскаго* моря и сѣверовостокъ въ нынѣшнюю Россію, въ которой издревле обитали ихъ соплеменники (время намъ точно неизвѣстно, вѣроятно, это было въ VI и VII стол.).

Когда поредвиженіе улеглось, жилища Славянъ простирались отъ Эльбы и *балтійскаго* моря до нижняго теченія Днѣпра и *чернаго* моря и отъ Архипелага и *адріатическаго* моря до верховьевъ Оки и Волги. Въ означенномъ пространствѣ большею частью и до сихъ поръ живутъ Славяне, или сплошными массами или перемѣшанные съ другими народами; въ иныхъ мѣстахъ они уже онѣмечены, но за то въ восточной Европѣ они далеко перешагнули за указанные предѣлы на сѣверъ и востокъ и затѣмъ чрезъ *уральскія* и *кавказскія* горы проникли въ Азію. Вотъ главные славянскіе народы и ихъ мѣстожительство: Русскіе въ восточной Европѣ, Поляки между Одеромъ и Вислою, Славяне полабскіе (Лаба славянское имя Эльбы) между Эльбою и Одеромъ (въ нынѣшнихъ

Голштиніи, Мекленбургѣ, Помераніи, Бранденбургѣ и Саксоніи), Чехи въ Богеміи, Моравы въ Моравіи и сѣверо-запад. Венгріи (это Словаки, сохраняющіе и понынѣ свою народность), Болгары въ Болгаріи и Македоніи, Сербы, кромѣ выше названныхъ мѣстъ, въ югозапад. Венгріи, Хорваты и Хорутаны въ Славоніи, Далмаціи, а также въ Штиріи, Каринтіи и Крайнѣ.

II. Государства остготское, лангобардское, франкское; распространеніе христіанства между Германцами и начало свѣтской власти папъ.

§ 7. **Теодорихъ остготскій и Лангобарды.** Одоакръ, управлявшій Италіею въ качествѣ короля 13 лѣтъ, долженъ былъ уступить ее Теодориху В. остготскому. Остготы, послѣ паденія гунскаго царства, поселились въ Мезіи и Паннониі. Отсюда въ числѣ 200 тыс. ратниковъ, съ женами и дѣтьми, они подъ предводительствомъ короля Теодориха двинулись въ Италію и въ короткое время завладѣли ею. Теодорихъ В. (493—525) мудро управлялъ основаннымъ имъ остготскимъ королевствомъ; онъ не измѣнилъ древнеримскаго государственнаго устройства и заботился о благосостояніи и правосудіи, не дѣлая различія между Готами и Римлянами; предоставивъ туземному населенію занятія промыслами, торговлею, а также гражданскія должности, онъ требовалъ отъ своихъ Готовъ, чтобы они не покидали оружія. Но такая обособленность Готовъ, какъ военнаго сословія, и въ связи съ этимъ религіозная рознь, не смотря на вѣротерпимость короля (Готы были аріане, а Римляне католики), препятствовала сліянію побѣдителей съ побѣжденными, а это сдѣлалось причиною непрочности остготскаго государства. Всѣ старанія короля

сплотить обѣ народности не имѣли успѣха, — вотъ почему государство и держалось только, пока живъ былъ Теодорихъ. Не стало короля—и вражда туземнаго населенія къ побѣдителямъ-еретикамъ, дотолѣ сдерживаемая, проявилась наружу; многіе обратили свои взоры къ Византіи, государь которой считался наслѣдникомъ несуществовавшей уже з. р. имперіи. Въ то время византійскимъ императоромъ былъ Юстиніанъ; онъ воспользовался смутами, наступившими въ остготскомъ королевствѣ, и послалъ въ Италію своего знаменитаго полководца Велизарія, который только что окончилъ завоеваніе вандальскаго государства (послѣднее просуществовало около 100 лѣтъ и подобно остготскому страдало отъ религіозныхъ распрей). Велизарій и смѣнившій его Нарзесъ послѣ 20-лѣтней упорной войны покорили остготское королевство (554 г.); Италія сдѣлалась провинціею византійской имперіи и Нарзесъ въ качествѣ *экзарха*, т. е. императорскаго намѣстника, сталъ управлять ею изъ города Равенны. Во время войны Франки и Бургунды, призываемые Готами, безнаказано грабили Италію. Подъ владычествомъ Византіи, довольно тяжелымъ, Италія не долго отдыхала отъ ужасовъ войны. Богатая природа страны и благорастворенный климатъ привлекли новыхъ завоевателей —Лангобардовъ, уже знакомыхъ съ Италіею, такъ какъ они служили наемниками у Нарзеса въ готской войнѣ. Оставивъ сѣверную Германію, Лангобарды въ эпоху переселенія народовъ долго странствовали, между прочимъ съ полчищами Аттилы, и наконецъ остановились въ Паннонiи. Здѣсь они при помощи Аваровъ истребили своихъ сосѣдей Гепидовъ (тоже Германцевъ) и отсюда же подъ предводительствомъ Албоина перешли Альпы и завоевали долину рѣки По, которая отъ нихъ получила названіе Ломбардіи (568 г.). Павія, взятая послѣ трехлѣтней осады, сдѣлалась столицею лангобардскаго королевства, которое, по смерти Албоина, распространялось постепенно по срединѣ *апенинскаго* полуострова. Но всей

Италіи Лангобарды не смогли завоевать; значительная часть страны осталась въ рукахъ Грековъ, именно: бо́льшая часть южной Италіи, городъ Римъ и нынѣшняя Романья, береговая полоса по *адріатическому* морю, а также Венеція и Генуа. Правда, преемники Албоина продолжали войну и владѣнія *экзархата* мало по малу съуживались.

Владычество Лангобардовъ въ началѣ было очень сурово для туземнаго населенія, но мало по малу установились лучшія отношенія и Италія стала отдыхать отъ прежнихъ потрясеній. Германцы, попеременно владѣвшіе Италіей, Герулы, Остготы, Лангобарды отнимали у туземцевъ третью часть земли (или что все равно требовали одной трети доходовъ съ земли); но если Готы все время оставались въ странѣ военнымъ сословіемъ, то Лангобарды, сначала также не разстававшіеся съ оружіемъ, полюбили и мирныя занятія. Они предались земледѣлію, отчасти ремесламъ и торговлѣ, съ другой стороны Италіанцы пріобыкли опять къ военному дѣлу; въ духовномъ же отношеніи побѣдители подчинились побѣжденнымъ и перенимали у нихъ языкъ и обычаи. Такъ подготовлялось смѣщеніе однихъ съ другими и образованіе италіанской національности, и позорное названіе „римлянинъ“, данное побѣжденнымъ, вышло изъ употребленія. Сближенію и сплоченію двухъ народностей много помогъ переходъ Лангобардовъ-аріанъ въ *православіе (католичество);* для такого перехода совмѣстно поработали папа Григорій I и находившаяся въ дружественной перепискѣ съ нимъ лангобардская королева Теоделинда (въ концѣ VI вѣка). Послѣдняя, урожденная принцесса баварская, была женою двухъ королей лангобардскихъ, царствовавшихъ одинъ послѣ другаго; она склонила втораго мужа — короля Агилульфа къ *католичеству;* примѣру короля послѣдовали многіе подданные.

§ 8. **Начало возвышенія папской власти, Григорій В. и крещеніе Англосаксовъ.** Когда въ христіанской церкви ус-

тановилась іерархія, то первенствующее положеніе заняли епископы главныхъ городовъ—Рима, Константинополя, Іерусалима и др. Вслѣдствіе особо благопріятныхъ обстоятельствъ, епископъ римскій возвысился постепенно до значенія верховнаго духовнаго главы въ западной Европѣ. Обстоятельства были слѣдующія: 1, значеніе города Рима какъ столицы древняго міра; когда з. р. имперія расхищена была варварами, язычниками или аріанами, Римъ остался на западѣ средоточіемъ православнаго христіанства; 2, римскіе епископы или патріархи считали себя прямыми преемниками апостола Петра, положившаго основаніе римской церкви; 3, личность нѣкоторыхъ епископовъ, игравшихъ роль политическую, напр. Левъ I велъ переговоры съ Аттилою; 4, распространеніе изъ Рима христіанства среди язычниковъ и также переходъ при содѣйствіи папъ въ католичество аріанъ. Для возвышенія папства много сдѣлалъ избранный единогласно духовенствомъ и народомъ въ папы Григорій I В. изъ знатной римской фамиліи (590—604). Строгій къ себѣ и другимъ въ церковныхъ дѣлахъ, щедрый до расточительности къ бѣднымъ, Григорій В. поставилъ себѣ задачею сдѣлать епископа римскаго верховнымъ судьею въ церкви, церковь же и папство независимыми отъ свѣтской власти; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался распространить христову церковь и установить въ ней единство. Правда, Григорій не достигъ вполнѣ предположенной цѣли, но намѣтилъ путь своимъ преемникамъ. Въ его время Римъ принадлежалъ Византіи и римскій епископъ зависѣлъ отъ императора; но, не получая отъ послѣдняго поддержки, папа собственными средствами сдерживалъ Лангобардовъ, угрожавшихъ Риму, и такимъ образомъ являлся представителемъ власти, вселяя къ себѣ уваженіе какъ въ Равеннѣ у экзарха, такъ и въ Павіи у короля. Еще успѣшнѣе выполнилъ Григорій вторую задачу. Епископы Италіи признали Григорія главою церкви, подобно Лангобардамъ Вестготы въ

Испаніи стали переходить въ католичество; архіепископъ севильскій испросилъ у Григорія *палліумъ* (часть святительской одежды), въ качествѣ *примаса* (т. е. перваго). Миссіонеры, посланные Григоріемъ, насадили христіанство въ Британіи.

Пораженный миловидностью продававшихся на рынкѣ въ Римѣ мальчиковъ изъ племени Англовъ, Григорій хотѣлъ самъ идти въ Британію проповѣдывать христіанство, но, избранный въ папы, послалъ туда миссію съ монахомъ Августиномъ во главѣ. Послѣдній обратилъ кентскаго короля при содѣйствіи его жены христіанки, франкской принцессы, и, возведенный папою въ санъ архіепископа примаса, утвердилъ свое пребываніе въ Кантерберп. Крещеніе народа, истребившаго вмѣстѣ съ кельтизмомъ и христіанство, шло успѣшно. И въ другихъ англосаксонскихъ государствахъ короли и народъ преклонились предъ евангельскимъ ученіемъ, такъ что понадобилось учрежденіе второй архіепископской каѳедры въ Іоркѣ, съ подчиненіемъ послѣдней, равно какъ и другихъ епископовъ, кантерберійскому. Со временъ Григорія римскій епископъ сталъ исключительно называться *папою*, именемъ, съ которымъ прежде обращались ко всѣмъ епископамъ.

§ 9. **Франки, Хлодвигъ, Пепинъ Короткій.** Франки, жившіе по Рейну и между Рейномъ и Соммою, дѣлились на нѣсколько группъ, изъ коихъ болѣе извѣстны Франки *салическіе* въ нын. Бельгіи и *рипуарскіе* (береговые) по Рейну и Мозелю. Короли салическихъ Франковъ происходили изъ знатной фамиліи Меровинговъ; отличительнымъ ея достоинствомъ были ниспадавшіе на плечи вьющіеся локоны, тогда какъ остальные Франки подстригали волосы. Въ концѣ V вѣка *меровингъ* Хлодвигъ сдѣлался основателемъ франкскаго государства въ Галліи, которая въ то время была подѣлена между Бургундами, Вестготами и римскимъ намѣстникомъ Сіагріемъ, управлявшимъ страною между Соммою и Лоарою и

послѣ паденія з. р. имперіи. Хлодвигъ (481—511) началъ съ того, что съ своими Франками побѣдилъ Сіагрія и избралъ городъ Парижъ своею столицею; затѣмъ въ союзѣ съ рипуарскими соплеменниками поразилъ Аллемановъ и страну ихъ по среднему Рейну заселилъ Франками. Съ такимъ же успѣхомъ Хлодвигъ воевалъ съ Бургундами и Вестготами, первыхъ принудилъ къ дани, а у послѣднихъ послѣ битвы близъ Поатье отнялъ Аквитанію, ограничивъ ихъ владѣнія въ Галліи узкою полосою вдоль *пиринейскихъ* горъ. Такимъ образомъ вся Галлія стала подвластной Хлодвигу; благопріятному исходу войны съ Германцами въ южной Галліи не мало содѣйствовало туземное галло-римское населеніе и духовенство. Дѣло въ томъ, что изъ свирѣпаго язычника Хлодвигъ сдѣлался христіаниномъ. Въ самый разгаръ битвы съ Аллеманами при Цюльпихѣ, когда перевѣсъ склонялся на сторону враговъ, Хлодвигъ, предрасположенный къ христіанству женою своею Клотильдою, бургундскою принцессою, далъ обѣтъ въ случаѣ побѣды креститься. Побѣда, благодаря воодушевленію христіанъ въ средѣ его галло-римскихъ воиновъ, оказалась полною и король съ 3 тыс. своихъ Франковъ принялъ крещеніе изъ рукъ реймскаго епископа Ремигія (496 г.). Важно то, что Франки прямо приняли христіанство по господствующему ученію, установленному на первомъ вселенскомъ соборѣ; папа почтилъ короля титуломъ „христіанѣйшаго“, перешедшимъ и къ преемникамъ Хлодвига; а самыя войны съ Бургундами и Вестготами, которыхъ туземцы не любили какъ аріанъ, получили характеръ религіозный—ихъ цѣль не только завоеваніе, но и распространеніе истиннаго ученія и главенства папъ въ Галліи. Хлодвигъ не только покорилъ почти всю Галлію и крестился, но совершилъ еще третье важное дѣло—соединилъ всѣхъ Франковъ, изъ коихъ многіе, напр. рипуарскіе, повиновались другимъ вождямъ. И онъ достигъ этого безпощаднымъ истребленіемъ племенона-

чальниковъ—въ томъ числѣ и родичей, послѣ чего всѣ Франки провозгласили его своимъ конунгомъ. Жестокость, обнаруженная при этомъ Хлодвигомъ, свидѣтельствуетъ, какъ мало еще новая религія смягчила его нравъ. Тоже самое относится ко всѣмъ Франкамъ—по имени христіане, они нѣкоторое время оставались по прежнему грубыми и жестокосердыми, что особенно проявилось въ усобицахъ сыновей и внуковъ Хлодвига. Эти усобицы, описаніе которыхъ оставилъ намъ Григорій, епископъ турскій, нарисовавшій вѣрную картину своего времени, продолжались цѣлое столѣтіе послѣ смерти основателя франкскаго государства. Въ эту смутную пору одни монастыри, часто основанные въ мѣстахъ пустынныхъ, были сравнительно болѣе безопаснымъ убѣжищемъ,—они же расчищали дебри и превращали пустыри въ пашни.

Преемники Хлодвига довершили завоеваніе южной Галліи и распространили владѣнія государства въ глубь Германіи, именно покорили Тюринговъ—германскій народъ, жившій по сосѣдству съ Саксами, около Гарца, и привели въ зависимость герцоговъ бойеварскихъ (или баварскихъ; Бавары—смѣсь разныхъ племенъ, въ томъ числѣ германскаго). Обширное франкское государство распалось на три части: Австразію на востокѣ и Нейстрію и Бургундію (въ собственной Франціи). Государства эти то имѣли отдѣльныхъ королей, то соединялись подъ властью одного. Во время усобицъ, нерѣдко сопровождавшихся убійствами членовъ королевскаго дома, родъ Меровинговъ измельчалъ,—съ половины VII в. короли носятъ названіе „лѣнивыхъ королей“ и заявляютъ о себѣ разъ въ годъ, появляясь торжественно на колесницахъ въ мартовскихъ народныхъ собраніяхъ. Между тѣмъ вся власть перешла въ руки управителей королевскихъ имѣній, которые назывались *майордомами*. Каждое изъ трехъ королевствъ имѣло своего майордома; сначала они назначались королемъ, потомъ знать присвоила себѣ ихъ избраніе, наконецъ въ исходѣ

VII в. Пепинъ Геристальскій съ достоинствомъ майордома въ Австразіи соединилъ таковое же въ Нейстріи и Бургундіи и сдѣлалъ его наслѣдственнымъ въ своей фамиліи. Сынъ его Карлъ Мартелъ (т. е. молотъ) прославился побѣдою надъ Арабами, а внукъ—Пепинъ Короткій уже не довольствовался званіемъ майордома. Съ согласія народнаго собранія, онъ низложилъ царствовавшаго *меровинга* и провозгласилъ себя королемъ Франковъ въ 752 г. Папа, къ которому Пепинъ обратился за освященіемъ похищенной власти и который нуждался въ помощи противъ Лангобардовъ, одобрилъ именемъ церкви переворотъ и поручилъ архіепископу Бонифацію помазать Пепина на царство. Такъ водворилась во франкскомъ королевствѣ новая династія, получившая отъ сына Пепина—Карла В. названіе Каролинговъ. Пепинъ не остался въ долгу у папы (см. слѣд. §).

§ 10. **Бонифацій и начало свѣтской власти папъ.** При преемникахъ папы Григорія В. христіанство распространилось въ средней Европѣ. Особою ревностью къ просвѣтленію язычниковъ отличались въ VII и VIII в. миссіонеры съ британскихъ острововъ, гдѣ, особенно въ Ирландіи, благодаря трудамъ св. Патрика (V в.), а также въ Шотландіи, христіанство и монашество пустили глубокіе корни. Изъ проповѣдниковъ, вышедшихъ оттуда, извѣстны: Галлъ и Колумбанъ, распространявшіе ученіе Спасителя между Аллеманами и въ Швейцаріи, Виллибродъ у Фризовъ, въ нын. Голландіи. Выше всѣхъ по результатамъ своей дѣятельности былъ сейчасъ упомянутый Бонифацій. Родомъ англосаксъ и воспитанный въ англійскихъ монастыряхъ, онъ, по собственному влеченію къ миссіонерству, посвятилъ бо́льшую часть жизни обращенію язычниковъ. Поддерживаемый Карломъ Мартеломъ и Пепиномъ Короткимъ и уполномоченный папою Григоріемъ II, который возвелъ его въ епископы будущей германской церкви, Бонифацій (что значитъ *благодѣтель*—названіе, данное ему

папой; настоящее его имя Винфридъ) понесъ христіанство въ глубину германскихъ лѣсовъ—къ Тюрингамъ, Баварамъ, Гессенцамъ, и всюду воздвигалъ церкви, монастыри, епископства. Десятки тысячъ приняты имъ были въ лоно христовой церкви, монастыри съ приглашенными монахами и монахинями сдѣлались разсадниками земледѣлія и религіозно-нравственнаго воспитанія, о которомъ ревностно заботился Бонифацій. Вѣрный слуга римскаго престола, онъ привелъ германскихъ епископовъ въ строго-іерархическую зависимость отъ папы, который за труды назначилъ его архіепископомъ майнцскимъ и *примасомъ* Германіи. Но спокойная жизнь его не удовлетворяла, на закатѣ дней онъ отправился къ Фризамъ и здѣсь умеръ мученическою смертью отъ руки упорствовавшаго въ язычествѣ населенія (755 г.).

Въ годъ смерти Бонифація папа Стефанъ II, второй преемникъ Григорія II, сталъ тѣмъ, чѣмъ не былъ ни одинъ епископъ—владѣтельнымъ государемъ. Вотъ какъ это случилось. Лангобардскій король Айстульфъ, стремившійся, подобно своимъ предшественникамъ, захватить всю Италію, отнялъ у Византіи Равенну съ округомъ и затѣмъ подступилъ къ Риму. Папа отправился лично въ Парижъ просить помощи у Пепина Короткаго, при чемъ въ другой разъ торжественно совершилъ надъ нимъ обрядъ коронованія. Король Франковъ два раза ходилъ за Альпы и, поразивъ Айстульфа, заставилъ его уступить папѣ бывшія владѣнія экзархата отъ Равенны до Анконы. Этотъ даръ Пепина сдѣланъ былъ „на вѣчныя времена“ апостольскому престолу „да владѣетъ имъ Стефанъ II и его преемники“.

Расширеніе духовнаго главенства, начало государственной власти папъ совпали съ временемъ иконоборства въ Византіи. Гоненіе на иконы способствовало прекращенію и той слабой зависимости, въ которой находился римскій первосвященникъ отъ императора.

III. Византійская имперія.

§ 11. **Общее обозрѣніе.** Послѣ паденія западной римской имперіи *восточная*, иначе называемая *византійскою* или *греческою*, просуществовала безъ малаго тысячу лѣтъ. Въ составъ ея входилъ въ Европѣ *балканскій* полуостровъ съ окружающими островами, въ Азіи—Малая Азія, Сирія и Палестина, въ Африкѣ—Египетъ. Исторія Византіи, въ которой оффиціальнымъ языкомъ сдѣлался греческій, представляетъ многія печальныя явленія. Роскошный и по наружности блестящій дворъ былъ обуреваемъ интригами и кознями, при чемъ женщины и царедворцы, при содѣйствіи буйной гвардіи, располагали тономъ, нерѣдко обагряя его кровью. Богословскіе споры о вопросахъ догматическихъ, хотя и непонятные для массъ, были тѣмъ не менѣе источникомъ раздора; враждебныя придворныя партіи вмѣшивались въ эти споры и тѣмъ придавали политикѣ церковную окраску; если одна сторона придерживалась православнаго ученія, противники уклонялись въ ересь. Съ этими церковно-придворными партіями были въ связи *партіи цирка*. Игры въ циркѣ, главнымъ образомъ ристанія на колесницахъ, запряженныхъ четверней, изъ увеселительной забавы превратились мало по малу въ кровавыя зрѣлища, въ преслѣдованія между товариществами, которыя состояли изъ содержателей колесницъ и лошадей и носили названія по цвѣту одежды возницъ. Главными товариществами или партіями цирка были: *голубые* и *зеленые;* все населеніе столицы отъ императора до поденщика присутствовало при ристаніи сотенъ колесницъ и принимало въ играхъ самое живое участіе, сочувствуя той или другой партіи. Партія, заручившись покровительствомъ лицъ, господствующихъ при дворѣ, преслѣдовала противниковъ, какъ еретиковъ и враговъ правительства, не брезгая подъ часъ и убійствомъ, а это было тѣмъ легче, что члены торжествую-

щей партіи занимали высшія мѣста въ администраціи и судѣ и могли расчитывать на безнаказанность. Примѣру столицы слѣдовали и жители провинцій. Если къ сказанному прибавить, что провинціи изнемогали подъ тяжестью налоговъ и страдали отъ монополій и произвола чиновниковъ, то мы получимъ картину внутренняго состоянія имперіи. Не болѣе привлекательны были и внѣшнія отношенія государства: со всѣхъ сторонъ его тревожили и расхищали сосѣди, съ сѣвера Славяне и разные народы финно-тюркско-монгольскаго происхожденія (Хазары, Авары), съ востока сначала Персы, а позднѣе Арабы. Но при всѣхъ невзгодахъ, среди коихъ протекала жизнь государства, Византія имѣетъ важное всемірно-историческое значеніе: она, во первыхъ, была хранительницею древней образованности въ то время, когда западная Европа, завоеванная Германцами, погрузилась въ мракъ невѣжества; во вторыхъ, Византія хранила ученіе *вселенской православной* церкви и распространила его между южными, восточными, отчасти и западными Славянами.

Богословскіе споры вращались главнымъ образомъ около вопроса—существуютъ-ли раздѣльно въ Іисусѣ Христѣ естества божественное и человѣческое или они соединены такъ, что второе исчезаетъ въ первомъ. Приверженцы перваго ученія, подвергшись осужденію на эфесскомъ соборѣ (431 г.), распространились, подъ именемъ *несторіанъ*, далеко въ Азіи и тамъ насадили христіанство и греческую образованность. Когда на вселенскомъ соборѣ въ Халкедонѣ (451 г.) рѣшено было признавать во Христѣ два естества нераздѣльно и неслiянно, приверженцы одного божественнаго естества, получившіе названіе *монофизитовъ*, отстали отъ господствующей церкви и составили свое исповѣданіе, къ которому потомъ принадлежали Копты въ Египтѣ, Армяне и *яковиты* въ Сиріи и Месопотаміи. Позднѣе было придумано новое ученіе, признававшее во Христѣ, при двухъ естествахъ, одну божественную волю; придерживавшіеся этого ученія—*монофелиты*—были отлучены отъ церкви на шестомъ вселенскомъ соборѣ въ Константинополѣ (680 г.) и преслѣдуемые они удержались подъ именемъ *маронитовъ* въ *ливанскихъ* горахъ.

Время отъ времени византійская имперія напрягала свои жизненныя силы и громкими дѣлами заявляла о себѣ, правда не на долго. Это случалось, когда появлялись замѣчательные

дѣятели въ лицѣ государей или полководцевъ. Таково было впервые время Юстиніана Великаго. Юстиніанъ былъ родомъ *славянинъ* изъ нынѣшней Болгаріи, откуда онъ вмѣстѣ съ дядею, деревенскимъ мальчикомъ Юстиномъ, пришелъ въ столицу. Умомъ и энергіею Юстинъ проложилъ себѣ дорогу къ начальствованію надъ гвардіею, а затѣмъ, съ ея помощью, къ императорскому престолу, который предъ смертью и передалъ своему племяннику, прежде называвшемуся *Управдой*. Юстинъ, четвертый преемникъ Маркіана, своимъ правовѣріемъ пріобрѣлъ расположеніе духовенства, а великолѣпными играми цирка—народную любовь.

§ 12. **Время Юстиніана, Ника, Corpus juris.** Царствованіе Юстиніана В. (527—565) ознаменовано многими славными дѣлами внутренней и внѣшней политики. Велизарій и Нарзесъ покорили, какъ мы уже знаемъ, государства вандальское и остготское; тотъ же Велизарій съ успѣхомъ отражалъ или склонялъ къ миру, правда непрочному, сосѣдей; съ сѣвера полчища болгаро-славянскія неоднократно, не смотря на укрѣпленія, построенныя по Дунаю, вторгались и разносили опустошеніе и смерть до самаго Пелопоннеса, не разъ угрожая и столицѣ. На востокѣ царь персидскій Хозрой Нуширванъ, покоривъ и опустошивъ Сирію, готовилъ вторженіе въ Малую Азію; но появленіе Велизарія за Евфратомъ спасло имперію и прежнія границы были возстановлены.

Самое крупное событіе *юстиніанова* царствованія—его законодательная дѣятельность. По приказанію императора составленъ былъ сборникъ законовъ и правилъ подъ именемъ „corpus juris“ *(сводъ права);* надъ сводомъ трудились многіе правовѣды подъ главнымъ руководствомъ Трибоніана. Сводъ этотъ заключалъ законы и постановленія прежнихъ римскихъ императоровъ, впослѣдствіи дополненные 200 указами самого Юстиніана, а также собраніе изреченій, толкованій и рѣшеній, почерпнутыхъ изъ сочиненій лучшихъ юрис-

товъ; къ этому присоединенъ былъ учебникъ права, и все вмѣстѣ *(содех, новеллы, дигесты* и *институціи)* имѣло силу закона въ гражданскомъ правѣ. Corpus juris составилъ эпоху въ исторіи законодательства и имѣлъ огромное вліяніе на законодательства всѣхъ европейскихъ народовъ.

Блеску царствованія Юстиніана не мало способствовала его строительная дѣятельность и заботы о промышленности и торговлѣ. Софійскій соборъ въ Константинополѣ—образецъ византійскаго стиля архитектуры; проложеніе дорогъ и каналовъ облегчило сношенія; яички шелковичныхъ червей, принесенныя двумя монахами изъ Китая, положили начало шелководству въ Европѣ.

Юстиніанъ заботился также о чистотѣ православнаго ученія церкви и преслѣдовалъ монофизитовъ и другихъ еретиковъ; при немъ послѣдовало собраніе церковныхъ законовъ подъ именемъ „номоканона“ (номоканонъ имѣлъ вліяніе на устройство русской церкви).

Рядомъ съ свѣтлыми сторонами время Юстиніана представляетъ, и притомъ въ широкихъ размѣрахъ, проявленіе тѣхъ золъ, отъ которыхъ страдало государство. Кромѣ опустошительныхъ вторженій сосѣднихъ народовъ, внутри имперіи продолжались богословскіе споры и борьба партій цирка; послѣдняя разразилась страшнымъ мятежемъ, извѣстнымъ подъ именемъ „ника“ (ника значитъ побѣждай,—слово это было лозунгомъ мятежниковъ). Дѣло въ томъ, что голубые были въ милости при дворѣ; занимая почти всѣ должности, они притѣсняли противниковъ и безнаказанно совершали преступленія. Такому предпочтенію голубыхъ много способствовало вліяніе на Юстиніана его жены Ѳеодоры, которая изъ актрисы цирка, запятнавшей себя дурнымъ поведеніемъ, сдѣлалась императрицей и соправительницей и на высотѣ своего величія не смогла забыть обиды, нѣкогда нанесенной ей зелеными. Зеленые, подкрѣпленные враждебною партіею при

дворѣ и гонимыми монофизитами, подняли возстаніе; къ нимъ примкнули и голубые, недовольные однимъ распоряженіемъ императора; вспыхнулъ страшный мятежъ, завязался бой на улицахъ, при чемъ лучшая часть столицы погибла въ пламени. Мятежъ подавленъ былъ въ потокахъ крови, благодаря отвагѣ и искусству Велизарія, двинувшаго наемныя германскія дружины къ цирку, въ которомъ укрѣпились бунтовщики съ провозглашеннымъ ими другимъ императоромъ. 30 тыс. труповъ осталось въ циркѣ, за избіеніемъ слѣдовали казни, ссылки, отобраніе имуществъ и пр. (532 г.).

Время Юстиніана легло тяжелымъ гнетомъ на народъ: высокія подати и пошлины на предметы первой необходимости, притѣсненія чиновниковъ, преслѣдованія политическія и религіозныя,—ибо императоръ не допускалъ противорѣчій въ области государственной и церковной,—все это, не смотря на заботы о благосостояніи, подавляло экономическую и умственную жизнь. Въ заключеніе отмѣтимъ, что Юстиніанъ былъ подозрителенъ и эту черту его характера испыталъ на себѣ знаменитый Велизарій.

§ 13. **Время иконоборства.** Кратковременный блескъ, приданный имперіи Юстиніаномъ, угасъ съ его смертью. Внутри государства повторяются прежнія явленія, извнѣ границамъ угрожаютъ Болгары и Авары съ одной, Персы и Арабы съ другой стороны; Арабы не разъ подступали къ самому Константинополю. Въ теченіе 150 лѣтъ на престолъ вступаютъ императоры, одинъ порочнѣе другаго, причемъ убійство или изуродованіе, какъ ослѣпленіе, урѣзываніе носа, ушей и т. п. были частыми явленіями при дворѣ. Выдвигается одна личность императора Гераклія (въ 1-й пол. VII в.), который съ оружіемъ въ рукахъ возвратилъ государству завоеванныя персидскимъ царемъ Хозроемъ II Сирію, Палестину и Египетъ; но уже въ концѣ того же царствованія названныя провинціи сдѣлались добычею Арабовъ.

Въ VIII и первой половинѣ IX в., византійскую имперію, уже потерявшую почти всѣ владѣнія въ Азіи и Африкѣ, отнятыя Арабами, постигли новыя религіозныя волненія—*иконоборство*. Императоръ Левъ III Исаврianинъ (изъ племени Исавровъ, въ Малой Азіи, † 741 г.) велѣлъ вынести изъ церквей иконы и поднялъ гоненіе на всѣхъ ослушниковъ этого распоряженія. Двѣ партіи, *иконопочитателей (иконодуловъ)* и *иконоборцевъ (иконокластовъ)*, выступили враждебно другъ противъ друга. Къ первой принадлежали большинство духовенства, особенно монаховъ, и руководимый ими нисшій классъ населенія, который прибѣгалъ даже къ возстанію. Когда, стоящій во главѣ иконопочитателей, престарѣлый патріархъ Германъ былъ низложенъ и заступившій его мѣсто Анастасій не рѣшался противиться императору, тогда эдикты о гоненіи на иконы получили санкцію духовной власти. Преемникъ и сынъ Льва, Константинъ V Копронимъ, пошелъ еще дальше,—онъ приказалъ собору изъ своихъ единомышленниковъ осудить поклоненіе иконамъ и преслѣдовалъ монаховъ и нѣкоторыхъ отшельниковъ, которыхъ народъ чтилъ какъ святыхъ мужей. Но, по смерти слѣдующаго императора, аѳинянка Ирина возстановила иконопочитаніе; она управляла государствомъ сначала въ качествѣ регентши, а по ослѣпленіи сына, по ея же приказанію, какъ самодержавная императрица: созванный ею соборъ въ Никеѣ отмѣнилъ постановленіе прежняго собора, находя, что почитаніе иконъ „согласно съ св. писаніемъ, разумомъ, отцами церкви и соборами“ (въ концѣ VIII в.). Впрочемъ церковныя несогласія не прекратились еще: нѣсколько времени спустя Левъ V Армянинъ возобновилъ иконоборство,—повторились прежнія гоненія, при чемъ ревнители иконъ (замѣчателенъ Ѳеодоръ Студита), нерѣдко съ мужествомъ, принимали вѣнецъ мученичества. Примѣру Льва V слѣдовали его непосредственные преемники, пока императрица Ѳеодора, въ малолѣтствѣ сына своего Михаила

III, не возстановила окончательно иконопочитаніе: иконы торжественно внесены были въ софійскій храмъ и утверждены на прежнихъ мѣстахъ (842 г.), и мало по малу волненія, обуревавшія церковь, улеглись.

Нѣкоторые изъ упомянутыхъ императоровъ, какъ первые два Исавріане и Левъ Армянинъ, поддерживали достоинство государства удачными войнами съ Болгарами и Арабами. Михаилу III наслѣдовалъ его убійца Василій, въ лицѣ котораго воцарилась (867 г.) македонская династія, управлявшая государствомъ съ нѣкоторыми перерывами около 200 лѣтъ.

IV. Арабы подъ вліяніемъ ислама и очеркъ исторіи халифата.

§ 14. **Могаммедъ и его ученіе.** Въ VII вѣкѣ нашей эры въ Азіи появилась новая религія, подъ вліяніемъ которой Арабы распространили свое владычество и цивилизацію во всѣхъ частяхъ стараго свѣта. Арабы—народъ семитическій—въ теченіе вѣковъ жившіе обособленно, возродились къ новой жизни подъ знаменемъ *ислама*, какъ называлась ихъ новая вѣра. Уступая христіанству въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія, исламъ, сравнительно съ язычествомъ самихъ Арабовъ, Персовъ и др. народовъ, былъ значительнымъ шагомъ впередъ для всего востока. Арабы, имѣвшіе, подобно соплеменникамъ—Евреямъ, представленіе о единомъ божествѣ „аллахѣ“, съ теченіемъ времени преклонились, подъ вліяніемъ природы своей страны, предъ звѣздами и наконецъ впали въ грубое идолопоклонство. У каждаго изъ мелкихъ племенъ, которыя подъ водительствомъ *шейковъ* или *эмировъ*, кочевали во внутренней пустынно-степной Аравіи, съ стадами верблюдовъ и лошадей, и постоянно враждовали другъ съ другомъ за ручеекъ или колодецъ,—у каждаго пле-

мени, повторяемъ, были свои боги; идолы ихъ были выставлены вокругъ главнаго храма „кааба“ въ Меккѣ; въ храмѣ этомъ находился *черный камень*—предметъ поклоненія для всѣхъ Арабовъ; сюда ежегодно въ опредѣленное время стекались дѣти пустыни, или такъ называемые бедуины, иначе Сарацины. Городъ Мекка, религіозный центръ, былъ также средоточіемъ торговой и умственной жизни Арабовъ,—съ пилигримствомъ въ Мекку совпадала ярмарка и поэтическія состязанія: пѣсни и сказанія про старину и подвиги предковъ услаждали однообразную жизнь кочевниковъ. Мекка и другой городъ, Медина, находятся въ югозападной приморской или Счастливой Аравіи; жители этой плодородной полосы вели караванную торговлю, отчасти и морскую, съ сосѣдями и стояли выше бедуиновъ по развитію. Мекка и была родиною основателя ислама, Могаммеда, который происходилъ изъ племени Корейшитовъ, владѣвшихъ городомъ и храмомъ.

Могаммедъ, подобно другимъ *мекканцамъ*, много путешествовалъ, то по пустынной Аравіи, то въ сосѣднихъ странахъ. Сопровождая сначала караваны своего дяди, на попеченіи котораго онъ остался сиротою, а потомъ управляя торговыми дѣлами богатой вдовы Кадиджи (впослѣдствіи онъ на ней женился), Могаммедъ знакомился съ обычаями и потребностями своего народа и также съ религіею христіанъ и іудеевъ. Іудеевъ и христіанъ можно было тогда встрѣтить и въ Аравіи, гдѣ они искали убѣжища отъ гоненій,—христіане были сектанты, отступившіе отъ православія. Свѣдѣнія, собранныя Могаммедомъ, доставили ему богатый матеріалъ для размышленій. Послѣ частыхъ уединеній въ одной пещерѣ, въ которой мекканцы укрывались въ лѣтніе жары, Могаммедъ выступилъ въ качествѣ пророка, которому Богъ послалъ откровеніе чрезъ архангела Гавріила. Мнимыя откровенія, съ которыми пророкъ являлся постепенно передъ соотечественниками, передавались или изустно или записывались на паль-

мовыхъ листьяхъ; только послѣ его смерти отдѣльныя *суры* (т. е. главы) были собраны въ одну книгу, *коранъ*. Коранъ —священная книга для послѣдователей Могаммёда, которые называются „мусульмане“ (отъ ар. *мослеминъ*, т. е. правовѣрный); онъ не только источникъ ислама, но и источникъ права. Число приверженцевъ Могаммеда было сначала ничтожно; сами Корейшиты, опасаясь за свою власть и вліяніе, враждебно встрѣтили нововводителя, и первые мусульмане спасались бѣгствомъ въ Абессинію; самъ Могаммедъ, предупрежденный о заговорѣ на его жизнь, бѣжалъ изъ Мекки въ Медину. *Бѣгство (геджра)* случилось въ 622 г. и годъ этотъ считается эрою у могаммеданъ, потому что съ этихъ поръ исламъ сталъ быстро распространяться. Мединцы частью изъ соперничества съ мекканцами увѣровали въ Могаммеда, какъ въ пророка.

Заимствуя много у іудеевъ и христіанъ, Моґаммедъ до бѣгства училъ, что Богъ одинъ и Могаммедъ его пророкъ: были и прежде пророки—Мойсей и Іисусъ Христосъ, но онъ послѣдній и высшій, которому Богъ послалъ полное откровеніе. Къ этому основному правилу корана присоединено было ученіе о воскресеніи мертвыхъ и будущей жизни съ наградами и наказаніями. Приноравливая заимствованное къ нравамъ и обычаямъ своего народа, Могаммедъ сталъ еще болѣе на національную почву, когда во главѣ мединцевъ задумалъ покорить всѣхъ Арабовъ. Воинственныя наклонности народа онъ съумѣлъ распалить откровеніемъ, что Богъ приказываетъ распространять вѣру съ оружіемъ въ рукахъ. Этотъ догматъ вмѣстѣ съ другимъ—о предопредѣленіи *(фатализмѣ)*, по которому судьба и продолжительность жизни каждаго свыше предустановлены, помогъ Могаммеду подчинить своей власти бедуиновъ и сильно упорствовавшія еврейскія общины; наконецъ онъ взялъ Мекку и, уважая древній обычай, оставилъ поклоненіе черному камню и предписалъ даже каждому му-

сульманину сходить разъ въ жизни на богомолье въ Мекку, а молиться непремѣнно со взоромъ, обращеннымъ къ каабѣ; идолы, окружавшіе храмъ, были ниспровергнуты. Вмѣстѣ съ Меккою, и Медина считается священнымъ городомъ—здѣсь хранится гробъ Могаммеда, скончавшагося въ одиннадцатый годъ геджры (632). Исламъ учитъ о равенствѣ всѣхъ людей предъ Богомъ, предписываетъ подавать милостыню, совѣтуетъ отпускать на волю рабовъ, а такія наставленія внесли въ жизнь востока цивилизующее начало.

§ 15. **Очеркъ исторіи халифата.** Преемники Могаммеда, соединявшіе въ своихъ рукахъ власть духовную и свѣтскую, назывались *халифами*. Въ теченіе перваго 25-лѣтія по смерти пророка (632—656), достоинство халифа занимали: Абу-Бекръ (тесть Могаммеда), Омаръ (мужъ одной изъ его дочерей) и Османъ. Воодушевленные религіознымъ фанатизмомъ, мусульмане, подъ вліяніемъ ученія о предопредѣленіи и въ чаяніи радостей загробной жизни, обѣщанныхъ павшимъ въ бою, ринулись въ священную войну. Побѣжденные христіане и іудеи, если не принимали ислама, становились въ подчиненное положеніе и платили дань; напротивъ увѣровавшіе въ Могаммеда получали права, равныя съ побѣдителями, и обязывались распространять вѣру мечемъ. Выступивъ за предѣлы родины, Арабы, предводимые халифомъ Омаромъ и такими вождями какъ Халидъ, „мечъ божій“, и Амру, отняли у Византіи Сирію, Палестину и Египетъ и завоевали новоперсидское государство. На мѣстѣ *соломонова* храма Омаръ воздвигъ мечеть, изъ лагеря правовѣрныхъ, вблизи древняго Мемфиса, возникъ новый городъ Каиръ. Монофизиты Египта и огнепоклонники Персы приняли исламъ, который вмѣстѣ съ оружіемъ побѣдителей проникъ за Оксусъ и Яксартъ (въ нынѣшнія Бухару и Туркестанъ) и до верхняго Инда. Послѣ Османа, павшаго отъ руки убійцы, въ могаммеданскомъ мірѣ произошла религіозно-политическая розня. Одни хотѣли, чтобы

халифомъ сдѣлался Али, родственникъ Могаммеда и мужъ любимой его дочери Фатимы; только Али и его потомство были въ глазахъ этой партіи законными преемниками пророка. Другіе признали халифомъ сирійскаго намѣстника Моавію и стояли за право свободнаго избранія халифа. Къ раздору политическому присоединились и религіозныя распри. Приверженцы Али придавали одному корану священное значеніе, противники ихъ рядомъ съ кораномъ поставили книгу *сунну*, отчего получили названіе *суннитовъ*—въ противоположность *шіитамъ* (т. е. отступникамъ, отвергавшимъ сунну; а сунна—это сборникъ изустныхъ преданій о Могаммедѣ и его изреченіяхъ, сохраненныхъ друзьями. Двѣ названныя секты и до сихъ поръ раздѣляютъ могаммеданъ; къ суннитамъ принадлежатъ Турки и Арабы, къ шіитамъ Персы). Послѣ кровопролитной междоусобной войны, во время которой Али былъ убитъ, Моавія достигъ престола и въ лицѣ его около половины VII в. утвердилась въ халифатѣ династія Оммайядовъ, которые избрали своею столицею городъ Дамаскъ. При Оммайядахъ Арабы продолжали на сушѣ и морѣ завоеванія: Малая Азія, Арменія, острова Кипръ и Родосъ были театромъ ихъ войнъ съ Византіею; самая столица имперіи выдержала нѣсколько осадъ и спасалась благодаря такъ называемому „греческому огню“. Въ то же время изъ Египта совершено было покореніе всей сѣверной Африки до океана; христіанство уступило здѣсь мѣсто исламу, туземные жители смѣшались съ побѣдителями и образовали новое племя Мавровъ. Въ началѣ VIII вѣка мусульмане утвердились и въ Европѣ на *пиринейскомъ* полуостровѣ, гдѣ, въ вестготскомъ королевствѣ, происходили смуты и споры за престолъ. Сыновья низложеннаго короля изъ мести къ похитителю престола призвали на помощь Мавровъ. Намѣстникъ халифа въ Африкѣ возложилъ порученіе на Тарика; послѣдній переправился чрезъ проливъ, заложилъ на выдающейся скалѣ укрѣпленный городъ

Гибралтаръ (гебель-аль-тарикъ, скала Тарика) и одержалъ въ 711 г. блистательную побѣду при Хересъ дела Фронтерѣ. Послѣ взятія столицы Толедо, Мавры (или Сарацины, какъ называли Арабовъ въ Европѣ) прошли побѣдоносно и покорили весь полуостровъ, за исключеніемъ Астуріи, гдѣ Вестготы сохранили независимость *). Попытка Арабовъ захватить Аквитанію уничтожена была Карломъ Мартеломъ, который послѣ семидневной битвы между Туромъ и Поатье заставилъ Мавровъ возвратиться за Пиринеи (732 г.). Позднѣе, въ началѣ IX в., Арабы утвердились, благодаря измѣнѣ греческаго правителя, на островѣ Сициліи, отсюда они вторгались и даже селились въ южной Италіи; средняя и сѣверная, а равно Бургундія, испытывали также ихъ набѣги; разъ они съ флотомъ вошли въ Тибръ и постучались у воротъ Рима.

Въ половинѣ VIII в. престолъ халифа захватили Аббасиды, при чемъ представитель этого дома — Абуль-Аббасъ безпощадно истребилъ всѣхъ Оммайядовъ. Только одинъ членъ низложенной династіи Абдеррахманъ спасся бѣгствомъ въ Испанію и здѣсь основалъ независимый халифатъ съ столицею Кордовою (756 г.). При Аббасидахъ воинственный фанатизмъ мусульманъ охладѣлъ,—завоеванія прекратились и они предались мирнымъ занятіямъ, промысламъ и торговлѣ. Халифы, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ Гарунъ аль Рашидъ (786—809), окружили дворъ свой, въ новой столицѣ Багдадѣ на Тигрѣ, блескомъ и великолѣпіемъ, которые составили рѣзкій контрастъ съ простою жизнью первыхъ халифовъ. Гарунъ и его преемники покровительствовали наукамъ и искусствамъ, многіе города украсились мечетями, дворцами, библіотеками и обсерваторіями. Багдадъ, Каиръ и другіе сдѣлались средо-

*) Предшествующая исторія вестготскаго королевства представляетъ мало замѣчательнаго. Подобно Остготамъ, Вестготы въ концѣ VI в. оставили аріанизмъ и духовенство получило большую власть въ государствѣ.

точіями образованія: изъ наукъ процвѣтали: философія, исторія, алгебра, астрономія, медицина и естественныя науки. Арабская образованость имѣла огромное вліяніе на западно-христіанскую цивилизацію. Чрезъ посредство Арабовъ европейцы познакомились съ древне-греческими писателями, у нихъ же заимствовали „арабскія цифры“ и многія географическія свѣдѣнія; Арабамъ же принадлежитъ починъ перенесенія въ Испанію и Сицилію новыхъ предметовъ потребленія: шелковичнаго червя, индиго, сахарнаго тростника.

§ 16. **Распаденіе халифата.** Обширное государство, какимъ былъ багдадскій халифатъ, не представляло достаточныхъ условій прочности. Основанное мечемъ, оно стало разлагаться какъ только мечъ вложенъ былъ въ ножны, а богатство и роскошь породили изнѣженность и лѣнь. Религіозныя распри, стремленія отдѣльныхъ народностей къ независимости, чѣмъ пользовались намѣстники провинцій и поднимали знамя возстанія, слабость и бездѣйствіе халифовъ, преемниковъ Гарунъ аль Рашида, которые подпали вліянію визирей (министровъ) и женъ,—все это подкапывало могущество государства. Халифы сдѣлались мало по малу игралищемъ въ рукахъ гвардіи, набираемой изъ тюркскихъ племенъ; начальникъ ея присвоилъ себѣ съ титуломъ „эмиръ аль омра“ (князь князей) всю верховную власть, предоставляя халифу *аббасиду* почетное званіе духовнаго главы. Власть эмиръ аль омры не хотѣли признавать намѣстники, возстанія участились и халифатъ началъ распадаться. Вотъ главныя государства, возникшія на развалинахъ халифата: въ Европѣ кордовское, въ Азіи газнавидское, которое обнимало восточную Персію и простиралось до Ганга, въ Африкѣ государство Фатимидовъ, ведшихъ свой родъ отъ Али и Фатимы. Судьба этихъ государствъ напоминаетъ судьбу цѣлаго халифата; послѣ краткаго процвѣтанія, они въ свою очередь распадались или дѣлались добычею новыхъ завоевателей. Газнавицкое государ-

ство процвѣтало около 1000-го года при султанѣ Махмудѣ, дворъ котораго въ Газнѣ прославляли ученые и поэты. Фатимиды царствовали въ Египтѣ и владѣли въ X в. всею сѣверною Африкою до *атлантическаго* океана, пока явленія, общія всѣмъ государствамъ востока, не привели къ раздробленію: Фецъ и Марокко, Тунисъ и пр. составили отдѣльныя владѣнія.

V. Время Карла Великаго и феодализмъ.

§ 17. **Общее обозрѣніе и войны Карла В.** Сынъ Пепина Короткаго, Карлъ В., давшій имя и династіи и своему времени, царствовалъ отъ 768 г. до 814. Время Карла В. было эпохою въ настоящемъ значеніи этого слова, потому что оно положило начало новымъ политическимъ и общественнымъ порядкамъ въ западной Европѣ и впервые пролило свѣтъ образованія въ мракъ невѣжества, наступившій за цѣлымъ рядомъ переворотовъ, который мы называемъ великимъ переселеніемъ народовъ. Значеніе этой эпохи заключается въ томъ, что, благодаря законодательной дѣятельности Карла, возникли новыя религіозныя, политическія и общественныя учрежденія отъ сближенія и взаимодѣйствія образовательныхъ стихій, завѣщанныхъ древнимъ міромъ, и началъ, привнесенныхъ христіанствомъ и германскими народами. Какъ ни видоизмѣнились впослѣдствіи эти учрежденія, начало ихъ восходитъ для многихъ государствъ западной Европы ко времени Карла В. Самыя войны Карла отличались отъ войнъ предшествовавшихъ: болѣе правильныя, онѣ, повидимому характера завоевательнаго, были направлены къ огражденію созданнаго государства отъ опустошительныхъ вторженій и потому самому къ охранѣ зарождавшейся христіанской культуры. Вотъ краткій очеркъ этихъ войнъ.

Карлъ В. завоевалъ лангобардское государство. Призванный на помощь папою, владѣнія котораго захватилъ лангобардскій король Дезидерій, Карлъ перешелъ Альпы, взялъ Павію и возложилъ на свою голову *желѣзную корону*)*, а за папою утвердилъ даръ своего отца (774); Дезидерій окончилъ жизнь въ монастырѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя Карлъ побѣдилъ Мавровъ на *пиринейскомъ* полуостровѣ и завоевалъ сѣверную Испанію до рѣки Эбро; обратный походъ ознаменованъ пораженіемъ, которое нанесли баскскіе горцы отряду подъ начальствомъ *карлова* сподвижника Роланда въ *ронсевальской* долинѣ (событіе это доставило содержаніе многимъ романамъ и поэмамъ). На востокѣ Карлъ обуздалъ баварскаго герцога Тассилона, который пытался свергнуть зависимость отъ франкскаго короля. Тассилонъ былъ заключенъ въ монастырь, союзники его Авары потерпѣли пораженіе и часть ихъ владѣній въ Паннонiи, вмѣстѣ съ Баваріею, Карлъ присоединилъ къ своему государству. Нѣкоторыя славянскія племена, жившія по Эльбѣ, какъ Вильцы, Сорбы, должны были также признать надъ собою власть Карла.

Самая замѣчательная война Карла была съ Саксами, германскимъ народомъ, жившимъ между Везеромъ и Эльбою и свято хранившимъ обычаи и религію предковъ. Чтобы положить конецъ ихъ частымъ вторженіямъ въ предѣлы франкскаго государства, Карлъ рѣшилъ покорить ихъ и обратить въ христіанство. Саксы взялись за оружіе и цѣлыхъ тридцать лѣтъ отстаивали религію Одина и независимость, чѣмъ и объясняется продолжительность и ожесточенность войны. Когда Карлъ являлся въ ихъ страну, Саксы, уступая и численности и превосходству оружія, смирялись и притворно

---

*) Желѣзною называется лангобардская корона, потому что ободокъ на ней сдѣланъ изъ желѣзнаго гвоздя, который, по преданію, былъ въ дѣлѣ при распятіи Спасителя.

принимали христіанство, но лишь только Карлъ, отвлекаемый другими войнами, уходилъ, они истребляли франкскіе гарнизоны, убивали священниковъ, разоряли часовни, и война возгорялась съ новою силою. Особенно отличался среди Саксовъ избранный ими въ народномъ собраніи герцогъ Виттекиндъ, про подвиги котораго сложились разныя преданія. Выведенный изъ терпѣнія вѣроломствомъ Саксовъ, Карлъ, соединявшій съ умомъ и высокими качествами еще остатки грубаго варварства, сурово наказывалъ непокорныхъ, такъ разъ онъ казнилъ смерью 4500 плѣнныхъ. Въ концѣ концевъ Саксы положили оружіе въ началѣ IX в. (803 г.) и Карлъ выселилъ нѣсколько тысячъ семействъ въ другія земли, а на ихъ мѣсто перевелъ франкскихъ колонистовъ. Епископства, основанныя въ странѣ и превратившіяся со временемъ въ населенные города, какъ Падерборнъ, Бременъ, Оснабрюкъ, сдѣлались разсадниками христіанства и образованія. Строгіе законы и суровое управленіе въ началѣ уступили мѣсто болѣе мягкимъ и правильнымъ порядкамъ. Саксы и сосѣди ихъ Фризы, признавшіе также власть Карла, уравнены были въ правахъ съ другими народами обширнаго государства.

Чтобы оградить свою монархію отъ сосѣдей, Карлъ В. въ пограничныхъ завоеванныхъ странахъ основалъ такъ называемыя *марки;* правители ихъ — *маркграфы* обязаны были, при содѣйствіи мѣстныхъ ленниковъ, постоянно защищать предѣлы государства. Вотъ главныя марки: испанская на границѣ съ Маврами, саксонская — съ Славянами, восточная (Австрія) — съ Аварами; основанный въ послѣдней городъ Зальцбургъ оживилъ угасшее христіанство въ придунайскихъ странахъ.

§ 18. **Карлъ—императоръ.** Монархія, созданная Карломъ В., простиралась на востокъ до Эльбы и средняго Дуная съ его притоками Дравою и Тейсомъ и обнимала, кромѣ Франціи, Голландіи, Бельгіи, большей части Германіи и нынѣшней

Австро-Венгріи, сѣверовосточный уголъ Испаніи, сѣверную и среднюю Италію. По обширности государство не уступало бывшей западной римской имперіи и Карлъ задумалъ возстановить императорское достоинство. Обстоятельства помогли Карлу обставить это событіе торжественностью. Папа Левъ III, котораго враги хотѣли свергнуть, бѣжалъ изъ Рима и явился лично просить помощи у Карла. Послѣдній вторично перешелъ Альпы и, возстановивъ порядокъ въ Римѣ, наказалъ главныхъ притивниковъ Льва. Вслѣдъ за тѣмъ, въ день Рождества 800 г., въ церкви св. Петра, папа возложилъ на Карла императорскую корону при громкихъ кликахъ одобренія собравшагося народа. Событіе это называется „возстановленіемъ римскаго императорства". Въ качествѣ римскаго императора—титулъ, который носили и его преемники — Карлъ пользовался верховною властью и верховнымъ судомъ въ Римѣ и въ папскихъ владѣніяхъ вообще, — весь народъ римскій присягнулъ ему на вѣрность. Правда, эти верховныя права при слабыхъ преемникахъ Карла стали чисто-номинальными, хотя въ Римѣ и пребывалъ императорскій намѣстникъ; но самый фактъ существованія такихъ правъ свидѣтельствуетъ, что коронованіе Карла папою не только не ставило императора въ зависимость, а напротивъ папа былъ какъ бы подчиненнымъ епископомъ, сохраняя, впрочемъ, главенство въ церкви на западѣ—во владѣніяхъ римскаго императора. Самое избраніе папы считалось законнымъ лишь подъ условіемъ одобренія императоромъ.

§ 19. **Карлъ—правитель и его дѣятельность хозяйственная и просвѣтительная.** Какъ ни важны по результатамъ войны Карла В., гораздо бо́льшее значеніе имѣетъ его законодательная дѣятельность. Не посягая на мѣстные обычаи и законы, поощряя даже собираніе ихъ, равно какъ и народныхъ сказаній отдѣльныхъ племенъ, Карлъ хотѣлъ связать разнородныя части государства нѣкоторыми общими учреж-

деніями и постановленіями. Вся монархія раздѣлена была на области или *графства;* областные правители—*графы* (пограничные—маркграфы) собирали войска, творили судъ и надзирали за королевскими имѣніями. Графствамъ почти всегда соотвѣтствовали епархіи, подчиненныя епископамъ. И тѣхъ и другихъ назначалъ самъ Карлъ, при чемъ нерѣдко графовъ изъ мѣстныхъ жителей. Каждую четверть года лица довѣренныя, изъ окружавшихъ Карла, объѣзжали, въ качествѣ „missi dominici“ или королевскихъ посланцевъ, области и наблюдали за правосудіемъ, исправностью военной службы и вообще имѣли верховный надзоръ надъ графами и епископами. Два раза въ годъ, весною и осенью, Карлъ созывалъ государственныя собранія или сеймы, которые замѣнили собою прежнія народныя собранія Германцевъ. Главное собраніе было весеннее или такъ называемое „майское поле“; съѣзжались духовные и свѣтскіе вельможи (или вассалы), епископы и графы; они обсуждали вопросы и предложенія короля-императора, а также сообщали о нуждахъ и потребностяхъ отдѣльныхъ мѣстностей. Карлъ, постоянно вращавшійся въ собраніи, принималъ все во вниманіе; но, не стѣсняя себя рѣшеніями сейма, собственною властью издавалъ законы и распоряженія. Эти законы, а равно и наставленія, совѣты и пр., носятъ общее имя „капитулярій“—такъ назывались и всѣ распоряженія преемниковъ Карла В. Въ составъ капитулярій входили: мѣстные и общіе законы, наставленія по хозяйству въ королевскихъ имѣніяхъ, совѣты духовнымъ лицамъ, часто простыя замѣтки или вопросные пункты. Особенно заботился Карлъ о правосудіи. Графы, начальники общинъ или центграфы, а иногда и missi dominici отправляли судъ при участіи выборныхъ отъ мѣстнаго населенія; послѣдніе — въ числѣ не менѣе семи — назывались *шеффенами* (schöffen). Высшій судъ былъ королевскій, происходившій въ мѣстопребываніи двора—*пфальцъ;* судилъ самъ король или назначен-

ный имъ *пфальцграфъ*. Въ этотъ судъ можно было аппелировать на рѣшеніе графа.

Государственное хозяйство, тѣсно связанное въ то время съ хозяйствомъ самого короля, было любимымъ предметомъ попеченія Карла. Онъ вникалъ въ мельчайшія подробности веденія дѣла въ своихъ помѣстьяхъ. До насъ дошелъ одинъ капитулярій къ управляющимъ имѣніями, въ немъ мы встрѣчаемъ совѣты Карла по части птицеводства, скотоводства и проч., а также какъ извлекать бо́льшіе доходы. Кромѣ доходовъ съ имѣній, другими источниками государственныхъ доходовъ были пошлины—торговыя, судебныя—и такъ называемыя майскія приношенія, т. е. подарки, приносимые вассалами; послѣдніе, хотя и добровольные, но освященные обычаями, замѣняли собою прямыя подати. Для облегченія сношеній и передвиженія войска Карлъ сооружалъ дороги, каналы и проч.

Особенно великъ Карлъ своими заботами о народномъ образованіи; сознаніе его пользы тѣмъ поучительнѣе, что самъ императоръ не получилъ въ дѣтствѣ почти никакой умственной пищи. Его выучили, какъ и всѣхъ знатныхъ дѣтей того времени, молитвамъ, ѣздѣ верхомъ, плаванію, владѣть оружіемъ—и только, и Карлъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ старался восполнять самообразованіе, учился грамматикѣ, письму и черпалъ свѣдѣнія въ бесѣдахъ съ учеными, которыхъ приближалъ къ себѣ; изъ нихъ замѣчательны: британскій монахъ Алкуинъ, біографъ Карла Эгингардъ, историкъ Павелъ Діаконъ. Учась самъ, Карлъ требовалъ того же отъ другихъ, такъ придворные обязаны были отдавать сыновей въ основанную при дворѣ школу, и императоръ самъ слѣдилъ за занятіями дѣтей. Главное же вниманіе онъ обращалъ на образованіе духовныхъ, отъ которыхъ требовалъ, чтобы они преподавали въ школахъ при церквахъ и монастыряхъ и своею нравственною жизнью служили примѣромъ для другихъ. Въ

одномъ капитуляріи онъ между прочимъ совѣтуетъ учить слову Божію на понятномъ народу языкѣ.

Улучшеніе церковной музыки при содѣйствіи италіанцевъ и постройка соборовъ и дворцовъ въ мѣстахъ пребыванія двора свидѣтельствуютъ о любви Карла къ искусствамъ. Любимыми остановками Карла *(пфальцами)*, не имѣвшаго постоянной резиденціи, были: Ахенъ, Ингельгеймъ и вообще города по Рейну; великолѣпная ахенская церковь въ честь Богородицы считается замѣчательнымъ произведеніемъ архитектуры того времени.

§ 20. **Феодализмъ.** Существенною основою монархіи Карла В. была *феодальная или ленная система.* Она возникла раньше, но получила развитіе при Каролингахъ и съ тѣхъ поръ надолго стала связующимъ государственнымъ началомъ и факторомъ, обусловливающимъ собою всѣ проявленія общественной жизни. Вотъ ея начало и развитіе. Послѣ завоеванія римскихъ провинцій Германцами, земля дѣлилась на три части: одна, преимущественно города, предоставлялась прежнимъ жителямъ, другую—бывшія императорскія домены и государственныя земли—бралъ король, третья распредѣлялась въ собственность между участниками завоеванія. Небольшіе участки, пріобрѣтенные такимъ образомъ побѣдителями, назывались *аллодами*, а владѣльцы ихъ — *баронами* (что значитъ: люди свободные). Короли, и Меровинги и Каролинги, нуждаясь въ военныхъ людяхъ, раздавали изъ своихъ обширныхъ имѣній, какъ дружинникамъ, такъ и аллодіальнымъ владѣльцамъ, участки въ пользованіе съ тѣмъ, чтобы получившіе ихъ по требованію являлись на войну или несли другую службу, напр. придворную, судейскую. Такіе участки земли, даваемые сначала на срокъ, обыкновенно пожизненно, назывались *ленами* или *феодами*, получившіе ихъ—*ленниками, феодалами, вассалами*, а король, жаловавшій лены—*леннымъ господиномъ, сеньоромъ, сюзереномъ.* Въ случаѣ

неисполненія вассаломъ обязательствъ, король могъ отнять ленъ. Не одна земля, но и должности давались въ ленъ; получившіе таковыя, напр. маркграфы, майордомы, становились также королевскими вассалами. По примѣру короля вассалы раздавали не только изъ аллодовъ, но и изъ леновъ участки въ пользованіе и пріобрѣтали себѣ ленниковъ,—это *подвассалы*, по отношенію къ которымъ вассалъ становился ленным господиномъ. Такихъ подвассаловъ имѣли и аббаты и епископы, которые жаловали участки изъ церковныхъ и монастырскихъ земель съ обязательствомъ защищать ихъ. Такъ развилась въ монархіи Карла В. феодальная система, которая внесла новыя условія въ общественную жизнь, связавъ однихъ съ другими узами подчиненія и вѣрности. Выгоды были обоюдныя: сюзеренъ защищалъ вассала, заступался за него въ судѣ, мстилъ за него; вассалъ обязывался вѣрностью, преданностью, почтеніемъ. Ленная присяга, при чемъ вассалъ клалъ свои руки въ руки сеньора, повторявшаяся каждый разъ при перемѣнѣ лица, освящала обязательства. По мѣрѣ развитія феодализма, число свободныхъ собственниковъ (бароновъ) постепенно уменьшалось. Выгода имѣть сильнаго покровителя побуждала ихъ отдавать королю, вассалу или церкви свой участокъ и получать таковой обратно въ видѣ лена. Тѣ же владѣльцы аллодовъ, которые не успѣли пристроиться, теряли, уступая иногда силѣ, свои участки и, ставши крѣпостными, обрабатывали прежнюю собственность въ качествѣ кортомщиковъ или оброчныхъ. Мало по малу классъ бароновъ или зажиточныхъ крестьянъ-собственниковъ исчезаетъ совершенно въ эпоху послѣ Карла В., при его слабыхъ преемникахъ. Пользуясь слабостью королей, вассалы выманивали у нихъ или просто захватывали новые лены и такимъ образомъ дѣлались крупными владѣльцами; съ теченіемъ времени они добились признанія наслѣдственности своихъ леновъ, а это повело еще къ бо́льшему обезсиленію

королевской власти. Сильный вассалъ, не разрывая совершенно ленной связи, исполнялъ обязательства, пока это было ему выгодно, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣталъ верховныя права въ своихъ владѣніяхъ, напр. творить судъ безъ вмѣшательства графа, поставленнаго королемъ, чеканить монету, вести войну. Такимъ образомъ вассалы сдѣлались почти независимыми державцами и нерѣдко обращали оружіе противъ сеньоровъ. Сказанное относится, въ меньшей разумѣется степени, и къ подвассаламъ и къ должностямъ, которыя сдѣлались также—по доброй-ли волѣ или по принужденію—наслѣдственными. Духовные и свѣтскіе вассалы составили высшее сословіе—феодальную аристократію. Свѣтскіе вельможи или дворяне назывались баронами, графами и герцогами по имени своихъ замковъ или того племени, среди котораго лежали ихъ владѣнія. Названія: „герцогъ“ и „графъ“, означавшія прежде должности, а также „баронъ“, превратились въ титулы; отъ военной службы на конѣ вассалы именовались *рыцарями* (Ritter, всадникъ).

По мѣрѣ развитія феодализма, крестьяне-земледѣльцы потеряли свободу; въ королевскихъ имѣніяхъ имъ жилось лучше, они имѣли даже небольшія усадьбы и состояли на оброкѣ *(колоны);* жившіе на земляхъ дворянства сдѣлались крѣпостными и подлежали полной власти господина, который могъ даже ихъ продавать. Нѣсколько лучше было положеніе городскихъ жителей, занимавшихся ремеслами и торговлей и платившихъ повинности королю или вассаламъ.

Какъ ни велико было различіе въ общественномъ положеніи побѣдителей и побѣжденныхъ въ государствахъ, основанныхъ Германцами, но долгое сожительство и общіе интересы привели съ теченіемъ времени къ сближенію и смѣшенію ихъ въ одну національность, говорящую однимъ языкомъ. Отъ смѣси латинскаго языка побѣжденныхъ съ тѣмъ или другимъ германскимъ нарѣчіемъ образовались новые языки

романскіе, а отсюда народы, говорящіе ими, получили названіе *романскихъ* (французскій, италіанскій, испанскій).

VI. Распаденіе монархіи Карла В. и раздѣленіе церкви.

§ 21. **Очеркъ распаденія монархіи Карла В.** Послѣ смерти Карла В. обширная монархія его распалась, сначала на три части, а затѣмъ дробленіе пошло дальше. Причины тому были слѣдующія: каждая сплачивающаяся народность и даже отдѣльныя племена стремились къ самостоятельности; слабость и неспособность Каролинговъ, которые не могли сдержать областныхъ правителей и крупныхъ вассаловъ, добивавшихся независимости отъ королей; наконецъ безпрерывные набѣги Славянъ, Сарацинъ и Норманновъ, не встрѣчавшіе должнаго отпора со стороны центральной власти, — способствовали расчлененію государства на его составныя части.

Сынъ Карла В., Людовикъ Благочестивый, которому отецъ передалъ торжественно на сеймѣ императорскую корону, нѣсколько разъ дѣлилъ при жизни между сыновьями монархію. Это повело къ войнамъ, сначала между отцемъ и сыновьями, а затѣмъ по смерти Людовика между братьями. Послѣ рѣшительной битвы двухъ младшихъ братьевъ со старшимъ послѣдовало заключеніе договора въ Вердёнѣ (843), по которому монархія Карла В. распалась на три части. Лотарь, старшій сынъ Людовика Б., получилъ Италію съ императорскою короною, Бургундію и земли между Рейномъ и Маасомъ (Лотарингія), Карлъ Лысый—Нейстрію (западн. Франкія, впослѣд. Франція) и испанскую марку, Людовикъ Нѣмецкій—все остальное, т. е. собственно Германію. Со дня этого договора племена, говорившія чистыми германскими на-

рѣчіями, стали соединяться въ одинъ народъ подъ именемъ Нѣмцевъ, въ отличіе отъ южныхъ и западныхъ народовъ—романскихъ. Когда линія Лотаря прекратилась, Карлъ Л. получилъ Италію и императорскую корону, послѣднюю, впрочемъ, не какъ наслѣдіе своего дома, но какъ подарокъ отъ папы. Послѣ него императоромъ сдѣлался сынъ Людовика Н., Карлъ Толстый, которому, благодаря смерти родственниковъ, а также избранію франкскими вельможами, удалось соединить въ своихъ рукахъ всю монархію Карла В., но на самое короткое время.

Недовольные постыднымъ миромъ, который двукратно покупалъ Карлъ Толстый у Норманновъ, нѣмецкіе и франкскіе вельможи одновременно (887) низложили его и избрали себѣ въ короли, первые — каринтійскаго герцога Арнульфа, а вторые—Одо, графа парижскаго и герцога Франціи (*île de France*); Италія же сдѣлалась театромъ усобицъ за королевскую (ломбардскую) и императорскую корону. Такъ произошло образованіе трехъ государствъ: Франціи или вѣрнѣе франкскаго, Германіи и Италіи.

§ 22. **Норманны**. Въ то время, какъ на востокѣ шли безпрерывныя войны съ Славянами, а Сарацины, утвердившіеся въ Сициліи и Калабріи, тревожили Италію, сѣвернымъ и западнымъ предѣламъ бывшей *карловой* монархіи угрожали морскіе набѣги Норманновъ. Жители Скандинавіи и Даніи, народы германскаго происхожденія, извѣстные подъ общимъ именемъ Норманновъ, славились въ IX и X вѣкахъ какъ морскіе пираты и наводили ужасъ на западную Европу. Скудость почвы и политическое устройство сѣверныхъ полуострововъ поощряли эти походы *викинговъ*, какъ назывались морскіе предводители. Что касается политическаго строя Скандинавіи и Даніи, то страны эти дѣлились на мелкія государства или конунгарства, и такъ какъ одинъ старшій сынъ наслѣдовалъ отцу, то младшіе уходили добывать себѣ сред-

ства существованія и вмѣстѣ славу въ морскихъ предпріятіяхъ; а вѣра, обѣщавшая валгаллу только павшимъ въ бою, питала удаль моряковъ, доходившую иногда до бѣшенства и презрѣнія всякихъ опасностей. Въ маленькихъ ладьяхъ Норманны посѣщали берега Германіи, Франціи, Испаніи, проникали въ *средиземное* море и наводили страхъ на Италію, Африку и *балканскій* полуостровъ; по теченію рѣкъ они входили во внутрь страны, опустошали города, разоряли монастыри и добычу складывали на какомъ нибудь скалистомъ островѣ, въ устьяхъ рѣки или малодоступномъ заливѣ. Нѣсколько разъ по теченію Сены они подступали къ Парижу, а въ церквахъ молили Бога объ избавленіи отъ Норманновъ.

§ 23. **Усиленіе папской власти и Николай I. Монашество.** Распаденіе христіанско-римскаго государства, созданнаго Карломъ В., и слабость его преемниковъ благопріятствовали усиленію папской власти. Отсутствіе политическаго единства, въ лицѣ императора, папы задумали восполнить единствомъ церкви съ ея строго установившеюся іерархіею и главенствомъ римскаго епископа. На фактѣ коронованія Карла В. Львомъ III папы построили притязаніе, что имъ принадлежитъ право раздавать императорскую корону. Усобицы въ семьѣ Каролинговъ, при чемъ соперники обращались къ посредничеству папъ, какъ бы оправдывали такое притязаніе, хотя Карлъ В., какъ мы видѣли, считалъ императорское достоинство наслѣдственнымъ въ своемъ домѣ и пріобрѣтеннымъ вовсе не по милости папской. Одновременно съ стремленіемъ подчинить свѣтскую власть, папы старались привести въ бо́льшую отъ себя зависимость мѣстныя церкви и духовенство. И вотъ для осуществленія ихъ желаній оказались очень пригодными появившіяся въ началѣ IX в. „лже-исидоровы декреталіи“. Такъ назывался сборникъ церковныхъ законовъ и судебныхъ рѣшеній, ложно приписанный испанскому епископу Исидору и заключавшій между прочимъ много

вымышленныхъ декреталій, т. е. постановленій первыхъ папъ. Въ этихъ декреталіяхъ проводятся слѣдующія мысли: всѣ духовные—священники, епископы—выше мірянъ и не подлежатъ свѣтскому суду, церковь независима отъ государства, всѣ епископы подчинены папѣ, который одинъ утверждаетъ ихъ въ санѣ и принимаетъ на нихъ аппеляцію, постановленія соборовъ и мѣстныхъ синодовъ получаютъ законную силу только съ разрѣшенія папы; другими словами, вся законодательная и судебная власть въ церкви сосредоточивается въ рукахъ римскаго первосвященника. Замѣчательнымъ представителемъ такого церковнаго единовластія является папа Николай I (858—867), умный, энергичный, но неразборчивый въ средствахъ къ достиженію цѣли. Николай I сталъ первый примѣнять на дѣлѣ лжеисидоровы декреталіи въ представлявшихся случаяхъ, — такъ, онъ кассировалъ рѣшеніе одного синода и низложилъ двухъ архіепископовъ за то, что они на этомъ соборѣ разрѣшили королю Лотарю II лотарингскому (сыну Лотаря I) развестись съ женою и жениться на другой.

Могущественнымъ орудіемъ для усиленія папской власти было монашество, перенесенное съ востока. Насилія эпохи великаго переселенія и разнузданность нравовъ эпохи Каролинговъ побуждали многихъ искать защиты и душевнаго мира въ стѣнахъ обители—отсюда размноженіе монастырей. Строгія правила или уставъ, введенный Бенедиктомъ нурсійскимъ въ монастырѣ Монте Касино, въ южной Италіи (нач. VI в.), послужилъ образцомъ для другихъ. Вклады благочестивыхъ людей и королевскія пожалованія сосредоточили въ рукахъ монастырей обширныя помѣстья, а государи надѣлили ихъ многими привилегіями, какъ свободою отъ повинностей, отъ подсудности графамъ и пр. *(иммунитеты)*. Кромѣ миссіонерской дѣятельности, монастыри того времени имѣли важное экономическое и культурное значеніе,—они превращали пустоши въ плодородныя земли и хранили древнюю образо-

ванность; между прочимъ монахамъ мы обязаны уцѣлѣвшими отъ всеобщаго истребленія памятниками народной поэзіи, скандинавской и британской. Правда, съ теченіемъ времени порча нравовъ, присущая обществу, проникла и въ монастыри бенедиктинцевъ, но всегда находились строгіе ревнители, которые возстановляли и даже усиливали прежніе порядки. Таковъ былъ Берно, введшій реформу въ основанной имъ обители Клюньи (въ Бургундіи, нач. X в.). Уставъ этого монастыря приняли многіе франкскіе и другіе монастыри и число ихъ возросло со временемъ до 2000. Они составляли *конгрегацію* или *орденъ* и были освобождены отъ подсудности епископамъ. Аббатъ клюнійскій назначалъ настоятелей въ другіе монастыри, былъ главою всего ордена и созывалъ общія собранія конгрегаціи.

§ 24. **Раздѣленіе вселенской церкви.** Ко времени Николая I относится начало раздѣленія церкви. Поводомъ къ этому событію послужило низложеніе императоромъ Михаиломъ III константинопольскаго патріарха Игнатія и возведеніе на патріаршій престолъ отличнаго ученаго и мастера учить другихъ, государственнаго секретаря Фотія, который теперь только и былъ постриженъ въ монахи (857 г.). Игнатій не хотѣлъ сложить своего сана; возникшимъ раздоромъ задумалъ воспользоваться Николай I, чтобы утвердить папскую власть на востокѣ, какъ то было на западѣ. Въ письмахъ къ императору и Фотію онъ ясно высказалъ свои притязанія и настаивалъ на главенствѣ римскаго епископа. Когда посланные имъ въ Константинополь легаты возвратились безъ успѣха, папа на соборѣ въ *латеранѣ* *) объявилъ Фотія низложеннымъ и вслѣдъ за тѣмъ отлучилъ его и его приверженцевъ отъ церкви. Фотій сначала медлилъ отвѣтомъ, но когда присоединилась распря изъ-за подчиненія болгарской

*) Латеранскій дворецъ и церковь.

церкви Риму или Византіи, онъ созвалъ синодъ для суда надъ поступками папы, а вмѣстѣ съ тѣмъ началъ уличать римскую церковь въ отступленіи отъ догматовъ и правилъ вселенской церкви, напр. въ установленіи субботняго поста, въ пренебреженіи женатыми священниками и пр., а главное въ измѣненія установленнаго вселенскими соборами догмата о происхожденіи Духа Святаго (западная церковь ввела ученіе, что Духъ Святой происходитъ отъ Отца и Сына *(filioque)*. Соборъ, на которомъ участвовали и уполномоченные (легаты) трехъ другихъ восточныхъ патріарховъ, низложилъ Николая и произнесъ надъ нимъ анаѳему. Это случилось въ 867 г. Хотя въ томъ же году умеръ Николай, а вступившій на византійскій престолъ убійца Михаила, Василій Македонянинъ низложилъ Фотія и опять возстановилъ Игнатія, но споръ не прекратился. Греческій народъ и духовенство были слишкомъ раздражены папскими притязаніями и требовали равноправности церквей константинопольской и римской; а потому связь, слабая при Игнатіи, совсѣмъ порвалась, когда патріаршій престолъ опять занялъ примирившійся съ новымъ императоромъ Фотій.

Еще два вѣка длились разногласія и велись переговоры, наконецъ въ 1054 году произошелъ окончательный разрывъ, послѣ того, какъ церкви, греческая и римская, произнесли другъ на друга проклятіе. Съ тѣхъ поръ прекратилась всякая связь между восточною *(православною)* и западною *(католическою)* церковью.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ.

Отъ образованія русскаго государства и распавшейся монархіи Карла В. до смерти Ярослава Мудраго и начала борьбы императоровъ съ папами.

I. Государства, образовавшіяся изъ монархіи Карла Великаго.

§ 25. **Франція при послѣднихъ Каролингахъ и происхожденіе нормандскаго герцогства.** Въ собственно франкскомъ королевствѣ или Франціи, послѣ смерти Одо парижскаго, престоломъ завладѣли опять Каролинги и держались на немъ около ста лѣтъ. Эти послѣдніе Каролинги, подобно послѣднимъ Меровингамъ, были государи ничтожные, о чемъ свидѣтельствуютъ и данныя имъ прозвища, напр. Простоватый, Косноязычный. Между тѣмъ Норманны не прекращали своихъ хищническихъ набѣговъ, а короли, по примѣру Карла Толстаго, откупались отъ нихъ и, чувствуя себя безсильными, предоставляли областнымъ графамъ самимъ вѣдаться съ врагами. Пользуясь этимъ, сильнѣйшіе изъ такихъ графовъ вынудили у королей признаніе наслѣдственности леновъ, присвоили себѣ верховныя права и, заручившись вѣрностью прежнихъ королевскихъ вассаловъ, становились почти независимыми, при этомъ они принимали и высшій титулъ—герцога и даже короля. Первый примѣръ отпаденія отъ франкскаго государя подалъ графъ Бозо и основалъ изъ Прованса и бургундскихъ земель по сю сторону Юры независимое нижне-

бургундское или арелатское королевство; къ сѣверу отъ него образовалось верхнебургундское государство изъ западной Швейцаріи и Франшконте*). Вообще во Франціи распаденіе шло быстро,—дошло до того, что въ рукахъ королей остался одинъ городъ Лаонъ, вся остальная страна принадлежала непокорнымъ, вполнѣ или полунезависимымъ вассаламъ. Таковыми были, кромѣ названныхъ выше, герцоги: бретанскій, аквитанскій или гіеннскій, графы: тулузскій и Вермандоа, герцогъ Франціи и др.; всѣ они имѣли въ числѣ вассаловъ сильныхъ графовъ и рыцарей и раздавали въ своихъ владѣніяхъ аббатства и епископства. Въ началѣ X в., когда королемъ былъ Карлъ Простоватый, въ сѣверной части государства возникло нормандское герцогство. Около этого времени набѣги Норманновъ сдѣлались грознѣе прежняго, ибо предпринимались въ бо́льшихъ размѣрахъ,—это потому, что на родинѣ ихъ совершался политическій и религіозный переворотъ; мелкія конунгарства стали слагаться въ три государства: Швецію, Норвегію и Данію; вмѣстѣ съ тѣмъ проникло туда и христіанство, первыя сѣмена котораго принесъ „апостолъ сѣвера“ Ансгарій (ок. 827 г.). Мелкіе конунги, лишившіеся своихъ владѣній, становились викингами и отправлялись искать уже не одной добычи, но и новыхъ жилищъ. Одинъ изъ нихъ Ролло (Рольфъ) изъ Норвегіи утвердился въ Руанѣ и, собравъ многихъ соотечественниковъ, далеко простеръ свои хищническіе набѣги. Карлъ Простоватый предложилъ на сей разъ, вмѣсто денегъ, норманскому вождю всю страну отъ нижней Сены до моря съ тѣмъ, чтобы Ролло крестился и призналъ короля сюзереномъ. Ролло согласился и подъ именемъ Роберта I сдѣлался (911 г.) нормандскимъ герцогомъ. Норманны, не утрачивая воинственности, скоро

*) Бургундія послѣ прекращенія дома Лотаря досталась Карлу Лысому.

усвоили языкъ и культуру Франковъ (Французовъ) и со временемъ внесли новый элементъ въ составъ французской націи. Преемники Карла Простоватаго держались на престолѣ только благодаря герцогамъ Франціи—Гуго В. (племяннику Одо) и его сыну Гуго, прозванному Капетъ. Гуго В. предпочиталъ сажать королей, чѣмъ самому сдѣлаться королемъ; онъ былъ одинъ изъ сильнѣйшихъ вассаловъ; какъ герцогу Франціи, владѣвшему Парижемъ и Орлеаномъ, ему подчинены были многіе крупные вассалы, а младшій сынъ его наслѣдовалъ бургундское*) герцогство. Старшій сынъ Гуго Капетъ, по смерти *каролинга* Людовика V Лѣниваго, провозглашенъ былъ вельможами королемъ въ 987 г. Такимъ образомъ во Франціи воцарилась новая династія, получившая имя Капетинговъ.

§ 26. **Германія при Арнульфѣ и Людовикѣ Дитяти. Мадьяры.** Германія, страдавшая не менѣе Франціи отъ Норманновъ, переносила еще опустошенія и пожары отъ другаго грознаго врага—Мадьяръ или Венгровъ (Угровъ). Народъ этотъ, финскаго происхожденія (родственный уральской вѣтви Финновъ), съ востока чрезъ черноморскія степи перекочевалъ на Дунай и занялъ прежнія жилища Аваровъ. Арнульфъ, твердо управлявшій Германіею и поразившій Норманновъ близъ Левена (въ нын. Бельгіи), самъ накликалъ бѣду на свою страну, натравивъ Венгровъ на великоморавскую державу. Разрушивъ послѣднюю и утвердившись между Карпатами и Дунаемъ въ странѣ, которая получила съ тѣхъ поръ названіе Венгріи, они сдѣлались бичемъ для Германіи и странъ приадріатическихъ. Рѣдкій годъ съ конца IX в. проходилъ безъ того, чтобы Мадьяры не опустошили ту или другую мѣстность, проникая въ глубь Германіи. Особенно участились ихъ набѣги въ правленіе сына Арнульфа, Людовика Ребенка

*) Не смѣшивать съ вышеупомянутыми бургундскими государствами.

(† 911), а это, вмѣстѣ съ малолѣтствомъ короля, повело, какъ и во Франціи, къ дробленію государства. Областные правители, предоставленные самимъ себѣ, отлагались отъ короля; оставаясь по имени его вассалами, они приняли титулъ герцоговъ того племени, среди котораго лежали ихъ владѣнія. Таковы герцоги: саксонскій, франконскій, лотарингскій, швабскій, баварскій. Примѣру ихъ подражали нѣкоторые духовные вассалы и захватывали значительныя земли, напр. архіепископы майнцскій, кельнскій.

§ 27. **Соединенныя Германія и сѣверная Италія или священная римская имперія.** Послѣ смерти Людовика Ребенка Германія сдѣлалась государствомъ избирательнымъ. Духовные и свѣтскіе вельможи (епископы, герцоги, графы) избирали короля изъ своей среды, при чемъ обыкновенно держались одной и той же фамиліи до ея прекращенія. Вотъ почему германскую корону носилъ сначала саксонскій домъ (до 1024 г.), а потомъ франконскій (до 1125 г.). Первый король изъ саксонскаго дома, Генрихъ I Птицеловъ извѣстенъ тѣмъ, что построилъ въ наслѣдственныхъ своихъ владѣніяхъ, Саксоніи и Тюрингіи, укрѣпленные „бурги“, которые позднѣе превратились въ города. Кромѣ того онъ прославился побѣдами надъ Венграми, продолжавшими разносить опустошенія и пожары, а также покореніемъ нѣкоторыхъ заэльбскихъ Славянъ, какъ Оботритовъ, Гавелловъ; городъ послѣднихъ, Бранный Боръ, завоеванный Птицеловомъ, Нѣмцы переименовали въ Бранденбургъ.

Еще славнѣе было царствованіе сына и преемника Генриха, Оттона В. (936—973). Онъ присоединилъ къ Германіи сѣверную Италію и пріобрѣлъ римскую императорскую корону. Вотъ какъ это случилось. Послѣ низложенія Карла Толстаго, Италія долгое время была обуреваема раздорами за короны королевскую и императорскую; спорили италіанскіе вассалы и владѣтели нижне—и верхнебургундскіе. Когда

около половины X ст. умеръ императоръ—король Лотарь нижнебургундскій, Беренгаръ, графъ иврейскій, простеръ свои руки къ обѣимъ коронамъ и заключилъ въ одномъ замкѣ вдову Лотаря за отказъ ея сдѣлаться женою его порочнаго сына. Адельгейда (имя вдовы Лотаря) обратилась съ просьбою о помощи къ Оттону и тотъ не замедлилъ явиться съ войскомъ за Альпами, женился на Адельгейдѣ и возложилъ на свою голову ломбардскую желѣзную корону. Беренгаръ, сначала оставленный намѣстникомъ, былъ потомъ лишенъ власти и заточенъ въ монастырь. Десять лѣтъ спустя, въ 962 г. Оттонъ по приглашенію папы Іоанна XII, извѣстнаго своею порочною жизнью, прибылъ въ Римъ и былъ здѣсь провозглашенъ и коронованъ императоромъ. Съ тѣхъ поръ императорскій титулъ сталъ надолго достояніемъ германскихъ королей, а соединенныя сѣверная Италія и Германія получили названіе *священной римской имперіи*. Еще два раза Оттонъ ходилъ въ Римъ и утвердилъ за собою тѣ верховныя права въ *вѣчномъ* городѣ, какія принадлежали Карлу В.; между прочимъ, по случаю избранія народомъ и духовенствомъ новаго папы на мѣсто низложеннаго Оттономъ за клятвопреступленіе Іоанна, онъ потребовалъ отъ *римлянъ* присяги, что безъ согласія и подтвержденія императоромъ впредь не будетъ избираемъ папа.

Въ Германіи Оттонъ воевалъ съ непокорными герцогами и графами, отнималъ у виновныхъ лены и отдавалъ своимъ приверженцамъ,—этимъ онъ думалъ поднять значеніе выборнаго короля-императора. Венграмъ онъ нанесъ такое пораженіе на *лехскомъ* полѣ (955, недалеко отъ Аугсбурга), что они съ тѣхъ поръ прекратили свои набѣги и предались осѣдлой жизни на берегахъ Дуная. Также удачно Оттонъ воевалъ съ Датчанами и прибалтійскими Славянами и укрѣпилъ основанныя еще Генрихомъ Птицеловомъ марки шлезвигскую и лужицкую. Князья сосѣднихъ славянскихъ зе-

мель—чешскій и польскій—признавали Оттона леннымъ господиномъ.

Преемники Оттона В.: Оттонъ II, Оттонъ III, Генрихъ II (изъ саксонскаго дома), Конрадъ II и Генрихъ III (изъ франконскаго), старались поддержать и въ Германіи и внѣ ея значеніе императорскаго достоинства. Всѣ они предпринимали походы за Альпы, чтобы утвердить свою власть въ Италіи, при чемъ нерѣдко распоряжались самовластно замѣщеніемъ папскаго престола и заставляли себя короновать римскими императорами; но попытки отнять южную Италію у Византіи были неудачны. За то на западѣ они расширили предѣлы имперіи, такъ Оттонъ II пріобрѣлъ Лотарингію—страну, за которую спорили франкскіе и германскіе короли; а Конрадъ II склонилъ бездѣтнаго короля арелатскаго уступить ему право на бургундскую корону *). Восточные предѣлы были постояннымъ театромъ войны съ Лютичами и другими полабскими Славянами, которые упорно отстаивали свободу и религію Святовита. Христіанство, проникшее къ нимъ съ мечемъ въ рукахъ, съ десятинами и разными поборами, прививалось медленно. Лужицкая марка для болѣе успѣшной борьбы была раздѣлена на три марки; сюда переселялись Нѣмцы, захватывали земли и въ качествѣ вассаловъ составляли постоянную вооруженную силу. Поляки и Чехи то враждовали, то дружились съ Нѣмцами и князья ихъ то свергали зависимость, то признавали себя императорскими вассалами.

§ 28. **Норманны въ южной Италіи и неаполитанское королевство.** Въ то время какъ сѣверная Италія (отчасти и средняя) соединилась съ Германіею, южная была театромъ

*) Государство бургундское или арелатское образовалось изъ соединенія нижней и верхней Бургундіи. Хотя Конрадъ II и овладѣлъ бургундскимъ королевствомъ, но многіе вассалы отдѣлились (графы Прованса, Дофине) и признали себя ленниками королей французскихъ.

безпрерывныхъ столкновеній Грековъ, которымъ принадлежала значительная часть страны, Сарацинъ и мелкихъ владѣтелей (лангобардскихъ) Беневента, Салерно, Неаполя и др. Въ такомъ положеніи находилась южная Италія, когда сюда пришли въ полов. XI в. Норманны изъ сѣверной Франціи въ качествѣ пилигримовъ. Приглашенные на помощь двумя мелкими владѣтелями противъ Грековъ, они утвердились къ сѣверу отъ Неаполя, въ городѣ Аверсѣ, и призвали своихъ соотечественниковъ. Успѣхъ привлекъ многихъ и предпріятіе Норманновъ получило новый толчокъ, когда въ Апулію пришли съ своими людьми сыновья графа Танкреда Отвилля (de Hauteville), изъ которыхъ особенно извѣстенъ Робертъ Гюискаръ. Греки вздумали воспользоваться Норманнами для возвращенія Сициліи отъ Арабовъ. Дѣйствительно, Норманны побѣдили Сарацинъ и въ короткое время бо́льшая часть острова признала власть византійскаго императора. Но обиженные при дѣлежѣ добычи Норманны обратили оружіе противъ Грековъ въ южной Италіи и скоро завладѣли всею страною; папа Левъ IX, хотѣвшій помѣшать этому, побывалъ въ плѣну у нихъ. Робертъ Гюискаръ, докончивъ завоеваніе, принялъ титулъ герцога Апуліи и Калабріи (вторая половина XI в.), и, чтобы не имѣть врага въ папѣ, призналъ себя его вассаломъ; между тѣмъ братъ его Рожеръ овладѣлъ Сициліею въ 1072 г. Когда линія Роберта прекратилась, сынъ Рожера, Рожеръ II, соединилъ южную Италію и Сицилію и, получивъ отъ папы королевскую корону, назвался королемъ Неаполя и Сициліи или неаполитанскимъ (около пол. XII стол.).

II. Начало государственной жизни у западныхъ и южныхъ Славянъ и просвѣщеніе ихъ христіанствомъ. Кириллъ и Меѳодій.

§ 29. **Начальная исторія Болгаръ, Чеховъ и Поляковъ.** Раньше другихъ Славянъ устроились государствами, какъ мы знаемъ, Сербы и Хорваты. Страны, занятыя ими, дробились на мелкія волости или жупы, которыя составляли союзъ и подчинялись общему правителю—*великому жупану*. Начальная исторія Сербовъ и Хорватовъ намъ мало извѣстна.

Государство у Славянъ въ Мезіи появилось въ VII в., когда они покорены были соплеменниками Болгарами, перешедшими за Дунай подъ начальствомъ Аспаруха (Есперика). Внесенный завоевателями воинственный элементъ имѣлъ послѣдствіемъ новые опустошительные набѣги Славяно-Болгаръ на Византію. Особенно страшенъ былъ для имперіи болгарскій князь Крумъ (современникъ Карла В.), распространившій свои владѣнія въ Панноніи на счетъ побѣжденныхъ Карломъ Аваровъ. Въ войнѣ съ нимъ погибъ императоръ Никифоръ; Крумъ едва не взялъ Константинополя, окрестности котораго онъ страшно опустошилъ и подъ самыми стѣнами отпраздновалъ свои языческіе обряды человѣческими жертвами.

Древнѣйшая исторія Чеховъ и Поляковъ полна баснословныхъ народныхъ сказаній. Чехи пришли въ Богемію (такъ называлась страна отъ древнѣйшихъ обитателей, кельтическаго народа—Бойевъ) вскорѣ по распаденіи гунскаго царства, когда Германцы (Маркоманны, смѣнившіе Бойевъ) отхлынули на западъ. Названіе одного славянскаго племени „Чехи“ сдѣлалось общимъ для всѣхъ Славянъ, поселившихся въ котловинѣ, окруженной горами и орошаемой рѣками Эльбою и Моравою. Подобно другимъ Славянамъ, Чехи несли аварское иго; своимъ освободителемъ отъ Аваровъ они счи-

таютъ нѣкоего Само (около 627 г.), ему же приписываютъ побѣду надъ однимъ меровингскимъ королемъ. Вслѣдъ за тѣмъ преданіе знаетъ Крока и его младшую дочь Любушу, которая по желанію народа наслѣдовала отцу. Разъ къ Любушѣ на судъ, который она творила въ присутствіи народныхъ старшинъ (вѣча), пришли два брата, заспорившіе о раздѣлѣ отцовскаго наслѣдства. Недовольный рѣшеніемъ суда старшій братъ сталъ попрекать Чеховъ, что надъ ними властвуетъ женщина; Любуша отказалась отъ престола, а народные старшины положили признать того княземъ, кого Любуша возьметъ въ мужья. Выборъ ея палъ на земледѣльца Премысла, котораго посланные застали за сохой и привезли въ столицу Вышеградъ. Премыслъ и считается родоначальникомъ династіи Премысловичей, которая долго и со славою правила Чехіею *). Съ именемъ Премысла Чехи связываютъ начало своей государственной жизни и законодательства, а Любушѣ приписываютъ построеніе на возвышенномъ мѣстѣ въ Вышеградѣ замка, по имени котораго—Прагѣ—назвался потомъ и городъ, и самое названіе замка *прагою* произошло будто отъ отвѣта Любушѣ одного работника, что онъ работаетъ порогъ „prag“. Карлъ В. обложилъ Чеховъ и ихъ сосѣдей Моравовъ данью; послѣ Карла они отвоевали себѣ независимость и съ тѣхъ поръ начинаются враждебныя столкновенія съ Нѣмцами. Ко времени этой первой войны за независимость упоминается князь моравскій Моймиръ, при которомъ Моравы, кромѣ Моравіи, владѣли и значительною частью нын. Венгріи, гдѣ и находилась столица князя Велеградъ.

Главныя славянскія племена, вошедшія въ составъ польскаго государства и получившія общее названіе Поляковъ, были слѣдующія: Куявы, Мазуры и Вѣлохорваты по Вислѣ, По-

*) Въ память о происхожденіи Премысла короли чешскіе при коронованіи надѣвали его лапти.

ляне (или Поляки) по Вартѣ и Силезцы по верхнему теченію Одера. Изъ доисторическаго времени до насъ дошли преданія о Кракусѣ, основателѣ Кракова, и его дочери Вандѣ, такъ поразившей своею красотою нѣмецкое войско, что оно разбѣжалось, о Лешкахъ, Попелахъ. Преданія о Кракусѣ и Вандѣ относятся къ Малой Польшѣ или южной, орошаемой Вислой съ ея притоками и наполненной отрогами *карпатскихъ* горъ; главными городами здѣсь были Краковъ и Судомиръ (Сендомиръ), оба на Вислѣ. Легенды о Попелахъ*) связаны съ мѣстностью около озера Гопло въ Великой Польшѣ или сѣверной; здѣсь были города: Гнѣзно, мѣстопребываніе архіепископа примаса Польши, и Познань въ долинѣ Варты. Въ IX в. въ лицѣ Земовита воцарилась династія Пястовъ; подобно Премыслу Пястъ, отецъ Земовита, считается земледѣльцемъ.

§ 30. **Начало христіанства у Славянъ и просвѣтительная дѣятельность Кирилла и Меѳодія.** Славяне, поселившіеся на *балканскомъ* полуостровѣ, раньше другихъ своихъ сплеменниковъ познакомились съ евангельскимъ ученіемъ. Уже императоръ Гераклій призвалъ для Сербовъ и Хорватовъ учителей изъ Рима, такъ какъ Иллирія и Далмація, хотя и входили въ составъ византійской имперіи, но въ церковномъ отношеніи принадлежали къ римской митрополіи. Проповѣдь первыхъ миссіонеровъ сопровождалась успѣхомъ, но далеко не весь народъ обратился и вторичное насажденіе христіанства у Хорватовъ относится къ полов. IX в. при великомъ жупанѣ Терпимірѣ. Другіе балканскіе Славяне, въ Македоніи, Ѳессаліи, были крещены греческими проповѣдниками. Въ Чехіи, Моравіи и Польшѣ Слово Божіе проповѣдывали мо-

*) О Попелѣ II преданіе гласитъ, что онъ отравилъ своихъ дядей и что изъ труповъ ихъ вышло множество мышей, которыя преслѣдовали Попела и наконецъ съѣли его, хотя онъ и укрылся на островѣ озера Гопло.

нахи изъ Германіи, но народъ крестился неохотно или опять впадалъ въ язычество, какъ вслѣдствіе враждебныхъ отношеній къ Нѣмцамъ, такъ и потому, что не понималъ богослуженія на латинскомъ языкѣ. Заслуга прочнаго утвержденія христіанства среди Чехо-Моравовъ, а также у Болгаръ и Сербовъ, принадлежитъ братьямъ Кириллу и Меѳодію, по справедливости называемымъ „славянскими апостолами“.

Кириллъ и Меѳодій были родомъ Греки изъ македонскаго города Солуня (Ѳессалоника), въ окрестностяхъ котораго славянская рѣчь раздавалась наравнѣ съ греческою. Отказавшись отъ карьеры, которая ожидала ихъ и по происхожденію и по воспитанію, братья посвятили себя служенію церкви. Константинъ (мірское имя Кирилла) былъ священникомъ и нѣкоторое время занималъ должность библіотекаря при св. Софіи въ Константинополѣ, а Меѳодій постригся въ монахи на Олимпѣ. Дѣйствуя сначала въ качествѣ миссіонеровъ среди окружавшихъ Славянъ, они принялись за великое дѣло перевода священныхъ и богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ. Этими переводами положено было начало церковно-славянской письменности. Многіе думаютъ, что братья изобрѣли и азбуку, заимствовавъ ее изъ греческаго алфавита; но сохранилось извѣстіе, что не только письмо славянское существовало раньше, но и самое Евангеліе было уже переведено. Съ ними Кириллъ познакомился, если извѣстіе вѣрно, въ Корсунѣ, городѣ, въ которомъ онъ обрѣлъ и мощи св. Климента. Посѣщеніе Корсуня, въ окрестностяхъ котораго жили Болгары (сплеменники дунайскихъ), связано съ путешествіемъ братьевъ для христіанской проповѣди въ страну Хазаръ, обитавшихъ между Волгою и Дономъ. При этомъ разсказывается, что Кириллъ, прозванный за ученость „философомъ“, имѣлъ пренія о вѣрѣ съ еврейскими и могаммеданскими проповѣдниками и склонилъ многихъ Хазаръ къ крещенію. Наличность письма и даже переводовъ нисколько не умаляетъ

заслугъ братьевъ—они двинули то, что было только въ зародышѣ: пришлось и совершенствовать азбуку, и исправлять сдѣланное и прибавлять недостающее. А главная заслуга въ томъ, что они сдѣлали Слово Божіе доступнымъ; языкъ, на который переведены были Евангеліе, Апостолъ, Псалтырь, былъ понятенъ всѣмъ Славянамъ (это, по всей вѣроятности, болгаро-славянская вѣтвь славянскаго языка). Пріобрѣтенная извѣстность доставила славянскимъ апостоламъ скоро обширный кругъ дѣятельности. Моравскій князь Ростиславъ просилъ императора Михаила III прислать учителей для утвержденія народа въ христіанствѣ. По предложенію императора братья отправились и съ тѣхъ поръ (862 г.) Кириллъ и Меѳодій подвизались до самой смерти среди Чехо-Моравовъ. Проповѣдь на языкѣ понятномъ доставила братьямъ огромный перевѣсъ надъ нѣмецкимъ духовенствомъ; многіе, колеблющіеся или остававшіеся въ язычествѣ, присоединились къ христовой паствѣ. Нечего и говорить, что нѣмецкіе священники встрѣтили враждебно Кирилла и Меѳодія и, благодаря начавшемуся уже тогда спору Фотія съ Николаемъ, обвиняли ихъ въ распространеніи ереси. Призванные въ Римъ братья оправдались и преемникъ Николая I Адріанъ II разрѣшилъ славянское богослуженіе, о чемъ хлопоталъ и моравскій князь, видя въ этомъ опору церковной и политической независимости отъ Нѣмцевъ. Константинъ умеръ въ Римѣ въ 869 г., постригшись передъ смертью подъ именемъ Кирилла; Меѳодій, возвратившись въ качествѣ епископа моравскаго и паннонскаго, продолжалъ поучать и переводить. Но такъ какъ онъ не хотѣлъ подчиниться архіепископу зальцбургскому, то подвергся новымъ гоненіямъ и даже заключенію по приговору баварскихъ епископовъ. Освобожденный по требованію папы Іоанна VIII, который призвалъ его снова въ Римъ, Меѳодій блистательно опровергъ новыя обвиненія и папа призналъ независимость моравской церкви,

во главѣ которой и стоялъ Меѳодій до самой смерти (885). При непосредственномъ его участіи славянское богослуженіе распространилось и въ Чехіи, между прочимъ Меѳодій окрестилъ чешскаго князя Буривоя и его жену св. Людмилу. По смерти Меѳодія латино-нѣмецкое духовенство усилило гоненіе на славянское богослуженіе и на учениковъ солунскихъ братьевъ; латинская литургія стала опять водворяться, одно время она существовала рядомъ съ славянскою, но скоро одержала верхъ. Такому исходу способствовали наступившія политическія смуты и поселеніе на Дунаѣ Венгровъ, загородившихъ западнымъ Славянамъ сношенія съ южными соплеменниками и Византіею.

§ 31. **Великоморавская держава и Чехія при двухъ Болеславахъ.** Ростиславъ, отстаивавшій независимость своей страны отъ Нѣмцевъ, палъ жертвою измѣны; племянникъ его, удѣльный князь Святополкъ, выдалъ дядю германскому королю Людовику Нѣмецкому. Занявъ великокняжескій столъ, Святополкъ сначала призналъ себя вассаломъ германскаго короля, но скоро свергъ зависимость и сдѣлался основателемъ могущественнаго государства—*великоморавской державы*. Онъ покорилъ паннонскихъ Славянъ, князь которыхъ Коцелъ участвовалъ вмѣстѣ съ Ростиславомъ въ приглашеніи свв. Кирилла и Меѳодія; такимъ образомъ Святополкъ придвинулъ свое государство къ предѣламъ болгарскаго царства; Славяне чешскіе и силезскіе также признали его власть. Но вражда съ Нѣмцами не прекращалась, и Арнульфъ, какъ мы знаемъ, направилъ на моравскую державу Мадьяръ. Святополкъ неоднократно поражалъ Венгровъ, но усобицы, наступившія послѣ смерти его († 894)—при чемъ младшій сынъ заключилъ союзъ съ Нѣмцами противъ старшаго Мойміра—повели къ распаденію государства и торжеству враговъ. Чехи воспользовались смутами и при помощи Нѣмцевъ отложились; съ тѣхъ поръ и началось вытѣсненіе славянскаго богослуже-

нія и чешская церковь признала себя зависимою отъ регенсбургскаго епископа. Между тѣмъ Венгры, покоривъ восточную Паннонію, принадлежавшую Болгарамъ, овладѣли и остальною страною, и Панноніа стала теперь называться Венгріею. Моймиръ потерпѣлъ отъ нихъ пораженіе подъ Пресбургомъ (907 г.), моравское государство перестало существовать, часть его—собственно Моравія—соединилась съ Чехіею.

Въ Чехіи изъ преемниковъ Буривоя замѣчательны въ X вѣкѣ слѣдовавшіе одинъ за другимъ Вячеславъ и два Болеслава. Первый, внукъ Буривоя, признавшій себя вассаломъ Генриха Птицелова, построилъ много церквей (церковь св. Вита въ пражской крѣпости); онъ погибъ мученическою смертью и считается патрономъ страны. Братъ его Болеславъ I раздвинулъ предѣлы государства присоединеніемъ Моравіи (отъ Венгровъ), Силезіи и краковской земли, отнятыхъ у Мечислава польскаго; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ усилилъ княжескую власть: прежніе областные или племенные начальники (жупаны) замѣнены были княжескими чиновниками. Болеславъ II покорилъ (временно) галицкую Русь и учредилъ самостоятельную пражскую епископію съ согласія папы, но подъ условіемъ господства латинскаго обряда. Но со смертью Болеслава II († 999) завоеванія были утрачены; польскій король Болеславъ Храбрый отнялъ Силезію, Краковъ, Моравію и даже сѣлъ на чешскій престолъ. Послѣдовавшія за тѣмъ войны между Чехами и Поляками (при чемъ Моравія была отвоевана Чехами) подавали поводъ къ вмѣшательству германскихъ императоровъ, которые, помогая то той, то другой сторонѣ, не допускали образованія сильнаго западно-славянскаго государства.

§ 32. **Христіанство у южныхъ Славянъ и Симеонъ болгарскій.** Прочнѣе утвердилось дѣло славянскихъ апостоловъ у южныхъ Славянъ. Извѣстный намъ Крумъ перевелъ много

народу изъ Ѳракіи и Македоніи въ Панноніо, отнятую имъ у Аваровъ, которые съ тѣхъ поръ болѣе не упоминаются въ исторіи. Между поселенными были Славяне, уже исповѣдовавшіе христіанство. Преемникъ Крума, недовольный, что нѣкоторые изъ его подданныхъ крестились, воздвигъ гоненіе на христіанъ, при чемъ погибло мученическою смертью нѣсколько епископовъ, добровольно сопровождавшихъ поселенцевъ. Но когда княземъ сдѣлался Борисъ или Богорисъ, весь болгарскій народъ просвѣтился христіанствомъ. Самъ Борисъ, убѣжденный сестрою-христіанкою *), увѣровалъ въ Бога истиннаго; разсказываютъ, что наставникомъ его въ вѣрѣ былъ св. Меѳодій, могшій посѣтить Болгарію передъ отправленіемъ въ Моравію; но обрядъ крещенія совершенъ былъ однимъ греческимъ епископомъ (ок. 864 г.). Когда онъ задумалъ крестить народъ, вельможи *(были* или *бояре)* подняли мятежъ; Борисъ усмирилъ ихъ, многихъ казнилъ, но народъ помиловалъ, и тотъ сталъ принимать новую вѣру. Такъ вмѣстѣ съ христіанствомъ окрѣпла и государственная власть въ Болгаріи. Не желая подчиняться въ церковномъ отношеніи Византіи, съ которой Болгары часто воевали, Борисъ обратился къ папѣ Николаю I съ просьбою прислать учителей и возвести Болгарію на степень особаго патріаршества (или по крайней мѣрѣ архіепископства). Папа обрадовался, отправилъ епископовъ и священниковъ, которые и довершили крещеніе народа и убѣждали Бориса изгнать всѣхъ не латинскихъ проповѣдниковъ. Но скоро обнаружились властолюбивые замыслы папы, который не хотѣлъ поставить архіепископа, угоднаго князю, а съ другой стороны Фотій и императоръ греческій указывали Борису на неправильныя ученія латиновъ. Кончилось тѣмъ, что, когда константинопольскій соборъ рѣшилъ,

*) Сестра Бориса приняла христіанство, будучи въ плѣну въ Константинополѣ.

что церковь болгарская, какъ насажденная греческими проповѣдниками, принадлежитъ къ византійской митрополіи, Болгарія возсоединилась съ церковью восточною (870 г.). Борисъ принялъ архіепископа, назначеннаго патріархомъ Игнатіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ восторжествовало и славянское богослуженіе. Ученики Меѳодія (св. Гораздъ, св. Климентъ и др.), преслѣдуемые въ Моравіи, были радостно приняты въ Болгаріи и продолжали здѣсь дѣло, начатое братьями-учителями. Они переводили съ греческаго и писали самостоятельныя сочиненія; благодаря имъ болгаро-славянская письменность получила блистательное развитіе; она въ теченіе вѣковъ питала умственныя потребности какъ Болгаръ, такъ и Русскихъ и Сербовъ. Ея процвѣтаніе совпадаетъ съ царствованіемъ сына Бориса, Симеона Великаго (888—927 г.). Самъ Симеонъ участвовалъ въ церковной письменности, такъ онъ перевелъ многія *слова* Іоанна Златоуста и составилъ изъ нихъ сборникъ „златоструй“. Княженіе Симеона протекло въ частыхъ войнахъ. Въ началѣ правленія онъ отразилъ посланныхъ на него Византіей Мадьяръ, но не могъ помѣшать имъ покорить задунайскую Болгарію или восточную Панноніо и разрушить великоморавскую державу. Въ одной войнѣ съ Греками онъ одержалъ такую побѣду, что мечталъ уже о завоеваніи Константинополя и принялъ титулъ царя. Война съ Сербами и Хорватами привела къ кратковременному ихъ подчиненію Симеону.

Одновременно съ болгарскою, сербская и хорватская церкви также приняли греко-славянскій обрядъ. Опасность, угрожавшая адріатическому побережью отъ Арабовъ изъ Сициліи, сблизила Хорватовъ съ Византіею, а Сербы просили императора Василія прислать священниковъ для утвержденія однихъ въ вѣрѣ и крещенія другихъ. Такое явленіе объясняется тѣмъ, что дѣло Кирилла и Меѳодія, хотя и не подвизавшихся лично у Сербовъ и Хорватовъ, было дѣломъ род-

нымъ для всѣхъ Славянъ. Правда, хорватская церковь, послѣ рѣшенія собора въ городѣ Сплѣтѣ (925 г.), чтобы никто не служилъ на языкѣ славянскомъ, подчинилась Риму; Сербы же остались вѣрны восточной церкви и славянскому богослужебному языку. Съ тѣхъ поръ историческая жизнь этихъ двухъ народовъ пошла розно.

§ 33. **Христіанство у Поляковъ и Болеславъ Храбрый.** Настоящимъ основателемъ польскаго государства считается *пястъ* Мечиславъ (вторая полов. X вѣка), который соединилъ подъ своею властью племена, населявшія Великую Польшу, Силезію и Мазовію (страну Мазуровъ). При немъ польскіе Славяне начали усвоивать христіанскую религію. Первые учителя пришли изъ Чехіи вмѣстѣ съ женою Мечислава Домбровкою, дочерью Болеслава чешскаго; она убѣдила мужа креститься, и князья-родственники одно время дѣйствовали за одно противъ общихъ враговъ Нѣмцевъ. Чешскіе священники принесли славянское богослуженіе, но оно скоро было вытѣснено латинскимъ, когда Мечиславъ сблизился съ Нѣмцами и призналъ себя вассаломъ Оттона В. Сынъ его Болеславъ Храбрый (992—1025) принялъ королевскій титулъ и возстановилъ независимость государства, которое онъ увеличилъ завоеваніемъ Малой Польши, Моравіи и нѣкоторыхъ полабскихъ Славянъ (Лужичанъ). Подчиненіе послѣднихъ и желаніе сѣсть на чешскій престолъ вовлекли его въ войну съ германскими императорами, съ которыми соединились Чехи и заэльбскіе Славяне. Въ царствованіе Болеслава Храбраго утвердилась въ Польшѣ латинская церковь трудами св. Войтеха, бывшаго прежде пражскимъ епископомъ. Этотъ Войтехъ (у Нѣмцевъ Адальбертъ) былъ убитъ Пруссами, которымъ онъ проповѣдывалъ христіанство. Болеславъ выкупилъ его тѣло и положилъ останки въ гнѣзненскомъ соборѣ. Императоръ Оттонъ III отправился на поклоненіе гробу святаго мужа, Болеславъ роскошно его угощалъ и получилъ отъ него под-

твержденіе независимости. Съ преемникомъ Оттона Генрихомъ II король польскій воевалъ, но вышелъ изъ борьбы съ торжествомъ. Періодъ, начатый Болеславомъ Хр., періодъ завоеваній, продолжался до половины XII стол.; изъ королей замѣчательны: Казиміръ, Болеславъ II и Болеславъ III Кривоустый; послѣдній завоевалъ Поморье, страну поморскихъ Славянъ (по *балтійскому* морю).

III. Исторія Византіи и южныхъ Славянъ до конца XI ст.

§ 34. **Время македонсной династіи и первыхъ Комненовъ въ византійской имперіи.** Подъ управленіемъ македонской династіи, вступившей на престолъ въ лицѣ Василія, византійская имперія переживала сравнительно лучшія времена, хотя прежнія явленія продолжали подтачивать жизненныя силы государства. Интриги и козни царственныхъ женщинъ, полководцевъ и другихъ приближенныхъ ко двору, религіозныя волненія, буйное войско, наполнявшееся иноземцами, между прочимъ Варягами (Норманнами) и кочевниками, тяжелые налоги и рядомъ съ этимъ безпрерывныя войны съ сосѣдями составляютъ по прежнему содержаніе византійской исторіи въ теченіе цѣлыхъ двухъ вѣковъ. Войны происходили съ кочевниками (Печенѣгами), съ русскими князьями, Болгарами и Сербами, съ Арабами въ Сициліи и на морѣ, съ разными мусульманскими державцами въ Азіи, а въ концѣ излагаемаго періода съ Норманнами въ южной Италіи и Сельджуками въ Азіи; войны эти заставляли держать на готовѣ войско и потакать ему и выдвинувшимся полководцамъ. Какъ ни доблестно поддерживали нѣкоторые государи и полководцы честь греческаго оружія, но предѣлы государства все съужи-

вались и подъ конецъ владѣнія имперіи ограничились Ѳракіею, Македоніею, Греціею и частью Малой Азіи. При всемъ томъ значеніе Византіи и теперь, какъ и въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, заключается въ томъ, что она была оплотомъ противъ мусульманскаго міра и хранила духовныя пріобрѣтенія предковъ до тѣхъ поръ, пока западная Европа не дозрѣла къ ихъ воспріятію. Наука права не остановилась съ изданіемъ кодекса Юстиніана, а продолжала развиваться. Въ то время какъ на западѣ одно духовенство было сколько нибудь образованнымъ сословіемъ, въ византійской имперіи міряне, и въ томъ числѣ многіе государи, были двигателями просвѣщенія. Таковы напр. императоры: Левъ Философъ, Константинъ Багрянородный, Михаилъ VII; замѣчательны и царственныя женщины: Анна Комненъ, написавшая исторію своего отца Алексѣя, и Евдокія, жена Константина X.

Первый императоръ изъ дома македонскаго Василій (867—886) заботился о правосудіи; начатый при немъ сборникъ законовъ оконченъ былъ въ царствованіе его сына Льва Философа (886—911) и изданъ подъ именемъ „василикъ“, —это своевременная переработка *юстиніанова* кодекса на греческомъ языкѣ. Войны Льва съ Симеономъ болгарскимъ и Арабами были неудачны. Сынъ его Константинъ Багрянородный (911—959) посвящалъ время научнымъ занятіямъ, а государствомъ управляли, сначала тесть Романъ, а потомъ жена. Романъ заключилъ постыдный миръ съ Петромъ болгарскимъ (обязался платить дань). При слабомъ сынѣ Константина, Романѣ II, жена послѣдняго Ѳеофано забрала всю власть въ свои руки, а братья—полководцы Фоки покрыли себя славою въ войнѣ съ мусульманами въ Сиріи и Месопотаміи. Одинъ изъ нихъ Никифоръ послѣ Романа получилъ престолъ вмѣстѣ съ рукою Ѳеофано, заподозрѣнной въ смерти мужа. Никифоръ Фока (963—969) пересталъ платить дань Болгарамъ и направилъ на нихъ русскаго князя Святослава. Онъ погибъ жертвою

заговора, въ которомъ участвовала и Θеофано, а глава заговора, Іоаннъ Цимисхій, замѣчательный полководецъ, сдѣлался императоромъ (969—976). Послѣ удаленія Святослава, Цимисхій привелъ Болгаръ въ зависимость, а въ Азіи воевалъ съ такимъ успѣхомъ, что положилъ конецъ царству Гамаданидовъ (мусульманской династіи, владѣвшей Мосуломъ и Алеппо). Послѣ Цимисхія достигли престола законные наслѣдники, сыновья Романа, Василій II и Константинъ VIII. Василій II окончательно подчинилъ Болгаръ („Болгаробойца"), а также Сербовъ и Хорватовъ. Константинъ, правившій вмѣстѣ съ братомъ, пережилъ его и оставилъ только дочерей. Именемъ старшей Зои управляли государствомъ одинъ за другимъ ея мужья; при третьемъ ея мужѣ Константинѣ IX Мономахѣ († 1054) въ Сициліи начали утверждаться Норманны, а въ Малой Азіи Сельджуки. Послѣ его смерти царствовала сестра Зои Θеодора, послѣдняя отрасль македонской династіи. Назначенный ею преемникъ долженъ былъ уступить престолъ храброму полководцу Исааку Комнену, основателю новой династіи. Исаакъ Комненъ (съ 1057 г.) съ достоинствомъ управлялъ государствомъ и передалъ власть своему родственнику Константину X Дукѣ, который, какъ и жена его, извѣстенъ ученостью. Въ царствованіе Дуки и его трехъ преемниковъ Норманны, Славяне и Сельджуки все болѣе и болѣе напираютъ на государство. Въ 1081 г. мятежъ доставилъ престолъ внуку Исаака, Алексѣю Комнену, въ царствованіе котораго начались крестовые походы.

§ 35. **Исторія Болгаръ послѣ Симеона В.** Въ Болгаріи Симеону В. наслѣдовалъ сынъ его Петръ (927—968). Война съ Византіею, начатая отцомъ, кончилась миромъ, который скрѣпленъ былъ бракомъ Петра съ Маріею, внучкою правителя Романа; византійскій дворъ обязался платежемъ дани. И, не смотря на это, въ царствованіе Петра Симеоновича начался упадокъ государства. Сербы и Хорваты, покоренные

Симеономъ, отложились, а духовное просвѣщеніе мало по малу заглохло, хотя время Петра и было временемъ распространенія въ Болгаріи иночества, основаніе которому положилъ знаменитый отшельникъ Іоаннъ *рыльскій* *). Въ самой церкви болгарской начались несогласія—сюда проникла съ востока ересь, получившая по имени священника названіе *богомиловъ;* богомилы придерживались ученія сходнаго съ *манихеями (павликіане* и *катары* въ зап. Европѣ). Первый ударъ болгарскому царству нанесенъ былъ русскимъ княземъ Святославомъ. По уходѣ послѣдняго Іоаннъ Цимисхій схватилъ законныхъ наслѣдниковъ, сыновей Петра, и отвелъ ихъ плѣнниками въ Константинополь, а Болгарія сдѣлалась византійскою провинціею (971).

Послѣ смерти Цимисхія Болгары и другіе балканскіе Славяне подняли возстаніе и въ нѣсколько лѣтъ образовали обширное государство, въ составъ котораго, кромѣ придунайской и приморской Болгаріи, вошли: забалканская Болгарія. Македонія, Албанія и Θессалія. Государемъ возродившагося болгарскаго царства сдѣлался Самуилъ, происходившій изъ знатнаго рода. Этотъ Самуилъ, прославившійся храбростью (особенно замѣчательна его побѣда надъ имп. Василіемъ недалеко отъ Срѣдца [нын. Софіи]), запятналъ себя убійствомъ отца и братьевъ. Василій, занятый войною въ Малой Азіи, не предпринималъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ Самуила и послѣдній, расширивъ свои владѣнія до *чернаго* моря и Архипелага, сталъ утверждаться на берегу Адріатики и привелъ въ зависимость сербскаго жупана Владиміра **). Но обширное славяно-болгарское государство оказалось непрочнымъ созданіемъ; въ концѣ X вѣка Василій началъ одновременно въ разныхъ мѣстахъ наступленіе и послѣ долгой упорной

*) Названіе *рыльскаго* получилъ Іоаннъ отъ пустыни, въ которую ушелъ.
**) Средоточіемъ *самуиловой* державы вмѣсто прежняго Великаго [illegible]става сдѣлались Срѣдецъ и Преспа (у *охридскаго* озера).

войны положилъ конецъ на скоро сплоченному государству. При этомъ Василій поступилъ жестоко съ плѣнными Болгарами, разсказываютъ, что онъ велѣлъ 15 тыс. выколоть глаза и оставилъ на каждую сотню слѣпыхъ вожатымъ одного криваго, и въ такомъ видѣ отослалъ ихъ къ Самуилу; послѣдній такъ былъ пораженъ, что палъ на землю замертво и чрезъ два дня скончался. Сынъ Симеона Гавріилъ-Родомиръ скоро погибъ отъ руки двоюроднаго брата Іоанна-Владислава. Послѣдній, считающійся также убійцею Владиміра сербскаго, заключилъ миръ съ императоромъ; но миръ былъ не продолжителенъ; Василій не довѣрялъ болгарскому царю и война скоро возобновилась. Владиславъ былъ убитъ и Василій Болгаробойца безъ особаго усилія овладѣлъ всѣмъ болгарскимъ царствомъ (ок. 1019 г.) *)

§ 36. **Сербы и Хорваты**. Исторія Сербовъ и Хорватовъ въ IX и X в., за недостаткомъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ, намъ извѣстна только отрывочно. Сложившаяся хорватская держава между Дравой и Савой, въ Славоніи и Кроаціи, признала власть Карла В.; но послѣ его смерти жупанъ Людевитъ поднялъ борьбу за независимость и страна свергла

---

*) Вотъ какъ объясняетъ причины паденія болгарскаго царства ученый славистъ Шафарикъ: „Болгарское царство никогда, даже во время наибольшей его обширности, силы и славы, не имѣло достаточно твердаго основанія, которое могло бы надолго утвердить его политическое существованіе. Находясь въ срединѣ двухъ враждовавшихъ между собою силъ, свѣтской и духовной, имперіей византійской и нѣмецкой, Константинополемъ и Римомъ, будучи возмущаемо сплетнями того и другаго, раздираемо безпрестанными нападеніями иноплеменниковъ, прежде всего Грековъ и Франковъ, а потомъ Грековъ, Мадьяръ, Печенѣговъ и Половцевъ, а внутри безпокоимо и разрываемо смѣсью непріязненныхъ одинъ другому народовъ, собственно такъ называемыхъ Болгаръ, Славянъ, Валаховъ, Арнаутовъ, Грековъ, Армянъ и др., царство болгарское должно было наконецъ, особенно по умноженіи въ немъ разврата, безнравственности и греческой низости, обезсилѣть и сдѣлаться добычей сильныхъ своихъ непріятелей“.

чужое иго. Въ концѣ IX в. подъ державою Брячислава государство было еще могущественно (сравни прежде сказанное о распространеніи христіанства), но вслѣдъ за тѣмъ оно было потрясено Мадьярами и потомъ завоевано Болгарами, а вмѣстѣ съ послѣдними подчинилось Византіи. Послѣ упадка державы *посавскихъ* Хорватовъ, центръ политической жизни перешелъ къ Хорватамъ *приморскимъ* (между Савою и *адріатическимъ* моремъ и вдоль моря до Цетиньи); приморскіе Хорваты дѣлились на 14 жупъ и имѣли сосѣдями городскія независимыя общины по берегу Далмаціи (Задръ [Зара], Сплѣтъ, Дубровникъ [Рагуза]). Это сосѣдство и общая церковная іерархія вели къ частымъ спорамъ между латинскимъ и славянскимъ духовенствомъ изъ-за богослужебнаго языка и назначенія епископа; наконецъ въ 925 г., при великомъ жупанѣ Томиславѣ, на *сплитскомъ* соборѣ, какъ мы знаемъ, рѣшено было подчиненіе Риму и осужденъ славянскій языкъ. Хотя славянское богослуженіе и письменность (въ измѣненной формѣ *глаголицы)* еще долго держались въ странѣ, но братья по происхожденію, Сербы и Хорваты, стали жить теперь каждые особою историческою жизнью; Хорваты сблизились съ западною Европою. Благодаря своему географическому положенію, они создали значительную морскую силу и сдѣлались соперниками Венеціи за обладаніе Адріатикою и участвовали въ борьбѣ Византіи съ Арабами и Норманнами въ южной Италіи. Преемники Томислава, Красиміръ и Держиславъ, принявшій въ концѣ X в. королевскій титулъ, раздвинули значительно предѣлы государства. Флотъ Хорватовъ въ это время состоялъ изъ 180 кораблей и они могли выставить 60 тысячъ конницы и 100 тысячъ пѣхоты. Но и государство приморскихъ Хорватовъ, подобно посавскимъ, не отстояло своей самобытности въ борьбѣ съ сосѣдями: оно пало главнымъ образомъ подъ ударами Венгровъ и республики Венеціи.

Сербы, какъ мы знаемъ, сохранили славянское бого-

служеніе, которое окончательно у нихъ утвердилось во времена Кирилла и Меѳодія при современникѣ Бориса болгарскаго, великомъ жупанѣ Мунтимірѣ. Послѣ его смерти престолъ захватилъ его племянникъ Петръ, что́ повело къ спорамъ съ родственниками. Смутами воспользовался Симеонъ В.; узнавъ о сношеніяхъ Петра съ Византіею, онъ доставилъ сербскій престолъ сначала Чеславу, а потомъ, завладѣвъ страною, отвелъ его плѣнникомъ въ Болгарію. При Петрѣ Симеоновичѣ этотъ Чеславъ Клониміровичъ бѣжалъ и сдѣлался независимымъ великимъ сербскимъ жупаномъ. Дальнѣйшая исторія недостовѣрна. Государство раздробилось и власть великаго жупана не признавалась правителями областей. Изъ жупъ, на которыя дѣлилась Сербія, пріобрѣтаютъ значеніе четыре въ югозападной части ближе къ адріатическому побережью. Эти четыре области, между которыми первенствующее мѣсто принадлежитъ Подгоріи, иначе называемой Діоклеею (сѣверная Черногорія и часть Герцеговины), сдѣлались ядромъ будущей могущественной сербской державы. Кто были правителями Діоклеи послѣ Чеслава мы не знаемъ; достовѣрная исторія начинается только съ вышеупомянутаго Владиміра, котораго лѣтописецъ называетъ „святымъ, блаженнымъ Владиміромъ“. Послѣ Владиміра Сербы признали надъ собою власть Василія Болгаробойцы. Но владычество Византіи возбудило неудовольствіе, тѣмъ болѣе, что императоры хотѣли управлять Сербіею непосредственно чрезъ намѣстниковъ. Около половины XI ст. произошло всеобщее возстаніе: Стефанъ-Бославъ, убѣжавшій изъ Константинополя, гдѣ онъ былъ заложникомъ, поднялъ народъ и греческіе правители были изгнаны; посланныя императоромъ Константиномъ Мономахомъ войска погибли въ горныхъ ущельяхъ. Эта побѣда не только дала Сербамъ независимость, но и повела къ ихъ объединенію—надъ отдѣльными жупанами возвысился Стефанъ въ качествѣ *великаго жупана*.

IV. Начало русскаго государства и его исторія до смерти Ярослава.

§ 37. **Народы, населявшіе европейскую Россію передъ ничаломъ русскаго государства.** Славянскія племена, положившія основу русской народности, занимали передъ эпохою образованія государства пространство, ограниченное озерами *чудскимъ* и Ильменемъ, верховьями Оки, нижнимъ теченіемъ Днѣстра и Днѣпра, *чернымъ* моремъ, Карпатами и верховьями запад. Двины. Вотъ главныя племена и ихъ мѣстожительство: собственно Славяне у озера Ильменя и по Волхову, Кривичи — самое многочисленное племя — по верховьямъ запад. Двины и Днѣпра; на югъ отъ нихъ по Днѣпру Сѣверяне, отъ Десны до Сулы, и Поляне по среднему теченію рѣки; сосѣдями послѣднихъ между Днѣпромъ и *азовскимъ* моремъ было племя Русь; на западъ отъ Днѣпра жили Древляне въ бассейнѣ р. Припети; въ степяхъ припонтійскихъ—Угличи и Тиверцы; въ странѣ подкарпатской — Хорваты; на востокъ отъ Днѣпра (кромѣ Сѣверянъ)—Радимичи на Сожѣ и Вятичи на Окѣ. Подобно другимъ Славянамъ, русскіе Славяне имѣли города; древнѣйшими были: Новгородъ у ильменскихъ Славянъ, Смоленскъ у Кривичей, Любечъ у Сѣверянъ, Кіевъ въ странѣ Полянъ и др. Сосѣдями Славянъ въ нынѣшней европейской Россіи были Литовцы, Финны и народы тюркскаго происхожденія. Литовцы или Литва жили въ Лифляндіи (Латыши) и Курляндіи, а также въ нынѣшнихъ губерніяхъ: ковенской (Жмудь), виленской, минской и гродненской (въ сосѣдствѣ по притокамъ зап. Буга и Нѣмана обитали еще Ятвяги, которыхъ тоже причисляютъ къ литовскому племени). Весь сѣверъ и сѣверо-востокъ Россіи населяло финское племя, къ нему принадлежали: Ливь и Чудь въ прибалтійскомъ краѣ, Весь на Бѣлоозерѣ, Меря, Мурома по Окѣ, Черемиса и Мордва по Волгѣ. Отъ сѣв. Двины и до горъ *уральскихъ*

лежала прославленная въ скандинавскихъ сагахъ Біармія (пермская губ.), привлекавшая своими богатствами норманскихъ викинговъ. Народъ бѣдный, какъ и окружающая природа, Финны занимались звѣроловствомъ и поклонялись стихійнымъ божествамъ. Они легко подчинялись вліянію славянскаго племени, которое селилось среди нихъ и основывало города, напр. Ростовъ въ землѣ Мери и Бѣлоозеро у Веси; мало по малу нѣкоторые Финны теряли свою народность и претворялись въ Русскихъ. На востокѣ и юго-востокѣ жили Болгары и Хазары. Первые обитали по Волгѣ и Камѣ и составляли смѣсь славяно-болгарскаго племени съ народами финскими и тюркскими. Волжскіе Болгары вели торговлю, особенно мѣхами, съ Русскими и народами восточными; средоточіемъ ея былъ городъ Великіе Болгары, ниже камскаго устья на лѣвомъ берегу Волги. Въ X в. они приняли магометанство. Хазары, тюркскаго происхожденія, занимали пространство между Волгою и Дономъ. Они часто нападали на Византію или помогали ей въ войнѣ съ Персами; позднѣе долго враждовали съ халифатомъ, а въ IX в. они налагали дань на Полянъ, Вятичей. Повелитель ихъ, *каганъ*, исповѣдывалъ іудейскую вѣру, но въ странѣ были христіане и мусульмане. Вели жизнь Хазары полукочевую, въ торговлѣ были посредниками между Русскими, Болгарами и востокомъ. Главный ихъ городъ назывался Итиль на Волгѣ, вблизи нынѣшней Астрахани.

§ 38. **Значеніе географическаго положенія восточной Европы для исторической жизни русскаго народа.** Обширная равнина европейской Россіи не представляетъ внутри значительныхъ возвышеній и обильна рѣчными бассейнами, которые несутъ свои воды къ окружающимъ страну морямъ. Эти географическія условія благопріятствовали образованію одного сплошнаго государства. Подвигаясь по теченію рѣкъ отъ истоковъ къ устьямъ, Русскіе путемъ колонизаціи и завоева-

нія распространяли государственную территорію и свою народность, пока не достигали естественныхъ морскихъ границъ. Подчиняя своей власти другіе народы, они вносили къ нимъ высшую христіанскую гражданственность и частью претворяли въ себя. Тамъ гдѣ, какъ на востокѣ и югѣ, горы *уральскія* и *кавказскія* не представляли непреодолимыхъ преградъ, Русскіе перешагнули ихъ и точно также раздвинулись до морей или большихъ рѣкъ.

Открытая на юго-востокѣ равнина соприкасалась съ степями средней Азіи. Послѣднее обстоятельство обусловливало другое важное историческое явленіе—борьбу съ кочевниками, которыхъ время отъ времени высылала Азія (Печенѣги, Половцы, Татары). Спасая въ безпрерывной борьбѣ съ ними Европу отъ повторенія нашествія въ родѣ гунскаго, Россія должна была вынести продолжительное монгольское иго и, благодаря ему, отстала надолго отъ западныхъ сосѣдей въ цивилизаціи.

Очень важное значеніе въ нашей древнѣйшей исторіи имѣлъ *великій водный путь* изъ моря *балтійскаго* въ *черное;* начинаясь у *финскаго* залива, онъ шелъ Невою, озеромъ *ладожскимъ,* рѣкою Волховомъ, озеромъ Ильменемъ, рѣкою Ловатью, за тѣмъ небольшими рѣками, а частью и сухимъ путемъ (пространство это называлось *волокомъ)* до Днѣпра и Днѣпромъ въ *черное* море. Этимъ путемъ съ сѣвера на югъ совершалась торговля съ Греціею и походы нашихъ первыхъ князей, а въ обратномъ направленіи распространялось христіанство, а съ нимъ и просвѣщеніе. Этимъ же путемъ Норманны, столь страшные западной Европѣ, отправлялись въ Византію, гдѣ они нанимались въ императорскую службу; по дорогѣ они могли иногда облагать данью ильменскихъ Славянъ и сосѣднихъ Финновъ. У Русскихъ они были извѣстны подъ именемъ Варяговъ.

§ 39. **Происхожденіе русскаго государства.** Свѣдѣнія о началѣ русскаго государства и дѣятельности первыхъ князей мы заимствуемъ изъ нашей начальной лѣтописи, составленной въ XII вѣкѣ. Свѣдѣнія эти недостовѣрны или въ цѣломъ или въ частностяхъ. Вотъ расказъ лѣтописи о происхожденіи государства: пришли Варяги изъ-за моря и наложили дань на Чудь, Славянъ (ильменскихъ), на Мерю, на Весь, на Кривичей (и въ тоже время—прибавляетъ лѣтописецъ—Хазары брали дань съ Полянъ, Сѣверянъ и Вятичей). Немного времени спустя племена, платившія дань Варягамъ, прогнали чужеземцевъ за море *„и почаша сами въ собѣ володѣти; и не бѣ въ нихъ правды и въста родъ на родъ и быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. И рѣша* (на общей сходкѣ или вѣчы) *сами въ себе: „поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву“*. И пошли они (разумѣется послы) за море къ Варягамъ, къ Руси, и сказали имъ: *„земля наша велика и обилна, а наряда* (порядка) *въ ней нѣтъ; да поидѣте княжить и володѣти нами“*. Собрались три брата съ родомъ своимъ, взяли съ собою всю Русь и пришли: старшій Рюрикъ сѣлъ въ Новгородѣ, Синеусъ—на Бѣлоозерѣ, а третій Труворъ въ Изборскѣ. Отъ нихъ и пошла русская земля. Событіе это лѣтописецъ относитъ къ 862 году (*„въ лѣто 6370“*).

Вопросъ о происхожденіи племени Русь рѣшался различно. Большинство изслѣдователей, то признавая фактъ призванія князей, то отрицая его, придерживаются того мнѣнія, что Русь были Норманны изъ Скандинавіи; другіе выводили Русь отъ балтійскихъ Славянъ, третьи изъ Литвы и т. д. Въ послѣднее время явилось новое, очень правдоподобное предположеніе, что Русь или Руссы народъ славянскій, издревле жившій между Днѣпромъ и *азовскимъ* моремъ и часто предпринимавшій морскіе набѣги на Византію.

Продолжаемъ въ извлеченіи расказъ лѣтописца о началь-

ныхъ временахъ нашего государства: спустя два года по призваніи князей Синеусъ и Труворъ умерли и всю власть принялъ Рюрикъ и раздалъ города своимъ мужамъ. Были у него два мужа, Оскольдъ и Диръ, не княжескаго рода, но бояре; они отпросились у Рюрика въ Царьградъ (Византію) и когда шли съ своимъ родомъ внизъ по Днѣпру, то увидѣли на горѣ городокъ и спросили, чей городъ. Имъ отвѣтили: было три брата: Кій, Щекъ и Хоривъ, они построили городокъ (Кіевъ) и перемерли, а мы платимъ теперь дань Хазарамъ. Оскольдъ и Диръ остались въ городѣ, собрали много Варяговъ и начали владѣть землею Полянъ. Вслѣдъ за тѣмъ Оскольдъ и Диръ на 200 ладьяхъ сдѣлали набѣгъ на Царьградъ, но буря, вставшая по заступничеству Богородицы, ризу которой патріархъ Фотій погрузилъ въ море, разбила русскія лодки и только немногіе съ князьями возвратились въ Кіевъ. По счету лѣтописца это случилось въ 866 году, въ царствованіе греческаго императора Михаила III. По смерти Рюрика (879 г.) княжилъ, за малолѣтствомъ его сына Игоря, Олегъ. Съ подвластными племенами Олегъ изъ Новгорода пошелъ по великому водному пути и, переступивъ волокъ, овладѣлъ Смоленскомъ, Любечемъ и посадилъ здѣсь своихъ мужей; затѣмъ подступилъ къ Кіеву, взялъ его хитростью и убилъ Оскольда и Дира. Сѣвъ въ Кіевѣ (т. е. ставши здѣсь княземъ), Олегъ сказалъ: *„се буди мати градомъ русьскимъ“*. Далѣе Олегъ покорилъ племена, жившія въ сторону отъ великаго пути, Сѣверянъ, Радимичей (освободивъ ихъ отъ Хазаръ) и Древлянъ и потребовалъ дани отъ всѣхъ подчиненныхъ племенъ. Въ заключеніе лѣтописецъ разсказываетъ объ удачномъ походѣ Олега на Византію; Олегъ вернулся съ богатою добычею и народъ прозвалъ его *вѣщимъ*. Подъ 912 годомъ занесено въ лѣтопись извѣстіе о смерти Олега отъ любимаго коня *).

*) Подробные разсказы о завладѣніи Кіевомъ, объ осадѣ Олегомъ Царьграда и пр., а равно разсказы о мести Ольги, подвигахъ Святослава

Вышеприведенные расказы о призваніи Рюрика съ братьями и о подвигахъ Олега слѣдуетъ отнести къ области вымысла; они, вѣроятно, заимствованы лѣтописцемъ изъ народныхъ сказаній. Исторически достовѣренъ одинъ фактъ— это набѣгъ Руссовъ на Византію въ 865 г. (по лѣтописи 866 г.), потому что онъ подтверждается греческими извѣстіями. Такіе набѣги бывали и прежде, но для насъ походъ 865 г. особенно важенъ, такъ какъ съ нимъ связано начало христіанства на Руси. Византійскіе источники знаютъ слѣдующее преданіе: Руссы, пораженные бурею, усомнились въ своихъ богахъ и изъявили желаніе креститься; когда къ нимъ прибылъ проповѣдникъ, они потребовали, чтобы онъ бросилъ въ огонь книгу, изъ которой читалъ. Священникъ, помолившись, исполнилъ требованіе, книга не сгорѣла и Руссы крестились (объ Оскольдѣ и Дирѣ греческіе писатели не упоминаютъ). Константинопольскій патріархъ послалъ въ ихъ страну епископа.

Что касается происхожденія русскаго государства, то оно для насъ такъ же темно, какъ и начало государственной жизни у другихъ Славянъ, Чехова, Поляковъ. Можно предполагать, что наиболѣе воинственное славяно-русское племя Русь (быть можетъ Роксаланы прежнихъ временъ) объединило родственныя племена и образовало то государство, которое въ IX в. является съ его именемъ „Русь“. Много настрадавшись въ борьбѣ съ иноплеменниками: Готами, Гуннами, Аварами и Хазарами, Русь окрѣпла, закалилась и сдѣлалась грозною своими морскими набѣгами на *черномъ* морѣ и Каспіи. Русскіе (русьскіе) князья, имена которыхъ

въ Болгаріи, крещеніи Владиміра и пр. и пр. пропущены, такъ какъ они знакомы учащимся изъ эпизодическаго курса; понятно, что они должны быть возобновлены въ памяти.

намъ неизвѣстны, утвердивъ свой *столъ* (столицу) въ странѣ Полянъ, въ Кіевѣ, подчинили постепенно своей власти славянскія племена по великому водному пути и въ сторону отъ него и, овладѣвъ Новгородомъ, дошли до *финскаго* залива; точно также они проникли въ страну Финновъ по Окѣ и верхнему теченію Волги. Покорность выражалась въ платежѣ дани, которую нѣкоторыя племена на югѣ давали прежде Хазарамъ, а на сѣверѣ, быть можетъ, Варягамъ. Послѣ, вѣроятно, упорной борьбы съ Хазарами, кіевскіе князья подчинили Черныхъ Болгаръ въ восточномъ Крыму и на Кубани; здѣсь по сосѣдству были греческія колоніи Пантикапея и Фанагорія, переименованныя Славянами въ Корчево и Тмутракань. Такъ, можно думать, сложилось въ восточной европейской равнинѣ государство, въ составъ котораго въ IX в. еще не входили нѣкоторыя крайнія славянскія племена на западѣ и Вятичи на Окѣ. Морскіе набѣги Руси повели и къ торговымъ сношеніямъ съ Византіею; понятно, правители сложившагося молодаго государства постарались обезпечить ихъ договорами. Первый такой договоръ относится ко временамъ лѣтописнаго князя Олега. Онъ былъ очень выгоденъ для русскихъ купцовъ или „гостей“ и лѣтопись объясняетъ это успѣхами Олега, прибившаго свой щитъ къ вратамъ Царьграда при императорѣ Львѣ Философѣ. Для насъ договоръ этотъ важенъ какъ древнѣйшій памятникъ славянорусской письменности (онъ дошелъ до насъ въ славянскомъ переводѣ). Изъ него мы, между прочимъ, узнаемъ, что по городамъ русскимъ сидѣли князья, подчиненные кіевскому князю; въ договорѣ сказано, что послы заключили его отъ имени не одного Олега, но и всѣхъ свѣтлыхъ князей русскихъ и бояръ *„иже суть подъ рукою его“*.

§ 40. **Игорь, Ольга, Святославъ.** Третій, по счету лѣтописца, русскій князь Игорь личность уже историческая, но далеко еще не всѣ извѣстія, какъ объ этомъ князѣ, такъ и о временахъ послѣдующихъ, достовѣрны, все еще истина

перемѣшана съ вымысломъ. Игорь княжилъ въ первой половинѣ X вѣка (912 — 945). Онъ предпринималъ во главѣ подвластныхъ племенъ (Полянъ, Древлянъ, Сѣверянъ, Радимичей, Кривичей) на нѣсколько сотъ ладьяхъ походъ на Византію, Русь опустошила берега Виѳиніи и подступила къ Царьграду, когда греческій флотъ воевалъ съ Арабами. Окрестности столицы подверглись разоренію, плѣнники избивались, но когда правитель Романъ, собравшись съ силами, нанесъ при помощи „греческаго огня“ пораженіе Руссамъ, Игорь ушелъ съ немногими лодками. Новый договоръ, заключенный съ Греками, подтвердилъ прежнія условія съ нѣкоторыми ограниченіями не въ пользу русскихъ гостей. Игоревъ договоръ имѣетъ для насъ значеніе какъ потому, что въ немъ встрѣчается условіе, чтобы Русь не нападала на Корсунь (Херсонесъ) и другіе греческіе города въ Тавридѣ, такъ и потому, что по поводу его упоминается о *крещеной* Руси. Для скрѣпленія договора пріѣхали греческіе послы въ Кіевъ; Игорь, другіе князья и часть дружины клялись Перуномъ, а христіане присягали въ храмѣ Иліи надъ честнымъ крестомъ. Договоръ былъ заключенъ на вѣчныя времена *„дондеже солнце сьяетъ и весь миръ стоитъ“*. Игорь погибъ въ землѣ Древлянъ во время сбора дани. Расказъ лѣтописи объ убіеніи Древлянами Игоря, пожелавшаго взять съ нихъ лишнюю дань, баснословенъ; баснею слѣдуетъ считать и подробности мести Ольги за смерть мужа. Но эти преданія для насъ драгоцѣнны, изъ нихъ мы узнаемъ, напр., что князья сами ходили за данью (такой обычай назывался *полюдьемъ);* картинное описаніе мести Ольги знакомитъ съ другими обычаями нашихъ предковъ (кровавая месть, баня, тризна).

Ольга, княжившая за малолѣтствомъ сына Святослава, была первою крещеною русскою княгинею. Она совершила путешествіе въ Константинополь, вѣроятно, чтобы поклониться тамошнимъ святынямъ (въ 957 г.) Нашъ лѣтописецъ думаетъ,

что Ольга приняла христіанство въ Царьградѣ, но императоръ Константинъ Багрянородный, описавшій пребываніе и пріемъ, сдѣланный имъ при дворѣ русской княгинѣ, ничего не говоритъ о крещеніи; отсюда можно заключать, что Ольга пріѣхала въ Константинополь христіанкой, просвѣтившись евангельскимъ ученіемъ и крестившись еще въ Кіевѣ.

Ольгѣ лѣтописецъ приписываетъ установленіе *наряда* (т. е. порядка) въ землѣ, именно опредѣленіе количества дани съ подвластныхъ племенъ *(уставы* и *уроки)*. Прозванная народомъ *вѣщею* и сопричисленная церковью къ *святымъ*, Ольга по возвращеніи изъ Константинополя уступила, повидимому, кіевскій столъ сыну.

Сынъ Игоря и Ольги, Святославъ (957 — 972) не послѣдовалъ примѣру матери и остался язычникомъ. Это былъ князь воинственный, котораго манили битвы и ратные подвиги. Вотъ характеристика Святослава по лѣтописи: *„князю Святославу възрастъшю и възмужавшю, нача вои совокупляти многи и храбры, и легъко ходя, аки пардусъ (барсъ), войны многи творяше. Ходя возъ по собѣ не возяше, ни котъла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ испекъ ядяше, ни шатра имаше, но подъкладъ* (потникъ подсѣдельный) *постлавъ и сѣдло въ головахъ; такоже и прочіи вои его вси бяху. И посылаше къ странамъ глаголя: „хочю на вы ити“.* А вотъ и дѣла его: онъ побѣдилъ прикавказскіе народы, Ясовъ и Касоговъ, разгромилъ хазарское царство и принудилъ къ дани Вятичей. Столица каганата Итиль и другой хазарскій городъ на Дону, Бѣлая Вежа или Саркелъ, были взяты и разорены. Разгрому подверглась и столица Болгаріи, Великіе Болгары. Послѣдніе годы княженія Святославъ провелъ на Дунаѣ. Приглашенный греческимъ императоромъ Никифоромъ противъ дунайскихъ Болгаръ, Святославъ завоевалъ Болгарію и, оставшись въ странѣ, избралъ своимъ мѣстопребываніемъ городъ

Переяславецъ (Малый Прѣславъ). Но когда онъ вторично пришелъ въ Болгарію, убійца и преемникъ Никифора, Іоаннъ Цимисхій, вступилъ съ русскимъ княземъ въ упорную войну и заставилъ его удалиться. Эти войны съ Греками украшены многими преданіями о подвигахъ Святослава. На обратномъ походѣ въ Русь онъ погибъ у днѣпровскихъ пороговъ въ сѣчѣ съ Печенѣгами.

Печенѣги—народъ тюркскаго племени—изъ степей средней Азіи придвинулись къ Яику (Уралу) и Волгѣ и здѣсь долго вели кровавую борьбу съ Хазарами. Потѣсненные послѣдними, они, погнавъ предъ собою Мадьяръ, расположились въ концѣ IX вѣка кочевьями между Дономъ и Дунаемъ. Отсюда они дѣлали набѣги на Византію и Русь (они участвовали въ походѣ Игоря на Грековъ). Во время перваго пребыванія Святослава на Дунаѣ, Печенѣги подступили къ Кіеву и едва не овладѣли имъ, что и заставило князя временно покинуть Болгарію (расказъ о Претичѣ).

§ 41. **Сыновья Святослава, Владиміръ и крещеніе Руси.** Святославъ еще при жизни раздалъ земли своимъ сыновьямъ: Ярополку далъ Кіевъ, Олегу—землю древлянскую, Владиміру—Новгородъ (по другимъ городамъ могли сидѣть князья-родичи; уже первые князья замѣняли мѣстныхъ князей родственниками). По смерти отца между братьями возникли раздоры. Сначала Ярополкъ поссорился съ Олегомъ, послѣдній въ происшедшей усобицѣ былъ убитъ. Младшій братъ Владиміръ испугался и съ дядею Добрынею бѣжалъ за море, а Ярополкъ сталъ одинъ владѣть русскою землею, но недолго. Владиміръ вернулся съ наемными Варягами и сперва овладѣлъ Полоцкомъ, убилъ княжившаго здѣсь Рогволода и его сыновей, а дочь Рогволода Рогнѣду насильно взялъ себѣ въ жены; потомъ пошелъ на брата, захватилъ Кіевъ и приказалъ убить Ярополка. Такимъ образомъ въ 980 г. Владиміръ одинъ остался княжить на Руси.

Первые годы княженія Владиміра (980—1015) наполнены

ратными дѣлами: онъ усмирилъ и обложилъ вновь данью отложившихся Радимичей и Вятичей, ходилъ на камскихъ Болгаръ и побѣдилъ Ятвяговъ; была и удачная война съ Поляками, у которыхъ Владиміръ отнялъ страну Хорватовъ съ городами Перемышлемъ и Червенемъ (отсюда *червонная* Русь, нынѣшняя Галиція). Самымъ крупнымъ событіемъ *владимірова* княженія было крещеніе русскаго народа. Этому важному моменту въ жизни нашихъ предковъ предшествовала война съ Греками въ Тавридѣ, гдѣ русскія владѣнія соприкасались съ византійскими, Самъ Владиміръ, котораго лѣтописецъ до принятія христіанства изображаетъ свирѣпымъ, кровожаднымъ язычникомъ, приносившимъ человѣческія жертвы, крестился въ Корсунѣ въ 988 г. Городомъ этимъ Владиміръ овладѣлъ послѣ упорнаго сопротивленія; одновременно съ крещеніемъ русскій князь женился на греческой принцессѣ Аннѣ, сестрѣ императоровъ Василія II и Константина VIII. Съ христіанскимъ ученіемъ князь несомнѣнно познакомился еще въ Кіевѣ, на самый же обрядъ крещенія не безъ вліянія были, какъ то случалось съ другими князьями-язычниками, увѣщанія молодой жены-христіанки. Возвратившись въ Кіевъ съ корсунскими священниками и необходимыми принадлежностями для богослуженія, Владиміръ въ томъ же году приказалъ крестить сыновей и народъ на берегу Днѣпра, истребивъ предварительно идолы Перуна и другихъ боговъ. Кіевляне безъ особаго сопротивленія крестились, потому что почва была уже подготовлена и къ тому же у русскихъ Славянъ не было жреческаго вліятельнаго сословія и развитаго языческаго культа. Не мало благопріятствовало успѣху и то, что богослуженіе и наставленіе въ вѣрѣ происходили на понятномъ языкѣ, — вслѣдъ за корсунскими прибыли болгарскіе священники, которые учили по книгамъ, переведеннымъ славянскими апостолами и ихъ учениками. Въ другихъ городахъ и земляхъ русскаго государства совершилось то же, что и въ

Кіевѣ; христіанство сначала подвигалось по великому водному пути до самаго Новгорода; въ послѣднемъ городѣ, повидимому, не обошлось безъ противодѣйствія, на что намекаетъ пословица: „Путята (тысяцкій) крестилъ мечемъ, а Добрыня (посадникъ) огнемъ“. Къ востоку отъ Днѣпра христіанство при Владимірѣ распространялось слабо, на западѣ оно шло успѣшнѣе, благодаря участію самого князя, такъ есть извѣстіе, что въ червонной землѣ онъ построилъ церковь. Въ Кіевѣ Владиміръ сооружалъ также церкви, именно св. Василія (имя, полученное княземъ при св. крещеніи) и церковь во имя Успенія Богородицы, иначе называемую *десятинною*, потому что князь отказалъ ей десятую часть своихъ доходовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Владиміръ заботился о распространеніи книжнаго ученія; онъ велѣлъ отнимать у лучшихъ гражданъ дѣтей и отдавать ихъ въ ученіе по церквамъ къ священникамъ и причту. Такъ подготовлялись священнослужители изъ Русскихъ и возрастало новое поколѣніе людей, которые сдѣлались проводниками образованности. Въ этомъ видѣнъ свѣтлый умъ князя.

Владиміръ-христіанинъ подъ перомъ лѣтописца-монаха преобразился въ человѣка мягкаго и милосердаго: онъ не хочетъ казнить разбойниковъ, угощаетъ народъ, раздаетъ богатую милостыню, для больныхъ и слабыхъ приказываетъ развозить яства и питья. Дружинѣ своей онъ устраивалъ частые пиры. (Дружина состояла изъ людей, окружавшихъ и служившихъ князю; старшіе дружинники назывались *боярами*).

Послѣ крещенія Владиміръ имѣлъ враждебныя столкновенія съ Поляками и долженъ былъ отражать Печенѣговъ; печенѣжскіе набѣги, причинявшіе много зла, украшены поэтическими сказаніями, таковы о борьбѣ юноши съ печенѣжскимъ богатыремъ, объ избавленіи Бѣлгорода хитростью одного мудраго старца. Для защиты предѣловъ отъ кочевни-

ковъ Владиміръ строилъ по рѣкамъ Деснѣ, Сулѣ и Трубежу города и заселялъ ихъ переселенцами изъ другихъ мѣстностей.

Владиміръ долго жилъ въ народной памяти; народныя пѣсни называютъ его *ласковымъ княземъ* и *краснымъ солнышкомъ*. Въ этихъ же пѣсняхъ прославляются и подвиги княжескихъ *богатырей*, таковы Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ. Богатыри и ихъ дѣла — вымыслы народной фантазіи, но можно признать фактъ, что слухи о щедромъ князѣ привлекали къ нему дружинниковъ даже изъ чужихъ странъ.

§ 42. **Сыновья Владиміра и княженіе Ярослава I.** Владиміръ, причисленный къ лику *святыхъ* и названный *равноапостольнымъ*, раздалъ, подобно отцу, города и земли своимъ сыновьямъ отъ разныхъ женъ. Старшій Святополкъ туровскій, занявъ по смерти отца, кіевскій столъ, запятналъ себя братоубійствомъ и перешелъ въ потомство съ прозвищемъ Окаяннаго. Отъ рукъ убійцъ, подосланныхъ Святополкомъ, погибли братья: Борисъ ростовскій, Глѣбъ муромскій и Святославъ древлянскій. Первые два впослѣдствіи причислены къ *святымъ* и названы *мучениками*, они долго считались покровителями княжескаго рода и заступниками за русскую землю. Мстителемъ за братьевъ явился Ярославъ новгородскій, который только что прибылъ въ Новгородъ съ наемными Варягами изъ Скандинавіи, куда онъ бѣжалъ, поссорившись съ отцомъ предъ смертью послѣдняго. Новгородцы, созванные княземъ на вѣче, изъявили готовность стоять за Ярослава, не смотря на то, что онъ казнилъ многихъ жителей за избіеніе ими Варяговъ; послѣдніе раздражали *новгородцевъ* своимъ высокомѣріемъ и насиліями. Новгородъ потому охотно тянулъ за Ярослава, что не хотѣлъ зависѣть отъ кіевскаго князя и платить ему дань. Ярославъ сходился съ Святополкомъ три раза: въ первый разъ побѣдилъ

Ярославъ и сѣлъ въ Кіевѣ, но послѣ второй битвы долженъ былъ уступить Святополку, которому помогъ его тесть Болеславъ Храбрый польскій. Въ третьей сѣчѣ на Альтѣ, гдѣ измѣннически погибъ Борисъ, Окаянный потерпѣлъ пораженіе, бѣжалъ и на чужбинѣ умеръ. Болеславъ Хр. еще въ Кіевѣ разсорился съ зятемъ, ибо *кіевляне* избили много Поляковъ; по дорогѣ въ свое государство онъ захватилъ *червенскіе* города. Утвердившись въ Кіевѣ, Ярославъ, по выраженію лѣтописца, *„утеръ пота съ дружиною своею“*, но усобицы не кончились; замѣчательна борьба съ братомъ Мстиславомъ тмутраканскимъ, который прославился подвигами въ войнѣ съ Касогами (Редедя, касожскій князь). Мстиславъ побѣдилъ Ярослава при Лиственѣ (недалеко отъ Чернигова, въ 1025 г.) и братья подѣлили государство: Ярославъ остался въ Кіевѣ, а Мстиславъ сѣлъ въ Черниговѣ, гдѣ построилъ церковь св. Спаса. Съ тѣхъ поръ братья жили дружно и вмѣстѣ отвоевали у Поляковъ червонную Русь. По смерти бездѣтнаго Мстислава Ярославъ соединилъ подъ своею властью всю русскую землю, исключая княжества полоцкаго, въ которомъ сидѣлъ Брячиславъ Изяславичъ (Изяславъ сынъ Владиміра св. отъ Рогнѣды). Новгороду, который за помощь въ войнѣ съ братоубійцею получилъ льготную грамоту, Ярославъ давалъ особыхъ князей въ лицѣ своихъ сыновей.

Ярославъ, княжившій до 1054 г., велъ счастливыя войны съ Ятвягами, Литвою, покорилъ Чудь и въ странѣ ихъ построилъ городъ Юрьевъ (нын. Дерптъ; Юрій—христіанское имя Ярослава). Но морской походъ на Византію подъ начальствомъ старшаго сына, Владиміра, былъ неудаченъ—это была послѣдняя война Русскихъ съ Греками.

Для распространенія и утвержденія христіанства Ярославъ продолжалъ дѣло, начатое отцомъ. При немъ язычество стало вытѣсняться на востокѣ, между прочимъ въ суздальской или ростовской землѣ, населенной Мерью и вхо-

дившей уже въ составъ государства. Здѣсь финскіе волхвы подстрекали народъ къ сопротивленію и пришлось смирять мятежъ. Въ Новгородѣ Ярославъ сдѣлалъ то же, что Владиміръ въ Кіевѣ: у старостъ и поповъ отобрано было 300 дѣтей и отдано „учиться книгамъ“. Построенная имъ церковь св. Софіи стала главною святынею Новгорода. Она была сооружена по образцу кіевской Софіи, которую строили византійскіе зодчіе. Кіевскій софійскій соборъ, въ которомъ находится гробница Ярослава, былъ украшенъ фресковою живописью, отчасти сохранившеюся до сихъ поръ, и считается древнѣйшимъ памятникомъ византійскаго стиля у насъ. Онъ построенъ въ память побѣды Ярослава надъ Печенѣгами, подступившими къ Кіеву (послѣ этого пораженія Печенѣги больше не упоминаются). При кіевской Софіи положено было начало библіотекѣ; самъ любившій чтеніе и бесѣду съ книжными людьми, Ярославъ поощрялъ переводы съ греческаго и приказывалъ переписывать уже переведенныя книги. Стольный Кіевъ окруженъ былъ каменною стѣною; одни изъ воротъ назывались *золотыми*, надъ ними была церковь Благовѣщенія. Ярославъ, перешедшій въ исторію съ названіемъ Мудраго, считается и первымъ русскимъ законодателемъ; къ его времени относится собраніе законовъ подъ именемъ „русской правды“.

Благодаря брачнымъ союзамъ сыновей и дочерей, Ярославъ породнился со многими европейскими государями, напр. съ греческимъ, польскимъ, венгерскимъ; французскій король Генрихъ I былъ женатъ на дочери Ярослава, Аннѣ. Эти родственныя связи показываютъ, что Россія того времени жила общеевропейскою жизнью. Особенно дѣятельны были сношенія съ Скандинавіею: наемные Варяги участвовали во всѣхъ войнахъ Ярослава, а принцы скандинавскіе искали и находили пріютъ при дворѣ русскаго князя; изъ нихъ наиболѣе извѣстенъ Гаральдъ Смѣлый норвежскій. Онъ добивался

руки одной изъ дочерей Ярослава и прославился подвигами и приключеніями на службѣ въ Византіи. Скандинавская *сага* (сказаніе) о Гаральдѣ разсказываетъ баснословные примѣры его удали и называетъ пѣсню, которую онъ сложилъ въ честь русской дѣвы. Пріобрѣтенная слава побѣдила наконецъ сердце гордой Ярославны, Елизаветы.

V. Исторія Англіи.

§ 43. **Альфредъ В. и Вильгельмъ Завоеватель.** Подобно континентальной Европѣ, Британія испытывала также набѣги Норманновъ, болѣе извѣстныхъ у Англосаксовъ подъ именемъ Дановъ (или Датчанъ, потому что главная волна шла изъ Ютландіи). Пираты опустошали берега, вверхъ по Темзѣ подступали къ Лондону и грабили церкви и монастыри. Въ началѣ IX в. (827 г.) король Эгбертъ соединилъ семь англосаксонскихъ государствъ и назвался первымъ королемъ Англіи. При его непосредственныхъ преемникахъ Датчане наводнили страну и, не довольствуясь грабежемъ, стали утверждаться на постоянное жительство и обложили народъ тяжелою данью; одинъ только Вессексъ не несъ чужаго ига. Освободителемъ отечества явился король Альфредъ В. (871—901). Испытавъ въ началѣ и неудачи, и неблагодарность соотечественниковъ, Альфредъ, выждавъ удобную минуту, нанесъ Датчанамъ рѣшительное пораженіе; они обязались удалиться изъ Британіи, но тѣмъ, которые крестились, Альфредъ позволилъ остаться въ Остангліи и Нортомберландѣ. Чтобы оградить страну отъ новыхъ набѣговъ Норманновъ, утвердившихся около этого времени въ устьяхъ Сены и Шельды, Альфредъ укрѣпилъ берега и построилъ большія суда. Наступившіе годы мира король посвятилъ заботамъ о государственномъ благоустройствѣ: онъ точнѣе раздѣлилъ государ-

ство на области и округи *(графства, ширы)*, назначенные имъ *графы* и *ольдермены* обязаны были предсѣдательствовать въ судѣ, членами котораго были выборные отъ общины *(присяжные)*. Въ важныхъ случаяхъ король призывалъ на совѣтъ вельможъ—это государственный сеймъ или такъ называемый *витенагемотъ* (что значитъ собраніе мудрыхъ). Подобно Карлу В., Альфредъ пекся о народномъ образованіи; собирая вокругъ себя ученыхъ людей, онъ побуждалъ ихъ переводить съ латинскаго поучительныя книги и самъ подавалъ примѣръ (отъ Альфреда сохранились нѣкоторые переводы); между прочимъ онъ поощрялъ собираніе народныхъ пѣсень и преданій. Въ учрежденныхъ имъ школахъ *(оксфордская)* дѣти дворянъ обучались не только латинскому, но и народному языку.

Послѣ Альфреда набѣги Датчанъ возобновились. Чтобы избавиться отъ нихъ король Этельредъ сталъ откупаться, собирая для этого съ народа такъ назыв. *датскую деньгу* (*danagheld*). Датчане брали деньги, но оставались въ странѣ и производили насиліе и безчинство. Выведенный изъ терпѣнія двойными поборами (датскою деньгою и поборами, чинимыми пришельцами) народъ, съ согласія короля, составилъ заговоръ и перерѣзалъ всѣхъ Датчанъ послѣдняго вторженія (1003 г.). Въ отмщеніе за это, король датскій Свенъ собралъ большія силы и въ короткое время покорилъ всю Англію, а сынъ его Канутъ В. († 1035) соединилъ подъ своею властью Англію и Данію, а также покорилъ Норвегію. При Канутѣ въ Даніи утвердилось христіанство, а Англія, благодаря его правосудію, отдохнула отъ прежнихъ невзгодъ. Но послѣ его смерти народная партія въ Англіи опять зашевелилась и призвала въ короли сына *этельредова* Эдуарда, который жилъ при дворѣ нормандскаго герцога Роберта Дьявола. Эдуардъ, прозванный Исповѣдникомъ и воспитанный при иностранномъ дворѣ, былъ совершенно чуждъ своему

народу и окружилъ себя офранцуженными Норманнами, которымъ и раздавалъ лучшія мѣста свѣтскія и духовныя. Народъ былъ недоволенъ и когда Эдуардъ умеръ, то, устранивъ его родственниковъ, провозгласилъ королемъ Гаральда, сына графа Годвина. Но Вильгельмъ, герцогъ нормандскій, сынъ Роберта Дьявола, предъявилъ въ качествѣ родственника Исповѣдника притязаніе на престолъ и рѣшился поддержать свои права силою. Заручившись благословеніемъ папы, Вильгельмъ высадился на берегъ Англіи съ 60 тыс. сподвижниковъ, которые охотно стекались подъ его знамена не только изъ Нормандіи, но и Бретани и Фландріи. Битва при Гастингсѣ (на южномъ берегу Англіи, 1066 г.), въ которой палъ Гаральдъ, рѣшила судьбу Англіи. Вильгельмъ, отнынѣ названный Завоевателемъ, овладѣлъ Лондономъ и короновался королемъ. Но прошло нѣсколько лѣтъ прежде чѣмъ вся Англія покорилась пришельцамъ—пришлось каждый клочокъ земли отнимать у Англосаксовъ. По мѣрѣ распространенія владычества, король раздавалъ земли своимъ воинамъ на ленныхъ условіяхъ; такимъ образомъ Вильгельмъ ввелъ въ Англіи феодальную систему, господствовавшую на континентѣ. Нормандскій пастухъ и фландрскій ткачъ становились по другую сторону пролива знатными людьми—баронами. Англосаксы, у которыхъ все было отнято, преклонились предъ побѣдителями, но долго жили особнякомъ, не смѣшиваясь съ ними. Прошло два вѣка прежде чѣмъ началось сближеніе и смѣшеніе двухъ народностей и языковъ.

Завоеваніе Англіи Вильгельмомъ имѣло, какъ мы узнаемъ послѣ, важное значеніе для будущаго развитія государственнаго строя Англіи.

VI. Образованность и судъ въ западной Европѣ до конца XI ст.

§ 44. **Образованность въ эпоху Карла В. и Оттоновъ.** Не смотря на заботы Карла В. и Альфреда В. образованность въ западной Европѣ до крестовыхъ походовъ была въ жалкомъ состоянiи. Грубость и одичалость препятствовали духовному развитiю, даже грамотность встрѣчалась рѣдко. Народные языки были въ загонѣ, только пѣсни раздавались на нихъ, да и эти произведенiя народной фантазiи преслѣдовались церковью какъ отголоски язычества. Нѣмецкiй языкъ, дробившiйся на много нарѣчiй, не дорось еще до языка книжнаго, а романскiе языки находились въ перiодѣ формированiя. Вотъ почему языкомъ литературы былъ вполнѣ законченный языкъ латинской церкви. Люди образованные встрѣчались почти исключительно между духовными и особенно монахами; понятно, что сочиненiя ихъ были содержанiя религiознаго или философско-нравоучительнаго. Правда, встрѣчались любознательные монахи, которые знали языки греческiй и арабскiй и занимались естественными науками, математикой, механикой, таковъ, напр., Беда Почтенный (VIII в.) въ Британiи, писавшiй о многихъ предметахъ; Гербертъ, архiепископъ, а потомъ папа подъ именемъ Сильвестра II, считался знатокомъ всѣхъ наукъ, онъ писалъ учебники, приготовлялъ глобусы, дѣлалъ физическiе опыты, ему же приписываютъ усвоенiе арабскихъ цифръ (между прочимъ онъ былъ наставникомъ Оттона III, прослывшаго за ученость чудомъ своего времени). Появленiе такихъ ученыхъ людей, какъ Гербертъ, сдѣлалось возможнымъ благодаря знакомству съ греческою и арабскою образованностью; вліянiе высшей культуры Грековъ и Арабовъ усилилось при Оттонахъ, которые предпринимали частые походы въ Италiю и были въ родствѣ съ греческими императорами.

Самыя интересныя для насъ произведенія разсматриваемаго времени—это *лѣтописи* или такъ называемые *анналы* или *хроники*. Они писаны также духовными и авторы ихъ часто пристрастны къ историческимъ дѣятелямъ сообразно тому, какъ смотрѣла на то или другое лицо римская курія. Всѣ важнѣйшія событія и личности нашли своихъ хроникеровъ. Назовемъ главныхъ: Іорнандъ, написавшій исторію Готовъ, Павелъ Діаконъ—исторію Лангобардовъ, Григорій Турскій—исторію Франковъ при Меровингахъ, Эгингардъ, біографъ Карла В. Ліутпрандъ расказалъ дѣянія Оттона В., Видукиндъ—борьбу Саксовъ. Лѣтописцы брали за образецъ Саллюстія или другаго римскаго историка, но языкъ ихъ далекъ отъ языка классическихъ писателей. Въ школахъ, существовавшихъ при монастыряхъ, преподавали на латинскомъ языкѣ предметы, которые, подъ именемъ семи свободныхъ искусствъ, раздѣлялись на *trivium* и *quadrivium*. Первый низшій курсъ обнималъ грамматику, риторику и діалектику, а второй высшій—ариѳметику, музыку, геометрію и астрономію.

§ 45. **Судъ и законы**. Въ государствахъ, основанныхъ на развалинахъ западной римской имперіи, побѣдители судились по своимъ народнымъ обычаямъ, а прежніе жители по римскимъ законамъ. Стремленіе сблизить побѣдителей и побѣжденныхъ повело къ изданію сборниковъ законовъ, по которымъ судъ былъ равный для всѣхъ; таковы сборники такъ называемыхъ „варварскихъ законовъ“: бургундскій, франкскій салическій, лангобардскій, вестготскій и др. Въ эти *варварскіе законы* (leges barbarorum), рядомъ съ узаконенными народными обычаями, вошли и разныя постановленія древнеримскаго права. Эти сборники народныхъ правъ написаны были на латинскомъ языкѣ. Начиная съ Карла В. является королевское право; *капитуляріи* Каролинговъ и позднѣйшія *институціи* германскихъ императоровъ заключали полицей-

скія распоряженія, наказанія за уголовныя преступленія, постановленія о земскомъ мирѣ. Феодальный строй, обособленность каждаго сословія, судившагося равными себѣ, разнообразіе мѣстныхъ условій—все это вело къ разнообразію законовъ, правъ и привилегій. Что касается судопроизводства, то оно постепенно изъ народнаго перешло въ королевское, но оставалось гласнымъ. Отсутствіе свидѣтелей замѣнялось испытаніями огнемъ, водою, судебнымъ поединкомъ,—это считалось *судомъ божьимъ*. Наказанія были: денежный штрафъ (пеня) и разныя казни, свидѣтельствующія о грубости нравовъ, напр. колесованіе, отрѣзываніе носа и др. Неудовлетворительность правосудія и необезпеченность личныхъ и имущественныхъ правъ вызвали попытку со стороны церкви оградить правонарушенія. Отсюда появленіе такъ называемаго „божьяго мира“. Чтобы сдерживать постоянныя усобицы, сопряженныя съ грабежами и притѣсненіями, франкское духовенство грозило проклятіемъ всякому нарушителю мира. Постепенно развиваясь, *миръ божій* установилъ подъ страхомъ церковнаго наказанія, что съ четверга вечеромъ до вторника утромъ, а также въ великій постъ и большіе праздники, между всѣми друзьями и недругами долженъ господствовать священный миръ и каждый можетъ безпрепятственно заниматься своимъ дѣломъ. Изъ Франціи *миръ божій* перешелъ и въ другія государства и, признанный обязательнымъ на клермонскомъ соборѣ (1095 г.), до нѣкоторой степени обуздывалъ безчинство и проявленіе грубой силы. Но уже, начиная съ конца XII в., съ измѣнившимися понятіями и отношеніями, этотъ миръ „treuga Dei“ пересталъ имѣть прежнее значеніе.

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ.

От смерти Ярослава и начала борьбы императоровъ съ папами до эпохи возвышенія Москвы и конца крестовыхъ походовъ.

А. РУСЬ УДѢЛЬНО-ВѢЧЕВАЯ.

I. Кіевскій періодъ удѣльно-вѣчевой Руси.

§ 46. **Общее обозрѣніе.** Послѣ смерти Ярослава Русь распалась сначала на нѣсколько, а потомъ на много отдѣльныхъ самостоятельныхъ княжествъ или удѣловъ. По мѣрѣ того какъ потомство Ярослава размножалось, каждый князь хотѣлъ имѣть свой удѣлъ въ русской землѣ, чтобы прокормиться самому и кормить свою дружину. Съ другой стороны и каждый значительный городъ, къ которому тянула окрестная земля, стремился къ самобытности и старался имѣть у себя представителя власти—князя. Въ началѣ городовъ на Руси было немного, но когда, съ увеличеніемъ населенія, явилась потребность въ бо́льшемъ числѣ центровъ защиты (огороженныхъ пунктовъ), стали возникать новыя городскія поселенія —это *пригороды* или младшіе города. Сперва зависимые отъ старыхъ городовъ, нѣкоторые пригороды съ теченіемъ времени возвысились и, становясь сами средоточіемъ окрестной земли, обособлялись и дѣлались *столами* (какъ тогда выражались), т. е. мѣстопребываніями князей. Такъ какъ князей

было много, то города могли дѣлать выборъ, и мы дѣйствительно видимъ, что они нерѣдко приглашали желаннаго князя на столъ или отказывали нелюбимому. Но не всегда народное желаніе осуществлялось: князья, стремившіеся добыть лучшую или вообще какую либо *волость* (княженіе, область), пріобрѣтали столы оружіемъ, послѣ чего иногда происходило соглашеніе или *рядъ* съ землею. Лучшими столами были старые города и изъ нихъ первымъ, старѣйшимъ, долго считался Кіевъ, и потому усобицы княжескія за кіевскій столъ бывали частыя и иногда упорныя. Въ смыслѣ князя, сидѣвшаго на старшемъ столѣ, кіевскій князь и назывался по преимуществу *старѣйшимъ* или *великимъ*. Княжескія усобицы и добываніе столовъ составляютъ одно изъ характеристическихъ явленій времени отъ смерти Ярослава до татарскаго нашествія—эпохи *удѣльно-вѣчевой* (вѣрнѣе первой ея половины, ибо удѣльно-вѣчевой строй продолжался дольше). *Вѣчевымъ* этотъ промежутокъ времени называется потому, что народъ на своихъ сходкахъ или вѣчахъ принимаетъ участіе въ важныхъ общественныхъ дѣлахъ. Не одно приглашеніе князя на столъ, но и вопросы войны и мира, выборъ должностныхъ лицъ, судъ въ особо важныхъ случаяхъ подлежали рѣшенію вѣча и князь сообразовался съ народною волею. Вѣча были во всѣхъ городахъ и даже пригородахъ (жители послѣднихъ, впрочемъ, когда дѣло касалось всей земли, приходили на вѣча городскія). Сходились всѣ свободные граждане или по зову князя или по иниціативѣ нѣкоторыхъ лицъ изъ народа. Собиранія голосовъ не было, дѣло рѣшалось или единогласно или такимъ внушительнымъ большинствомъ, выраженнымъ крикомъ, что меньшинство могло быть принуждено къ согласію силою. Участіе народа въ дѣлахъ общественныхъ составляетъ другое важное явленіе первой половины удѣльно-вѣчевой Руси вообще и кіевскаго періода въ частности.

Рядомъ съ княжескими усобицами идетъ безпрерывная война съ кочевниками—третье характеристическое явленіе удѣльно-вѣчевой Руси. Князья-родичи, не смотря на свои распри, совмѣстно отражали или наступали на степныхъ варваровъ. На смѣну Печенѣговъ явился другой тюркскій народъ Половцы. Печенѣги, потѣсненные Узами, пришедшими изъ задонскихъ степей, откочевали за Дунай, гдѣ имъ позволило остаться византійское правительство. Узы, извѣстные у насъ подъ именемъ Торковъ, въ свою очередь были прогнаны Куманами или Половцами, которые и заняли прежнія кочевья Печенѣговъ. Это случилось уже по смерти Ярослава*). Половцы причиняли много зла русской землѣ: они грабили, пустошили и уводили людей въ плѣнъ; нерѣдко сами князья, въ своихъ распряхъ другъ съ другомъ, приводили этихъ кочевниковъ въ русскіе предѣлы. Утвердившись въ южно-русскихъ степяхъ, Половцы дѣлились, подобно всѣмъ кочевникамъ, на орды подъ властью различныхъ хановъ.

Ярославъ, умирая, раздѣлилъ государство между сыновьями и увѣщевалъ ихъ жить въ согласіи и слушаться старшаго брата какъ отца. По словамъ лѣтописи, онъ сказалъ дѣтямъ: *„се азъ отхожю свѣта сего, сынове мои; имѣйте въ собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере; да аще будете въ любви межю собою, Богъ будетъ въ васъ, и покоритъ вы противныя подъ вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще, въ распряхъ и которающеся* (т. е. ссорящіеся, заводящіе распри), *то погыбнете сами и погубите землю отець своихъ и дѣдъ своихъ, юже налѣзоша* (стяжали) *трудомъ своимъ великымъ“*. Вотъ какъ разобрались сыновья Ярослава въ русской землѣ: Изяславъ съ титуломъ великаго князя по-

*) Часть Торковъ была поселена князьями въ кіевской и переяславской землѣ.

лучилъ земли *кіевскую* и *новгородскую*, Святославъ—*черниго-во-сѣверскую* и расположенную по Окѣ *муромо-рязанскую*, Всеволодъ—*переяславскую* по Днѣпру и *ростово-суздальскую* по Окѣ и Волгѣ, Вячеславъ—*смоленскую* и Игорь—*владиміро-волынскую* (шестой сынъ Ярослава, самый старшій, Владиміръ, умеръ раньше отца, отъ него остался сынъ Ростиславъ). Было еще княжество *полоцкое* въ области запад. Двины и Нѣмана, оно принадлежало потомству Изяслава, сына Рогнѣды и Владиміра св.

Начиная со втораго поколѣнія Ярославичей, т. е. внуковъ Ярослава, и чѣмъ дальше по нисходящей родословной лѣстницѣ, тѣмъ больше увеличивается дробленіе Руси на отдѣльныя княжества. Земли, соединенныя при сыновьяхъ Ярослава въ лицѣ одного князя, получаютъ постепенно отдѣльныхъ князей, и въ предѣлахъ одной земли образуются удѣлы съ стольными пригородами для братьевъ и сыновей князя, сидящаго въ главномъ городѣ, напр. въ кіевской землѣ Вышгородъ, въ смоленской Торопецъ и пр. и пр.

(Такъ какъ кіевскій князь цѣлое столѣтіе считался главнымъ или великимъ, то очеркъ событій удѣльно-вѣчевой Руси въ первые сто лѣтъ послѣ 1054 г. мы пріурочимъ къ князьямъ кіевскимъ—это и есть кіевскій періодъ удѣльно-вѣчевой Руси).

§ 47. **Событія при сыновьяхъ Ярослава.** Послѣ смерти Ярослава кіевскій столъ занимали одинъ за другимъ старшіе сыновья его. Въ княженіе Изяслава братья сначала общими силами воевали съ Всеславомъ полоцкимъ и съ Половцами. Всеславъ Брячиславичъ полоцкій *), не довольствуясь своимъ наслѣдственнымъ удѣломъ, хотѣлъ добыть новыхъ волостей въ русской землѣ, но Ярославичи разбили его и Изяславъ, коварно захвативъ въ плѣнъ, засадилъ его въ *порубъ*, т. е. тюрьму. Отъ Половцевъ же князья потерпѣли пораже-

*) Постоянно при упоминаніи того или другого князя справляться съ родословною табл. № 1.

ніе. Недовольные великимъ княземъ за то, что онъ не хотѣлъ продолжать борьбы съ Половцами, *кіевляне* собрались на вѣче, освободили плѣннаго Всеслава и посадили его на столъ *). Изяславъ бѣжалъ къ своему родственнику Болеславу II Смѣлому, польскому королю, и съ его помощью возвратился въ Кіевъ (Всеславъ между тѣмъ ушелъ въ свой Полоцкъ). Много лѣтъ Изяславъ жилъ въ мирѣ съ братьями, но потомъ у нихъ пошла *котора*, т. е. распря. Святославъ и Всеволодъ прогнали Изяслава изъ Кіева и тотъ бѣжалъ въ Германію. Здѣсь онъ напрасно просилъ помощи и у императора Генриха IV и у папы Григорія VII, только по смерти Святослава (который между тѣмъ сѣлъ на великокняжескій столъ) Изяславъ помирился съ Всеволодомъ и вернулся въ Кіевъ. Но скоро настали новыя усобицы. Племянники, сыновья умершихъ Ярославичей, Олегъ Святославичъ и Борисъ Вячеславичъ, лишенные своихъ удѣловъ, которые захватили другіе князья—двоюродные братья, пошли войною на дядей и привели съ собою Половцевъ. Дяди побѣдили, но Изяславъ палъ въ битвѣ (1078 г.) и кіевскимъ княземъ сталъ Всеволодъ. Онъ перевелъ сына своего Владиміра Мономаха въ Черниговъ, который напрасно старались добыть, какъ свою *отчину* (т. е. волость, принадлежавшую отцу ихъ), Святославичи, Олегъ съ братьями. И другіе князья обдѣленные заводили распри, таковы: Давидъ Игоревичъ и сыновья Ростислава Владиміровича, Володарь и Василько. Борьба съ Половцами продолжалась и въ ней прославился Владиміръ Мономахъ, уже тогда выдвинувшійся изъ среды князей—родичей. Съ Всеволодомъ I († 1093 г.) прекратилось первое поколѣніе Ярославичей.

---

*) Съ вѣча кіевляне послали сказать князю: „*се Половци росулися* (разсыпались) по *земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся съ ними*“.

§ 48. **Событія при внукахъ Ярослава. Владиміръ Мономахъ.** Время перваго кіевскаго князя изъ втораго поколѣнія Ярославичей, Святополка II Изяславича (1093—1113), ознаменовано и половецкими набѣгами и княжескими усобицами въ бо́льшихъ размѣрахъ противъ прежняго. Олегъ Святославичъ пришелъ съ Половцами отнимать у Мономаха Черниговъ; потерпѣвъ неудачу, онъ бросился добывать прежнюю волость отца—землю муромскую, при чемъ былъ убитъ, незадолго предъ тѣмъ вокняжившійся тамъ, сынъ Владиміра Мономаха. Наконецъ послѣ долгихъ увѣщаній (письмо Мономаха), Олегъ, прозванный въ народѣ „Горославичемъ“, согласился ѣхать на общій княжескій съѣздъ. Этотъ съѣздъ, о которомъ много хлопоталъ Владиміръ М., состоялся въ Любечѣ въ 1097 г. Цѣль его—помирить родичей, какъ это видно изъ словъ, вложенныхъ лѣтописцемъ въ уста князей: *„почто губимъ русьскую землю, сами на ся котору дѣюще? а Половци землю нашю несуть розно и ради суть, оже межю нами рати; да нынѣ отселѣ имемся по едино сердце и блюдемъ рускыя земли; кождо да держитъ отчину свою“*. Князья порѣшили сыновьямъ владѣть волостями отцовъ: Святополку—Кіевомъ, Святославичамъ, Олегу съ братьями,—Черниговомъ и Муромо-Рязанью, Владиміру Мономаху —Переяславлемъ и Ростово-Суздалемъ, Давиду Игоревичу—Волынью. Ростиславичамъ, Володарю и Василько, не разъ заводившимъ распри, дали теперь города Теребовль и Перемышль съ землями или галицкую Русь. Всѣ князья скрѣпили дружбу и союзъ крестнымъ цѣлованіемъ: *да аще кто отселѣ на кого будетъ, то на того будемъ вси и крестъ честный“*. Но миръ былъ непродолжителенъ, его нарушилъ злодѣйскимъ образомъ Давидъ Игоревичъ. Онъ оклеветалъ Василька предъ Святополкомъ въ коварныхъ замыслахъ, Святополкъ выдалъ ему заѣхавшаго изъ Любеча въ Кіевъ Василька, и Давидъ приказалъ его ослѣпить (расказъ объ ослѣ-

пленіи Василька) и увезъ къ себѣ во Владиміръ Волынскій. *„Сего не бывало есть въ русьскыѣ земьли, ни при дѣдѣхъ нашихъ, ни при отцихъ нашихъ, сякого зла“*, сказалъ Владиміръ и, позвавъ Святославичей, пошелъ съ ними на Святополка, какъ попустителя злодѣянія; союзные князья были умилостивлены мачихою Владиміра и митрополитомъ, не воевали, но потребовали отъ Святополка наказать Давида, на котораго великій князь сваливалъ всю вину. Святополкъ выгналъ Давида изъ Волыни и посадилъ тамъ своего сына, но затѣмъ задумалъ доставить другому сыну владѣнія Ростиславичей (Василько былъ уже на свободѣ и слѣпой ходилъ на войну). Началась новая усобица, въ ней приняли участіе Половцы и король венгерскій. Она прекратилась новымъ съѣздомъ князей въ Витичевѣ (1100 г. близъ Кіева). Князья порѣшили отнять у Давида Волынь *„зане* вверглъ еси ножь въ ны“, впрочемъ дали ему нѣкоторые города (Бужскъ, Острогъ).

И въ этомъ дѣлѣ миротворенія заправлялъ всѣмъ Мономахъ, и теперь онъ хлопочетъ объ огражденіи русской земли отъ Половцевъ. Послѣдніе около этого времени чуть не ежегодно опустошали страну; между прочимъ въ 1096 г. подступили къ Кіеву, ограбили монастыри и въ томъ числѣ и печерскую обитель. Русскіе князья не разъ наносили имъ пораженія, заключали договоры, даже роднились съ ихъ ханами, но ничто не помогало. Необходимы были наступательныя дѣйствія, чтобы внушить варварамъ *(погаными)* страхъ. Благодаря Владиміру М. они начались; первый походъ въ степь предпринятъ былъ въ 1103 г. Разумными доводами Владиміръ убѣдилъ Святополка и другихъ князей, собравшихся на съѣздъ недалеко отъ Кіева, идти на Половцевъ, и предпринятый походъ кончился побѣдою; нѣсколько половецкихъ хановъ легло на мѣстѣ, а одинъ попался въ плѣнъ, —онъ предлагалъ большой выкупъ, но Мономахъ за прежнее

вѣроломство приказалъ его убить. Особенно долго памятна въ народѣ осталась побѣда, одержанная на рѣкѣ Салѣ (впадающей въ Донъ), послѣ чего Половцы оставили надолго въ покоѣ русскія земли. Это случилось въ 1111 г., а чрезъ два года умеръ Святополкъ. Великокняжескій столъ занялъ Владиміръ Мономахъ по предложенію кіевскаго вѣча, которое послало сказать Всеволодовичу: *„поиди, княже, на столь отенъ и дѣденъ“*. Сначала Владиміръ колебался, не желая возбуждать усобицъ, потому что были старшіе князья (Святославичи), но потомъ уступилъ угрозамъ *кіевлянъ*, что на него падетъ отвѣтственность за могущія произойти бѣдствія *).

Великое княженіе Владиміра Мономаха (1113—1125) было сравнительно спокойно, усобицъ почти не было, Половцы не тревожили русской земли. Князей ослушниковъ, замышлявшихъ смуты, Мономахъ наказывалъ отнятіемъ удѣловъ, при чемъ пользовался случаемъ, чтобы доставить волости своимъ сыновьямъ и собрать русскую землю въ рукахъ своего дома. И дѣйствительно, къ концу княженія въ значительной части княжествъ сидѣли его сыновья—въ Новгородѣ, Суздалѣ, Переяславлѣ, Смоленскѣ и на Волыни.

Владиміръ Мономахъ занимаетъ самое видное мѣсто между князьями кіевскаго періода удѣльно-вѣчевой Руси. Народъ любилъ его за то, что онъ сдерживалъ княжескія усобицы (отсюда названіе „братолюбецъ“) и былъ стражемъ русской земли отъ Половцевъ „добрый страдалецъ за русскую землю“. И личными качествами своими—правосудіемъ, вѣрностью слову, клятвѣ, гостепріимствомъ, отвагою и мужествомъ—Владиміръ превосходилъ князей современниковъ.

---

*) Кіевляне только что ограбили дворы нелюбимыхъ сановниковъ, напр. тысяцкаго, а также дворы жидовъ и грозили бо́льшимъ: *„аще ли не пойдеши, то вьси яко много зла уздвигается“*, и *„будеши отвьтъ имълъ, княже, оже ти монастырь разграбятъ“*.

По лѣтописи онъ идеалъ великаго князя, а такой идеалъ онъ самъ начертилъ въ завѣщаніи „поученіе своимъ дѣтямъ“; въ немъ онъ даетъ умные совѣты и приводитъ себя въ примѣръ сыновьямъ (прочесть выдержки). При Владимірѣ М. дополнена была „русская правда“ постановленіями, ограждавшими благосостояніе жителей (отъ лихвенныхъ процентовъ, взимаемыхъ жидами) *).

Княженіе Владиміра М. ознаменовано удачными походами на сосѣдей, такъ сынъ его Юрій ходилъ на судахъ въ камскую Болгарію и воротился съ большою добычею; *новгородцы* съ другимъ сыномъ Мономаха, Мстиславомъ, взяли Оденпе или Медвѣжью Голову въ землѣ Чуди. Было и незначительное столкновеніе съ Греками, а задорные червонорусскіе князья Володарь и Василько разоряли польскія земли. Польскій король Болеславъ III Кривоустый подослалъ людей, которые схватили Володаря въ лѣсу и только за большой окупъ Ростиславичъ получилъ свободу.

§ 49. **Униженіе Кіева и распаденіе Руси на самостоятельныя наслѣдственныя княжества.** Послѣ Владиміра М. кіевскій столъ занимали одинъ за другимъ два старшіе сына его, Мстиславъ до 1132 г. и Ярополкъ II. Первый слѣдовалъ политикѣ отца, онъ держалъ въ повиновеніи удѣльныхъ князей и строптивыхъ наказывалъ, напр., когда полоцкіе князья не захотѣли идти вмѣстѣ на Половцевъ, онъ захватилъ ихъ въ плѣнъ и отправилъ въ Византію, а въ Полоцкѣ посадилъ сына своего (князья полоцкіе потомъ возвратились въ свою отчину). Поганые мало безпокоили рус-

*) Прозвище Мономахъ Владиміръ получилъ въ память своего дѣда по матери, греческаго императора Константина Мономаха. Именемъ Мономаха называется у насъ драгоцѣнная корона, которую въ числѣ другихъ подарковъ прислалъ ему Алексѣй Комненъ. Эта корона или *шапка Мономаха*, равно какъ и золотыя *бармы*—царскія регаліи, употребляемыя при коронованіи нашихъ государей.

скую землю, а самъ Мстиславъ предпринималъ удачный походъ на Литву. Но уже при Ярополкѣ пошли опять которы и на сей разъ главнымъ образомъ за Кіевъ. Сами Мономаховичи (т. е. сыновья, внуки и правнуки Владиміра М.) перестали ладить между собою, дяди не хотятъ допустить племянниковъ на кіевскій столъ; этимъ пользуются черниговскіе князья, преимущественно Ольговичи, т. е. сыновья Олега Святославича, и одному изъ нихъ Всеволоду удалось вокняжиться въ Кіевѣ послѣ Ярополка въ 1139 г. Всеволодъ II Ольговичъ, не любимый *кіевлянами*, съ трудомъ держался въ Кіевѣ и то, угождая сильнымъ Мономаховичамъ и своимъ братьямъ (роднымъ Ольговичамъ и двоюроднымъ Давидовичамъ; Давидъ другой сынъ Святослава). Когда Всеволодъ умеръ, *кіевляне* сначала поцѣловали крестъ его брату Игорю, но потомъ призвали представителя старшей линіи Мономаха, Изяслава Мстиславича князя волынскаго. Послѣдній, разбивъ и плѣнивъ Игоря (*кіевляне* потомъ его убили), сѣлъ на великокняжескомъ столѣ (1146). Съ князьями черниговскими легко было справиться, потому что *кіевляне* были противъ нихъ; труднѣе была борьба съ роднымъ дядею Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ, княземъ суздальскимъ. Произошла продолжительная междоусобная война, въ которой принимали участіе и другіе князья, помогая то одной, то другой сторонѣ. Между союзниками Юрія замѣчателенъ Владимірко Володаревичъ, галицкій князь, опасавшійся соединенія Волыни и Кіева въ однѣхъ рукахъ. Изяславу помогалъ венгерскій король Гейза; кромѣ того, въ войскѣ Изяслава были такъ называемые „Черные Клобуки“, т. е. разные кочевники (Берендѣи, Торки и др.), издавна поселенные князьями на югѣ кіевской земли, а Юрій привелъ Половцевъ *).

*) Черниговскіе Давидовичи и сѣверскіе Ольговичи попеременно были союзниками то Юрія, то Изяслава.

Кіевъ переходилъ изъ рукъ въ руки, но Изяславъ, въ третій разъ вернувшійся, умеръ великимъ княземъ въ 1154 г. Теперь и Юрію удалось достичь завѣтной цѣли—утвержденія на югѣ; онъ проспдѣлъ около двухъ лѣтъ въ Кіевѣ до самой смерти (1159). Послѣ Юрія Кіевъ захватывали разные князья (напр. Изяславъ Давидовичъ, Ростиславъ братъ Изяслава II). Эта частая смѣна князей, сопровождавшаяся усобицами, уронила Кіевъ; послѣдній ударъ нанесъ ему въ 1169 г. сынъ Юрія Долгорукаго Андрей Боголюбскій суздальскій. Онъ воспользовался ссорою призваннаго *кіевлянами* Мстислава II Изяславича волынскаго съ племянниками Ростиславичами смоленскими (изъ-за Новгорода) и послалъ 11-ть князей (смоленскихъ, муромо-рязанскихъ и др.) вмѣстѣ съ Половцами къ Кіеву. Кіевляне, и прежде не выдерживавшіе осады, держались только три дня; городъ былъ взятъ приступомъ и подвергся грабежу, между прочимъ зажженъ былъ печерскій монастырь—этого, по замѣчанію лѣтописца, никогда не случалось съ матерью русскихъ городовъ. Андрей, не участвовавшій лично въ походѣ, посадилъ въ Кіевѣ брата Глѣба, а самъ остался въ наслѣдственной своей области ростово-суздальской; избранный всею землею (Ростовомъ, Суздалемъ и пр.), онъ сдѣлалъ своею столицею не одинъ изъ старыхъ городовъ, а молодой пригородъ Владиміръ на Клязьмѣ, данный ему отцомъ (хотя Андрей былъ старшій сынъ, но Юрій далъ ему младшій городъ, такъ какъ думалъ посадить его послѣ себя въ Кіевѣ).

Андрей Боголюбскій первый измѣнилъ прежній обычай князей переходить изъ княжества въ княжество и твердо осѣлся въ своей отчинѣ, не отказываясь, впрочемъ, отъ власти и въ другихъ областяхъ. Такой политики стали вообще около половины XII ст. придерживаться и другіе князья и старались упрочить за своимъ домомъ владѣніе землею отцовъ и дѣдовъ *(отчина* и *дѣдина)*. Такимъ образомъ утверж-

даются въ каждомъ княжествѣ отдѣльныя княжескія линіи. Поколѣніе Олега Святославича утвердилось въ княжествахъ *черниговскомъ* и *сѣверскомъ*, линія брата его Ярослава Святославича въ княжествахъ *рязанскомъ* и *муромскомъ* (линія 3-го брата Давида прекратилась). Внуки Владиміра Мономаха старшей линіи, Изяславъ и Ростиславъ Мстиславичи, сдѣлались родоначальниками князей *волынскихъ* и *смоленскихъ*. Въ Полоцкѣ продолжали господствовать потомки Изяслава Владиміровича, а основателемъ *галицкаго* княжества считается союзникъ Юрія Владимірко Всеволодовичъ, который соединилъ подъ своею властью всю *червонную* страну и сдѣлалъ ея средоточіемъ вновь построенный городъ Галичъ на Днѣстрѣ (отсюда названіе княжества *галицкаго* или Галиціи). Въ каждомъ княжествѣ, кромѣ князя въ главномъ городѣ, часто называемаго теперь великимъ, по другимъ городамъ сидѣли удѣльные, которые заводили усобицы, сводили домашніе счеты какъ другъ съ другомъ, такъ и съ великимъ княземъ—представителемъ дома. Продолжались усобицы и между князьями разныхъ линій какъ за Кіевъ, такъ и съ тѣмъ, чтобы къ своей волости прихватить чужую или по крайней мѣрѣ привести ее въ зависимость.

Въ Кіевѣ и Новгородѣ не утвердилась какая либо одна княжеская линія, въ Кіевѣ потому, что онъ и послѣ униженія Андреемъ продолжалъ быть предметомъ добыванія, при чемъ выраженіе народной воли постепенно теряло значеніе; въ Новгородѣ, напротивъ, народная воля, выражаемая вѣчемъ, получила широкое развитіе и княжеское достоинство сдѣлалось выборнымъ.

II. Географическій очеркъ удѣльно-вѣчевой Руси и внутренній бытъ Новгорода Великаго.

§ 50. **Географическій очеркъ Руси удѣльной.** 1. *Ростово-суздальская земля* лежала по верхнему и среднему теченію Волги и ея притокамъ; древнѣйшее населеніе состояло изъ Веси, Мери, отчасти Муромы. Очень рано въ этотъ край явились славянскіе насельники, построили укрѣпленные города, которые сдѣлались средоточіемъ русско-христіанской гражданственности. Претворивъ въ себя Финновъ и слившись съ ними, ростово-суздальская Русь сдѣлалась родоначальницей великорусской вѣтви русскаго народа. Древнѣйшими городами здѣсь были: Ростовъ и Суздаль; первый, называемый Великимъ по своему многолюдству и обилію церквей, лежалъ на берегахъ озера Неро, а второй на Малой Нерли, впадающей въ Клязьму. Значеніе стольнаго города всей земли они должны были при Андреѣ Боголюбскомъ уступить Владиміру Залѣсскому на р. Клязьмѣ, притокѣ Оки. Третій старый городъ Переяславль Залѣсскій расположенъ у озера Клещино, а Ярославъ М. основалъ на Волгѣ Ярославль. Изъ позднѣйшихъ городовъ многіе обязаны своимъ происхожденіемъ Юрію Долгорукому, который заселялъ ихъ выходцами изъ другихъ русскихъ земель. Ему приписываютъ построеніе Юрьева Польскаго (расположеннаго среди полей) на р. Колокшѣ (притокѣ Клязьмы), Дмитрова и Москвы. Назовемъ еще городъ Кострому на Волгѣ, Галичъ, называемый Мерскимъ, на галицкомъ озерѣ, Тверь на Тверцѣ.

2. *Муромо-рязанская земля* расположена по среднему теченію Оки и верховьямъ Дона и населена была Муромою и Мещерею. Эти финскія племена постепенно обрусѣли съ приливомъ славянскаго элемента и построеніемъ городовъ въ странѣ. Древнѣйшій городъ Рязань уступилъ современемъ первенство Переяславлю Рязанскому (нын. Рязань), который

сталъ стольнымъ городомъ всей земли; оба города лежали на Окѣ, равно какъ и Муромъ—главный городъ обособившагося муромскаго княжества. Пронскъ на р. Пронѣ (притокѣ Оки) былъ мѣстопребываніемъ удѣльнаго князя, а Коломна на р. Москвѣ лежала на границѣ съ суздальскою землею. Сосѣдняя степь обусловливала постоянную борьбу съ кочевниками; укрѣпленнымъ пунктомъ со стороны Половцевъ былъ городъ Елецъ на Быстрой Соснѣ, впадающей въ Донъ.

3. *Чнрниговo-сѣверская* земля лежала въ бассейнѣ притоковъ Днѣпра: Сожи, Десны съ Семью, Ворсклы и простиралась до верхняго теченія Оки; здѣсь по Окѣ жили Вятичи, а въ остальной странѣ Сѣверяне и Радимичи. Окруженная съ трехъ сторонъ русскими княжествами, черниговосѣверская земля на югѣ соприкасалась съ половецкими кочевьями. Благодаря Половцамъ Тмутракань, принадлежавшая черниговскимъ князьямъ, надолго была отрѣзана отъ русской земли. Стольными городами были: Черниговъ на правомъ берегу Десны съ главнымъ соборнымъ храмомъ Спаса Преображенія, заложеннаго Мстиславомъ тмутраканскимъ почти одновременно съ кіевскою Софіею, и Новгородъ Сѣверскій тоже на Деснѣ. Изъ удѣльныхъ городовъ замѣчательны: Трубчевскъ и Брянскъ на Деснѣ, Путивль, Курскъ и Рыльскъ на Семи, Стародубъ на рѣчкѣ бассейна Десны, Любечъ на Днѣпрѣ, Козельскъ на Жиздрѣ (притокѣ Оки) въ странѣ Вятичей. Сѣверская земля изобилуетъ курганами, при раскопкѣ которыхъ находятъ остатки языческихъ временъ. Вятичи, покоренные Святославомъ Игоревичемъ, долго потомъ отстаивали независимость и преданность язычеству.

4. *Смоленская* земля лежала въ центрѣ Руси и расположена на плоской алаунской возвышенности. Обладая верховьями рѣкъ Днѣпра, зап. Двины и Волги, она занимала выгодное положеніе для торговли и изобиловала промышленными городами и селами. Стольный городъ Смоленскъ на лѣ-

вомъ берегу Днѣпра заключалъ, кромѣ своихъ, гостинные дворы иноземнымъ купцовъ съ латинскими божницами; главною православною святынею города былъ храмъ Успенія Богородицы, построенный Владиміромъ М., съ весьми чтимою иконою Богородицы Одигитріи (Путеводительницы), писанною по преданію евангелистомъ Лукою. Изъ удѣльныхъ городовъ замѣчательны: Торопецъ на Торопѣ (притокѣ Двины), Можайскъ на р. Москвѣ, пограничный съ суздальскою землей, Вязьма на притокѣ Днѣпра того же имени. Назовемъ еще Дорогобужъ на Днѣпрѣ, Мстиславль на притокѣ Сожи. Населеніе земли составляли Кривичи.

5. *Полоцкая* земля, иначе *кривская*, населенная также Кривичами, лежала въ области зап. Двины, Березины и верхняго Нѣмана. Она граничила съ смоленскою и новгородскою землею, а затѣмъ упиралась въ Полѣсье и сосѣдила съ Литвою. Кромѣ главнаго города Полоцка на Двинѣ были удѣльностольные: Витебскъ на Двинѣ и Минскъ на р. Свислочѣ, притокѣ Березины. Назовемъ еще Изяславль, построенный Владиміромъ св. для Рогнѣды и ея сына.

6. *Волынская* земля занимала бассейнъ рѣки Припети. Соприкасаясь на востокѣ съ кіевскою землею, Волынь на сѣверѣ сливалась съ болотистымъ Полѣсьемъ и сосѣдила съ Ятвягами и Литвою; на западѣ рѣка зап. Бугъ отдѣляла ее отъ Польши а на юго-зап. и югѣ она граничила съ галицкою Русью. Населеніе составляли Древляне и Бужане. Стольный городъ Владиміръ на р. Лугѣ, притокѣ Буга. Изъ другихъ городовъ Луцкъ на р. Стыри (притокѣ Припети) былъ столомъ значительнаго удѣльнаго князя, Кременецъ лежалъ на границѣ съ галицкой землей, Берестье на Бугѣ и Каменецъ на Смотричѣ, притокѣ Днѣстра.

7. *Галицкая* земля, расположенная по склонамъ Карпатъ и простиравшаяся до устья Дуная, орошалась притоками Вислы, Днѣстра и Прута. Жившее здѣсь славяно-рус-

ское племя Червонороссы прежде назывались Бѣлыми Хорватами. Край соприкасался съ Венгріею, Польшею, Волынью, а также съ половецкою степью. Кромѣ Галича, главными городами, и притомъ старыми, были: Перемышль на притокѣ Вислы Санѣ — средоточіе такъ называемаго „Подгорья“ или горной страны, и Теребовль на Серетѣ (притокѣ Днѣстра). Послѣдній, какъ и Звенигородъ, лежалъ на границѣ съ Волынью. Страна, пограничная со степью, называлась „Понизье“ (впослѣд. Подолье). На Дунаѣ былъ городъ Малый Галичъ (нынѣ Галацъ), складочное мѣсто товаровъ, шедшихъ изъ Руси, Византіи и Венгріи. Галицкая земля была густо населена и уже въ древности славилась соляными копями. На границѣ съ Польшею лежалъ Ярославль, тянувшій къ себѣ русско-православное населеніе, простиравшееся до Люблина.

8. *Кіевская* земля или *Приднѣпровье*, страна древнихъ Полянъ, называлась Русью по преимуществу и не имѣла строго опредѣленныхъ границъ; на сѣверѣ она сливалась съ припетскимъ Полѣсьемъ, на западѣ врѣзывалась въ волынскую землю, на югѣ захватывала часть степи,—здѣсь князья поселили кочевниковъ („Черные Клобуки“). Главный городъ земли Кіевъ на прав. берегу Днѣпра распадался въ древности на нижній или *подолъ* и верхній или *старый*. Въ верхнемъ находились: *десятинный храмъ*, *св. Софія и златоверхій михайловскій монастырь*, основанный Святополкомъ II—Михаиломъ (Изяславичъ). Здѣсь же стоялъ главный княжескій теремъ, получившій названіе *великаго двора Ярослава*. Кіевъ, судя по извѣстіямъ лѣтописцевъ, былъ густо населенъ и изобиловалъ церквами и монастырями; изъ послѣднихъ, кромѣ знаменитаго *печерскаго* и вышеупомянутаго михайловскаго, древнѣйшими были: *георгіевскій* и *ирининскій*, построенные Ярославомъ, и *кирилловскій*, основанный Всеволодомъ Ольговичемъ. Какъ и въ другихъ торговыхъ центрахъ, въ Кіевѣ (въ нижнемъ городѣ) проживали греческіе и нѣмецкіе

купцы; очень рано тутъ встрѣчаемъ и Евреевъ (жидовскія ворота). Въ окрестностяхъ Кіева были загородные княжескіе дворы, изъ нихъ особенно извѣстенъ Берестово, любимое пребываніе св. Владиміра и мѣсто его кончины. Изъ другихъ городовъ кіевской земли замѣчательны: Вышгородъ на Днѣпрѣ съ богатымъ храмомъ, въ которомъ покоились мощи Бориса и Глѣба, Бѣлгородъ на Ирпени и Васильевъ на Стугнѣ (обѣ рѣки—притоки Днѣпра). Города Треполь и Витичевъ лежали на Днѣпрѣ въ южной части кіевской земли, которая называлась „Поросье“ (отъ р. Роси). Въ припетскомъ Полѣсьѣ, населенномъ Дреговичами и тянувшемъ къ Кіеву, были города: Туровъ, столъ княжества туровскаго и Пинскъ на притокѣ Припети (другая часть Полѣсья тянула къ волынской землѣ). Къ кіевской землѣ примыкала *переяславская;* главный городъ Переяславль Русскій на Днѣпрѣ былъ столомъ отдѣльнаго княжества.

9. *Новгородская* земля расположена въ бассейнѣ Ильменя и ограничена была на западѣ р. Великою и *чудскимъ* озеромъ, на сѣверѣ *ладожскимъ*, на сѣверо-востокѣ Бѣлоозеромъ, съ востока же и юга примыкала къ землямъ суздальской, смоленской и полоцкой. Главный городъ земли Новгородъ Великій лежалъ на обоихъ берегахъ Волхова и раздѣлялся на пять концовъ. Правая сторона города называлась *торговою* и заключала два конца, здѣсь былъ дворъ Ярослава и торгъ; лѣвая или *софійская* обнимала три конца съ св. Софіею и архіепископскими покоями „домъ св. Софіи“. Важнѣйшіе пригороды были: Руса на притокѣ Ловати, Великіе Луки на Ловати, главный оплотъ страны сначала отъ князей полоцкихъ, потомъ отъ Литвы; Псковъ на р. Великой, Ладога на Волховѣ, Торжокъ на границѣ съ суздальской землей, Волокъ Ламскій (отъ рѣчки) и Бѣжичи на Мологѣ. Новгородская земля дѣлилась на пять *пятинъ*. Кромѣ собственной *земли*, Новгороду принадлежалъ весь финскій сѣверъ

и сѣверо-востокъ европ. Россіи до *бѣлаго* моря и *уральскихъ* горъ. Это *волости* новгородскія, таковы: Заволочье или двинская земля на Сѣверной Двинѣ и ея притокахъ (богатая пушнымъ звѣремъ), Пермь, Печора, Югра по ту сторону уральскаго хребта.

§ 51. **Внутренній бытъ Великаго Новгорода и исторія его въ кіевскій періодъ.** Новгородъ называется по преимуществу вѣчевымъ городомъ. Развитію вѣчеваго строя въ Новгородѣ благоріятствовали слѣдующія обстоятельства. Князья долгое время интересовались приднѣпровьемъ, особенно Кіевомъ; лѣса и болота, окружавшіе Новгородъ, ограждали его отъ захвата князьями; обширность владѣній и могущество дѣлали борьбу съ нимъ не легкою (даже Половцевъ не легко было туда заманить). Торговля и богатство поддерживали въ жителяхъ стремленіе къ самостоятельности и къ участію въ общественныхъ дѣлахъ. Наконецъ князья-соперники не прочь были заручиться помощью Новгорода, а это давало послѣднему возможность дѣлать выборъ и приглашать на столъ того, кто былъ любъ, а также ставить условія. Какое значеніе при этомъ имѣли льготныя грамоты Ярослава, на которыя ссылались *новгородцы*, трудно сказать. Сначала Новгородъ поддерживалъ политическую связь съ Кіевомъ и принималъ у себя сыновей великаго князя (Изяславъ Ярославичъ получилъ отъ отца вмѣстѣ съ Кіевомъ и Новгородъ). Но это не было постоянно соблюдаемымъ правиломъ, такъ, когда Святополкъ Изяславичъ хотѣлъ послать къ нимъ сына, то *новгородцы*, желавшіе удержать у себя Мстислава, сына Мономаха, сказали великому князю: „*аще ли двѣ головы имѣетъ сынъ твой, то посли и*“. Вообще *новгородцы* замѣтно отдаютъ предпочтеніе старшей линіи Владиміра Мономаха: когда Изяславъ Мстиславичъ, отпустивъ къ нимъ сына, самъ пріѣхалъ въ Новгородъ, то *новгородцы* сдѣлали ему восторженный пріемъ и кричали: „*ты нашъ Володимиръ, ты нашъ*

Мстиславъ". Но когда пошли усобицы между двумя линіями Мономаховичей, старшей и младшей, и князья начали утверждаться наслѣдственно въ своихъ волостяхъ, тогда Новгородъ сталъ постепенно развивать у себя народоправленіе. Избирая между князьями-соперниками, *новгородцы* приглашали на столъ то черниговскихъ Ольговичей, то Мономаховичей изъ Суздаля, Смоленска или Волыни; при этомъ установился обычай, что вѣче издавало договорную грамоту и требовало отъ князя присяги на соблюденіе условій, а это означало принимать князя *„на всей волѣ новгородской"*. Съ другой стороны сильные князья старались образовать въ Новгородѣ приверженную себѣ партію и давать ему князя изъ своихъ рукъ. Понятно, что при отсутствіи правильной государственной организаціи такіе порядки вели къ смутамъ, происходила борьба партій, собирались шумныя вѣча, доходило до столкновеній, смѣны посадниковъ и убійства приверженцевъ побѣжденной стороны. Рѣдко князь засиживался долго въ Новгородѣ, иногда онъ самъ уходилъ, иногда ему клапялись *„указывали путь изъ Новгорода"*. Въ XII в. перемѣнилось до 30 князей и при всемъ томъ Новгородъ не мыслилъ себя безъ князя, онъ былъ ему нуженъ главнымъ образомъ какъ предводитель на войнѣ. Съ возвышеніемъ суздальскихъ князей Новгородъ сталъ испытывать отъ нихъ насиліе; въ рукахъ суздальскихъ князей было сильное средство вредить Новгороду; они не пропускали купцовъ чрезъ свои владѣнія и задерживали подвозъ хлѣба изъ поволжскихъ областей, что грозило голодомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ князья суздальскіе оспаривали у *новгородцевъ* сборъ дани въ Заволочьѣ. Въ Новгородѣ образовалась суздальская партія и, въ случаѣ ея торжества, *новгородцы* принимали князя, угоднаго владимірскому; противная партія обыкновенно искала защиты у южно-русскихъ князей.

По мѣрѣ установившагося обычая приглашать князя, из-

любленнаго вѣчемъ, и высшіе сановники сдѣлались избирательными. Первое мѣсто между ними занимали *посадникъ* и *тысяцкій*, прежде назначавшіеся княземъ. Посадникъ рядомъ съ княземъ водилъ войско, судилъ и предсѣдательствовалъ на вѣчѣ; тысяцкій былъ главнымъ образомъ начальникомъ земской рати. Они избирались на неопредѣленное время, обыкновенно смѣна князя влекла за собою и перемѣну посадника. Находившіеся въ должности посадникъ и тысяцкій назывались *степенными*, но и по сложеніи должности они сохраняли званіе въ качествѣ *старыхъ*. Такіе старые посадники и тысяцкіе назначались воеводами, послами, иногда они скрѣпляли договоры своими подписями вмѣстѣ съ степенными. Званія посадника двбивались знатные *бояре*,—боярами въ Новгородѣ назывались богатые люди, владѣвшіе большими имѣніями (земскіе бояре въ отличіе отъ княжескихъ) Нѣкоторыя фамиліи пользовались какъ бы исключительною привилегіею быть избираему въ посадники, такова напр. фамилія Мирошкиничей и фамилія, главою которой былъ посадникъ Михаилъ (Михалко) Степановичъ. Каждая изъ такихъ фамилій старалась имѣть приверженцевъ на вѣчѣ—отсюда новый источникъ борьбы партій; этою борьбою въ средѣ новгородской аристократіи пользовался народъ и заявлялъ свои требованія, сопровождая ихъ иногда убійствомъ и грабежемъ имущества богатыхъ людей (такъ называемые „житьи люди“). Такимъ образомъ мы видимъ здѣсь борьбу аристократической партіи съ народною.

Кромѣ посадника и тысяцкаго, должностными лицами въ Новгородѣ были: *старосты концовъ*, *старосты улицъ*, *сотскіе* и пр.; къ разряду низшихъ принадлежали *биричи*, *подвойскіе*, вѣроятно сборщики податей, исполнители приговоровъ и пр.

Верховная власть въ Новгородѣ принадлежала *вѣчу*. Кромѣ избранія князя и сановниковъ, оно объявляло войну,

заключало договоры, налагало подати. Вѣче собиралось по звуку вѣчеваго колокола обыкновенно на дворѣ Ярослава, но иногда и у св. Софіи, напр. для выбора владыки. Вопросы рѣшались большинствомъ, но правильнаго счета голосовъ не было; большинство опредѣлялось такъ сказать на глазомѣръ, въ пользу какого мнѣнія больше кричали. Если случалось, что вѣче созывалось приверженцами какой либо партіи, то противники составляли другое вѣче и въ другой части города и дѣло доходило до столкновенія, до рукопашной схватки на волховскомъ мосту; въ такомъ случаѣ обыкновенно примирителемъ являлся владыка. *Владыка* или епископъ, впослѣдствіи архіепископъ новгородскій, имѣлъ весьма важное значеніе; онъ принималъ участіе въ дѣлахъ государственныхъ, при заключеніи договоровъ съ князьями и иностранными правительствами; во время войны онъ выставлялъ свой полкъ. Сначала архіепископъ новгородскій, какъ и другіе архіереи, назначался кіевскимъ митрополитомъ, обыкновевно изъ грековъ, но со второй половины XII ст. онъ сталъ избираться также вѣчемъ изъ мѣстныхъ игуменовъ. Когда въ концѣ того же вѣка на вѣчѣ, на которомъ участвовало и духовенство, произошло разногласіе, именно выставлены были три кандидата, то прибѣгли къ жребію: положили свитки съ именами трехъ кандидатовъ на соборной трапезѣ и послали съ вѣча слѣпца для вынутія жребія; избранный такимъ образомъ считался избранникомъ св. Софіи и онъ былъ торжественно введенъ въ „дворъ св. Софіи“, т. е. во владычніи покои. Обычай этотъ повторялся и послѣ и избранный архіепископъ ѣздилъ въ Кіевъ на поставленіе къ митрополиту.

Пригороды новгородской земли управлялись посадниками, назначенными новгородскимъ вѣчемъ; иногда Новгородъ давалъ имъ отдѣльныхъ князей. Псковъ, сдерживавшій напоръ Нѣмцевъ и занимавшій выгодное положеніе для торговли, началъ съ XII в. стремиться къ самостоятельности; такъ

уже въ этомъ вѣкѣ *псковичи* посадили у себя на столъ изгнаннаго изъ Новгорода князя Всеволода-Гавріила, сына Мстислава Владиміровича. Но послѣ его смерти Псковъ продолжалъ оставаться новгородскимъ пригородомъ и только въ XIV в. дѣлается независимою вѣчевою общиною и признается „младшимъ братомъ“ Новгорода.

Зависимость отъ Новгорода владѣній, лежавшихъ за предѣлами собственно новгородской земли, выражалась въ платежѣ дани; военные отряды ходили за нею и нерѣдко вступали съ туземнымъ населеніемъ въ борьбу. Утвержденіе власти Новгорода въ сѣверовосточномъ краѣ шло путемъ колонизаціи, при чемъ возникали города, таковы: Вологда, Шенкурскъ и др. Распространенію владычества среди финскихъ племенъ не мало способствовали новгородскіе *повольники* или *ушкуйники*—такъ называлась отважная молодежь. Ушкуйники (ушкуй —лодка) спускались по рѣкамъ, заходили въ ихъ притоки, грабили, налагали дань и иногда основывали прочныя поселенія. Такъ возникла въ 1174 г. *вятская* община. Новгородскіе повольники, чѣмъ то недовольные на родинѣ, поплыли Волгою, Камою и Вяткою, покорили Черемисъ и Вотяковъ, построили при впаденіи р. Хлыновицы въ Вятку городъ и назвали его Хлыновымъ. Впослѣдствіи онъ былъ переименованъ въ Вятку и сдѣлался центромъ окрестной земли. Управляясь собственнымъ вѣчемъ, но безъ князя, вятская община не хотѣла признавать власти Новгорода и принимать отъ него посадника, отчего дѣло доходило до вражды. На западѣ и сѣверо-западѣ *новгородцы*, хотя и облагали данью туземныя племена: Емь, Карелу, крестили ихъ и заводили поселенія, но встрѣтили здѣсь сильныхъ враговъ въ Шведахъ и Датчанахъ.

Торговля выдвинула въ Новгородѣ зажиточный классъ купцовъ, которые дѣлились на сотни и, рядомъ съ земскими боярами, пріобрѣли вліяніе на общественныя дѣла. Новго-

родскіе купцы ѣздили въ русскія области, въ камскую Болгарію, а на западѣ торговали съ Скандинавіею и прибалтійскимъ краемъ; на островѣ Готландѣ были русскіе гостинные дворы. Съ другой стороны купцы изъ Готланда проживали въ Новгородѣ и его пригородахъ, Псковѣ и Ладогѣ, и имѣли свои гостинные дворы; были и дворы нѣмецкіе съ божницами. До насъ дошли и торговые договоры съ иноземцами.

Обширность владѣній и богатая торговля оправдываютъ названіе „Господинъ Великій Новгородъ“, а сознаніе могущества выразилось въ словахъ: „кто противъ Бога и Великаго Новогорода“.

III. Владимірскій періодъ удѣльно-вѣчевой Руси до начала монгольскаго ига.

§ 52. **Андрей Боголюбскій и Мстиславъ Храбрый.** Съ паденіемъ Кіева центръ русской государственной жизни переходитъ на сѣверъ въ ростово-суздальскую землю. Главный князь этой земли въ городѣ Владимірѣ называется теперь по преимуществу великимъ въ смыслѣ сильнѣйшаго. Сложившаяся здѣсь *великорусская* народность очень рано проявила свои отличительныя качества: любовь къ труду, бережливость и настойчивость въ достиженіи цѣли—а цѣль была соединить раздробленную Русь въ одно политическое тѣло. Представителемъ такой политики объединенія является уже первый великій князь владимірскій Андрей Боголюбскій. Избранный всею землею, Андрей Юрьевичъ (1169—1175) не хотѣлъ имѣть подлѣ себя князьями своихъ родственниковъ и потому выслалъ братьевъ и племянниковъ въ южную Русь *„хотя единъ быти властель“*. Не довольствуясь единовла-

стіемъ въ своей землѣ, Андрей желалъ распоряжаться и другими столами, особенно Кіевомъ и Новгородомъ, желалъ сажать туда князей на всей своей волѣ т. е. подчиненныхъ, подручныхъ. Мы знаемъ, что Кіеву онъ далъ своего брата Глѣба; еще раньше униженія Кіева Андрей поссорился съ *новгородцами* за то, что они держали сторону Мстислава II и посадили у себя княземъ Мстиславича Романа. Въ томъ же 1169 г., въ которомъ разоренъ былъ Кіевъ, онъ послалъ многихъ князей къ Новгороду, но потерпѣлъ пораженіе; *новгородцы* приписали побѣду чудотворной иконѣ Богородицы и установили праздникъ Знаменія Богородицы (27 ноября). Но послѣдовавшій за тѣмъ неурожай и опасеніе, чтобы поволжскій путь не былъ закрытъ, заставили *новгородцевъ* помириться съ Андреемъ: они пригласили сына его Юрія въ князья, но все таки на всей волѣ новгородской. И на югѣ Андрей понесъ неудачу, По смерти брата Глѣба Юрьевича, онъ отдалъ Кіевъ съ областью Ростиславичамъ смоленскимъ; нѣсколько времени спустя Андрей задумалъ прогнать Ростиславичей изъ кіевской земли и придрался къ тому, что они не выдавали ему нѣкоторыхъ лицъ, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ отравленіи Глѣба. Угрозу, съ которою явился мечникъ Андрея: „не ходите въ моей волѣ, такъ ступайте вонъ изъ русской земли“ не стерпѣлъ младшій изъ Ростиславичей Мстиславъ Храбрый, о которомъ лѣтописецъ говоритъ, что „онъ отъ юности своей не привыкъ никого бояться, кромѣ единаго Бога“. Мстиславъ остригъ мечнику голову и бороду и поручилъ ему передать своему князю: „мы имѣли тебя прежде какъ отца, но если ты прислалъ къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ князю, но какъ къ подручнику и простому человѣку, то дѣлай, что замыслилъ, а Богъ насъ разсудитъ. Андрей собралъ большую рать изъ суздальцевъ, рязанцевъ, новгородцевъ и съ 20 князьями послалъ на югъ, но они не могли взять Вышгорода, гдѣ засѣлъ Мстиславъ.

Послѣдній, воспользовавшись раздоромъ между союзниками и переполохомъ въ ихъ станѣ, сдѣлалъ вылазку, овладѣлъ обозомъ и захватилъ плѣнныхъ—это и доставило ему прозваніе Храбраго (1174). Стремясь привести подъ свою руку другихъ князей, Андрей Б. въ то же время не хочетъ подчиниться вліянію дружины; проживая въ Боголюбовѣ, онъ не окружалъ себя, какъ то дѣлали другіе князья, боярами, а, оставляя ихъ посадниками по городамъ, приблизилъ къ себѣ младшихъ дружинниковъ, которые менѣе стѣсняли его волю, будучи въ сущности княжескими слугами. Такое отчужденіе вмѣстѣ съ высокомѣріемъ погубило его. Когда онъ казнилъ одного родственника по женѣ, приближенные составили заговоръ и убили его въ любимомъ селѣ Боголюбовѣ (въ десяти верстахъ отъ Владиміра). Убійцы разграбили великокняжескую казну, народъ по городамъ и селамъ послѣдовалъ ихъ примѣру и побилъ посадниковъ и тіуновъ княжескихъ, которые притѣсняли жителей поборами.

Андрей Боголюбскій, отличавшійся благочестіемъ, былъ усерднымъ строителемъ храмовъ. Особенно замѣчателенъ златоверхій каменный соборный храмъ Успенія Богородицы во Владимірѣ; его строили греческіе и нѣмецкіе мастера и на содержаніе его князь далъ десятину отъ нѣкоторыхъ доходовъ. Въ соборѣ находилась икона Богородицы, писанная по преданію евангелистомъ Лукою и увезенная Андреемъ изъ Вышгорода, гдѣ отецъ посадилъ его, когда самъ добился Кіева; подъ именемъ „владимірской“ икона эта сдѣлалась величайшею святынею. Въ Боголюбовѣ сооружена была также Андреемъ замѣчательная церковь Рождества Богородицы. Оба храма были богато украшены рѣзною работою, стѣннымъ расписаніемъ, иконами и пр. и оба построены въ одномъ стилѣ „объ одномъ верхѣ или главѣ“.

§ 53. **Всеволодъ III, Мстиславъ Удалой и усобицы сыновей Всеволода III.** Смерть Андрея повела къ усобицѣ за

великокняжеское достоинство въ суздальской области. *Ростовцы* и *суздальцы*, недовольные возвышеніемъ Владиміра, пригласили Ростиславичей, племянниковъ Боголюбскаго (сыновей его брата Ростислава—не смѣшивать съ смоленскими и галицкими Ростиславичами) и говорили: „Владиміръ нашъ пригородъ, пожжемъ его или пошлемъ туда посадника, то наши холопы каменщики". Ссылаясь на примѣръ въ другихъ русскихъ земляхъ, гдѣ главный городъ указывалъ младшимъ, *ростовцы* говорили: *„новгородци бо изначала, и смолняне, и кыяне, и полочане и вся власти якоже на думу на вьчи сходятся, на что же старьйшии сдумають, на томъ же пригороди станутъ"*. Съ другой стороны и *владимірцы* не хотѣли утратить разъ добытаго первенства и позвали на княженіе братьевъ Андрея, Михаила и Всеволода. Возгорѣвшаяся война окончилась въ пользу дядей и великимъ княземъ сдѣлался сначала Михаилъ, а послѣ его смерти Всеволодъ по прозванію „Большое Гнѣздо". Послѣдній утвердился не только во Владимірѣ, но и въ другихъ городахъ земли послѣ побѣды при Колокшѣ надъ Глѣбомъ рязанскимъ, помогавшимъ племянникамъ.

Всеволодъ III Юрьевичъ (1177—1212) шелъ по стопамъ брата Андрея, подобно ему онъ не давалъ волостей племянникамъ и выгналъ ихъ изъ своей земли. О томъ вліяніи, какимъ онъ располагалъ въ другихъ княжествахъ, свидѣтельствуютъ слѣдующіе примѣры. Рязанскіе князья должны были ходить по его волѣ, они называли его своимъ „господиномъ Великимъ Всеволодомъ"; когда они вздумали выйти изъ его повиновенія и затѣяли съ нимъ войну, онъ взялъ нѣсколько князей въ плѣнъ и въ Рязани посадилъ своего сына (впрочемъ тотъ не долго продержался). Когда въ Кіевѣ, за который по прежнему спорили обѣ старшія линіи Мономаховичей и Ольговичи, сѣлъ Рюрикъ Ростиславичъ (изъ смоленскихъ) и далъ нѣкоторые города (Треполь, Корсунь и др.

ближайшему родственнику Роману Мстиславичу волынскому *), то Всеволодъ потребовалъ ихъ себѣ и Рюрикъ долженъ былъ исполнить его волю. Правда, владимірскій князь не удержалъ ихъ за собою, отдалъ сыну Рюрика и тѣмъ показалъ какъ мало его интересуетъ приднѣпровье. Вообще съ этихъ поръ начинается ослабленіе политической связи между южною и сѣверною Русью. Въ южной, отчасти подъ вліяніемъ сосѣднихъ государствъ, бояре-дружинники выдѣляются изъ народа и принимаютъ большое участіе въ дѣлахъ; въ сѣверной, благодаря самовластію Андрея и Всеволода, бояре сливаются съ народомъ и, въ качествѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, становятся людьми земскими—отсюда на сѣверѣ слагаются зачатки государственныхъ отношеній. На стражѣ новыхъ слагающихся порядковъ стоялъ Всеволодъ III, государь умный, дѣятельный, расчетливый.

И Новгородъ испыталъ могущество суздальскаго князя. Смотря по тому, одерживала ли верхъ суздальская партія или противная, Всеволодъ то мирволилъ *новгородцамъ*, показывая уваженіе къ ихъ вольностямъ, то воевалъ съ ними. Разъ *новгородцы* позвали Мстислава Хр. и съ торжествомъ посадили его на столъ. Онъ ходилъ съ *новгородцами* въ землю эстонской Чуди и воротился съ богатою добычею, но скоро умеръ (1180). Вслѣдъ за тѣмъ Всеволодъ взялъ приступомъ Торжокъ и *новгородцы* должны были принять князя изъ рукъ его; когда онъ прислалъ къ нимъ своего сына Константина, вѣче смѣнило посадника Михаила Степановича и дало посадничество Димитрію Мирошкиничу, принадлежавшему къ суздальской партіи (1206). Но чрезъ нѣсколько лѣтъ противная партія взала верхъ, собралось шумное вѣче, дворы Мирошкиничей были пожжены и въ посадники избранъ Твердиславъ, сынъ Михаила Степановича. Всеволодъ прибѣгъ къ

*) Тому самому, который упоминается въ § 52.

обычнымъ мѣрамъ, притѣснилъ *новгородцевъ*, а послѣдніе призвали сына Мстислава Храбраго, Мстислава Удалого князя торопецкаго. Мстиславъ Мстиславичъ схватилъ суздальскихъ дружинниковъ въ Торжкѣ и повелъ рать на Всеволода. Осторожный суздальскій князь, вступавшій въ битву только тогда, когда былъ увѣренъ въ успѣхѣ, вывелъ сына изъ Новгорода и помирился съ Удалымъ. Оба Мстислава, Храбрый и Удалой, были представителями старыхъ началъ и порядковъ, противъ которыхъ шли суздальскіе князья. Храбрый и воинственный подобно отцу, Мстиславъ Мстиславичъ являлся всюду, гдѣ, по его понятіямъ, дѣлалась неправда, гдѣ были несправедливо обиженные. Такъ вскорѣ по смерти Всеволода Юрьевича Мстиславу представился новый случай постоять за правду—за вольности *новгородцевъ* и за право физическаго старшинства. Мстиславъ не долго княжилъ въ Новгородѣ; покоривъ Новгороду всю чудскую землю вплоть до моря, онъ ушелъ на югъ, куда его звали. Онъ поклонился Новгороду: „есть у меня дѣла въ Руси, а вы вольны въ князьяхъ“. Суздальская партія, взявшая теперь верхъ, призвала Ярослава, сына Всеволода III, князя Переяславля Залѣсскаго. Новый князь сталъ сейчасъ же расправляться съ недоброжелателями, а ихъ было не мало, это повело къ мятежу и Ярославъ Всеволодовичъ переѣхалъ въ Торжокъ. Утвердившись здѣсь, онъ не пропускалъ хлѣба въ Новгородъ, гдѣ вслѣдствіе неурожая былъ большой голодъ. Новгородцы впали въ уныніе и послѣ тщетныхъ переговоровъ обратились опять къ Мстиславу Удалому, который и явился на призывъ. Въ это самое время въ суздальскомъ княжествѣ спорили за первенство братья Ярослава, Константинъ и Юрій. Всеволодъ III, отецъ многочисленнаго семейства (отсюда и названіе *Большое Гнѣздо)*, разсердившись предъ смертью на старшаго сына Константина ростовскаго, далъ стольный Владиміръ второму сыну Юрію. Константинъ не хотѣлъ посту-

питься первенствомъ и возникшая усобица, сначала мелкая, приняла бо́льшіе размѣры, когда за Константина и *новгородцевъ* вступился Мстиславъ Удалой. Другіе братья подѣлились между сторонами, напр. Ярославъ соединился съ Юріемъ. Мстиславъ, явившись въ Новгородъ, созвалъ вѣче, на которомъ сказалъ: „да не будетъ Новый Торгъ (Торжокъ) Великимъ Новгородомъ, ни Новгородъ Торжкомъ, но гдѣ св. Софія, тамъ и Новгородъ, и во многомъ Богъ и въ маломъ Богъ и правда“. Новгородцы ополчились, Мстиславъ соединился съ Константиномъ; поддержанные еще нѣсколькими князьями они пошли на Юрія и Ярослава, за которыхъ стояла суздальская земля (кромѣ Ростова). Битва произошла на берегу рѣки Липицы (*липецкая битва* близъ Юрьева Польскаго) въ 1216. Мстиславъ и *новгородцы* побѣдили, Юрій отступился отъ Владиміра въ пользу Константина, а Ярославъ оставилъ въ покоѣ *новгородцевъ*. Константинъ скоро умеръ и Юрій II (съ 1219) опять сдѣлался великимъ княземъ владимірскимъ. Братья его и племянники княжили по другимъ городамъ суздальской земли и до татарскаго нашествія здѣсь не было усобицъ.

§ 54. **Новгородъ послѣ липецкой битвы.** Мстиславъ Мстиславичъ Удалой, такъ много сдѣлавшій для *новгородцевъ*, не долго оставался у нихъ княземъ. Въ 1218 онъ созвалъ вѣче и сказалъ: „кланяюсь св. Софіи и гробу отца моего и вамъ; хочу поискать Галича, а васъ не забуду. Дай Богъ лечь у гроба отца моего, у св. Софіи“. (Желаніе его не исполнилось). Подъ вліяніемъ враговъ Суздаля приглашенъ былъ на столъ Святославъ Мстиславичъ (изъ смоленскихъ Ростиславичей, родственникъ Удалаго), при этомъ въ Новгородѣ произошли по обыкновенію усобицы. Два конца подняли мятежъ на посадника Твердислава, но послѣдній съ жителями двухъ другихъ концовъ побѣдилъ; цѣлую недѣлю собирались шумныя вѣча, на которыхъ твердиславцы перекричали

противниковъ, наконецъ помирились. Когда же вслѣдъ за тѣмъ князь прислалъ на вѣче сказать, что не хочетъ быть вмѣстѣ съ посадникомъ Твердиславомъ, *новгородцы* спросили: „за что“? „безъ вины“ былъ отвѣтъ. Твердиславъ обратился къ вѣчу со словами: *„тому есмь радъ, оже вины моей нѣту, а вы, братье, въ посадничьствѣ и въ князѣхъ* (вольны)“. А вотъ и отвѣтъ вѣча князю: *„княже, оже нѣту вины его, ты къ намъ крестъ цѣловалъ, безъ вины мужа не лишити, а тобѣ ся кланяемъ, а се нашъ посадникъ; а въ то ся не вдадимъ“*. Твердиславъ продолжалъ посадничать. Послѣ Святослава Мстиславича князья часто мѣнялись; то суздальская партія, то противная пересиливала, между прочимъ нѣсколько разъ *новгородцы* призывали Ярослава Всеволодовича; откланявшись въ послѣдній разъ Новгороду, Ярославъ оставилъ ему сына своего Александра (знаменитаго Невскаго).

§ 55. **Мордва и камскіе Болгары.** Владимірскіе великіе князья: Андрей, Всеволодъ III и Юрій II вели частыя войны съ сосѣдними инородцами, Мордвою и камскими Болгарами. Мордва, прилегавшая съ востока къ княжествамъ суздальскому и рязанскому, управлялась мелкими князьками, изъ коихъ иные были подручниками или *присяжниками* суздальскихъ князей. Раздробленная она не могла выказать большаго сопротивленія и постепенно подчинялась высшей цивилизаціи или отодвигалась дальше. Труднѣе были войны съ Болгарами. Суздальскіе, а также новгородскіе и рязанскіе, повольники вносили опустошенія въ Болгарію, что́ вызывало отместку. Болгары вторгались въ суздальскую землю и русскіе князья должны были внушать имъ страхъ наступательными дѣйствіями. И Андрей Боголюбскій и его преемники ходили не разъ въ ихъ страну; обыкновенно пѣхота на судахъ отправлялась Окою и Волгою, а конница слѣдовала берегомъ. Достигши опредѣленнаго мѣста, судовая и пѣшая

рать соединялись и вступали въ страну; происходили и битвы въ открытомъ полѣ и осада укрѣпленныхъ городовъ. Походы вообще были удачны, таковъ напр. походъ 1183 г., предпринятый Всеволодомъ III въ союзѣ съ многими князьями не только суздальскими, но и рязанскими, черниговскими и смоленскими. Юрій II послѣ похода въ 1219 г. заставилъ Болгаръ заключить выгодный миръ и послалъ своихъ мужей приводить болгарскихъ князей къ присягѣ. Два года спустя онъ обезопасилъ свои владѣнія со стороны Болгаръ и Мордвы построеніемъ при сліяніи Оки и Волги города Нижняго Новгорода.

§ 56. **Галиція и Волынь.** Съ паденіемъ Кіева въ южной или вѣрнѣе югозападной Руси первенствующее значеніе получило галицкое княжество. Въ этомъ княжествѣ, принадлежавшемъ поколѣнію Ростиславичей, не было, какъ въ другихъ русскихъ земляхъ, усобицъ за удѣлы; Владимірко Володаревичъ объединилъ подъ своею властью всю страну. Но съ другой стороны галицкій князь долженъ былъ считаться съ боярами, которые, благодаря вліянію сосѣднихъ государствъ, Польши и Венгріи, сдѣлались сильною аристократіею; послѣдняя стремилась подчинить князя своей волѣ. Владимірку наслѣдовалъ его сынъ Ярославъ Осмомыслъ, о могуществѣ котораго такъ выражается пѣвецъ въ „словѣ о полку игоревѣ“: „Галицкій Осмомысле Ярославе! Ты высоко сидишь на своемъ златокованномъ столѣ, подперъ горы *угорскія* своими желѣзными полками, заступивъ путь королю, затворивъ ворота Дунаю, метая бремены (стѣнобитные камни) за облака, творя суды до самаго Дуная. Гроза твоего имени облетаетъ земли; ты отворяешь ворота Кіеву и стрѣляешь съ золотаго отцовскаго стола въ дальнихъ салтановъ (половецкихъ) *). Ярославъ,

*) Вотъ подлинный текстъ „слова“: *Галицкы Осмомысле Ярославе! высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ. Подпер горы угорскіи своими*

какъ свидѣтельствуетъ прозвище, заботился о благосостояніи своего государства, но и этотъ сильный князь испыталъ своеволіе бояръ; они сожгли любовницу Осмомысла и заставили его жить съ законною женою, дочерью Юрія Долгорукаго. Сынъ и преемникъ его Владиміръ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ отъ бояръ въ Венгрію и *галичане* посадили на столъ князя волынскаго Романа Мстиславича (того самаго Романа, который въ молодости, въ качествѣ новгородскаго князя, отразилъ рать Андрея Боголюбскаго). Романъ былъ изгнанъ венгерскимъ королемъ, но владычество иноземцевъ не понравилось, и сначала Владиміръ, а послѣ его бездѣтной смерти (около 1200 г.) Романъ вторично съ помощью Поляковъ утвердился въ Галичѣ. Соединивъ подъ своею властью Волынь и Галицію, Романъ Мстиславичъ располагалъ значительными силами и внушалъ уваженіе сосѣднимъ государямъ: византійскій императоръ напр. просилъ у него помощи противъ отложившихся тогда Болгаръ. Онъ распоряжался и кіевскимъ столомъ и держалъ въ повиновеніи удѣльныхъ волынскихъ князей. Вотъ какъ волынскій лѣтописецъ характеризуетъ Романа: *„устремилъ бо ся бяше на поганыя, яко и левъ, сердитъ же бысть, яко и рысь, и губяше яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ яко и орелъ, храборъ бо бъ яко и туръ“*. Дѣйствительно, Половцы, а также Литва и Ятвяги боялись его; есть извѣстіе, что онъ приказывалъ плѣнныхъ Ятвяговъ запрягать въ плугъ и заставлялъ ихъ расчищать лѣсистую почву, отсюда и поговорка: „Романе! Литвою ореши, худымъ живеши“. Въ качествѣ галицкаго князя онъ жестоко наказывалъ крамольныхъ бояръ, приговаривая: „пчелъ не передавить, меду не ѣсть“. Во время похода въ

желѣзными пълки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; отворяеши Кіеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола салтана за землями“.

Польшу, куда онъ ходилъ на помощь Лешку Бѣлому противъ его двоюроднаго брата, Романъ былъ убитъ въ 1205 г. Послѣ Романа, оставившаго малолѣтнихъ сыновей, Данила и Василька, въ Галичѣ наступаютъ продолжительныя смуты; бояре раздѣлились на партіи и предлагали столъ то тому, то другому; русскіе князья—черниговскіе, сѣверскіе, пришедшіе въ возрастъ дѣти Романа—и венгерскій король старались каждый добыть себѣ Галичъ; въ войны вмѣшиваются и польскіе князья. Потерявъ на долго Галичъ. Даніилъ Романовичъ и его братъ, выдержавъ борьбу съ сѣверскими Ольговичами, утвердились въ наслѣдственной землѣ своей, волынской, и возвратили захваченное Поляками въ ихъ малолѣтство. Между тѣмъ въ галицкую землю, которою овладѣлъ венгерскій король Андрей и посадилъ тамъ сына своего Коломана, явился Мстиславъ Удалой; послѣ упорной войны Мстиславъ сдѣлался княземъ, но, не поладивъ съ боярами, нѣсколько лѣтъ спустя ушелъ и вскорѣ послѣ того умеръ (1228). Послѣдовали новыя смуты, наконецъ на галицкій столъ посаженъ былъ Даніилъ Романовичъ, но прошло еще много лѣтъ прежде чѣмъ онъ справился со всѣми кознями и внѣшними врагами и прочно утвердился въ странѣ.

§ 57. **Судьба кіевской земли и войны съ Половцами въ владимірскій періодъ удѣльно-вѣчевой Руси.** Кіевская земля, послѣ пораженія Мстиславомъ Храбрымъ рати Андрея Боголюбскаго, переходила попеременно изъ рукъ смоленскихъ Ростиславичей въ руки черниговскихъ Ольговичей. Болѣе двадцати лѣтъ кіевскій столъ занималъ Святославъ Всеволодовичъ черниговскій. Послѣ него Кіевъ достался Рюрику Ростиславичу. Намъ извѣстно его столкновеніе съ Всеволодомъ III. Уступка послѣднему, т. е. удаленіе изъ Поросья Романа Мстиславича (см. § 53), повела къ продолжительной усобицѣ между двумя поколѣніями старшей линіи Мономаха; въ этой борьбѣ участвовали не только князья чер-

нигово-сѣверскіе, но и великій князь владимірскій. Романъ, ставши княземъ галицкимъ, не разъ изгонялъ Рюрика изъ Кіева и сажалъ на столъ своихъ родственниковъ; но Рюрикъ постоянно возвращался, при чемъ въ 1203 г. взялъ городъ приступомъ и отдалъ его на разграбленіе Половцамъ. Пострадали церкви и монастыри, много людей уведено было въ плѣнъ; это новое разореніе матери русскихъ городовъ лѣтописецъ считаетъ „горше перваго“. Усобицы продолжались и по смерти Романа; князь Всеволодъ Святославичъ Чермный (черниговскій, сынъ Святослава Всеволодовича) отнялъ окончательно Кіевъ у Рюрика Ростиславича; но Ростиславичи смоленскіе не хотѣли уступить, и вызванный ими изъ Новгорода Мстиславъ Удалой прогналъ Ольговичей и посадилъ въ Кіевѣ своего двоюроднаго брата Мстислава Романовича (смоленскаго), который и держалъ столъ кіевскій въ первый приходъ Татаръ въ Россію. Второе разореніе нанесло нѣкогда богатому Кіеву ударъ, отъ котораго онъ не скоро оправился; но съ потерею политическаго значенія онъ все еще оставался центромъ древнерусской образованности.

Изъ другихъ событій въ южной Руси въ періодъ владимірскій видное мѣсто занимаютъ, какъ и прежде, половецкія отношенія. Войны съ Половцами почти не прекращались, то южнорусскіе князья ходятъ въ степь и разоряютъ половецкія вежи*), то поганые жгутъ русскія земли и уводятъ плѣнныхъ. Задача оборонять русскіе предѣлы отъ Половцевъ выпадала главнымъ образомъ на долю князей сѣверскихъ. Чаще всего Русскіе воевали съ ними когда въ Кіевѣ княжилъ Святославъ Всеволодовичъ, который и самъ водилъ въ степь свои полки. Изъ этихъ походовъ сильное впечатлѣніе на современниковъ произвелъ походъ четырехъ сѣверскихъ

*) Вежи—это становища кочевниковъ, мѣста ихъ остановокъ во время кочевья.

князей въ 1185 г. Подробно расказанный лѣтописцемъ, онъ сдѣлался и предметомъ поэтическаго произведенія подъ именемъ „слова о полку игоревѣ“. Вотъ князья-участники: Игорь Святославичъ сѣверскій, его братъ Всеволодъ трубчевскій, сынъ Игоря Владиміръ путивльскій и его же племянникъ Святославъ Ольговичъ рыльскій. Сначала походъ сопровождался успѣхомъ, Русскіе поразили Половцевъ, но потомъ, благодаря безпечности, ханы (Гзагъ и Кончакъ) обратили нашихъ въ бѣгство и захватили въ плѣнъ князей. Игорь бѣжалъ изъ плѣна при содѣйствіи одного половчина, а другіе князья позднѣе были освобождены. Въ борьбѣ съ Половцами не маловажную услугу оказывали русскимъ князьямъ Черные Клобуки, они не разъ отпрашивались пограбить половецкія вежи.

III. Общественный бытъ и образованность древней Руси.

§ 58. Раздробленная на самостоятельныя княжества съ названіями отъ стольныхъ городовъ, удѣльно-вѣчевая Русь сохраняла сознаніе своего единства и принадлежности къ одному народу. Такое сознаніе поддерживалось какъ сравнительнымъ однообразіемъ восточной равнины, обусловливавшимъ одинаковыя занятія, нравы и обычаи, такъ и тѣмъ, что всюду господствовалъ одинъ языкъ, одна православная вѣра съ церковно-славянскою письменностью; наконецъ одинъ и тотъ-же княжескій родъ въ потомствѣ Владиміра Св. (отъ перваго историческаго князя Игоря, *Игоревичи)* былъ связующимъ звеномъ въ раздробленной странѣ. Древняя Русь не представляла еще организма съ строго опредѣленными учрежденіями, но зачатки государственнаго быта уже проглядывали. Главною его основою былъ князь съ его дружиною.

1. **Князь и дружина.** Князь былъ представитель области въ качествѣ ея правителя, судьи и военачальника. Ни одна земля, даже мало-мальски большой городъ не мыслилъ себя безъ князя, а развѣтвленіе *игорева* дома позволяло удовлетворять этой потребности. Нуждаясь въ князѣ земля и кормила его, она давала ему дань, судебныя пошлины или *виру*, торговыя пошлины или *продажу*. Другимъ источникомъ княжескихъ доходовъ для содержанія себя и дружины были собственныя села, населенныя *челядью* и рабами,—здѣсь хранились склады хлѣба, меду, табуны коней и пр. Съ другой стороны обычай кормиться отъ земли побуждалъ каждаго князя имѣть свою волость, а отсюда и усобицы или *которы*. Княжескія усобицы не были особенно тягостны для народа, такъ какъ это были, за немногими исключеніями, счеты чисто домашняго свойства между родичами; кровная связь умѣряла вражду и вселяла уваженіе къ физическому старшинству; и на первыхъ порахъ удѣльнаго времени, а нерѣдко и позднѣе, князья переходили со стола на столъ, съ худшаго на лучшій, по старшинству, напр. изъ Переяславля Русскаго или южнаго въ Черниговъ, изъ Чернигова въ Кіевъ. Которы не мѣшали отстаивать общими силами родину отъ иноплеменниковъ; для совмѣстныхъ дѣйствій, а также для примиренія другъ съ другомъ, князья съѣзжались—отсюда обычай мѣстныхъ, а иногда и общихъ, *съѣздовъ*.

Изъ обычаевъ въ частной жизни русскихъ князей отмѣтимъ слѣдующіе: новорожденному сыну (а также дочери) давалось два имени, одно княжое, другое при крещеніи (напр. Святополкъ—Михаилъ). Въ возрастѣ трехъ или четырехъ лѣтъ надъ княжичемъ совершались „постриги“, т. е. первое постриженіе волосъ, и торжественное сажаніе на коня (языческій обычай, освященный церковью). Семейные праздники, освященіе церквей, пріемъ князей сопровождались пирами, называемыми въ лѣтописи *свѣтлыми*, пили крѣпкій медъ

и заморскія вина, а пѣсенники, гусляры и скоморохи забавляли пирующихъ.

Неразрывно съ княземъ была его дружина, съ которою онъ совѣщался, ходилъ на войну и охоту (любимое препровожденіе времени), вмѣстѣ съ нею онъ творилъ судъ и расправу, собиралъ дань, а также пировалъ. Состоя изъ людей, добровольно поступившихъ на службу князя, дружина не имѣла замкнутаго характера: въ нее могъ войти земскій человѣкъ, выдвинувшійся на войнѣ, или инородецъ, привлекаемый ласкою или щедростью князя; такъ мы встрѣчаемъ въ княжеской дружинѣ *торчина*, *касога*, *ляха*, *угра*, а также *варяговъ*. Сыновья дружинниковъ оставались при князѣ, при чемъ дѣти инородцевъ легко сливались съ туземнымъ элементомъ. Какъ вольный слуга, дружинникъ могъ оставить князя и перейти къ другому, но примѣры такихъ переходовъ были не часты. Дружинники за службу получали отъ князя жалованье деньгами и натурою; съ теченіемъ времени, когда князья утвердились наслѣдственно въ областяхъ, дружинники надѣлены были земельными участками и сдѣлались родоначальниками землевладѣльческой аристократіи и дворянъ помѣщиковъ. Сохраняя прежній по преимуществу военный характеръ, дружинники вмѣстѣ съ тѣмъ составили и правительственный классъ. Дружина дѣлилась на старшую и младшую. Старшіе назывались *боярами*, они были главнымъ образомъ совѣтниками князя, его думою, отсюда и названіе княжескіе „думцы“. Князь назначалъ ихъ *воеводами*, *посадниками*, *тысяцкими* —это княжіи чиновники, завѣдывавшіе дѣлами военными и гражданскими, судомъ и хозяйствомъ. Въ ихъ пользу шла часть доходовъ, собираемыхъ на князя, такъ они *кормились* отъ даней и пошлинъ; бывали злоупотребленія, чѣмъ и объясняется народное неудовольствіе на княжихъ слугъ, угнетавшихъ населеніе тяжелыми поборами. Младшіе дружинники назывались *отроками*, *дѣтскими* и пр.; составляя

дворъ князя, они получили потомъ наименованіе „дворянъ“; князь поручалъ имъ нисшія должности *тіуновъ*, *биричей*, *дьяковъ* (послѣдніе занимались письмоводствомъ, вообще же кругъ обязанностей не былъ строго разграниченъ); къ младшей дружинѣ примыкала, вѣроятно, и часть княжеской прислуги. Военную службу дружинники отправляли на конѣ; бояре окружали себя, по примѣру князя, отроками, съ которыми и ходили на войну. Нуждаясь въ ратникахъ, князь дорожилъ дружиною: еще Владиміру св. лѣтописецъ влагаетъ въ уста: *„сребромъ и златомъ не имамъ надълсти дружины, а дружиною надъюзу сребро и злато“*. И дружина, сознавая свое значеніе, обижалась на князя, если онъ задумалъ что либо безъ ея совѣта, такъ одному князю дружина сказала: *„о собѣ еси, княже, замыслилъ; а не вѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали“*. Какъ ни проста была жизнь русскаго князя, но уже на первыхъ порахъ встрѣчаемъ разные придворные чины, напр. *мечеюша*, *ключникъ*, *ловчій* и др.

§ 59. **Вѣче, городское и сельское населеніе.** Другою основою слагавшагося государственнаго строя было вѣче. Народная сходка—древнерусское учрежденіе; князь, считаясь съ народнымъ обычаемъ, думалъ не съ одною дружиною, но въ важныхъ случаяхъ призывалъ на совѣтъ и *лучшихъ* мужей или *старцевъ*. Такъ рядомъ съ княжескою властью явилось вѣче, и вотъ почему мы встрѣчаемъ вѣче почти во всѣхъ городахъ. Но только въ большихъ или стольно-княжескихъ городахъ вѣче получило важное значеніе, какъ это можно заключать изъ извѣстныхъ намъ словъ, приписываемыхъ лѣтописцемъ *ростовцамъ* („Новгородци бо изначала“ и пр. см. § 53). Хотя во время княжескихъ усобицъ иные города и присвоивали себѣ право приглашать князя и заключать съ нимъ *рядъ*, но вообще, за исключеніемъ Новгорода и Пскова, вѣче не сдѣлалось рѣшающимъ органомъ въ государственной

жизни нашего отечества. Сзывалъ вѣче, когда считалъ нужнымъ, князь или его посадникъ обыкновенно на соборной площади или княжемъ дворѣ; выслушавъ предложеніе, собравшіеся выражали свое мнѣніе крикомъ, при чемъ нельзя опредѣленно сказать, кто изъ гражданъ имѣлъ право присутствовать и подавать голосъ. По мѣрѣ усиленія княжеской власти вѣче утрачиваетъ прежнее значеніе, но обычай держался долго; не только въ кіевскій періодъ Святополкъ II приглашаетъ городскихъ старцевъ посовѣтоваться на счетъ Василька Ростиславича, но и въ періодъ владимірскій Всеволодъ III, напр., созываетъ лучшихъ земскихъ людей.

Земскими людьми или просто *людьми* (единственное число *людинъ*) назывались всѣ городскіе и сельскіе свободные жители. Сословій не было, но различались люди по зажиточности: богатые назывались *лучшими* или *бо́льшими (земскіе бояре)* въ отличіе отъ *младшихъ* или *черныхъ (черни)*. Какъ особый классъ выдѣляются купцы или *гости*. При преобладающемъ земледѣльческомъ характерѣ страны, городскіе и сельскіе жители мало разнились занятіями; правда, по мѣрѣ развитія въ молодомъ обществѣ потребности въ промыслахъ и торговлѣ, послѣдніе пріютились главнымъ образомъ въ городахъ. Русскій городъ того времени не походилъ на нынѣшній—это было огороженное мѣсто, куда собиралось окрестное населеніе въ случаѣ опасности. Такой городъ распадался на верхній и нижній: первый или *дѣтинецъ* былъ обыкновенно окруженъ валомъ и деревянною, рѣдко каменною, стѣною съ башнями и воротами, здѣсь находился княжій дворъ, соборная церковь, домъ епископа и дома дружинниковъ. Нижній или *окольный* лѣпился къ дѣтинцу и назывался „острогомъ“, окруженный иногда также стѣною, онъ заключалъ дворы ремесленниковъ и торговцевъ; необходимою его принадлежностью было *торговище* или *торгъ*. Сравнительно въ эпоху дотатарскую у насъ было много городовъ, до 300.

Сельское населеніе, иначе называемое „смерды“, дѣлилось на общины, которыя носили разныя названія: „волости“, „верви“, „погоста“. Селенія одной общины пользовались землею сообща и жители собирались на сходки для раскладки дани, поставки ратныхъ людей и пр. Такъ какъ, по понятіямъ того времени, вся земля считалась принадлежавшею князю, который раздавалъ ее церкви, дружинникамъ, то крестьяне не имѣли своей собственности, а брали въ пользованіе участки у землевладѣльцевъ; но, какъ люди свободные, они могли во всякое время переходить съ мѣста на мѣсто.

Земскіе люди платили дань князю, а смерды сверхъ того повинности землевладѣльцамъ; кромѣ того, они обязаны были выставлять ратную силу или *воевъ*. Земскіе власти, частью выборныя, носили названіе: *старостъ, тысяцкихъ, сотскихъ* и пр.

Кромѣ свободнаго населенія было несвободное, *челядь, холопы*. Оно употреблялось князьями и дружинниками для сельскихъ работъ или прислуживало въ домѣ. Источниками рабства у насъ были: плѣнъ на войнѣ, продажа, долговая несостоятельность, а также женитьба на рабѣ безъ договора. Отъ полныхъ рабовъ или „обѣльныхъ“ отличались полусвободные—это такъ называемые „закупни“ или „наймиты“.

§ 60. **Матеріальный бытъ общества.** Преобладающимъ занятіемъ русскаго народа было земледѣліе; орудія обработки почвы и произведенія земли были тѣ же, что и теперь; изъ другихъ отраслей добывающей промышленности заслуживаютъ вниманія: скотоводство (табуны лошадей въ княжескихъ хозяйствахъ), рыболовство и пчелиный промыселъ или *бортничество;* послѣдній доставлялъ любимый напитокъ, медъ, и воскъ, шедшій на свѣчи для храмовъ, а также бывшій предметомъ вывоза. Изъ ремеслъ, удовлетворявшихъ несложнымъ потребностямъ общества, встрѣчаются: столярное, токарное, кузнеч-

ное; упоминаются также серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастера, изготовлявшіе кубки, церковные кресты, оправы для иконъ и пр.; впрочемъ, бо́льшая часть этихъ предметовъ доставлялась изъ Византіи. Торговля внутренняя и внѣшняя происходила рѣчными путями и самое важное значеніе имѣлъ *великій водный путь;* на сѣверѣ его Новгородъ торговалъ съ Нѣмцами, прибалтійскими Славянами и Скандинавіею, а на югѣ Кіевъ съ Византіею. Русскіе гости ѣздили въ чужія страны, а въ нашихъ городахъ всегда проживали иноземные купцы, напр. въ Кіевѣ упоминаются купцы изъ Вѣны, Регенсбурга. Отъ Днѣпра въ сторону шли торговыя сношенія съ Тавридою и кочевниками, послѣдніе доставляли лошадей (иногда Русскіе уводили силою цѣлые табуны). Половцы, а прежде Печенѣги, дѣлали южный путь опаснымъ, вотъ почему судовые караваны сопровождались вооруженными отрядами, которымъ приходилось отражать нападеніе. Въ торговлѣ съ западомъ, кромѣ Новгорода, участвовали: Псковъ, Смоленскъ, Полоцкъ и Витебскъ. Туземныя произведенія: воскъ, мѣха и кожи обмѣнивались на сукна, полотна, металлическія издѣлія, вина и пр. Изъ Византіи мы получали ткани, церковную утварь, дорогое оружіе. Волгою и ея притоками *новгородцы* и *суздальцы* ѣздили въ Болгарію (а въ первыя времена и въ Хазарію), которая была посредницею въ торговлѣ съ Азіею, откуда привозились пряные коренья, бисеръ, жемчугъ и серебряная монета, бывшая въ ходу за недостаткомъ собственной. Существовали впрочемъ и русскія деньги. Ученые полагаютъ, что первоначально у насъ въ употребленіи были кожаныя деньги, такъ называемыя „купы", т. е. куски кожи со штемпелемъ; ихъ происхожденіе объясняется обычаемъ платить дань мѣхами куницъ, соболей и пр. Наиболѣе распространенною серебряною монетою была *гривна*—слитокъ извѣстнаго вѣса съ изображеніемъ князя на лицевой сторонѣ.

Жилища, одежда и утварь, одинаковыя во всѣхъ слояхъ населенія, разнились качествомъ матеріала и украшеніями. Жилища были деревянныя, исключеніе составляли нѣкоторые храмы и княжескіе хоромы. *Хоромами* называлось вообще жилое помѣщеніе; оно обыкновенно состояло изъ холоднаго жилья или „клѣти“ и „избы“ съ печью; между ними находилась просторная комната, носившая названіе „сѣней“; къ сѣнямъ пристроивалась лѣстница съ площадкой или „крыльцомъ“. Часто такое жилое помѣщеніе составляло второй ярусъ, а подъ нимъ находились „подклѣти“ или хозяйственныя службы, иногда еще встрѣчалась и надстройка или *теремъ*. Хоромы располагались посреди двора, окруженнаго плетнемъ или тыномъ; кромѣ того въ оградѣ двора находились конюшни, жилье для прислуги и пр.; необходимою принадлежностью зажиточнаго дома была баня или „мовница“. Княжескіе и боярскіе хоромы заключали по нѣсколько клѣтей и теремовъ *(княжескій теремъ)*, особенно просторны были сѣни, служившія столовою; отъ обыкновенныхъ хоромовъ княжескіе и боярскіе отличались рѣзными работами и позолотою, отсюда и названіе *златоверхій теремъ*. Искусными плотниками считались *новгородцы*, а каменьщиками *владимірцы*. Храмы сооружались подъ наблюденіемъ греческихъ зодчихъ, иногда въ Новгородѣ и Владимірѣ работали Нѣмцы. Фресковыя работы и иконы писались исключительно византійскими художниками. Впрочемъ лѣтописи упоминаютъ и о русскихъ зодчихъ и литейщикахъ, дѣлавшихъ изъ мѣди и бронзы колокола и церковныя врата; сохранилось также имя перваго русскаго иконописца—это былъ монахъ кіево-печерской лавры Алимпій, въ XII в. Нѣкоторыя церкви отъ того времени сохранились и донынѣ, напр. двѣ Софіи въ Кіевѣ и Новгородѣ, соборы *дмитріевскій* и *успенскій* во Владимірѣ.

Простотѣ жилищъ соотвѣтствовала и простота утвари

и одежды. Домашняя утварь изготовлялась изъ дерева, князья и бояре щеголяли серебряными чащами, блюдами, золотыми кубками и пр. Одежда состояла изъ рубахи или *сорочки* и нижняго платья, запущеннаго въ сапоги; верхнее платье „свита“ или „кожухъ“, съ болѣе или менѣе широкими рукавами, сдерживалось поясомъ. Простолюдины дѣлали одежду изъ грубыхъ полотенъ или шерстяныхъ тканей, а зажиточные употребляли дорогія привозныя матеріи, напр. греческія *паволоки*, т. е. ткани разнообразныхъ цвѣтовъ, суконныя или шелковыя. Сапоги богатые люди носили изъ цвѣтнаго сафьяна и расшитые золотомъ. Бояре и купцы поверхъ кожуха изъ *оксамита* (золотной или серебряной ткани) носили плащъ или „корзно“, а зимой мѣховую одежду. Кромѣ того одежда богатыхъ обиловала золотыми и серебряными нашивками и бляхами, изъ украшеній упоминаются металлическія *гривны* или *обручи* на шеѣ, запястья, кольца и пр. Еще бо́льшимъ разнообразіемъ отличались женскія украшенія, особенно любимы были ожерелья или *монисты* изъ стекляныхъ бусъ, бисера или монетъ иностранныхъ, въ общемъ употребленіи были и серьги. Во времена языческія мущины брили голову, оставляя только чубъ; съ принятіемъ христіанства, подъ византійскимъ вліяніемъ, стали отпускать волосы и бороду. Голову знатные покрывали „клобукомъ“, бархатною шапкою съ соболиною опушкою; женщины убирали волосы бисеромъ или жемчугомъ, замужнія покрывали иногда голову *повойникомъ*.

Что касается вооруженія, то оно было общее всѣмъ народамъ: копье, мечъ, лукъ съ стрѣлами, щитъ, шлемъ и проч.

Относительно искусствъ и предметовъ роскоши слѣдуетъ сказать, что хотя тутъ замѣтно вліяніе Византіи, но уже очень рано выработался своеобразный русскій стиль. Одна только иконопись строго придерживалась греческаго образца.

§ 61. **Православная церковь и монашество.** Православная церковь, насажденная Владиміромъ св. и Ярославомъ, утвердилась мало по малу во всѣхъ областяхъ русской земли; позже другихъ просвѣтились христіанствомъ Вятичи, еще въ XII ст. подвизавшійся среди нихъ св. Кукша, печерскій инокъ, запечатлѣлъ свою проповѣдь смертью мученика. Тамъ, гдѣ славянское населеніе соприкасалось съ финскимъ, волхвы возбуждали народъ противъ христіанства и княжеская власть прибѣгала иногда къ силѣ для подавленія волненій; такъ было въ Новгородѣ, гдѣ Глѣбъ Святославичъ (внукъ Ярослава М.) въ 1071 г. убилъ собственноручно волхва, хулившаго церковь и подстрекавшаго народъ умертвить епископа. Другой случай около того же времени былъ въ суздальской землѣ: воспользовавшись голодомъ, волхвы увѣряли народъ, что женщины скрываютъ хлѣбъ, люди стали выдавать имъ матерей, женъ,—волхвы ихъ убивали и забирали себѣ имущество замученныхъ. Волненіе усмирилъ Янъ Вышатичъ, пришедшій съ отроками собирать дань на князя; онъ послѣ тщетныхъ увѣщаній и угрозъ приказалъ выдать волхвовъ и передалъ ихъ на растерзаніе тѣмъ, у которыхъ они погубили родныхъ. (И суздальская земля имѣла своего мученика въ лицѣ епископа Леонтія). Изъ приведенныхъ примѣровъ мы видимъ, что князья поддерживали духовенство въ борьбѣ съ язычествомъ, но при всемъ томъ православная церковь не прибѣгала, подобно римской, къ оружію для искорененія язычества; она старалась привлекать къ христовой вѣрѣ словомъ убѣжденія и евангельское ученіе исподоволь проникало къ инородцамъ, напр. къ Мещерѣ и къ Финнамъ въ новгородскихъ владѣніяхъ. Многіе князья, и кіевскіе и владимірскіе, любили принимать въ лоно православной церкви иноплеменника изъ Половцевъ, Карелы, Мордвы (напр. Андрей Боголюбскій).

Кромѣ распространенія и утвержденія христіанства, духовенство ревностно заботилось объ искорененіи остатковъ

языческихъ вѣрованій, которые продолжали жить въ народѣ въ видѣ суевѣрій, примѣтъ, игръ; о такой дѣятельности духовныхъ лицъ свидѣтельствуютъ дошедшія до насъ проповѣди и поученія. Сами священники, вышедшіе изъ народа, обращались къ епископамъ за разъясненіями не только относительно обрядовъ, но и по поводу разныхъ повѣрій, примѣтъ и пр. Такъ очень любопытны, иногда по своей наивности, вопросы Кирика къ новгородскимъ епископамъ; эти вопросы и сдѣланные на нихъ отвѣты знакомятъ насъ съ народными понятіями и интересами того времени. Ереси въ разсматриваемый періодъ почти не волновали русскую церковь.

Перенявъ у Грековъ праздники и почитаніе святыхъ, русская церковь присоединила еще и чествованіе памяти своихъ подвижниковъ. Первыми по времени были свв. Борисъ и Глѣбъ; ихъ мощи съ мѣста убіенія перенесены были въ Вышгородъ.

Церковная іерархія образовалась по образцу греческому. Во главѣ русской церкви стоялъ кіевскій митрополитъ, который поставлялся константинопольскимъ патріархомъ и имѣлъ право суда надъ епископами. Всѣ почти митрополиты въ періодъ дотатарскій были Греки, за все время встрѣчаются только два изъ Русскихъ, именно Иларіонъ при Ярославѣ Мудромъ и Климентъ при Изяславѣ Мстиславичѣ, оба поставленные соборомъ русскихъ епископовъ. Епископовъ назначалъ митрополитъ, обыкновенно съ согласія областнаго князя; въ началѣ епархій было не много, но съ раздробленіемъ Руси на отдѣльныя княжества въ каждой области былъ свой епископъ, иногда и два (напр. въ Ростовѣ и Владимірѣ на Клязьмѣ). Первые епископы были изъ Грековъ или Болгаръ, но постепенно они уступаютъ мѣсто русскимъ людямъ. Какъ судъ надъ епископами, такъ и разные вопросы, занимавшіе русскую церковь, рѣшались на соборахъ. Источниками доходовъ высшаго духовенства были десятины, населенныя угодья

и судныя духовныя пошлины. Многіе князья надѣляли воздвигаемые ими храмы недвижимыми имуществами, иногда очень значительными, съ правомъ собирать дани и пошлины съ жителей.

Суду церковному, кромѣ духовныхъ лицъ, подлежали и міряне по дѣламъ брачнымъ, семейнымъ, а также виновные противъ вѣры и святости храма и пр. Руководствомъ для суда служилъ номоканонъ, какъ въ подлинникѣ, такъ и переводѣ, но при этомъ строгія наказанія, налагаемыя греческими правилами, замѣнены были, сообразно народнымъ обычаямъ, вирою или денежною пенею. Отсюда вытекала потребность въ собственныхъ законоположеніяхъ, и таковыми являются „уставы“ Владиміра св. и Ярослава.

Кромѣ нравственно-учительнаго значенія, духовенство на Руси имѣло большое вліяніе и на дѣла государственныя; князья приглашали въ свою думу членовъ высшаго духовенства. Митрополитъ и епископы нерѣдко мирили враждующихъ князей или сдерживали народныя волненія; для примѣра укажемъ на митрополита Николая, склонившаго Владиміра М. къ примиренію съ Святополкомъ II; митрополитъ Никифоръ для предупрежденія войны съ Всеволодомъ III взялъ на себя клятву, данную Рюрикомъ Ростиславичемъ Роману Мстиславичу (см. § 53).

Вмѣстѣ съ христіанствомъ пришло къ намъ и монашество. Первые монастыри появились въ Кіевѣ, напр. во время Ярослава М. *георгіевскій* мужской и *ирининскій* женскій. Преемники Ярослава по разнымъ городамъ построили много монастырей и надѣлили ихъ богатыми вкладами; примѣру князей слѣдовали бояре. Отъ этихъ монастырей слѣдуетъ отличать такъ называемые *общежительные*, основанные отшельниками, которые привлекали святостью своей жизни послѣдователей. Первымъ по времени и самымъ замѣчательнымъ изъ такихъ монастырей былъ *кіево-печерскій*. Основатель его—

св. Антоній, а устроитель—св. Ѳеодосій. Ихъ жизнь и вліяніе на князей и общество чрезвычайно поучительны. Вотъ краткій очеркъ начальной исторіи монастыря. Антоній, родомъ изъ Любеча, въ качествѣ *паломника* (такъ назывались на Руси богомольцы-странники къ святымъ мѣстамъ) посѣтилъ греческія святыни и въ одномъ изъ аѳонскихъ монастырей постригся. Возвратившись на родину, онъ пришелъ въ Кіевъ и, вблизи села Берестова, поселился въ пещерѣ, которую, говорятъ, ископалъ себѣ митрополитъ Иларіонъ (будучи священникомъ въ Берестовѣ). Скоро слухи о подвижничествѣ привлекли къ Антонію братію; они поселились также въ пещерахъ, а въ одной, которую сами ископали, устроили церковь. Случилось это въ княженіе Изяслава Ярославича, который чтилъ святаго мужа и приходилъ къ нему за благословеніемъ. Но когда въ пещеры стали уходить приближенные князя, то Изяславъ разсердился, грозилъ разогнать монаховъ, но по просьбѣ жены отложилъ свой гнѣвъ. Гнѣвъ великаго князя вызванъ былъ главнымъ образомъ поступленіемъ въ монахи сына ближняго боярина. Послѣдній насильно увелъ сына изъ пещеръ, но потомъ долженъ былъ отпустить его назадъ. Имя этого инока Варлаамъ; онъ былъ первымъ игуменомъ, поставленнымъ Антоніемъ надъ братіею, самъ же Антоній затворился въ своей пещерѣ. При Варлаамѣ на сосѣдней горѣ, уступленной княземъ, построенъ былъ настоящій монастырь съ келліями и просторною церковью во имя Успенія Богородицы—все было окружено оградою; благодаря своему происхожденію, монастырь назвался *пещернымъ* или *печерскимъ*. Когда Варлаамъ, по просьбѣ Изяслава, перешелъ настоятелемъ въ другой монастырь, Антоній назначилъ игуменомъ Ѳеодосія, который и считается устроителемъ обители. Ѳеодосій родился въ Васильевѣ, близъ Кіева, и съ родителями переѣхалъ въ Курскъ. Съ молодыхъ лѣтъ онъ предался благочестивой жизни, что́ не нравилось овдовѣвшей

матери, женщинѣ повидимому съ достаткомъ; но ни побои, ни даже кандалы не измѣнили нравъ юноши. Послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ онъ убѣжалъ въ Кіевъ; не принятый въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, онъ явился въ пещеру къ Антонію; испытавъ юношу, Антоній оставилъ его у себя и постригъ. Ставши инокомъ, Ѳеодосій трудомъ, подвижничествомъ и смиреніемъ подавалъ всѣмъ примѣръ, такъ онъ исполнялъ самыя тяжелыя работы, рубилъ дрова, топилъ печи и пр.; какъ игуменъ онъ отличался твердостью воли, требовалъ подчиненія и строгаго соблюденія правилъ. А правила были строгія; онъ заимствовалъ ихъ изъ одного греческаго монастыря, названнаго *студійскимъ* по имени основателя. Этотъ „студійскій уставъ“, введенный Ѳеодосіемъ въ своей обители, опредѣлялъ порядокъ церковныхъ службъ и весь строй монашеской жизни. Подобно Антонію, и Ѳеодосій пользовался уваженіемъ Ярославичей, Изяслава и Святослава. Какъ велико было его вліяніе на Святослава, можно судить по тому, что этотъ князь не посмѣлъ, какъ грозилъ, наказать игумена, когда тотъ укорялъ его за изгнаніе старшаго брата изъ Кіева. А вотъ еще другой примѣръ: разъ Ѳеодосій пришелъ къ князю и засталъ веселіе (игру на гусляхъ и заморскихъ инструментахъ) и спросилъ: „будетъ ли также и на томъ свѣтѣ“. Святославъ велѣлъ прекратить игру и съ тѣхъ поръ, какъ только приходилъ печерскій игуменъ, веселіе замолкало. Такъ какъ монастырь расширялся отъ прилива иноковъ, то Ѳеодосій началъ постройку новаго храма въ сосѣдствѣ съ прежнимъ; но до его окончанія не дожилъ, онъ скончался въ 1074 г., годъ спустя послѣ Антонія. Преемники Ѳеодосія избираемы были самою братіею. Монастырь со временемъ разбогатѣлъ отъ дарственныхъ записей князей и бояръ; Андрей Боголюбскій освободилъ его отъ подсудности митрополиту и назвалъ его *лаврою* и *ставропигіею* княжескою и патріаршею. Кіево-печерскій монастырь имѣетъ очень

важное значеніе въ русской исторіи, такъ какъ онъ былъ долгое время разсадникомъ епископовъ, миссіонеровъ (Кукша, Леонтій), церковныхъ писателей и проповѣдниковъ. Русскій народъ во множествѣ стекался (продолжаетъ и теперь) на поклоненіе угодникамъ, которые покоятся въ лаврскихъ пещерахъ. Какъ высоко чтилась кіевская обитель, свидѣтельствомъ можетъ служить посланіе Симона, перваго суздальскаго епископа, къ печерскому иноку Поликарпу. Послѣдній хотѣлъ быть епископомъ и совѣтовался съ Симономъ; Симонъ отговариваетъ его и убѣждаетъ не покидать монастыря, въ которомъ и самъ прежде былъ монахомъ. Расхваливъ богатства суздальской епархіи, Симонъ въ своемъ посланіи говоритъ: „какъ передъ Богомъ говорю тебѣ, всю сію славу и власть ни во что вмѣнилъ бы, если бы мнѣ хотя коломъ торчать у воротъ или соромъ валяться въ печерскомъ монастырѣ“, и за тѣмъ въ подтвержденіе повѣствуетъ о печерскихъ подвижникахъ.

По примѣру кіево-печерскаго монастыря возникали и въ другихъ мѣстахъ общежительныя обители и имѣли также благотворное вліяніе; монахи расчищали дебри и лѣса и способствовали улучшенію нравственности и распространенію просвѣщенія. Женскіе монастыри основывались вдовыми княгинями или княжнами, при чемъ нѣкоторыя бывали и сами игуменьями.

Съ первыхъ же шаговъ христіанства на Руси начинаются папскія притязанія на подчиненіе русской церкви. Такія попытки были уже при Ольгѣ и Владимірѣ св. Понятно, онѣ усилились въ періодъ папскаго могущества. Такъ, напр., папа Иннокентій III предлагалъ Роману галицко-волынскому королевскій вѣнецъ за переходъ въ латинство. Любопытенъ отвѣтъ Романа на обѣщаніе папскаго легата (посла) помочь ему мечемъ апостола Петра завоевать новыя земли; обнаживъ свой мечъ, Романъ, говорятъ, спросилъ: „таковъ ли у

папы? Доколѣ онъ при бедрѣ моемъ, не имѣю нужды покупать себѣ города иначе какъ кровью по примѣру предковъ".

§ 62. **Просвѣщеніе и нравственный бытъ общества.** Спутникомъ христіанства было и книжное просвѣщеніе. Оно развивалось подъ исключительнымъ почти вліяніемъ Византіи, хотя торговыя сношенія съ западомъ и Азіею приносили также нѣкоторыя сѣмена. Священныя и богослужебныя книги славянскихъ апостоловъ и ихъ учениковъ были первыми воспитательными книгами древнерусскаго человѣка; къ существовавшимъ уже присоединялись новые переводы поощряемые князьями. Что касается грамотности, то, судя по сохранившимся извѣстіямъ, князья и многіе бояре умѣли читать и писать; въ житіи св. Ѳеодосія говорится, что печерскій игуменъ выучился грамотѣ въ Курскѣ у священника. Духовныя лица и были первыми учителями грамотности, а школы, учрежденныя при церквахъ, по примѣру школъ заведенныхъ Владиміромъ и Ярославомъ, служили разсадникомъ ученія. Какъ ни рѣдки были книги, но лѣтописи упоминаютъ о сравнительно значительныхъ для того времени книгохранилищахъ у князей и въ монастыряхъ, а также о красивыхъ переплетахъ, сдѣланныхъ въ Греціи. Нѣкоторые князья отличались начитанностью и говорили на иностранныхъ языкахъ, напр. отецъ Владиміра Мономаха; иные, кромѣ греческаго, были знакомы и съ латинскимъ языкомъ, Къ первымъ произведеніямъ чисто богослужебнаго характера прибавились и переводы съ греческаго разныхъ сборниковъ, преимущественно религіозно-нравственнаго содержанія, а также историческаго, таковы сборники сочиненій отцовъ церкви (Василія В., Іоанна Златоуста), сборники житій святыхъ, сборники притчей и нравственныхъ правилъ; такіе сборники носили разныя названія: *палеи*, *пчелы*, *хронографа*. Они знакомили нашихъ предковъ съ лучшими греческими писателями и съ историческими событіями, даже отдаленными (напр. съ троянской войной). Вмѣстѣ

съ переводами стали появляться и произведенія собственно русской литературы; языкъ ихъ примыкаетъ къ церковно-славянскому языку священныхъ книгъ, но разнообразится словами и выраженіями народнаго говора. Такъ слагается древнерусскій книжный языкъ. Дошедшіе до насъ памятники древнеруской письменности отличаются религіозно-нравственнымъ направленіемъ и авторами ихъ были преимущественно духовныя лица. Содержаніе ихъ—поученіе, разъясненіе вопросовъ, возникавшихъ въ церкви, преподаніе правилъ нравственности. Таковы сочиненія нѣкоторыхъ іерарховъ. Первый русскій митрополитъ Иларіонъ написалъ „ученіе о ветхомъ и новомъ завѣтѣ“; первая его часть полемическая противъ іудейской вѣры, вторая содержитъ между прочимъ „похвалу кагану нашему Владиміру“ за просвѣщеніе Руси христіанствомъ. Митрополитъ Іоаннъ въ сочиненіи *„церковное правило“* осуждаетъ торговлю рабами, пьянство, языческіе обряды и пр. Митрополитъ Никифоръ извѣстенъ своими посланіями къ Владиміру Мономаху: въ одномъ онъ говоритъ о повсденіи князя, расточаетъ ему похвалы, но слегка указываетъ и слабую сторону; въ другомъ, по предложенію князя, излагаетъ причины уклоненія западной церкви отъ православной *). Къ тому же роду сочиненій относятся, кромѣ извѣстныхъ уже намъ „вопросовъ Кирика“, поученія св. Ѳеодосія и новгородскаго епископа Луки Жидяты (XI в.). Сходны по направленію и завѣщанія нѣкоторыхъ князей, особенно замѣчательно „поученіе дѣтямъ Владиміра Мономаха“. Изъ другихъ произведній русско-церковной письменности до насъ дошли проповѣди и житія святыхъ русской церкви. Са-

*) Какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ подобныхъ сочиненіяхъ, мы не замѣчаемъ духа нетерпимости; хотя, напр., Ѳеодосій и не одобряетъ родства съ католическими государями, но и католики и даже іудеи безпрепятственно исповѣдывали свою вѣру на Руси.

мымъ замѣчательнымъ проповѣдникомъ считается Кириллъ, епископъ туровскій (XII в.); сохранились десять словъ его, сказанныхъ въ воскресные дни отъ недѣли *ваій* до *троицына дня*, его проповѣди по своему возвышенному тону и уподобленіямъ были мало доступны народу. Первыя житія русскихъ угодниковъ принадлежатъ перу монаха кіево-печерской обители Нестора. Онъ вступилъ въ монастырь уже по смерти Ѳеодосія, но память о святомъ мужѣ была еще свѣжа и изъ слышанныхъ расказовъ Несторъ и составилъ „житіе преподобнаго отца нашего Ѳеодосія игумена печерскаго“. Ему же принадлежитъ : „о житіи, убіеніи и чудесахъ святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба“. Замѣчательно также дошедшее отъ XII ст. произведеніе игумена Даніила „хожденіе въ Іерусалимъ“, въ которомъ этотъ русскій паломникъ описываетъ съ глубокою вѣрою все видѣнное имъ въ святой землѣ послѣ завоеванія Іерусалима крестоносцами; между прочимъ мы узнаемъ изъ этого *хожденія*, что русскихъ богомольцевъ въ Палестинѣ было не мало.

Самые важные памятники удѣльно-вѣчеваго періода—это наши *лѣтописи* или погодныя записки событій. Начало этого рода литературнымъ произведеніямъ положилъ Сильвестръ, игуменъ выдубецкаго монастыря. Его лѣтопись называется: „повѣсть временныхъ лѣтъ“. Изложивъ по греческимъ хронографамъ о разселеніи народовъ и пр., лѣтописецъ переходитъ къ расказу о событіяхъ русской исторіи изъ года въ годъ и заканчиваетъ 1110 годомъ. Начальную нашу лѣтопись неправильно окрестили именемъ Нестора, сочиненія котораго, подобно другимъ вставкамъ, впослѣдствіи внесены были переписчиками въ „повѣсть“. Какъ начальная лѣтопись, такъ и ея продолженія дошли до насъ въ позднѣйшихъ спискахъ; эти послѣдніе разнятся одинъ отъ другаго то пропусками, то вставками. Продолжателями первой лѣтописи были монахи, какъ кіево-печерской лавры, такъ и другихъ монастырей;

такимъ образомъ возникъ у насъ цѣлый рядъ литературныхъ памятниковъ, которые получили названіе отъ мѣстожительства авторовъ; таковы: лѣтопись кіевская, суздальская, новгородская и проч.; языкъ и способъ изложенія придаютъ каждой мѣстный оттѣнокъ.

Что касается народной поэзіи, то хотя до насъ не дошли народныя пѣсни того времени, но онѣ несомнѣнно существовали (напр. пѣсни про Владиміра и его богатырей). Если онѣ не были преданы письму (случилось это позднѣе), то вѣроятно потому, что духовенство, а подъ его вліяніемъ и князья, неодобрительно относились къ произведеніямъ народной фантазіи, такъ какъ въ нихъ отражались воззрѣнія, перешедшія изъ временъ языческихъ. Отмѣтимъ новгородскія былины, рисующія торговую жизнь и молодецкую удаль, таковы былины о богатомъ гостѣ Садкѣ и молодцѣ Василіи Буслаевѣ.

Изъ произведеній книжной поэзіи мы имѣемъ единственный памятникъ отъ эпохи дотатарской: „слово о полку игоревѣ“ неизвѣстнаго намъ поэта-мірянина. Содержаніе „слова“—знакомый намъ походъ сѣверскихъ князей на Половцевъ. Факты согласны съ разказомъ лѣтописи, но авторъ воспользовался своими книжными свѣдѣніями и народными преданіями, чтобы въ поэтическихъ чертахъ изобразить природу и дѣйствующихъ лицъ, языческая миѳологія также доставила ему богатый матеріалъ. Языкъ „слова“ народный южнорусскій.

Многія названныя произведенія свидѣтельствуютъ о начитанности древнихъ нашихъ писателей; доказательствомъ служатъ частыя выписки изъ священныхъ книгъ и изъ греческихъ авторовъ, обращавшихся у насъ въ оригиналѣ или переводѣ *). И такая начитанность встрѣчается не у однихъ

*) О Кириллѣ Туровскомъ разказываютъ, что онъ въ своихъ проповѣдяхъ приводилъ цѣлыя выдержки изъ священнаго писанія.

только духовныхъ; кромѣ „слова“ и другое, дошедшее до насъ, произведеніе показываетъ, что и между мірянами были люди много читавшіе. Мы разумѣемъ другое „слово“, принадлежавшее перу Даніила Заточника. Этотъ Даніилъ изъ своего заточенія, которому подвергся, написалъ посланіе къ князю. Оно замѣчательно потому, что въ лицѣ автора мы знакомимся съ взглядами русскаго человѣка на современныя отношенія общественныя и семейныя. „Слово“ витіевато и изобилуетъ притчами и пословицами; оно было любимою книгою для чтенія и потому разошлось во многихъ спискахъ съ передѣлками. Вотъ почему оно, какъ и „слово о полку игоревѣ“ не дошло до насъ въ первоначальной редакціи.

Къ началу удѣльно-вѣчеваго періода относится замѣчательный юридическій памятникъ *„русская правда“* или первое писанное собраніе нашихъ законовъ. Начало сборнику положилъ Ярославъ, а дополнили сыновья и внуки его. „Русская правда“ свидѣтельствуетъ объ успѣхахъ, сдѣланныхъ нашею гражданственностью послѣ принятія христіанства. Такъ прежній обычай личной расправы замѣненъ былъ *вирою* или денежною пенею. При Ярославѣ еще допускалась кровавая месть въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а уже первое поколѣніе Ярославичей запретило ее. Судъ производилъ князь или его мужъ *(посадникъ, тіунъ* и пр.) на княжемъ дворѣ. Наказанія за уголовныя преступленія по *русской правдѣ* разнились, смотря по положенію потерпѣвшаго: за убійство смерда или младшаго дружинника взималось 40 гривенъ, за боярина 80, убійство холопа господиномъ было не наказуемо; но если кто убьетъ чужаго холопа, то платитъ его владѣльцу стоимость, а князю 12 гривенъ *продажи* (т. е. штрафа). Точно также, какъ за убійство, опредѣлена была вира за увѣчье, воровство и пр., при чемъ часть виры получалъ истецъ, другая шла князю или его слугамъ, творившимъ судъ или приводившимъ приговоръ въ исполненіе *(тіунъ, вирникъ*

и пр.). Для доказательства вины служили свидѣтели *(видоки, послухи)* и присяга (или *рота)*, за отсутствіемъ свидѣтелей прибѣгали къ испытанію желѣзомъ и водою. Въ случаѣ исчезновенія преступника отвѣчала община, и платимая ею вира называлась „дикою“. Изъ другихъ законоположеній *правды* укажемъ на статьи о долгахъ, процентахъ *(рѣзахъ)*, о наслѣдствѣ.

Относительно нравственнаго состоянія общества слѣдуетъ замѣтить, что, по сравненію съ другими европейскими народами, оно не въ укоръ нашимъ предкамъ. Если встрѣчаемъ нарушеніе клятвы, братоубійство и пр., то съ другой стороны отпоръ этимъ явленіямъ свидѣтельствуетъ о благотворномъ вліяніи христіанства на нравы. О такомъ же смягченіи нравовъ говоритъ уваженіе къ старшинству, забота лучшихъ князей о смердахъ; вліяніе женъ и матерей показываетъ, что русская женщина занимала высокое положеніе въ семьѣ; *русская правда* признаетъ за нею между прочимъ и права наслѣдства. Понятно, христіанство медленнѣе вліяло на нисшіе классы; суевѣрія, языческія преданія долго еще жили въ народѣ; изъ обличеній духовныхъ писателей мы, напр., узнаемъ, что любимымъ времяпрепровожденіемъ былъ кулачный бой.

Б. ЭПОХА ПРЕОБЛАДАНІЯ ЦЕРКВИ И ГОСПОДСТВА ФЕОДАЛИЗМА И РЫЦАРСТВА ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

I. Германія и Италія: борьба императоровъ съ папами, Григорій VII; гвельфы и гибеллины, Иннокентій III и Фридрихъ II; междуцарствіе въ Германіи и сицилійская вечерня.

§ 63. **Папство и Григорій VII.** Время третьяго императора изъ франконскаго дома, Генриха IV, ознаменовано на-

чаломъ рѣшительной борьбы между церковью и свѣтскою властью изъ-за папскихъ притязаній. Папа, поднявшій борьбу, былъ знаменитый Григорій VII, стремившійся водворить въ церкви единство и чистоту. А засталъ онъ западную церковь въ страшномъ разстройствѣ и нравственномъ упадкѣ. Мы знаемъ, какъ высоко поднялъ папство Николай I, на той же высотѣ оно держалось при его непосредственныхъ преемникахъ, папахъ Адріанѣ II и Іоаннѣ VIII. Но вслѣдъ за тѣмъ на папскій престолъ стали всходить одинъ за другимъ люди недостойные; они достигали сана оружіемъ, деньгами, интригами и *ватиканъ* (папскій дворецъ) сдѣлался въ X и первой половинѣ XI вѣка притономъ разврата и пороковъ (напр. клятвопреступленіе, грабежъ церковной казны и др.). Дѣло вотъ въ чемъ. Смуты, наступившія въ сѣверной Италіи послѣ низложенія Карла Толстаго, коснулись и Рима; здѣсь образовались партіи, которыя, враждуя другъ съ другомъ хотѣли въ своихъ видахъ располагать папскимъ престоломъ; такъ одна знатная *римлянка* Ѳеодора и ея двѣ порочныя дочери, поддерживаемыя нѣкоторыми вельможами, сажали въ теченіе 50-ти лѣтъ на папскій престолъ своихъ друзей, сыновей и внуковъ. Послѣдніе своимъ поведеніемъ пятнали санъ римскаго первосвященника, таковъ, напр., извѣстный намъ Іоаннъ XII; онъ сталъ папою на 18 году жизни, при чемъ впервые перемѣнилъ прежнее имя на другое (обычай этотъ остался и до сихъ поръ) *). Жалкое положеніе папства совпало съ тѣмъ временемъ, когда престолъ священной римской имперіи занимали Оттоны. Оттонъ В. и его преемники пользовались неурядицами въ Римѣ и не разъ возводили и низлагали папъ. Развратъ и невѣжество,

*) О развратѣ въ ватиканѣ можетъ дать понятіе пущенная молва, что папою была переодѣтая въ мужское платье дѣвушка и будто во время крестнаго хода папесса разрѣшилась отъ бремени.

свившіе себѣ гнѣздо у ступеней папскаго трона, проникли во все высшее и нисшее духовенство. Если папы пришли въ зависимость отъ германскаго императора, то еще въ бо́льшемъ подчиненіи очутилось мѣстное духовенство отъ свѣтскихъ властей. Не желая совсѣмъ выпускать изъ рукъ своихъ обширныя помѣстья, принадлежавшія епископствамъ и монастырямъ, государи отдавали таковыя въ ленъ родственникамъ и приверженцамъ; дѣлая такимъ образомъ приближенныхъ своими вассалами, они вручали имъ одновременно кольцо и посохъ—знаки пастырскаго достоинства, другими словами назначали ихъ епископами, аббатами и пр. Это называлось *инвеституро́ю* или возведеніемъ въ высшій духовный санъ. Лица, ставшія этимъ путемъ епископами и пр., заботились о доходахъ съ своихъ земель; часто вовсе не подготовленные къ духовному званію, они ничѣмъ не отличались отъ свѣтскихъ вассаловъ, ходили на войну, забавлялись охотою. Въ то же время вошло въ обычай продавать за деньги выгодныя духовныя мѣста, такая купля и продажа извѣстна подъ именемъ *симоніи*. Духовные, и высшіе и нисшіе, добившись мѣста путемъ симоніи и свѣтской инвеституры, были часто люди неграмотные, неумѣвшіе даже прочесть главныхъ молитвъ. Порча проникла и въ монастыри, аббаты-ленники жили здѣсь съ своими семействами, держали своры охотничьихъ собакъ и пр. Въ такомъ состояніи находилась церковная латинская іерархія, когда за дѣло исправленія взялся Григорій VII.

Гильдебрандъ (прежнее имя Григорія), сынъ простолюдина, рано постригся въ монахи и примкнулъ къ существовавшей строгой партіи, желавшей реформъ въ церкви. Умъ и высокая нравственность расположили въ его пользу Льва IX, возведеннаго въ папы Генрихомъ III; съ тѣхъ поръ Гильдебрандъ приблизился къ папскому престолу и, въ качествѣ совѣтника пяти папъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, сдѣлался руководителемъ новой церковной политики. По его вну-

шенію папа Николай II постановилъ, чтобы на будущее время избраніе папъ, принадлежавшее до того римскому народу и духовенству, совершалось коллегіею *кардиналовъ;* кардиналами назывались высшіе сановники церкви, назначеніе которыхъ зависѣло отъ римскаго первосвященника. Смыслъ такого распоряженія—устранить вліяніе на выборы императора и знатныхъ римскихъ фамилій. Послѣ смерти преемника Николая II, выборъ *конклава* (такъ называется собраніе кардиналовъ) палъ на Гильденбранда, который и принялъ теперь имя Григорія VII (1073 г.).

Цѣль, къ которой стремился Григорій VII, заключалась въ томъ, чтобы сдѣлать церковь независимою отъ свѣтской власти и подчинить все духовенство исключительно папѣ. Для достиженія этого онъ запретилъ симонію и свѣтскую инвеституру. Вмѣстѣ съ тѣмъ, думая, что семейныя заботы ставили духовныхъ въ необходимость заискивать у мірянъ и приковывали ихъ къ извѣстному мѣсту, Григорій предписалъ всѣмъ католическимъ священникамъ безбрачіе, а отъ женатыхъ потребовалъ бросить женъ и дѣтей. Ропотъ семейныхъ священниковъ и неудовольствіе свѣтской власти, возмущенной вмѣшательствомъ папы въ дѣла государственныя, не смутили Григорія; расчитывая на массы, ненавидѣвшія порочныхъ пастырей, папа отрѣшалъ епископовъ, получившихъ мѣста отъ государей, и грозилъ всѣмъ ослушникамъ, и духовнымъ, и свѣтскимъ, отлученіемъ отъ церкви; легаты его должны были наблюдать за исполненіемъ папскихъ повелѣній. Этого мало; не довольствуясь подчиненіемъ клира, Григорій VII пошелъ дальше: онъ заявилъ, что ему должны подчиняться всѣ государи, потому что папа выше императора, королей, герцоговъ и пр. И свои притязанія на верховенство въ мірѣ онъ съумѣлъ осуществить на дѣлѣ: онъ раздавалъ короны Германіи, Англіи, Польши и пр. Короли: венгерскій (Венгры уже были христіанами), неаполитанскій, хорватскій

признали себя папскими вассалами. И когда притязанія встрѣтили энергическій отпоръ, Григорій VII не задумался обнажить мечъ. Мы разумѣемъ борьбу за инвеституру съ Генрихомъ IV.

§ 64. **Борьба за инвеституру.** Императоръ Генрихъ IV былъ въ глазахъ папы ослушникомъ—онъ не думалъ разставаться съ своими совѣтниками, подвергшимися церковному проклятію, и продолжалъ, не смотря на запрещеніе, распоряжаться вакантными епископствами и аббатствами. Обращеніе съ жалобой къ папѣ саксонцевъ, которыхъ Генрихъ сильно притѣснялъ, показалось Григорію VII удобнымъ случаемъ, чтобы дать почувствовать могущество церкви сильнѣйшему государю того времени. Григорій позвалъ Генриха на судъ въ Римъ; Генрихъ не пошелъ и приказалъ собравшемуся собору нѣмецкихъ епископовъ объявить папу низложеннымъ. Въ отвѣтъ на это Григорій на соборѣ въ латеранѣ, ссылаясь на лжеисидоровы декреталіи, отлучилъ отъ церкви майнцскаго и другихъ епископовъ, участвовавшихъ въ германскомъ синодѣ, проклялъ самого императора и разрѣшилъ его подданныхъ отъ присяги на вѣрность. Генрихъ думалъ было пренебречь проклятіемъ, но ошибся въ расчетѣ найти поддержку у многочисленныхъ враговъ папы; епископы спѣшили въ Римъ вымолить прощеніе, князья, недовольные самовластными поступками Генриха, предъявили ему, что если онъ не примирится съ церковью въ теченіе года, то они не будутъ считать его своимъ государемъ. Оставленный всѣми, Генрихъ смирился и зимой 1077 г. пустился въ путь за Альпы не съ оружіемъ въ рукахъ, какъ ему предлагали ломбардскіе вассалы, а въ качествѣ кающагося грѣшника. Папа, опасаясь вооруженнаго нападенія, ушелъ изъ Рима въ замокъ Каноссу, принадлежавшій маркграфинѣ Матильдѣ—владѣтельницѣ Тосканы, Пармы и Модены. Сюда въ Каноссу пришелъ и Генрихъ, папа поступилъ съ нимъ сурово. Три

дня во власяницѣ и босой императоръ принужденъ былъ провести на морозѣ во внутреннемъ дворѣ замка, прежде чѣмъ папа допустилъ его къ себѣ. Отлученіе было снято, но подъ условіемъ, чтобы Генрихъ подчинился совмѣстному рѣшенію папы и князей германскихъ на счетъ его возстановленія въ императорскомъ достоинствѣ. Но скоро дѣло приняло иной оборотъ. Высокомѣріе папы доставило Генриху много приверженцевъ; кромѣ италіанскихъ вассаловъ, за него стали всѣ враги Григорія и нѣмецкіе имперскіе города, которымъ императоръ давалъ права и привилегіи. Съ другой стороны германскіе князья, возмущенные страшнымъ униженіемъ Генриха, избрали въ императоры Рудольфа швабскаго и нашли поддержку у папы. Возгорѣлась междоусобная война, вся Германія подѣлилась на партіи: духовные, князья, рыцари держали сторону, одни Генриха, другіе его противниковъ. Послѣ нѣсколькихъ нерѣшительныхъ битвъ Рудольфъ, тяжело раненый въ одномъ сраженіи, умеръ. Тогда, поручивъ приверженному себѣ Фридриху Гогенштауфену (котораго онъ пожаловалъ швабскимъ герцогствомъ) продолжать войну въ Германіи, Генрихъ самъ отправился въ Италію, и на сей разъ съ войскомъ, противъ папы; послѣдній вторично проклялъ его за нарушеніе слова, даннаго въ Каноссѣ. Почти не встрѣчая сопротивленія, Генрихъ прошелъ сѣверную и среднюю Италію, но *римляне* не впустили его; только на третій годъ онъ вступилъ въ городъ, при чемъ избранный, по требованію императора, антипапа короновалъ его. Между тѣмъ Григорій, отвергая всякую сдѣлку, съ достоинствомъ выдерживалъ осаду въ замкѣ св. ангела, пока на выручку не явился папскій вассалъ Робертъ Гюискаръ неаполитанскій. Когда Норманны Роберта, ограбивъ Римъ, удалились, папа послѣдовалъ за ними и въ слѣдующемъ году (1085) скончался въ Салерно, простивъ всѣхъ кромѣ Генриха. Смерть Григорія VII не принесла пользы императору и не прекратила войны.

Слѣдующіе папы (Урбанъ II и Пасхалисъ II) поражали проклятіемъ Генриха и поддерживали его враговъ; они склонили даже сыновей Генриха поднять оружіе противъ отца; князья же германскіе противопоставляли новыхъ антиимператоровъ. Младшій сынъ Генриха, тоже Генрихъ, взялъ обманомъ отца въ плѣнъ и потребовалъ, чтобы онъ отрекся отъ престола; но императоръ спасся бѣгствомъ и нашелъ поддержку въ рейнскихъ городахъ, Вормсѣ, Кельнѣ и др. Среди приготовленій къ войнѣ съ сыномъ Генрихъ IV умеръ въ 1106 г. и еще долго послѣ смерти прахъ его, благодаря церковному проклятію, не находилъ успокоенія въ могилѣ.

Сынъ и преемникъ Генриха IV, Генрихъ V, доселѣ союзникъ папы и князей, не хотѣлъ, какъ императоръ, поступиться своими правами, и потому споръ съ папою за инвеституру продолжался; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ боролся и съ князьями, которые захватили многія земли и не признавали себя вассалами. Рѣшительнѣе отца, онъ съ большимъ войскомъ отправился въ Италію, овладѣлъ Римомъ и, взявъ въ плѣнъ папу и кардиналовъ, посадилъ другаго на папскій престолъ; этимъ онъ навлекъ на себя церковное отлученіе какъ отъ Пасхалиса, такъ и отъ избраннаго кардиналами слѣдующаго папы Каликста II. Война разгорѣлась съ новою силою и въ Германіи и въ Италіи, наконецъ всеобщее утомленіе привело къ прекращенію 30-лѣтней слишкомъ распри. При посредствѣ князей Генрихъ V и Каликстъ II помирились на томъ, что императоръ отказался отъ назначенія епископовъ и пр., но сохранилъ за собою право надѣлять уже назначенныхъ землями и правами *(регаліями)* и принимать отъ нихъ ленную присягу. Епископы, аббаты и пр. отнынѣ были избираемы *капитуломъ* (т. е. духовными, составлявшими штатъ епископа или монастыря), но въ присутствіи императора или его уполномоченнаго, и утверждались въ своемъ достоинствѣ папою. Такъ кончился споръ за

инвеституру соглашеніемъ, которое извѣстно подъ именемъ „вормскаго конкордата“ (1122 г.).

§ 65. **Первые Гогенштауфены, ломбардскіе города, гибеллины и гвельфы. Фридрихъ Барбаросса.** Вормскій конкордатъ былъ не болѣе какъ перемиріемъ. Борьба папъ съ императорами возобновилась, когда, вскорѣ послѣ прекращенія въ лицѣ Генриха V дома франконскаго, престолъ священной римской имперіи заняли Гогенштауфены. Возвышенное понятіе, которое имѣли Гогенштауфены объ императорскомъ достоинствѣ, и несовмѣстныя съ этимъ папскія притязанія дѣлали борьбу ожесточенною, ибо дѣло шло изъ-за убѣжденій, изъ-за принципа власти. Важная сама по себѣ, борьба эта замѣчательна еще потому, что въ ея эпоху слагались новыя политическія и общественныя учрежденія.

Въ Германіи крупные вассалы: герцоги, маркграфы, графы сдѣлались почти независимыми державцами; ихъ подчиненіе императору держалось ленною присягою и укоренившимся понятіемъ о рыцарской чести. Вотъ главнѣйшіе владѣтельные князья германскіе: герцогъ баварскій, герцогъ саксонскій, пфальцграфъ рейнскій, маркграфъ бранденбургскій, герцогъ австрійскій, ландграфъ тюрингенскій и др. Еще важнѣе по своимъ послѣдствіямъ было возникновеніе *вольныхъ* или *имперскихъ* городовъ въ Германіи и республикъ въ Италіи. Надѣленные нѣкоторыми правами Генрихами IV и V, города въ Германіи, какъ непосредственно императорскіе, такъ и владѣльческіе, постепенно вырабатывались въ самостоятельныя политическія единицы. То, что только зарождалось въ Германіи, развилось и билось уже полною жизнью въ XII в. въ Италіи—города сѣверной, а также средней Италіи, (ломбардскіе и тосканскіе) сдѣлались республиками, таковы: Миланъ, Венеція, Верона, Падуа, Флоренція, Пиза и др. Въ Ломбардіи верховныя имперскія права постепенно перешли отъ королевскихъ графовъ къ вассаламъ, между

которыми самыми крупными были епископы. Епископы и свѣтскіе вельможи въ свою очередь, то добровольно, то по принужденію, переуступили часть этихъ правъ (право рыночное, пошлинное и др.) горожанамъ. Послѣдніе вводили у себя самоуправленіе и собственный судъ, а пріобрѣтенное право самозащиты самими гражданами дѣлало городскія общины почти самостоятельными республиками. По мѣрѣ того какъ могущество городовъ росло (чему особенно способствовали промышленность и торговля), мелкіе (а иногда и сильные) сосѣди—ленники добивались права гражданства въ городахъ и находили для себя выгоднымъ подчиниться управленію и суду городскому. Эти переселившіеся въ городъ дворяне вмѣстѣ съ крупными торговцами и фабрикантами образовали высшій классъ *(патриціи)* и противопоставлялись простому люду работниковъ и ремесленниковъ. Изъ патриціевъ обыкновенно выбирались должностныя лица (*консулы* и др.), но они не могли ничего предпринять безъ совѣта (credenza) изъ лучшихъ людей (т. е. *знатныхъ*, *sapientes*); въ важныхъ случаяхъ собиралось народное собраніе *(парламентъ)*. Борьба папъ съ императорами, а равно происходившіе тогда крестовые походы, оживившіе торговлю, благопріятствовали развитію республиканскихъ учрежденій въ Ломбардіи. Нѣсколько позднѣе устроились республиками города Тосканы, при чемъ они воспользовались спорами за наслѣдство Матильды, происходившими между папами (которымъ Матильда завѣщала свои владѣнія) и Вельфами (одинъ Вельфъ былъ мужемъ Матильды) съ одной стороны и императорами Гогенштауфенами съ другой.

Гогенштауфены вступили на императорскій престолъ въ лицѣ Конрада III, герцога швабскаго (Швабія—нынѣшніе Виртембергъ и Баденъ), и время, когда эта фамилія носила корону священной римской имперіи (1137—1254) считается самою выдающеюся эпохою въ исторіи среднихъ вѣковъ.

Борьба императоровъ съ папами и ломбардскими городами— вотъ главное содержаніе эпохи (рядомъ съ крестовыми походами). Въ теченіе ста слишкомъ лѣтъ Германія и Италія были театромъ ожесточенной вражды двухъ партій, *гвельфовъ* и *гибеллиновъ*. Первоначально эти партіи и ихъ наименованія возникли въ Германіи; избранный въ императоры Конрадъ III *гогенштауфенъ* (1137—1152) долженъ былъ выдержать войну съ Генрихомъ Гордымъ, который владѣлъ двумя герцогствами, Баваріею и Саксоніею, и добивался императорской короны. Сторонники Конрада получили кличку *гибеллиновъ* (отъ родоваго замка Гогенштауфеновъ Вайблингена), а державшіе сторону соперника его назвались *вельфами* (потому что Генрихъ Г. былъ изъ фамиліи Вельфовъ). Когда Гогенштауфены вступили въ борьбу съ папами и итальянскими городами названія перешли и въ Италію, но самыя партіи получили иное значеніе: гибеллинами (по итальянскому произношенію *джибеллины*) назывались приверженцы императора; они желали такого раздѣленія властей, духовной и свѣтской, чтобы верховныя права императора признавались во всей Италіи, не исключая и Рима. Приверженцы папъ и независимости ломбардскихъ городовъ приняли имя *гвельфовъ* (вмѣсто нѣмецкаго вельфы); они стояли за подчиненіе свѣтской власти, за верховенство въ Италіи папъ, которые были уже сюзеренами королей неаполитанскихъ и простирали свои виды на все наслѣдіе Матильды. Рѣдкій городъ въ Италіи (подъ часъ и отдѣльныя семейства) не испытывалъ борьбы партій; если и говорили, напр., императорскій городъ, то только въ смыслѣ преобладанія въ немъ гибеллиновъ надъ гвельфами.

Въ Германіи междоусобная война за императорскій престолъ кончилась въ пользу Гогенштауфеновъ. Конраду III, побѣдившему Генриха Гордаго, наслѣдовалъ его племянникъ Фридрихъ I Барбаросса (Рыжебородый, 1152—1190). Же-

лая въ соперникѣ *вельфъ* имѣть вѣрнаго вассала, Фридрихъ возвратилъ сыну Генриха Гордаго, Генриху Льву, отнятую у него Конрадомъ Баварію*). Благодаря этому вражда на время стихла, но не надолго. Генрихъ Левъ измѣнилъ Фридриху въ одномъ изъ его походовъ въ Италію, за что на имперскомъ сеймѣ былъ преданъ опалѣ и лишенъ своихъ владѣній; война, поднятая *вельфомъ*, кончилась противъ него и Фридрихъ отдалъ оба герцогства своимъ приверженцамъ, Саксонію асканскому дому, а Баварію Виттельсбахамъ. Генрихъ Левъ съ семействомъ ушелъ въ Англію, сохранивъ, впрочемъ, наслѣдственныя права на Брауншвейгъ и Люнебургъ. Этотъ Генрихъ Левъ извѣстенъ еще тѣмъ, что сильно тѣснилъ прибалтійскихъ Славянъ; покоривъ мелкія племена, жившія въ Мекленбургѣ и Помераніи, онъ заселялъ эти земли выходцами изъ Голландіи и Германіи и тѣмъ положилъ начало онѣмеченію балтійскихъ Славянъ.

Замѣчательны войны Фридриха Барбароссы съ италіанскими городами и папою. Ломбардскіе города, гордые добытою самостоятельностью, не хотѣли признавать зависимости отъ императора. Миланъ склонялъ другіе города къ образованію ломбардскаго союза и тѣхъ, которые сопротивлялись, (были то города или мелкіе владѣльцы) принуждалъ къ тому силою. Фридрихъ, призываемый потерпѣвшими, въ первый походъ ограничился наказаніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ городовъ, принадлежавшихъ къ союзу, но во второй сурово поступилъ съ самимъ Миланомъ. Послѣ трехлѣтней осады онъ взятъ былъ приступомъ и разрушенъ до основанія; такая же

---

*) При этомъ Фридрихъ выдѣлилъ изъ Саксоніи маркграфство бранденбургское, а изъ Баваріи маркграфство австрійское, и возвелъ ихъ въ самостоятельныя княжества. Бранденбургъ онъ пожаловалъ Альбрехту Медвѣдю, родоначальнику дома асканскаго или ангальтскаго, а Австрію отдалъ дому Бабенбергеровъ съ герцогскимъ титуломъ.

участь постигла и другіе города; остальные покорились и приняли у себя императорскихъ намѣстниковъ *(подесть)*. Война скоро возобновилась по поводу столкновенія Фридриха съ папою Александромъ III. Этотъ прелатъ открыто заявлялъ, что императоръ обязанъ своею короною папѣ; съ другой стороны Фридрихъ требовалъ признанія своихъ верховныхъ правъ въ Римѣ (право патронатства) и выставилъ антипапу; Александръ отлучилъ императора отъ церкви и вызвалъ къ жизни распавшійся было ломбардскій союзъ; Миланъ поднялся изъ развалинъ и сталъ опять во главѣ союза. Фридрихъ нѣсколько разъ переходилъ Альпы, особенно замѣчателенъ пятый походъ. Осада Алессандріи, города основаннаго *ломбардцами* въ честь папы, задержала его долго, враги приготовились и въ рѣшительной битвѣ при Леньяно (1176 г. сѣвернѣе Милана) Нѣмцы потерпѣли совершенное пораженіе; такъ называемый „отрядъ смерти“, выставленный *миланцами*, рѣшилъ побѣду, а Фридриха погубила измѣна Генриха Льва. По миру заключенному всѣ выгоды пожали папа и города; императоръ уступилъ часть своихъ правъ въ Римѣ папскому престолу, а въ городахъ императорскія регаліи (монета, мостовыя деньги, рудники и проч.) были подѣлены между горожанами и подестами. На послѣдовавшемъ затѣмъ конгрессѣ (собраніи) въ Венеціи, гдѣ городскіе депутаты засѣдали рядомъ съ дворянами и духовными, императоръ почтительно поцѣловалъ ногу у папы, а послѣдній далъ Фридриху поцѣлуй мира и благословеніе.

Ко времени перваго похода Фридриха за Альпы относится слѣдующій эпизодъ въ Римѣ. Республиканскій духъ, охватившій италіанскіе города, проникъ и въ Римъ; здѣсь провозвѣстникомъ его явился монахъ Арнольдъ изъ Бресчіи. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ между прочимъ возставалъ противъ свѣтской власти папъ и епископовъ-феодаловъ. Воспламененный его рѣчами народъ установилъ въ Римѣ республи-

канскія учрежденія, папа Адріанъ IV, предшественникъ Александра III, бѣжалъ изъ города. Но торжество *римлянъ* было не продолжительно: Фридрихъ, тогда еще въ союзѣ съ папою, подавилъ республиканское движеніе и выдалъ Арнольда Адріану IV, а тотъ приказалъ его сжечь на кострѣ и тогда же короновалъ императора (1155).

Сынъ и преемникъ Фридриха I, Генрихъ VI пріобрѣлъ женитьбою для своего дома Неаполь и Сицилію. Въ неаполитанскомъ королевствѣ, въ послѣдней четверти XII в., прекратилась мужская линія норманской династіи, единственная наслѣдница Констанція, дочь Рожера II, принесла его въ приданое Генриху. Неаполитанская знать не признала новаго короля и взялась за оружіе, она нашла помощь у папы, который считалъ Неаполь своимъ леномъ. Два раза Генрихъ предпринималъ походъ въ южную Италію и смирялъ вельможъ, но утвержденіе своей власти ознаменовалъ казнями и конфискаціями.

Пріобрѣтеніе Неаполя и Сициліи Гогенштауфенами послужило новымъ поводомъ къ враждѣ между папами и германскими императорами.

§ 66. **Иннокентій III и Фридрихъ II.** Генрихъ VI оставилъ малолѣтняго сына Фридриха; хотя князья германскіе и признали его своимъ королемъ еще при жизни отца, но не успѣлъ Генрихъ VI сойти въ могилу (1197), какъ страшная междоусобная война охватила всю Германію. Гвельфы провозгласили королемъ Оттона IV, сына Генриха Льва, а гибеллины противопоставили ему Филиппа швабскаго, дядю Фридриха, но не какъ регента а какъ государя. Вся Германія раздѣлилась на партіи и тяжесть войны обрушилась особенно на горожанъ и крестьянъ. Когда перевѣсъ началъ склоняться въ пользу *гогенштауфена*, папа принялъ сторону Оттона IV, послѣ того какъ тотъ обѣщалъ повиновеніе святому отцу и согласился на разныя уступки. Но когда нѣсколько лѣтъ

спустя Филиппъ палъ отъ руки убійцы, а Оттонъ задумалъ противиться папскимъ притязаніямъ, папа поразилъ его проклятіемъ и выставилъ ему соперника въ лицѣ достигшаго совершеннолѣтія Фридриха II, котораго мало по малу признала вся Германія королемъ и императоромъ.

Папа, который принималъ такое рѣшающее участіе въ судьбахъ Германіи, былъ Иннокентій III (1198 — 1216). Иннокентій III считается самымъ высокимъ представителемъ папства въ средніе вѣка, онъ продолжалъ и довершилъ дѣло, поднятое Григоріемъ VII. Обширныя познанія и правительственныя способности доставили ему на 29 году жизни кардинальскую шапку (краснаго цвѣта), а на 37-мъ папскую *tiaру* (корону). Дать церковной іерархіи преобладающее господство въ мірѣ и соединить всю христіанскую западную Европу въ одну семью подъ властью римскаго первосвященника—вотъ задача, поставленная Иннокентіемъ, и Инокентій III съумѣлъ найти средства разрѣшить ее. Чтобы имѣть въ матеріальной силѣ опору для своихъ теократическихъ притязаній, папа считалъ нужнымъ расширить и упрочить свѣтскую свою власть въ Италіи. Замѣшательства во время малолѣтства Фридриха II благопріятствовали его планамъ. Такъ онъ добился того, что въ Римѣ съ одной стороны исчезла самая тѣнь императорскихъ правъ, съ другой уничтожены были остатки республиканскихъ учрежденій; отнынѣ префектъ Рима, дававшій ленную присягу императору, назначался папою и присягалъ ему. Далѣе Иннокентій смѣстилъ императорскихъ намѣстниковъ въ мархіяхъ, Анконѣ и пр. и заставилъ жителей этихъ областей признать себя папскими подданными. Въ стремленіи объединить всю Италію подъ своимъ протекторатомъ, онъ хотѣлъ завладѣть наслѣдіемъ Матильды; этого ему не удалось, но все таки города Тосканы отдались подъ его покровительство; а въ Неаполѣ и Сициліи онъ возстановилъ свои пошатнувшіяся верховно-ленныя права: Констанція обязалась

платить ежегодно дань и умирая поручила Иннокентію опеку надъ сыномъ Фридрихомъ; ломбардскій союзъ былъ естественно сторонникомъ папы. Одною Италіею не ограничивались властолюбивыя стремленія Иннокентія; онъ требовалъ, чтобы всѣ государи признавали его своимъ сюзереномъ и получали отъ него короны—это онъ заявлялъ неоднократно въ своихъ посланіяхъ. Какъ онъ распоряжался короною въ Германіи, въ малолѣтство Фридриха, мы знаемъ; короли: арагонскій Петръ, англійскій Іоаннъ Безземельный, подобно Констанціи, признали себя папскими вассалами, а король французскій Филиппъ Августъ долженъ былъ, по требованію Иннокентія, взять назадъ свою жену, съ которою развелся. Свои притязанія на всемірное господство Иннокентій наглядно выразилъ въ слѣдующемъ сравненіи: какъ луна заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца, такъ всякая свѣтская власть получаетъ свой блескъ отъ верховнаго главенства папы. Завоеваніе Константинополя (4-й крестовый походъ) и обращеніе язычниковъ на Балтикѣ утвердили его духовную власть на востокѣ. Понятно, такой теократическій абсолютизмъ долженъ былъ встрѣтить противодѣйствіе—оно и было, но были и у папы средства подавить его. Кромѣ обыкновеннаго отлученія отъ церкви, онъ располагалъ интердиктомъ. Интердиктомъ называлось отлученіе цѣлаго государства за грѣхи правителя: въ странѣ, пораженной такимъ проклятіемъ, прекращалась церковная служба и не совершались таинства, кромѣ крещенія и исповѣди. И единеніе въ церкви озабочивало Иннокентія: для подавленія самостоятельности мѣстныхъ церквей, онъ привелъ епископовъ въ полную отъ себя зависимость, требуя отъ нихъ особой присяги и принимая на нихъ апелляцію; самая инвеститура превратилась въ прямое назначеніе епископовъ папою съ устраненіемъ мѣстныхъ капитуловъ и согласія государей; вмѣстѣ съ этимъ установленъ былъ особый налогъ за посвященіе или за присылку изъ Рима такъ называемаго

палліума, т. е. части святительской одежды; налогъ этотъ съ высшихъ духовныхъ лицъ назывался *аннатомъ;* кромѣ анната папскіе легаты взимали во всѣхъ странахъ разнаго рода другіе поборы, наприм. диспенсаціи или разрѣшенія, деньги для войны съ невѣрными и проч. Для преслѣдованія еретиковъ, нарушавшихъ церковное единство, Иннокентій ввелъ инквизицію или духовный судъ съ мучительными пытками и ауто-да-фе, т. е. сожженіемъ на кострѣ.

Безпощаднымъ врагомъ папскаго абсолютизма явился Фридрихъ II (1215—1250). Воспитанный подъ наблюденіемъ Иннокентія, онъ оказался ученикомъ непослушнымъ учителю-опекуну. Въ лицѣ Фридриха II средневѣковое императорство нашло такого же представителя идеала могущественной свѣтской власти, какъ папство — представителя духовной власти въ Иннокентіѣ III. Ничего удивительнаго, что носители этихъ идеаловъ пришли въ столкновеніе. Фридрихъ II былъ образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени. Въ Неаполѣ онъ познакомился съ арабскою образованностью, владѣлъ многими языками, написалъ книгу о птицахъ, любилъ поэзію и самъ былъ поэтъ. Возвышаясь надъ вѣкомъ своими познаніями, онъ выработалъ въ себѣ идеи, которыя шли въ разрѣзъ съ современнымъ строемъ общества свѣтскаго и духовнаго. Его идеалъ стройной монархіи, съ крѣпкою императорскою властью, не ладилъ съ стремленіями феодаловъ и итальянскихъ городовъ къ независимости. Еще менѣе могъ онъ мириться съ тѣмъ гнетомъ церковнымъ, который Иннокентій и его преемники хотѣли наложить на всю духовную жизнь человѣчества. Фридрихъ по своимъ убѣжденіямъ не могъ признать себя папскимъ вассаломъ по Неаполю, не думалъ считать императорскую корону папскимъ даромъ, не допускалъ притязаній папскихъ на свѣтское господство въ Италіи. Сказаннаго достаточно, чтобъ объяснить ту вражду и ту ненависть, которую папы (Гонорій III, Григорій IX и Иннокен-

тій IV) питали къ Фридриху; они боялись его какъ могущественнаго государя, они ненавидѣли его какъ вольнодумца (Фридрихъ позволилъ Сарацинцамъ жить въ Неаполѣ, благоволилъ къ арабскимъ ученымъ и вообще отличался вѣротерпимостью). Вотъ почему папы всюду готовили враговъ императору; не брезгая никакими средствами, они проклинали его даже тогда когда онъ совершилъ благочестивое дѣло— предпринялъ крестовый походъ,—они вооружали противъ него вассаловъ, сыновей, они подстрекали *неаполитанцевъ* къ возстанію и поддерживали *ломбардцевъ*, которые не признавали императорскихъ регалій, выговоренныхъ по миру съ Фридрихомъ I. Опять запылала въ Германіи и Италіи война на жизнь и смерть. Особенно въ Италіи гвельфы и гибеллины боролись съ страшнымъ ожесточеніемъ, съ одной стороны гвельфскіе города, Миланъ, Болонья, съ другой гибеллинскіе Парма, Реджіо и др. Фридрихъ не разъ поражалъ своихъ враговъ, такова напр. его побѣда надъ ломбардскимъ союзомъ (въ войскѣ Фридриха были Сарацины), послѣ чего многіе города должны были смириться. Самому папѣ въ его собственныхъ владѣніяхъ угрожалъ императоръ; когда Григорій IX, уже отлучившій Фридриха, задумалъ опереться на соборъ, сынъ императора Энціо захватилъ около ста французскихъ прелатовъ, отправлявшихся моремъ изъ Ниццы въ Римъ. Преемникъ Григорія IX, Иннокентій IV, убѣжалъ въ Ліонъ и тамъ на созванномъ соборѣ торжественно проклялъ Фридриха, какъ богохульника и тайнаго мусульманина, и разрѣшилъ всѣхъ подданныхъ отъ присяги на вѣрность *). Война разгорѣлась съ новою силою. Въ Германіи духовные князья

*) Фридрихъ не оставался въ долгу у папъ; онъ отвѣчалъ на папскія посланія, опровергалъ обвиненія и не придавалъ никакого значенія проклятію; онъ даже назвалъ папство муропомазаннымъ фарисействомъ (Mit dem Oele der Schelmerei gesalbte Pharisaeerthum).

избрали въ императоры Генриха Распе тюрингенскаго, но его не признали ни свѣтскіе вельможи, ни города; онъ не имѣлъ успѣха, его называютъ поповскимъ королемъ. Труднѣе была борьба въ Италіи; здѣсь партія въ случаѣ побѣды безчеловѣчно мстила противникамъ; особенно страшенъ былъ своею жестокостью гибеллинъ Эццелино да Романо, императорскій подеста въ Веронѣ и другихъ городахъ, „дьяволъ въ человѣческомъ образѣ“; не лучше былъ и представитель гвельфовъ Аццо д'Эсте въ Феррарѣ. И въ Италіи Фридрихъ собственно не терпѣлъ пораженій, но его сокрушили семейныя несчастія (смерть одного сына, котораго онъ долженъ былъ наказать за измѣну, плѣнъ другаго, любимаго Энціо) и собственное изнуреніе. Среди разгара борьбы партій Фридрихъ умеръ въ южной Италіи на рукахъ сына Манфреда.

Безпрерывныя войны и тревоги не отвлекали Фридриха отъ заботъ о государственномъ благоустройствѣ. Главное вниманіе онъ посвящалъ своимъ наслѣдственнымъ владѣніямъ въ Италіи. Неаполитанское королевство получило новое уложеніе, по которому суду королевскихъ намѣстниковъ были подчинены феодалы наравнѣ съ другими классами населенія; городскіе депутаты приглашены были разсуждать о дѣлахъ государственныхъ вмѣстѣ съ вассалами и высшимъ духовенствомъ. Надъ составленіемъ уложенія трудился канцлеръ императора, Петръ Винеа (его измѣна въ концѣ царствованія также не мало огорчила Фридриха). Народное просвѣщеніе и всѣ отрасли промышленности находили въ Фридрихѣ щедраго покровителя: онъ строилъ дороги, мосты, уменьшилъ тяжелыя пошлины, основалъ университетъ въ Неаполѣ; приглашеніемъ ученыхъ онъ высоко поднялъ медицинскую школу (университетъ) въ Салерно.

§ 67. **Междуцарствіе въ Германіи, Ганза, фемгерихты; Рудольфъ габсбургскій.** Со смертью Фридриха II для Герма-

ніи наступаетъ смутное время. Сынъ его Конрадъ IV въ борьбѣ съ соперниками, которыхъ вооружилъ папа, потерялъ и императорскую корону и свои швабскія владѣнія. Послѣ Конрада IV (1254) достоинство императора носили иностранные принцы; сначала избранъ былъ Вильгельмъ голландскій, а когда онъ погибъ въ войнѣ съ Фризами, князья германскіе провозгласили, одни англійскаго принца Ричарда, другіе короля кастильскаго Альфонса X Мудраго. Оба они носили только императорскій титулъ, но не имѣли никакого авторитета; этимъ пользовались князья и выманивали у нихъ лены, права, деньги. Время это называется въ исторіи Германіи *междуцарствіемъ* и представляетъ картину полнѣйшей анархіи. Никто не признавалъ надъ собою чьей либо власти, а каждый дѣйствовалъ по праву силы—отсюда характеристика эпохи господство „кулачнаго права“. Крупные князья, духовные и свѣтскіе, отнимаютъ у менѣе сильныхъ земли и присваиваютъ себѣ упразднившіеся имперскіе лены; имъ подражаютъ второстепенные вассалы и, добившись независимости, становятся самостоятельными территоріальными владѣльцами, таковы напр. маркграфы баденскіе, графы виртембергскіе, многіе епископы, а также вольные или имперскіе города. Мелкіе дворяне, подвассалы и простые рыцари грабятъ проѣзжающихъ, захватываютъ купцовъ съ товарами и образуютъ цѣлый классъ *рыцарей-хищниковъ* (Raubritter). Время господства кулака легло тяжелымъ бременемъ на крестьянъ и горожанъ. Высокомѣрные и легкомысленно-развратные феодалы, враждуя другъ съ другомъ, сожигали деревни, истребляли жатву и взимали тяжелые поборы. Города, только что начавшіе устраиваться, испытывали всѣ невзгоды произвола: самоуправленіе уничтожалось, а разцвѣтающая торговля страдала отъ пошлинъ на каждомъ шагу и захвата товаровъ рыцарями-разбойниками. Не находя управы и суда, города рѣшились собственными средствами защищаться для огражденія и экономическихъ

интересовъ и политическихъ правъ. Такъ возникаютъ около половины XIII ст. *союзы* городовъ, таковы: союзъ городовъ рейнскихъ (Майнцъ, Вормсъ, Франкфуртъ и др.), швабскій союзъ. Самымъ замѣчательнымъ изъ такихъ союзовъ была Ганза, начало которому положили Гамбургъ и Бременъ. Союзные города обязывались выставлять вооруженныя силы для взаимной защиты и на общихъ собраніяхъ принимали мѣры для огражденія земскаго мира. Ганза или ганзейскій союзъ, въ составъ котораго постепенно вошло до 80 городовъ, не только велъ обширную торговлю, но пріобрѣлъ значеніе политическое; онъ обуздывалъ рыцарей и съ оружіемъ въ рукахъ добился выгодныхъ торговыхъ договоровъ съ скандинавскими государствами. Первенствующимъ городомъ въ союзѣ былъ Любекъ—мѣсто ганзейскихъ сеймовъ.

Одновременно съ городскими союзами возникло и другое учрежденіе, съ тою же цѣлью огражденія попираемыхъ интересовъ—это такъ называемые *тайные суды* или *фемгерихты* (отъ слова Feme, наказаніе). При бездѣйствіи всякихъ судовъ, императорскихъ, княжескихъ, и при неудовлетворительности прежнихъ законоположеній (божьяго мира, капитулярій, институцій), въ Вестфаліи образовались самозванные суды для преслѣдованія уголовныхъ преступленій. Суды эти—фемгерихты—постепенно выработались изъ сохранившагося въ Вестфаліи долѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, графскаго суда съ выборными отъ общины. Примѣняясь къ условіямъ времени, общинный судъ измѣнился въ судъ при посредствѣ людей благонамѣренныхъ, которые связывали себя извѣстною клятвою. Эти люди получили названіе „знающихъ“, т. е. посвященныхъ въ тайны суда. Семь человѣкъ изъ числа *знающихъ* подъ предсѣдательствомъ одного, который по старинному назывался графомъ, составляли судъ; они вызывали заподозрѣнныхъ въ убійствѣ, грабежѣ, поджогѣ и пр. Чрезвычайныя обстоятельства требовали и чрезвычайнаго наказа-

нія; обвиняемый, если не являлся или не могъ доказать своей невинности надежными свидѣтелями изъ числа знающихъ, присуждался къ смертной казни чрезъ повѣшеніе на деревѣ. А чтобы судьи не подвергались сами опасности, они собирались гдѣ нибудь въ подземельѣ или лѣсной глуши и надѣвали иногда маски. Какъ все въ средніе вѣка, и фемгерихты вступили въ ленныя отношенія; они признали своимъ сюзереномъ кельнскаго архіепископа, владѣвшаго значительною частью Вестфаліи. Изъ Вестфаліи суды эти распространились по всей Германіи и стали потомъ подъ покровительство императора. Они продолжали свою дѣятельность почти два столѣтія, пока не настали болѣе сносныя времена и пока въ среду знающихъ не проникла порча и злоупотребленія.

Когда умеръ Ричардъ англійскій, князья, которымъ принадлежалъ рѣшающій голосъ при избраніи короля и которые потому назывались *курфирстами (князьями-избирателями)*, склонили другихъ къ выбору Рудольфа графа габсбургскаго. Рудольфъ, по незначительности своихъ владѣній въ Эльзасѣ и Швейцаріи, не могъ быть опасенъ князьямъ, а потому его скоро всѣ признали, кромѣ чешскаго короля Оттокара. Послѣдній, воспользовавшись смутною эпохою, присоединилъ къ своему государству частью договорами, частью оружіемъ, упразднившіеся имперскіе лены: Австрію, Штирію, Каринтію и Крайну и самъ добивался императорской германской короны. Рудольфъ (1273—1291) отказался отъ притязаній прежнихъ императоровъ на Италію и, уступивъ папѣ (Григорію X) нѣкоторыя спорныя права и земли, обратилъ все свое вниманіе на Германію. Но и здѣсь о возстановленіи прежняго значенія императорской власти нечего было и думать; сотня территоріальныхъ владѣльцевъ—курфирстовъ, герцоговъ, графовъ, маркграфовъ, ландграфовъ, епископовъ и пр.—не хотѣли поступиться пріобрѣтенными державными правами и главная забота Рудольфа должна была состоять

въ поддержаніи постоянно нарушаемаго земскаго мира. Въ этомъ отношеніи онъ оправдалъ павшій на него выборъ: онъ примирялъ князей, враждовавшихъ другъ съ другомъ и съ городами, и строго преслѣдовалъ рыцарей-грабителей, которыхъ щадили князья, потому что они доставляли имъ наемные отряды. Рудольфъ казнилъ многихъ рыцарей, а еще больше разрушилъ ихъ замковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ практическій Рудольфъ старался увеличить собственныя владѣнія, не раздражая князей. Вотъ почему онъ воспользовался чужеземнымъ государемъ, который связанъ былъ съ имперіею ленными отношеніями, именно Оттокаромъ, не признавшимъ Рудольфа императоромъ. *Имперскій сеймъ* (изъ князей духовныхъ и свѣтскихъ) произнесъ надъ чешскимъ королемъ опалу и объявилъ его лишеннымъ Австріи и другихъ имперскихъ леновъ. Оттокаръ не подчинился и дѣло дошло до войны. Послѣ битвы на *мархскомъ* полѣ (близь Вѣны), въ которой погибъ Оттокаръ, Рудольфъ предоставилъ его сыну, Вячеславу, Богемію и Моравію, а Австрію, Штирію и Крайну отдалъ своимъ сыновьямъ и тѣмъ положилъ начало могуществу габсбургско-австрійскаго дома.

§ 68. **Италія, послѣдніе Гогенштауфены, сицилійская вечерня.** Смерть Фридриха II порвала тѣ нити, которыя связывали Италію съ Германіею. Предоставленная самой себѣ, Италія продолжала переживать бурное время. Въ сѣверной и средней Италіи, не исключая Рима, идетъ по прежнему борьба между городами и мелкими владѣтелями. Папы и послѣдніе Гогенштауфены, анжуйскій домъ, утвердившійся въ Неаполѣ, вмѣшиваются въ эту борьбу. Рядомъ съ этимъ въ каждомъ городѣ, Миланѣ, Флоренціи, Пизѣ, Веронѣ и др., происходитъ ожесточенная вражда гвельфовъ и гибеллиновъ, партіи аристократической и народной, при чемъ отдѣльныя знатныя фамиліи стараются захватить въ свои руки власть (т. е. сдѣлаться правителями въ родѣ греческихъ тирановъ).

Безпощадное истребленіе противниковъ и измѣна или переходъ отъ одного знамени къ другому составляютъ обычныя явленія. Извѣстный намъ Эццелино, утвердившійся при содѣйствіи Фридриха II въ Веронѣ и Падуѣ, свирѣпствовалъ, пока не погибъ, вмѣшавшись въ борьбу аристократіи съ народною партіею въ Миланѣ. Въ Римѣ враждовали гвельфская фамилія Орсини съ гибеллинскою Колонна; во Флоренціи, когда *бѣлыхъ* (гибеллиновъ) побѣдили *черные* (гвельфы), первые были изгнаны, въ томъ числѣ и Данте, никогда больше не увидавшій своего отечества (1301). Папы, громящіе безпрерывно проклятіями своихъ противниковъ, тѣмъ самымъ притупляютъ свое оружіе, а вмѣшательствомъ въ мелкіе раздоры роняютъ свое духовное значеніе.

Съ исторіею южной Италіи во 2-й половинѣ XIII ст. связана гибель фамиліи Гогенштауфеновъ. Послѣдніе представители этого дома, потерявъ все въ Германіи, старались сохранить за собою неаполитанское королевство, но папы ненависть свою къ Фридриху II перенесли на все его потомство. Они поражали проклятіемъ это „продово племя“ и боролись съ нимъ на жизнь и смерть. Конрадъ IV скоро нашелъ преждевременную могилу въ южной Италіи. Сводный братъ его Манфредъ сначала имѣлъ успѣхъ; при помощи нѣмецкихъ отрядовъ и Сарацинъ онъ поразилъ папско-гвельфскія войска и утвердился въ Палермо. Сицилія на время отдохнула отъ ужасовъ войны; дворъ Манфреда съ его турнирами и поэзіею напомнилъ времена его отца, но это продолжалось не долго. Второй преемникъ Иннокентія IV, папа Урбанъ IV, не видя возможности упрочить непосредственно свою власть въ Неаполѣ и Сициліи, предложилъ эти земли, въ качествѣ церковнаго лена, французскому принцу Карлу анжуйскому, съ обязательствомъ ежегодной дани. Карлъ принялъ предложеніе и появленіе его съ французскими рыцарями въ Италіи послужило поводомъ къ возобновленію борьбы

гвельфовъ съ гибеллинами. Пущена была въ ходъ измѣна и Манфредъ въ сраженіи при Беневентѣ (1266) погибъ. Тяжела была участь гибеллиновъ и всего королевства, доставшагося Карлу. Свободныя учрежденія, данныя Неаполю Фридрихомъ II, были уничтожены, приверженцевъ Гогенштауфеновъ постигли: опала, тюрьма, казни, а ихъ имѣнія перешли въ руки Французовъ. Торжество гвельфовъ въ неаполитанскомъ королевствѣ отразилось и въ остальной Италіи, а потому гибеллины призвали сына Конрада IV, молодаго Конрадина, который жилъ съ матерью въ Баваріи. Сопровождаемый другомъ дѣтства, Фридрихомъ баденскимъ, и нѣкоторыми другими приверженцами, послѣдняя отрасль славнаго дома откликнулся на призывъ и перешелъ Альпы. Всюду гибеллины встрѣчали его восторженно, даже въ Римъ на глазахъ у папы онъ вступилъ какъ побѣдитель и провелъ здѣсь нѣсколько недѣль. Но когда онъ явился въ предѣлахъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній, то въ битвѣ при Тальякоццо потерпѣлъ пораженіе, его войско погибло, самъ онъ спасался бѣгствомъ; нашелся и измѣнникъ, который предалъ его въ руки враговъ. Карлъ анжуйскій приказалъ Конрадина и Фридриха баденскаго обезглавить на рынкѣ въ Неаполѣ (1268 г.). Такъ трагически погибъ послѣдній *гогенштауфенъ!* Въ Неаполѣ начались новыя преслѣдованія и казни, но на этотъ разъ Карлъ получилъ возмездіе. Въ Сициліи, гдѣ особенно ненавидѣли пришельцевъ Французовъ, составился заговоръ; одинъ изъ ограбленныхъ гибеллиновъ (Іоаннъ Прочида) завязалъ переговоры съ арагонскимъ королемъ Петромъ, женатымъ на дочери Манфреда. Прежде чѣмъ арагонскій государь приступилъ къ дѣйствіямъ, на островѣ произошла рѣзня Французовъ. Это такъ называемая „сицилійская вечерня“ въ 1282 г.,—названіе произошло отъ того, что начало рѣзни случилось въ свѣтлый понедѣльникъ послѣ вечерни въ одной церкви за городомъ Палермо. Вскорѣ прибылъ Петръ съ войскомъ; при

его содѣйствіи *сицилійцы* завоевали себѣ независимость и получили въ лицѣ Фридриха, сына короля арагонскаго, отдѣльнаго государя.

II. Франція при Капетингахъ: городскія общины, возвышеніе королевской власти, Филиппъ II Августъ, Людовикъ IX Святой, Филиппъ IV Красивый.

§ 69. **Общее обозрѣніе; городскія общины.** Исторія Франціи въ эпоху Капетинговъ представляетъ слѣдующія характеристическія явленія: возвышеніе королевской власти и собираніе страны короною; при этомъ названіе родоваго владѣнія королей—герцоговъ Франціи—перешло на все государство; прежнее франкское королевство стало называться французскимъ или Франціею. Хотя первые Капетинги и были довольно крупными территоріальными владѣльцами и, собравъ своихъ вассаловъ, могли противостать любому феодалу, но съ другой стороны многіе феодалы, напр. герцогъ нормандскій, графъ прованскій и др. владѣли обширными землями и, подобно королю, окружены были также сильнмми ленниками. Эти, такъ называемые, *коронные вассалы* были самостоятельными державцами въ своихъ владѣніяхъ съ правомъ суда, войны, битья монеты и смотрѣли на короля, какъ на перваго между равными. Какъ примѣръ обычаевъ и отношеній тогдашняго феодальнаго строя приводимъ слѣдующее: когда Гуго Капетъ, воевавшій съ графомъ Перигоръ, спросилъ его: „кто сдѣлалъ тебя графомъ“? тотъ отвѣтилъ: „а кто сдѣлалъ тебя королемъ“? Какъ же при такихъ условіяхъ короли смогли совершить объединеніе государства? Въ томъ же феодальномъ строѣ нашлись задатки, облегчившіе задачу Капетингамъ. Прежде всего французскіе вассалы не были, какъ

въ Германіи, представителями отдѣльныхъ племенъ, далѣе ленная присяга считалась дѣломъ священнымъ и рыцарская честь не позволяла ее нарушать; подобная измѣна, если она часто повторялась, служила бы дурнымъ примѣромъ для подвассаловъ. Наконецъ дворъ королевскій былъ верховнымъ судилищемъ для коронныхъ вассаловъ въ ихъ распряхъ между собою и съ подвассалами, а король потому считался источникомъ правосудія. Скрѣпить эти отношенія, вытекающія изъ феодализма, и старались Капетинги и это удалось имъ, благодаря уму и дальновидности многихъ королей. Обстоятельства, и случайныя, и коренившіяся въ современномъ обществѣ, благопріятствовали имъ. Къ случайнымъ относится продолжительность царствованія первыхъ Капетинговъ; короли еще при жизни короновали своихъ наслѣдниковъ и дѣлали ихъ соправителями—этимъ устранялись споры за престолъ и устанавливалась однообразная политика; а политика эта была направлена къ расширенію своихъ владѣній (владѣній *короны*) на счетъ вассаловъ куплею, браками, оружіемъ. Что касается общественнаго строя, то въ немъ короли нашли элементы, которые поддержали ихъ въ борьбѣ съ вассалами. Духовенство и городскія общины были заинтересованы, наравнѣ съ королями, въ ослабленіи феодаловъ. Церковныя и монастырскія имущества не были ограждены отъ разоренія или захвата феодалами; для духовенства по этому выгодна была сильная королевская власть, которая защищала бы его владѣнія, возраставшія и отъ заклада и отъ продажи вассалами, когда тѣ снаряжались въ крестовые походы. И дѣйствительно, Капетинги брали подъ свою охрану аббатовъ и епископовъ, а они—представители знанія—проводили идею о подчиненіи королямъ, какъ власти, идущей отъ Бога, и при случаѣ помогали имъ деньгами въ видѣ добровольныхъ приношеній. Еще бо́льшую поддержку нашли короли въ *городскихъ общинахъ* или *коммунахъ*. Во Франціи, какъ и въ другихъ

странахъ, кромѣ городовъ отъ временъ римскаго владычества, постепенно возникали новые изъ зажиточныхъ селеній монастырскихъ и другихъ; отъ промысловъ и торговли жители городовъ богатѣли и тяготились своимъ безправнымъ положеніемъ. Пользуясь стѣсненными денежными обстоятельствами феодаловъ, которые часто нуждались въ средствахъ для своихъ войнъ и отдаленныхъ предпріятій на *востокъ*, горожане покупали у нихъ за деньги разныя права, какъ *самоуправленіе*, *собственный судъ*, *самозащиту*. Правда, пріобрѣтенныя такимъ путемъ права были не прочны, вассалы не сдерживали обязательствъ и приходилось добытое защищать съ оружіемъ въ рукахъ; но разрозненные города не могли своими *милиціями* (городскими ополченіями) успѣшно мѣряться съ закованными въ желѣзо рыцарями и естественно искали союзника. Такого союзника они нашли въ королѣ. Короли не отказывали городамъ въ просимой помощи и подтверждали своими грамотами пріобрѣтенныя права, а также надѣляли новыми. Такимъ образомъ города превращались въ автономныя *городскія общины* или *коммуны*. Разъ давши грамоту за своею печатью, король нравственно обязанъ былъ защищать горожанъ отъ посягательства вельможъ. Такъ установилась та связь между королемъ и коммунами, которая со временемъ принесла Капетингамъ большія выгоды. Городскія милиціи становились въ ряды королевскіе, чтобы доставить коронѣ торжество надъ вассалами. (Умные политики, Капетинги не давали такихъ обширныхъ правъ городамъ въ своихъ непосредственныхъ владѣніяхъ).

§ 70. **Очеркъ возвышенія королевской власти.** Первые преемники Гуго Капета—Робертъ, Генрихъ I и Филиппъ I—были еще слабыми королями. Вассалы воевали между собою, воевали съ королемъ, къ этому присоединились столкновенія съ папами,—такъ Филиппъ за симонію и разводъ съ женою былъ отлученъ отъ церкви Григоріемъ VII. Возвышеніе ко-

ролевской власти началось съ сына Филиппа I, Людовика VI Толстаго (1108—1137). Онъ впервые сталъ поощрять общинное движеніе; городскіе милиціонеры исполняли полицію въ его владѣніяхъ на проѣзжихъ дорогахъ, которыя не были безопасны отъ рыцарей, грабившихъ путешественниковъ и купцовъ. Съ помощью горожанъ король отнималъ замки у мелкихъ феодаловъ, каковы господа Монлери, Монморанси и др. Позднѣе онъ попробовалъ свои силы на крупныхъ вассалахъ, успѣхъ увѣнчалъ дѣло, такова война съ герцогомъ аквитанскимъ; послѣдній смирился и, явившись въ королевскій лагерь, принесъ ленную присягу. Женитьбою сына Людовика на Элеонорѣ, единственной наслѣдницѣ многихъ земель, Людовикъ VI доставилъ коронѣ значительныя владѣнія: Элеонора принесла мужу Поату, Гіеннь, Гасконь и суверенныя права надъ Овернью, Перигоромъ и др. Правда, всѣ эти земли были временно потеряны: ставши королемъ, Людовикъ VII развелся съ Элеонорою и возвратилъ ей наслѣдственныя владѣнія, которыя достались вмѣстѣ съ рукою ея второму мужу Генриху Плантагенету, графу анжуйскому (впослѣдствіи королю англійскому). Людовикъ VII (1137—1180), подобно отцу, покровительствовалъ городскимъ общинамъ, до 25 городовъ получили отъ него королевскія грамоты. Обоимъ королямъ помогалъ въ управленіи умный аббатъ монастыря Сенъ Дени, Сугерій, идеи котораго о сильной королевской власти—защитницѣ всѣхъ классовъ населенія—много способствовали утвержденію государственнаго единства.

Важнымъ моментомъ въ исторіи возвышенія королевской власти было царствованіе сына Людовика VII, Филиппа II, прозваннаго еще современниками Августомъ (1180—1223). Филиппъ Августъ значительно расширилъ владѣнія короны присоединеніемъ многихъ земель въ сѣверной и югозападной Франціи, и достигъ этого Филиппъ въ силу своихъ сюзе-

ренно-верховныхъ правъ *); особенно замѣчательно пріобрѣтеніе владѣній, принадлежавшихъ англійскимъ королямъ. Король англійскій Іоаннъ Безземельный (сынъ вышеупомянутаго Генриха Плантагенета), владѣвшій почти половиною Франціи—Анжу, Нормандіею, Бретанью и землями матери Элеоноры—не хотѣлъ исполнять ленныхъ обязательствъ по отношенію къ французскому королю. Іоаннъ убилъ своего племянника, права котораго на англійскій престолъ поддерживалъ Филиппъ Августъ. Послѣдній позвалъ его на судъ своихъ двѣнадцати вассаловъ (6 свѣтскихъ и 6 духовныхъ)**). Іоаннъ не явился и Филиппъ съ согласія *перовъ* объявилъ его лишеннымъ всѣхъ владѣній. Іоаннъ, занятый другими дѣлами, только чрезъ нѣсколько лѣтъ задумалъ возвратить утраченное; въ союзѣ съ нѣкоторыми французскими вассалами, напр, графомъ фландрскимъ, и при помощи Оттона IV германскаго онъ сдѣлалъ вторженіе во владѣнія Филиппа. Но Филиппъ, благодаря личной храбрости и поддержкѣ вассаловъ и горожанъ, остался побѣдителемъ, разбивъ союзниковъ въ главной битвѣ при Бувинѣ (1214 г. во Фландріи). Битва эта имѣетъ важное значеніе въ исторіи Франціи; она не только отразила нашествіе иноземцевъ, но и сблизила *бароновъ* (общее названіе вассаловъ) съ горожанами: сгруппировавъ ихъ вокругъ престола, она дала первый толчокъ къ сознанію всѣми классами населенія, что они принадлежатъ къ одной французской національности. Въ рукахъ англійскихъ

---

*) Между прочимъ Филиппъ Августъ пріобрѣлъ безъ войны Вермандоа, Валоа и Аміенъ, уступленные ему наслѣдницею этихъ земель, чтобы получить помощь короля противъ своего врага. Когда король вступилъ въ Аміенъ, епископъ въ качествѣ сюзерена потребовалъ отъ него ленной присяги; „король не бываетъ ленникомъ“, отвѣчалъ Филиппъ. Такъ измѣнились отношенія королей и вельможъ!

**) Эти вассалы, какъ коронные, считали себя равными коронному же вассалу—королю англійскому,—а потому судъ ихъ назывался судомъ *перовъ*, т. е. равныхъ (*pairs* отъ латинскаго pares).

королей осталась ничтожная часть французской территоріи, а Менъ, Анжу, Гіеннь, Гасконь, Нормандія и Бретань вошли въ составъ владѣній короны Капетинговъ.

Альбигойскія войны (см. о нихъ § 85), начавшіяся при Филиппѣ Августѣ и продолжавшіяся при его сынѣ и внукѣ (Людовикахъ VIII и IX), доставили французской коронѣ владѣнія по Ронѣ до *средиземнаго* моря. Раймундъ VII тулузскій, которому принадлежали эти земли, долженъ былъ уступить французскому королю бо́льшую часть своего графства. Такъ постепенно увеличивались владѣнія королевскія и ленная монархія получила уже при внукѣ Филиппа Августа, Людовикѣ IX, новый характеръ. Король сдѣлался настоящимъ главою феодальной аристократіи, значительная часть которой принадлежала теперь его семейству,—таковы были на первомъ планѣ братья короля, именно, графы и герцоги Анжу, Артоа, Оверни, Тулузы и др.

Царствованіе Людовика IX Святаго (1226—1270) было вторымъ важнымъ моментомъ въ исторіи возвышенія королевской власти. Продолжая политику предшественниковъ, Людовикъ IX старался не столько о расширеніи своихъ владѣній, сколько о подъемѣ нравственнаго авторитета короля. Своими заботами о правосудіи онъ достигъ того, что на короля стали смотрѣть, какъ на источникъ справедливости, не только въ его собственныхъ владѣніяхъ, но и во владѣніяхъ вассаловъ. Мы знаемъ, что при дворѣ королевскомъ судились коронные вассалы равными себѣ или *перами;* то же дѣлалось и при дворѣ вассала для подвассаловъ. Но не полагаясь на безпристрастіе такого суда, тяжущіеся предпочитали рѣшать споры судебными поединками (на которые, какъ на судъ божій, понятно не было аппеляціи); крупные вельможи распри свои завершали феодальными войнами, которыя были очень разорительны для поселянъ. Людовикъ IX запретилъ поединки и ограничилъ разными постановленіями право

феодальной войны. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ позаботился о болѣе безпристрастныхъ и правильныхъ приговорахъ своего королевскаго суда или *парламента*. Такъ какъ вассалы были люди несвѣдущіе, то король призвалъ въ парламентъ *легистовъ*—такъ назывались тѣ, которые изучали римское право и знакомы были съ законами. Бароны смотрѣли сначала свысока на сидѣвшихъ у ногъ ихъ на скамеечкахъ людей не дворянскаго званія; но мало по малу стали ихъ слушать и скоро судьба всѣхъ тяжущихся была въ рукахъ легистовъ. Справедливыя рѣшенія сдѣлали то, что къ парламенту въ Парижъ стали все чаще и чаще обращаться недовольные мѣстнымъ судомъ и такимъ образомъ королевскій судъ сталъ апшеляціоннымъ. Легисты, образовавшіе цѣлое сословіе, своими доводами расширили кругъ компетентности королевскаго суда; знакомые съ римскимъ правомъ, они ссылками на него, старались поднять авторитетъ короля, какъ главнаго стража закона,—отсюда и выраженіе „король требуетъ того же, что и законъ“ (si veut le roi, si veut la loi). Людовикъ IX, не рѣдко самъ окруженный этими людьми, опытными въ наукѣ права, творилъ судъ своимъ подданнымъ подъ *венсенскимъ* дубомъ. Онъ же издалъ распоряженія, обязательныя для всего государства; изъ нихъ и рѣшеній парламента составленъ былъ сборникъ, который подъ названіемъ „учрежденій св. Людовика“ (Etablissements de st. Louis) замѣнилъ прежнія законоположенія и способствовалъ водворенію порядка и земскаго мира.

Сынъ Людовика IX Филиппъ III учредилъ другой королевскій парламентъ въ Тулузѣ (вслѣдствіе расширенія круга дѣятельности королевскаго суда) и первый сталъ жаловать горожанамъ дворянское достоинство *(жалованное дворянство)*. Благодаря такой политикѣ всѣхъ Капетинговъ, направленной къ одной цѣли, слѣдующій король Филиппъ IV Красивый (1285—1314) уже болѣе походитъ на позднѣй-

шихъ неограниченныхъ государей, чѣмъ на средневѣковаго феодальнаго короля. Онъ отнялъ у феодаловъ право битья монеты и такимъ образомъ прежде строптивымъ вассаламъ теперь навязанъ былъ миръ королевскій, судъ короля, монета королевская; вмѣстѣ съ тѣмъ государственныя подати распространены были и на владѣнія вельможъ и духовенства. Продолжая покровительствовать коммунамъ, Филиппъ IV пригласилъ ихъ къ участію въ общегосударственныхъ дѣлахъ; городскіе депутаты въ качествѣ *„третьяго сословія“* (*tiers-etat*) начали съ 1302 г. засѣдать вмѣстѣ съ представителями двухъ высшихъ сословій (дворянства и духовенства) въ сеймѣ или собраніи *„государственныхъ чиновъ“* (*états généraux*). Что касается городскихъ общинъ, то слѣдуетъ замѣтить, что онѣ во Франціи не достигли той самобытности, какъ напр. въ Италіи, потому что Капетинги, надѣлявшіе ихъ правами, ревниво оберегали въ городахъ свои верховно-королевскія права. Иначе было во Фландріи, графы которой были почти независимы отъ французскихъ королей. Здѣсь города, благодаря обширной промышленности и торговлѣ, пріобрѣли свободныя учрежденія. Попытка Филиппа IV овладѣть этою страною не увѣнчалась успѣхомъ. Сначала онъ покорилъ Фландрію и взялъ въ плѣнъ графа, но притѣсненія намѣстниковъ вызвали возстаніе и французскій король потерпѣлъ страшное пораженіе при Куртре (1302)—ремесленники и торговцы фландрскіе разбили французскихъ рыцарей. Хотя Филиппъ и загладилъ свое пораженіе, но долженъ былъ возвратить *фламандцамъ* ихъ графа. Разсказываютъ, что роскошные наряды фландрскихъ горожанокъ вызвали зависть французской королевы, сказавшей „что она видѣла сто королевъ“.

По мѣрѣ усиленія королевской власти Парижъ *), сто-

*) Парижъ у Римлянъ назывался Лютеціею. Наименованіе Парижа онъ получилъ со временъ Хлодвига, потому что былъ средоточіемъ галльскаго племени Паризіевъ.

лица Франціи, все возрасталъ и украшался. Филиппъ Августъ приказалъ его вымостить и положилъ начало дворцу *луврy*. Парижскій университетъ, надѣленный королями значительными преимуществами, привлекалъ много иностранныхъ студентовъ и славился богословскою наукою. Для учащихся существовали коллегіи; одна изъ нихъ, основанная при Людовикѣ Св. и названная въ честь учредителя *сорбонною*, была предназначена для богослововъ; впослѣдствіи наименованіе это перешло на весь богословскій факультетъ.

§ 71. **Отношеніе французской короны къ римской церкви.** Въ отношеніи къ папскому престолу и римской церкви Капетинги руководствовались также, какъ и въ дѣлахъ государственныхъ, твердою политикою. Они не допускали посягательствъ римской куріи и отстаивали права мѣстной „галликанской“ церкви. Филиппъ Августъ навлекъ на все государство за расторженіе брака съ Ингеборгою датскою интердиктъ,—во всей странѣ прекратилась церковная служба, вѣнчаніе совершалось на кладбищахъ, мертвыхъ хоронили въ непосвященной землѣ. Филиппъ Августъ сначала страшно разсердился и отставилъ епископовъ, поддерживавшихъ интердиктъ; когда же Иннокентій III пригрозилъ ему самому проклятіемъ и всеобщее уныніе овладѣло народомъ, онъ уступилъ и принялъ опять Ингеборгу, но держалъ ее въ почетномъ заключеніи. Впрочемъ тотъ же Филиппъ не допустилъ вмѣшательства папы въ государственныя дѣла, когда Иннокентій вздумалъ заступиться за Іоанна Безземельнаго („дѣла ленныя не принадлежатъ престолу св. Петра“). Вмѣстѣ съ тѣмъ король требовалъ, чтобы духовные по дѣламъ мірскимъ подлежали суду свѣтскому, взималъ извѣстную плату при переходѣ имѣнія въ руки церкви и настаивалъ на соблюденіи королевскихъ *регалій* въ церковныхъ земляхъ. Той же политикѣ слѣдовалъ и Людовикъ Св., отличавшійся набожностью и строгимъ исполненіемъ церковныхъ правилъ. Въ концѣ царствованія онъ

издалъ „прагматическую санкцію“, которою хотя и подтверждались за духовенствомъ прежнія права, но ограничивалась духовная юрисдикція и папскіе поборы.

III. Англія при первыхъ Плантагенетахъ и начало представительнаго правленія.

§ 72. **Династія Вильгельма Завоевателя. Генрихъ II Плантагенетъ и первое столкновеніе свѣтской власти съ духовною въ Англіи.** Династія Вильгельма Завоевателя царствовала въ Англіи около ста лѣтъ. Возстанія Англосаксовъ, пытавшихся свергнуть чужеземное владычество, и споры за престолъ составляютъ содержаніе исторіи Англіи подъ управленіемъ норманской династіи. Послѣ бурнаго царствованія сына Вильгельма З., Вильгельма II Рыжаго, престолъ занялъ другой сынъ Завоевателя Генрихъ I. Онъ отнялъ Нормандію у брата Роберта крестоносца и держалъ его всю жизнь въ заключеніи. Когда Генрихъ умеръ возгорѣлась продолжительная междоусобная война, наконецъ на престолъ вступилъ его внукъ по женской линіи, графъ анжуйскій Генрихъ, въ лицѣ котораго Англія получила новую династію Плантагенетовъ.

Въ Англіи, въ противоположность Франціи, короли въ началѣ были очень сильны и вотъ почему. Вильгельмъ З. образовалъ изъ земель, отнятыхъ у англосаксонскихъ землевладѣльцевъ, 60000 рыцарскихъ леновъ; раздавъ часть ихъ своимъ сподвижникамъ и церкви, онъ не только обязалъ вассаловъ являться на войну съ своими подвассалами, но и связалъ послѣднихъ присягою на вѣрность себѣ; кромѣ того, вассалы въ чрезвычайныхъ случаяхъ должны были дѣлать приношенія королю. Опека надъ малолѣтнимъ наслѣдникомъ лена принадлежала коронѣ, а равно и доходъ съ упразднившагося епископства до новаго назначенія. Благодаря такимъ

сложившимся отношеніямъ, вассалы испытывали тяжесть королевской власти и старались ограничить ее. Отсюда вытекали тѣ столкновенія, которыя привели при Плантагенетахъ къ установленію въ Англіи конституціонной монархіи.

Царствованіе перваго *плантагенета* Генриха II (1154—1189) ознаменовано ссорою съ духовенствомъ. Духовенство въ Англіи надѣлено было большими преимуществами еще англосаксонскими королями; Вильгельмъ Завоеватель подтвердилъ ихъ. Къ числу привилегій принадлежало право подлежать своему церковному суду; послѣдній, не налагая никогда смертной казни, опредѣлялъ за самыя тяжелыя преступленія денежный штрафъ или церковное покаяніе. Пользуясь такою снисходительностью, духовные, бо́льшею частью норманскаго происхожденія, совершали звѣрскія преступленія, такъ въ первые годы царствованія Генриха II насчитываютъ до ста убійствъ, совершенныхъ клириками. Генрихъ II рѣшился положить этому конецъ, но встрѣтилъ противника въ лицѣ Ѳомы Бекета, который сначала былъ канцлеромъ, а потомъ, стараніями короля, сдѣлался архіепископомъ кантерберійскимъ. Съ перемѣною сана перемѣнился и Бекетъ—прежній роскошный придворный сталъ строгимъ аскетомъ и хотѣлъ провести притязанія римской куріи въ Англіи. Собраніе духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ въ Кларендонѣ приняло предложенныя королемъ постановленія; въ силу этихъ „кларендонскихъ постановленій“ ограничивалась власть папы (напр. онъ не могъ безъ вѣдома короля отлучать его приближенныхъ отъ церкви) и духовные по дѣламъ мірскимъ подлежали свѣтскому суду безъ права аппеляціи въ Римъ. Бекетъ, сперва признавшій *постановленія*, раскаялся потомъ въ своей уступчивости; разгнѣванный король грозилъ ему судомъ; архіепископъ апелировалъ къ папѣ и, удалившись во Францію, отлучилъ отъ церкви главныхъ дѣятелей кларендонскаго собранія. Папа Александръ III, занятый борьбою съ Фридрихомъ Барбарос-

сою, предпочелъ роль примирителя, и, дѣйствительно, чрезъ нѣсколько лѣтъ достигнуто было соглашеніе и архіепископъ возвратился въ свою резиденцію. Но онъ не укротилъ своего строптиваго нрава и между прочимъ поразилъ проклятіемъ второе духовное лицо въ Англіи, архіепископа іоркскаго. Король, бывшій тогда въ Нормандіи, излилъ свой гнѣвъ въ рѣзкихъ словахъ. Нѣсколько рыцарей, придавъ буквальный смыслъ словамъ короля, отправились въ Кантербери и убили Бекета въ храмѣ. Злодѣйство не принесло пользы королю, тѣнь архіепископа оказалась грознѣе живаго Бекета; народъ толпился у его гроба и чествовалъ какъ святаго. Генрихъ испугался и отправилъ посольство къ папѣ; Александръ воспользовался обстоятельствами, чтобы мирнымъ путемъ доставить іерархіи торжество въ Англіи. Онъ простилъ короля, но подъ условіемъ уничтоженія кларендонскихъ постановленій; а для полнаго примиренія съ церковью Генрихъ принесъ униженное покаяніе на гробѣ убитаго. Въ царствованіе Генриха II началось утвержденіе Англичанъ въ Ирландіи. Вассальныя отношенія къ французскимъ королямъ были источникомъ войнъ, которыя съ промежутками тянулись въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ.

§ 73. **Іоаннъ Безземельный и начало представительнаго правленія.** Послѣ Генриха II царствовали сыновья его, сначала Ричардъ Львиное Сердце крестоносецъ, а потомъ Іоаннъ Безземельный (1199—1216). Время Іоанна Безземельнаго очень важно въ исторіи Англіи. Кромѣ потери обширныхъ владѣній во Франціи, король этотъ потерялъ и независимость своей короны въ борьбѣ съ Иннокентіемъ III. Споръ возникъ по поводу замѣщенія архіепископства кантерберійскаго. Не принявъ королевскаго кандидата, Иннокентій заставилъ кантерберійскій капитулъ избрать Стефана Лангтона и посвятилъ его въ архіепископы. Іоаннъ не призналъ Лангтона, разогналъ кантерберійскихъ монаховъ и взялъ монастырскія имѣ-

нія въ казну. Этимъ онъ навлекъ на всю страну интердиктъ. Король тѣмъ не менѣе продолжалъ упорствовать; онъ смѣщалъ епископовъ и священниковъ, преслѣдовалъ ихъ родственниковъ и отдавалъ епархіи и приходы мірянамъ. Тогда папа отлучилъ отъ церкви короля, разрѣшилъ его подданныхъ отъ присяги на вѣрность и подарилъ корону Англіи Филиппу Августу, послѣдній сталъ готовиться къ войнѣ. Іоаннъ сначала обнаружилъ необыкновенную дѣятельность, но почва ускользала все болѣе изъ подъ ногъ его. Бароны и духовные, недовольные поборами для предстоящей войны, отказали королю слѣдовать заграницу; не помогли и строгія мѣры, какъ тюрьма, взятіе у вельможъ ихъ сыновей подъ залогъ, и Іоанну пришлось смириться. Въ 1213 году онъ принялъ предложенныя папскимъ легатомъ унизительныя условія, призналъ Лангтона, возвратилъ изгнанныхъ епископовъ; этого мало, онъ передалъ легату корону Англіи и Ирландіи и получилъ ихъ обратно въ качествѣ папскаго лена, съ обязательствомъ ежегодной дани въ 1000 марокъ стерлингъ. Проклятіе было снято и Филиппу Августу запрещенъ походъ. Такое униженіе короля и новый позоръ, который онъ понесъ въ слѣдующемъ году при Бувинѣ, не остались безъ послѣдствій на дѣла внутреннія, именно: Англія получила новое государственное устройство, что́ и составляетъ главное событіе царствованія Іоанна Безземельнаго.

Бароны, недовольные и прежними и новыми поборами и вымогательствами, рѣшились ограничить произволъ королевской власти. Къ нимъ примкнули многіе духовные, не смотря на приказаніе Иннокентія III, теперь сюзерена *іоаннова*, повиноваться королю; архіепископъ Стефанъ сталъ во главѣ движенія и, даже лишенный папою сана, не отступился отъ національнаго дѣла. Вельможи свѣтскіе и духовные взялись за оружіе и предъявили разныя требованія; въ лагерь къ нимъ явились уполномоченные отъ Лондона съ пред-

ложеніемъ стоять за общее дѣло; примѣру столицы послѣдовали другіе города, напр. Линкольнъ. Такъ соединились всѣ классы населенія противъ короля и король принужденъ былъ уступить. На лугу Runney-Mead (Реннимидъ), вблизи Виндзора, Іоаннъ подписалъ въ 1215 году грамоту, извѣстную подъ именемъ „великой хартіи“ (magna charta libertatum). Этою хартіею положено было начало конституціонному правленію и обезпечены были за сословіями права и вольности. Вотъ ея главныя положенія: духовенство пользуется правомъ свободнаго выбора епископовъ и другихъ своихъ чиновъ; дворянство ограждается отъ произвола короля точнымъ опредѣленіемъ ленныхъ отношеній и случаевъ, когда король можетъ требовать денежныхъ повинностей; горожане получаютъ право свободной торговли, съ отмѣною разныхъ стѣсненій, и защиту отъ произвольныхъ таможенныхъ поборовъ. Для сбора чрезвычайныхъ налоговъ требуется согласіе *сейма*, въ которомъ участвуютъ духовные и свѣтскіе вельможи. Вмѣстѣ съ тѣмъ хартія ограждала личную свободу каждаго; свободный англичанинъ могъ быть отнынѣ судимъ только присяжными одного званія съ нимъ и только такой судъ имѣлъ право приговорить къ тюрьмѣ, потерѣ имѣнія или изгнанію.

Въ правленіе сына Іоанна Безземельнаго, Генриха III, права пріобрѣтенныя *великою хартіею*, были упрочены и расширены. Генрихъ III (1216—1272) окружилъ себя людьми недостойными и раздавалъ лены и должности иностранцамъ; папскіе легаты, кромѣ условленной дани, выжимали изъ страны разные поборы; все это, вмѣстѣ съ нарушеніемъ королемъ хартіи, вызывало неудовольствіе. Нуждаясь постоянно въ деньгахъ и для своей расточительности и для доставленія родственникамъ иностранныхъ коронъ*), Генрихъ часто созывалъ на совѣщаніе вельможъ. Послѣдніе требо-

*) Братъ его Ричардъ былъ германскимъ императоромъ, а сыну Генрихъ хотѣлъ доставить наслѣдіе Гогенштауфеновъ Неаполь.

вали реформъ и стали вообще обсуждать государственныя дѣла. Въ одномъ изъ такихъ собраній въ Оксфордѣ, которому впервые присвоено было названіе „парламента,“ они настаивали на отмѣнѣ разныхъ злоупотребленій и предъявили новыя требованія (такъ называемыя *оксфордскія постановленія)* въ дополненіе къ великой хартіи. Король не согласился и послѣдовала междоусобная война. Предводитель возставшихъ дворянъ, Симонъ монфорскій и лейстерскій, взялъ короля въ плѣнъ и, ставъ во главѣ правленія, впервые пригласилъ въ парламентъ, кромѣ вельможъ и епископовъ, представителей свободныхъ землевладѣльцевъ *(низшее дворянство)* и большихъ городовъ. Хотя король, получившій свободу, и одержалъ верхъ надъ противниками, но предпочелъ отказаться отъ реакціи и подтвердилъ не только великую хартію, но и новыя права. *Парламентъ* или *собраніе государственныхъ чиновъ* сдѣлался съ тѣхъ поръ существеннымъ органомъ въ государственной жизни Англіи. Слѣдуетъ замѣтить, что города въ Англіи, какъ и во Франціи, получили разныя права и устроились общинами или коммунами.

Вышеизложенное показываетъ, что въ Англіи всѣ классы населенія соединились противъ сильной королевской власти и послѣдствіемъ этого было введеніе государственнаго строя, отличнаго отъ государственныхъ учрежденій континента. Сближеніе бароновъ съ горожанами имѣетъ еще другое важное значеніе: оно повело къ постепенному сліянію двухъ народностей, норманской (дворяне и частью духовные) и англосаксонской (горожане); онѣ послѣ долгой вражды сознали свою принадлежность къ одному цѣлому, одному народу. Сближеніе народностей повлекло за собою и скрещеніе языка французскаго (принесеннаго Норманнами) съ туземнымъ германскимъ нарѣчіемъ. Такимъ образомъ стали формироваться и англійскій народъ и англійскій языкъ.

IV. Крестовые походы. Имперіи византійская и латинская. Асѣни въ Болгаріи.

Одновременно съ событіями, съ которыми мы познакомились въ эпоху преобладанія церкви, происходили крестовые походы подъ главнымъ руководствомъ той же церкви. Къ крестовымъ походамъ мы и переходимъ теперь, предпославъ предварительно очеркъ могаммеданскаго міра.

§ 74. **Очеркъ мусульманскихъ государствъ въ Азіи предъ началомъ крестовыхъ походовъ.** Въ Азіи, послѣ распаденія халифата, происходятъ частыя перемѣны, падаютъ одни государства, возникаютъ другія. Самымъ сильнымъ государствомъ на развалинахъ халифата было, какъ мы знаемъ, газнавидское, которое при султанѣ Махмудѣ обнимало древнеперсидскія восточныя области и Индію до Ганга. Въ Сиріи въ X вѣкѣ господствовали не безъ славы Гамаданиды, пока власть ихъ не была потрясена сначала Цимисхіемъ, а потомъ египетскими Фатимидами. Багдадскіе же халифы были игралищемъ въ рукахъ эмиръ-аль-омры, какою должностью завладѣла около половины X вѣка фамилія Буидовъ. Чрезъ сто лѣтъ Буиды были свергнуты султанами сельджукскихъ Турокъ, которые вскорѣ сдѣлались владѣтелями всей средней и передней Азіи. Сельджуки принадлежали къ турецкой (тюркской) семьѣ кавказской расы и въ X вѣкѣ кочевали въ киргизскихъ степяхъ; подъ предводительствомъ Сельджука, отъ котораго они получили имя, Турки переселились въ Бухару и приняли исламъ. Покоренные Махмудомъ газнавидскимъ, они, послѣ его смерти, утвердились въ Хорасанѣ и отсюда распространили свои владѣнія далеко во всѣ стороны. Внукъ Сельджука, Тогрульбегъ, приглашенный багдадскимъ халифомъ, свергъ владычество Буидовъ и самъ получилъ титулъ эмиръ-аль-омры (1058 г.). Продолжая распространять свои владѣнія въ средней Азіи (Туркестанъ, Ховарезмъ), Тогрульбегъ

и его племянникъ Альпъ-Арсланъ подчинили себѣ и духовной власти халифа Месопотамію, Сирію и Палестину (принадлежавшія тогда Фатимидамъ). Ко времени этихъ двухъ султановъ относится и завоеваніе значительной части Малой Азіи. При сынѣ Арслана, Малекъ-Шахѣ, государство сельджукскихъ Турокъ достигло найбольшаго могущества, но, съ его смертью (1092), оно распалось, такъ какъ онъ еще при жизни подѣлилъ его между родственниками. Сильнѣе другихъ сельджукскихъ государствъ сдѣлалось теперь султанство иконійское въ Малой Азіи; въ Месопотаміи и Сиріи образовались мелкія владѣнія, каковы Алеппо, Дамаскъ, Іерусалимъ.

§ 75. **Причины крестовыхъ походовъ.** Въ концѣ XI столѣтія западно-европейскими народами овладѣло сильное движеніе, конечною цѣлью котораго было освобожденіе изъ рукъ мусульманъ священныхъ мѣстъ вообще и гроба Господня въ частности. Сначала предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ; сохранить пріобрѣтенное, а потомъ вновь завоевать мѣста, доставшіяся опять мусульманамъ, побуждало всѣ классы населенія разныхъ національностей предпринимать новые и новые походы на отдаленный востокъ въ теченіе XII и XIII ст. Эта двухсотлѣтняя борьба христіанскаго запада съ могаммеданскимъ востокомъ извѣстна въ исторіи подъ именемъ *крестовыхъ походовъ*, потому что предпріятія совершались подъ знаменемъ церкви, знаменемъ креста. Но религіозныя побужденія, руководившія исключительно многими на первыхъ порахъ и направлявшія отдѣльныхъ лицъ и впослѣдствіи, не были единственною причиною, двигавшею народныя массы въ невѣдомыя, отдаленныя страны. Лишенія и неудачи, неразрывно связанныя съ далекими походами и постоянными битвами, гибель многихъ крестоносцевъ, не достигавшихъ завѣтной цѣли—помолиться у гроба Господня,—эти и подобныя имъ обстоятельства охлаждали мало по малу религіоз-

ный порывъ и люди, принимавшіе крестъ, стали руководиться иными, чисто мірскими интересами. Въ этихъ то интересахъ, вытекавшихъ изъ современнаго общественнаго строя, и коренятся другія причины крестовыхъ походовъ. Вассалы и рыцари искали на востокѣ военной славы и новыхъ владѣній; приморскіе города заинтересованы были въ тѣхъ выгодахъ, которыя они извлекали отъ перевозки крестоносцевъ на своихъ корабляхъ и отъ обмѣна произведеній востока и запада; жители другихъ городовъ и крестьяне расчитывали на новыхъ мѣстахъ избавиться отъ экономическаго и юридическаго гнета, который они претерпѣвали дома. Къ сказанному слѣдуетъ еще присоединить тѣ льготы, которыя давала церковь крестоносцамъ, напр. отсрочка уплаты долговъ, отпущеніе грѣховъ, освобожденіе отъ церковной эпитеміи.

Эпоха крестовыхъ походовъ была временемъ полнаго развитія всѣхъ главныхъ сторонъ средневѣковой жизни. Съ одной стороны церковная іерархія съ папствомъ, которое располагало цѣлою арміею монаховъ, нищенствующихъ и воинствующихъ; съ другой рыцарство съ его подвигами, приключеніями, турнирами, съ его служеніемъ церкви и прекрасному полу. Рядомъ съ этими явленіями борьба горожанъ за права и образованіе городскихъ общинъ и республикъ. Науки и искусства не могли не отозваться на современныя явленія; схоластика является къ услугамъ папъ и церкви, рыцари-трубадуры не только воюютъ, но и поютъ про подвиги свои на поляхъ брани и про любовь. Архитектура воздвигаетъ храмы, которые своими размѣрами выражаютъ могущество церкви, она же создаетъ зданія, достойныя быть жилищами рыцарей или мѣстомъ собранія городскихъ представителей.

Главныхъ крестовыхъ походовъ было семь; другіе имѣютъ въ общемъ ходѣ событій меньшее значеніе.

§ 76. **Начало и первый крестовый походъ.** Ближайшимъ поводомъ къ первому крестовому походу были притѣс-

ненія, которымъ стали подвергаться пилигримы въ Палестинѣ. До утвержденія въ Сиріи и Палестинѣ Сельджуковъ, хотя пилигримы и испытывали разныя невзгоды, но вообще доступъ къ святымъ мѣстамъ за плату не былъ воспрещенъ. Но со 2-й половины XI ст. мусульманскій фанатизмъ Турокъ принялъ такіе угрожающіе размѣры, что вопль о насиліяхъ раздался по всей Европѣ: грабежи, убійства, поруганія святыхъ мѣстъ и пр. сдѣлались повседневными явленіями. Положить конецъ этому и вырвать святыя мѣста изъ рукъ невѣрныхъ —эти желанія овладѣли сердцами и умами людей, когда въ лицѣ Петра аміенскаго или Пустынника явился истолкователь ихъ (т. е. желаній), По порученію папы Урбана II Петръ, только что возвратившійся съ богомолья къ гробу Господню, объѣхалъ Францію, Италію и прирейнскія земли, всюду проповѣдуя священную войну. Вслѣдъ за тѣмъ папа созвалъ соборъ въ Клермонѣ (южная Франція, 1095 г., см. § 45) и здѣсь при общемъ возгласѣ духовныхъ, рыцарей и простолюдиновъ: „Богъ такъ хочетъ“ рѣшена была война съ невѣрными. Всѣ, изъявившіе желаніе идти на брань, прикалывали къ правому плечу кресть изъ красной матеріи— отсюда и названіе крестоносцевъ. Обстоятельства благопріятствовали задуманному предпріятію: греческій императоръ Алексѣй Комненъ просилъ помощи противъ Сельджуковъ и обѣщалъ содѣйствіе, мусульманскій міръ послѣ смерти Малекъ-Шаха раздробился. Рыцари и вассалы, принявшіе крестъ, рѣшили выступить лѣтомъ 1096 г., но простой людъ не хотѣлъ такъ долго ждать. Десятки тысячъ всякаго сброда, предводимые Петромъ аміенскимъ и однимъ бѣднымъ рыцаремъ (Вальтеромъ Неимущимъ), пошли чрезъ Германію, Венгрію и Болгарію, безъ съѣстныхъ припасовъ, безъ знанія пути. Ихъ чуть не враждебно встрѣчали, когда они молили о пропитаніи; когда они достигли Константинополя, Алексѣй поторопился переправить ихъ въ Малую Азію, гдѣ,

за немногими исключеніями, бо́льшая часть крестоносцевъ погибла отъ меча и голода. Не лучше была участь и другихъ подобныхъ шаекъ; нѣкоторыя изъ нихъ предались избіенію Евреевъ, послѣднихъ тогда погибло очень много въ прирейнскихъ городахъ. Христіане мстили имъ не только какъ врагамъ Христа, но и за то, что они въ качествѣ торгашей и ростовщиковъ эксплоатировали народъ.

Въ исходѣ лѣта 1096 г. выступили стройныя ополченія, предводимыя сильными вассалами, въ числѣ 100 тысячъ всадниковъ и 300 тыс. пѣхотинцевъ; къ нимъ примкнуло до 200 тыс. богомольцевъ обоего пола. Крестоносцы двинулись тремя путями: одинъ отрядъ изъ фландрцевъ, лотарингцевъ и прирейнцевъ пошелъ черезъ Германію и Венгрію подъ главнымъ предводительствомъ Готфрида буйльонскаго, герцога лотарингскаго, и его двухъ братьевъ; второй изъ Французовъ и Норманновъ (изъ герцогства и южной Италіи) отправился моремъ подъ начальствомъ Гуго Вермандоа (брата французскаго короля Филиппа I), Роберта, герцога нормандскаго, и Боэмунда тарентскаго (сына Роберта Гюискара); послѣдняго сопровождалъ его храбрый племянникъ Танкредъ; третій отрядъ, главнымъ образомъ изъ южной Франціи, пустился вдоль побережья Адріатики подъ начальствомъ Раймунда, графа тулузскаго. Сборнымъ пунктомъ назначенъ былъ Константинополь. Алексѣй Комненъ недовѣрчиво встрѣтилъ крестоносцевъ, онъ боялся, чтобы они не обратили оружія противъ имперіи; дѣйствительно, слабость Византіи соблазняла нѣкоторыхъ князей, доходило даже до столкновенія крестоносцевъ съ Греками; но въ концѣ концовъ дѣло было улажено и вожди успокоили императора тѣмъ, что дали ему ленную присягу на тѣ земли, которыя будутъ завоеваны. Послѣ переправы въ Малую Азію крестоносцы взяли Никею и отдали городъ Грекамъ. Походъ черезъ владѣнія иконійскаго султана (Килиджъ Арслана) былъ сопряженъ съ большими

лишеніями, не смотря на побѣду, одержанную Готфридомъ; голодъ и мечъ поубавили ряды крестоносцевъ, многіе бросали общее дѣло и возвращались въ Европу; къ этому присоединились еще раздоры и преслѣдованія личныхъ цѣлей, напр. братъ Готфрида, Балдуинъ, отдѣлился отъ другихъ и съ горстью рыцарей, звхвативъ городъ Эдессу на Евфратѣ, основалъ здѣсь независимое графство. Между тѣмъ главныя силы крестоносцевъ придвинулись къ Антіохіи на р. Оронтѣ; эмиръ этого города успѣлъ его сильно укрѣпить и снабдить продовольствіемъ. Осада затянулась на много мѣсяцевъ и вылазки осажденныхъ причиняли христіанскому воинству большую убыль. Только когда *генуэзцы* доставили на своихъ корабляхъ свѣжія силы и съѣстные припасы, городъ, начавшій терпѣть отъ голода, сдался; при этомъ хитрый Боэмуидъ ловкими переговорами склонилъ другихъ вождей отдать ему Антіохію въ наслѣдственное владѣніе. Страшна была месть христіанъ, которые предались грабежамъ и убійствамъ; но цитадель была еще въ рукахъ мусульманъ, когда къ Антіохіи подступилъ мосульскій эмиръ Кербога и окружилъ городъ. Крестоносцами овладѣло отчаяніе и многіе, спускаясь по веревкамъ, убѣгали въ лѣса или переходили къ непріятелю. Только религіозное воодушевленіе и безпечность эмира спасли осажденныхъ; подъ знаменемъ „священнаго копья“ они сдѣлали вылазку и разбили мусульманъ; Кербога отступилъ и весь его богатый лагерь достался побѣдителямъ. Скоро пала и цитадель и Боэмуидъ, расширивъ свои владѣнія, основалъ княжество антіохійское. Сильно порѣдѣвшее крестоносное ополченіе, подъ предводительствомъ Готфрида буйльонскаго, пошло вдоль морскаго берега къ главной цѣли похода— Іерусалиму, который незадолго предъ тѣмъ завоеванъ былъ Фатимидами. Египетскій халифъ, желавшій утвердиться въ Сиріи, предлагалъ христіанамъ сдѣлку, но Готфридъ не принялъ ее и подступилъ къ Іерусалиму. Тѣ же бѣдствія, что

и подъ Антіохіею, еще усложненныя страшною жарою, испытывали крестоносцы; но опять религіозное воодушевленіе доставило имъ торжество. Послѣ 30 дневной осады и двухдневнаго штурма Іерусалимъ палъ 15 іюля 1099 г. Месть заглушила на первыхъ порахъ другія чувства: по ступенямъ мечети Омара струилась кровь мусульманъ, а Евреи сожжены были въ синагогѣ. Когда порядокъ былъ возстановленъ, приступили къ избранію правителя; выборъ палъ на Готфрида, который болѣе всѣхъ способствовалъ успѣху и пріобрѣлъ общее уваженіе какъ рыцарскими доблестями, такъ и христіанскимъ смиреніемъ. Готфридъ не захотѣлъ носить королевской короны тамъ, гдѣ Спаситель міра носилъ терновый вѣнецъ, и принялъ титулъ „защитника гроба Господня“. Война съ Египтомъ продолжалась; въ славной битвѣ при Аскалонѣ Готфридъ оказалъ новую услугу христіанамъ, но въ слѣдующемъ году (1100) его уже не стало; ему наслѣдовалъ, съ титуломъ короля, Балдуинъ эдесскій, передавшій свое графство племяннику, тоже Балдуину.

§ 77. **Іерусалимское королевство и духовно-рыцарскіе ордена.** Изъ Іерусалима и другихъ городовъ и земель, отнятыхъ у мусульманъ, образовано было іерусалимское королевство. Положеніе новаго государства на первыхъ порахъ было очень затруднительно. Окруженное врагами, оно страдало отъ раздоровъ и страсти къ приключеніямъ рыцарей, отъ ненависти сирійскихъ христіанъ къ пришельцамъ (потомки послѣднихъ назывались *пулланами*), отъ натянутыхъ отношеній къ греческому императору. Только благодаря безпрерывнымъ войнамъ между мусульманскими эмирами,—войнамъ, въ которыя нерѣдко вмѣшивались христіане, —іерусалимское королевство держалось и даже расширяло свои владѣнія. Такъ при Балдуинѣ I (1100—1118) завоеваны были приморскіе города: Цезарея, Акра или Птолемаида, Триполи, Беритъ. Слѣдующій король Балдуинъ II (эдесскій 1118—1131,

Эдессу онъ передалъ родственнику) присоединилъ, при помощи *венеціанъ*, богатый Тиръ и все побережье до Аскалона; такимъ образомъ іерусалимское государство обнимало теперь длинную береговую полосу древней Финикіи и Палестины. Оно устроилось по образцу западно-европейскихъ феодальныхъ государствъ: во главѣ стоялъ король, окруженный леннымъ дворянствомъ; князь антіохійскій, графы эдесскій и триполискій были почти самостоятельными державцами. Духовенство, съ патріархомъ во главѣ, занимало независимое положеніе, а приморскіе города имѣли общинное устройство съ самоуправленіемъ и собственнымъ судомъ.

Главною опорою іерусалимскаго королевства были духовно-рыцарскіе ордена. Эти ордена представляютъ своеобразное явленіе средневѣковой жизни—рыцарство и монашество подали другъ другу руки для совмѣстнаго дѣла; духовные рыцари соединяли съ монашескими обѣтами (цѣломудріемъ, бѣдностью, послушаніемъ) обѣтъ защищать пилигримовъ и бороться съ невѣрными. Каждая изъ трехъ національностей, участвовавшихъ главнымъ образомъ въ крестовыхъ походахъ, имѣла свой орденъ: Италіанцы—орденъ *іоаннитовъ*, Французы—*тампліеровъ* или *храмовниковъ*, Нѣмцы—*тевтонскій* или *нѣмецкій*. Первые два образовались вскорѣ послѣ 1-го крестоваго похода, послѣдній во время третьяго. Члены орденовъ дѣлились на служащихъ братьевъ, ухаживавшихъ за больными, священниковъ, исполнявшихъ церковныя требы, и рыцарей, сражавшихся съ могаммеданами. Папы надѣлили ордена большими привилегіями, а приношенія доставили имъ значительныя матеріальныя средства. Каждому ордену присвоена была особая одежда—плащъ одного цвѣта съ нашитымъ крестомъ другаго цвѣта. Какъ въ чисто монашескіе, такъ и въ духовно-рыцарскіе ордена со временемъ проникла порча; но на первыхъ порахъ монашествующіе рыцари сослужили не малую службу христіанскимъ владѣніямъ на востокѣ.

§ 78. **Второй крестовый походъ и Саладинъ.** Іерусалимское королевство подвергалось большой опасности со стороны Фатимидовъ египетскихъ и разныхъ сельджукскихъ князей; его положеніе ухудшилось, когда мосульскій эмиръ Нуреддинъ соединилъ подъ своею властью значительную часть Сиріи и Месопотаміи. Наступательныя движенія эмира на владѣнія христіанъ завершились взятіемъ Эдессы. Событіе это послужило поводомъ къ второму крестовому походу. Папа Евгеній III поручилъ проповѣдь знаменитому св. Бернарду, аббату бургундскаго монастыря Клерво. Французскій король Людовикъ VII и многіе рыцари приняли крестъ изъ рукъ аббата, ему же удалось убѣдить и германскаго императора Конрада III. Оба государя отправились порознь; въ Малой Азіи бо́льшая часть крестоносцевъ погибла отъ голода и турецкаго оружія. Въ Палестинѣ они не встрѣтили сочувствія, только іоанниты и тамплiеры примкнули къ нимъ; пулланы, успѣвшіе завязать сношенія съ Греками и мусульманами, предпочитали жить въ мирѣ съ сосѣдями, Королева Мелезинда, управлявшая іерусалимскимъ королевствомъ за малолѣтствомъ сына Балдунна III, предложила государямъ крестоносцамъ завоевать Дамаскъ, единственный большой городъ Сиріи еще не принадлежавшій Нуреддину. Предложеніе было принято, но дѣло не выгорѣло; Конрадъ и Людовикъ возвратились въ Европу. Такъ неудачно кончился второй крестовый походъ, длившійся около двухъ лѣтъ (1147 — 1149). Хотя нѣсколько лѣтъ спустя, Балдуинъ III отнялъ у Фатимидовъ Аскалонъ, но, съ другой стороны, Нуреддинъ овладѣлъ Дамаскомъ и еще болѣе придвинулъ свои владѣнія къ предѣламъ іерусалимскаго королевства.

Черезъ 20—30 лѣтъ послѣ втораго крестоваго похода въ мусульманскомъ мірѣ совершились важныя перемѣны. Въ нильской странѣ халифы были, подобно халифамъ багдадскимъ, государями по имени, вся власть сосредоточивалась въ ру-

кахъ начальника войска, который назывался *султаномъ*. Воспользовавшись усобицами между двумя соискателями султанскаго достоинства, Нуреддинъ послалъ своихъ полководцевъ, которые и покорили весь Египетъ (1169 г.). Одинъ изъ этихъ полководцевъ Саладинъ, сынъ Эйюба изъ курдскаго племени, свергнулъ халифа и, въ качествѣ намѣстника *нуреддинова*, сталъ управлять страною. Когда же Нуреддинъ умеръ, то Саладинъ, устранивъ его наслѣдниковъ, соединилъ подъ своею властью Египетъ, Сирію и Месопотамію и провозгласилъ себя султаномъ. Такъ образовалась сильная держава, подчиненная государю, который съ умомъ и храбростью соединялъ правосудіе и, до извѣстной степени, вѣротерпимость къ христіанамъ (шіитовъ въ Египтѣ онъ преслѣдовалъ). Чтобы загладить свое узурпаторство, Саладинъ хотѣлъ уничтожить владычество христіанъ въ Азіи. Въ началѣ христіанамъ улыбнулось счастье, они одержали побѣду при Рамлѣ, но затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ неудачъ и заключенъ былъ миръ. Миръ однако продолжался не долго; его нарушили сами христіане тѣмъ, что ограбили караванъ, въ которомъ ѣхала мать султана на поклоненіе въ Мекку. Главная битва произошла при Хиттимѣ у *тиверіадскаго* озера въ 1187 г. Соединенныя силы всѣхъ христіанскихъ князей и духовныхъ рыцарей потерпѣли страшное пораженіе: одни легли на полѣ битвы, другіе — въ числѣ ихъ тогдашній король іерусалимскій Гвидо лузиньянскій—попались въ плѣнъ. Въ торжественномъ шествіи Саладинъ завладѣлъ многими городами, послѣ чего и Іерусалимъ сдался. Церкви превращены были въ мечети, но съ жителями побѣдитель поступилъ милостиво; онъ позволилъ имъ за плату переселиться въ города, еще остававшіеся въ рукахъ христіанъ: Тиръ, Триполи, Антіохію; Саладинъ приказалъ даже своимъ воинамъ сопровождать уходящихъ и имущество ихъ освободилъ отъ выкупа.

§ 79. **Третій крестовый походъ.** Вѣсть о паденіи Іеру-

салима произвела потрясающее впечатлѣніе въ западной Европѣ, но религіознаго воодушевленія, какъ въ концѣ предъидущаго вѣка, мы не видимъ болѣе. Желающихъ, чтобы Іерусалимомъ опять овладѣли христіане, было не мало, но у большинства преобладали побужденія чисто мірскія: кто думалъ загладить позоръ пораженія, кто сохранить или возвратить владѣнія на востокѣ; города италіанскіе и южнофранцузскіе заинтересованы были въ продолженіи торговыхъ сношеній. Голосъ церкви не звучалъ такъ грозно какъ прежде, предпріятіе задумали современные государи; въ третьемъ крестовомъ походѣ (1189—1192) приняли участіе: Фридрихъ I Барбаросса, Филиппъ II Августъ и Ричардъ Львиное Сердце. Первымъ отправился въ путь германскій императоръ (сопровождавшій уже Конрада III въ его походѣ). Походъ Фридриха считается образцомъ военной дисциплины и дипломатическаго искусства того времени; престарѣлый императоръ старался обезпечить успѣхъ предпріятію договорами съ государями Венгріи, Византіи и Иконіума; для поддержанія порядка въ войскѣ онъ не допустилъ къ участію людей безъ всякихъ денежныхъ средствъ а также женщинъ. И при всемъ томъ походъ не увѣнчался успѣхомъ. Сыновья султана иконійскаго вступили въ союзъ съ Саладиномъ; поразивъ ихъ въ жаркой битвѣ, Фридрихъ дошелъ уже до границъ Сиріи, но въ Киликіи онъ нашелъ смерть въ волнахъ небольшой рѣки (Селефъ), когда пустился черезъ нее вплавь. Крестоносное ополченіе разстроилось, многіе вернулись въ Европу, остальныхъ привелъ младшій сынъ Фридриха, тоже Фридрихъ, къ городу Акрѣ; Акру же осаждалъ выпущенный изъ плѣна Гвидо Лузиньянъ. Къ этому городу, завоеваніемъ котораго Гвидо думалъ начать возвращеніе потеряннаго королевства, пришли и главныя силы французскія и англійскія подъ предводительствомъ своихъ королей. Враждовавшіе другъ съ другомъ Филиппъ Августъ и Ричардъ Львиное Сердце, хотя и

помирились передъ выступленіемъ въ походъ, но дорогой опять поссорились. Послѣ пребыванія въ Сициліи, гдѣ не обошлось безъ столкновенія съ островитянами, короли пошли дальше порознь и, когда Филиппъ былъ уже подъ Акрою, Ричардъ занялся завоеваніемъ Кипра, въ которомъ одинъ изъ Комненовъ основалъ независимое владѣніе (Кипромъ Ричардъ завладѣлъ а *комнена* заковалъ въ серебряныя цѣпи). Вскорѣ послѣ прибытія англійскаго короля къ Птолемандѣ (Акрѣ), около которой почти два года происходили безпрерывныя битвы, городъ сдался крестоносцамъ. Но при дѣлежѣ добычи Ричардъ своимъ высокомѣріемъ оскорбилъ Французовъ и Нѣмцевъ. Послѣдовалъ новый разладъ и Филиппъ Августъ возвратился въ Европу. Ричардъ оставался въ Палестинѣ еще болѣе года и въ частыхъ битвахъ съ мусульманами прославился рыцарскими подвигами и мужествомъ, но и запятналъ себя жестокостью: такъ, не получивши въ назначенный срокъ условленнаго выкупа за плѣнныхъ, онъ приказалъ болѣе двухъ тысячъ Сарацинъ казнить въ одинъ день. Война между Ричардомъ и Саладиномъ походитъ на кровавый турниръ, ознаменованный рыцарскими доблестями обоихъ соперниковъ. Ричардъ овладѣлъ городами Іоппе и Аскалономъ, но двукратный походъ къ Іерусалиму ничѣмъ не кончился. Утомленные продолжительною войною и удрученные болѣзнями, оба государя заключили договоръ, по которому христіане получили доступъ къ святымъ мѣстамъ и удержали въ своихъ рукахъ береговую полосу отъ Тира до Іоппе. Гвидо лузиньянскій отказался отъ титула короля іерусалимскаго и получилъ отъ Ричарда въ наслѣдственное владѣніе островъ Кипръ. (Корону несуществующаго іерусалимскаго государства продолжали носить другіе).

На обратномъ пути Ричардъ потерпѣлъ кораблекрушеніе и, пробираясь чрезъ Германію на родину, попалъ въ плѣнъ къ оскорбленному имъ въ Палестинѣ герцогу австрійскому

Леопольду; тотъ передалъ его своему сюзерену, императору Генриху VI, а послѣдній держалъ его въ заключеніи болѣе года, пока Англичане не выкупили своего короля. Въ то время, какъ Ричардъ томился плѣнникомъ, умеръ Саладинъ. Государство его распалось и начались междоусобія, что́ было на руку сирійско-христіанскимъ владѣніямъ.

§ 80. **Четвертый крестовый походъ** (1202—1204). Печальный исходъ третьяго крестоваго похода не мало способствовалъ охлажденію религіознаго рвенія. Но прошло нѣсколько лѣтъ и папскій престолъ занялъ Иннокентій III. Знаменитый папа, доведшій власть свою до небывалой высоты и проповѣдывавшій крестовые походы на еретиковъ и язычниковъ въ Европѣ, не могъ оставить безъ вниманія востока. Онъ всюду разсылалъ проповѣдниковъ креста, увѣщевалъ, грозилъ и на его призывъ откликнулись нѣкоторые французскіе и италіанскіе вельможи съ своими вассалами, а также фландрскіе горожане. Первое мѣсто между участниками 4-го крестоваго похода занимали Балдуинъ графъ фландрскій и Бонифацій графъ монферратскій. Венеціане предложили къ услугамъ крестоносцевъ свои корабли, выговоривъ значительную плату за переѣздъ. Когда собравшіеся въ Венеціи крестоносцы не могли сразу уплатить условленнаго вознагражденія, то дожъ (правитель Венеціи) Дандоло пригласилъ ихъ, взамѣнъ недостающихъ денегъ, завоевать для республики городъ Зару на далматинскомъ берегу (Зара отложилась отъ Венеціи и передалась венгерскому королю). Предложеніе было принято, но вслѣдъ за тѣмъ предсталъ новый соблазнъ, который отвлекъ снова крестоносцевъ отъ задуманнаго въ началѣ предпріятія. Въ лагерь подъ Зарою (которою крестоносцы завладѣли) явился греческій царевичъ Алексѣй Ангелъ съ просьбою о помощи противъ дяди, тоже Алексѣя, который свергъ съ престола брата Исаака, ослѣпилъ его и заточилъ. За возстановленіе правъ отца и сво-

ихъ Алексѣй обѣщалъ щедрое пособіе для завоеванія Іерусалима. И вотъ вмѣсто похода въ Египетъ, какъ предполагалось, крестоносцы, съ столѣтнимъ старцемъ Дандоло, двинулись къ Константинополю и осадили его. Похититель престола сначала сопротивлялся, но потомъ, бросивъ войско, бѣжалъ; народъ освободилъ Исаака и провозгласилъ его и сына императорами, а крестоносцы, въ качествѣ союзниковъ, заняли предмѣстье столицы. Но согласіе продолжалось не долго; высокомѣріе *франковъ* или *латиновъ* (такъ называли Греки западныхъ христіанъ) и вымогательство Алексѣемъ церковныхъ сокровищъ для уплаты союзникамъ повели къ народному неудовольствію. Въ столицѣ вспыхнулъ мятежъ, во время котораго погибли оба Ангела, а народъ провозгласилъ новаго императора. Крестоносцы воспользовались этимъ и взяли приступомъ Константинополь въ 1204; при этомъ часть города погибла въ пламени и *франки* запятнали себя страшнымъ грабежемъ—забирали церковныя сокровища и произведенія искусствъ. Послѣ паденія Константинополя, вожди-крестоносцы приступили къ дѣлежу греческой имперіи. Съ согласія другихъ, бо́льшую часть государства съ столицею получилъ Балдуинъ фландрскій и, подъ именемъ Балдуина I, назвался латинскимъ императоромъ; новый патріархъ константинопольскій отправился за палліумомъ въ Римъ и Иннокентій, прежде проклявшій крестоносцевъ (за уклоненіе отъ главной цѣли похода), примирился съ совершившимся событіемъ въ надеждѣ на подчиненіе греческой церкви. Перу, предмѣстье Константинополя, многіе острова и выгодныя гавани захватили *венеціане*. Другіе участники похода основали независимыя владѣнія въ качествѣ вассаловъ латинскаго императора, напр. Бонифацій монферратскій пріобрѣлъ Македонію и часть Греціи съ титуломъ ѳессалоникскаго короля, Виллегардуенъ, историкъ похода, сдѣлался герцогомъ ахайскимъ; точно также образовались княжества въ Аѳинахъ,

Ѳивахъ и пр. Рядомъ съ этими латинскими владѣніями возникли новыя государства въ тѣхъ частяхъ византійской имперіи, которыя отстояли свою независимость; здѣсь искали убѣжища Греки, не хотѣвшіе сносить подчиненія римской куріи. Таковы были государства: въ Азіи никейское и трапезундское, въ Европѣ эпирское (Эпиръ, Албанія). Въ этихъ государствахъ утвердились родственники фамиліи Комненовъ. Сильнѣе другихъ было никейское, основанное Ѳеодоромъ Ласкарисомъ, котораго Греки провозгласили императоромъ.

§ 81. **Имперіи византійская и латинская въ эпоху крестовыхъ походовъ, Асѣни въ Болгаріи.** Въ царствованіе Алексѣя Комнена (1081—1108) и его преемниковъ Іоанна и Мануила († 1180) византійская имперія, благодаря крестовымъ походамъ, завязала самыя разнообразныя сношенія съ западомъ и востокомъ. Расчетливые, подъ часъ вѣроломные политики, Комнены съумѣли извлечь выгоды изъ столкновенія христіанъ съ мусульманами, такъ они возвратили имперіи многія земли въ Малой Азіи. Правда, съ другой стороны, государство истощало свои силы въ войнахъ съ Венграми и Норманнами; извѣстный Боэмундъ антіохійскій посягалъ неоднократно на владѣнія имперіи вдоль *адріатическаго* моря. Кромѣ того Византія страдала отъ набѣговъ Печенѣговъ и Половцевъ (Кумановъ), а Болгары и Сербы возставали и боролись за свободу. Послѣ Мануила престоломъ завладѣлъ его родственникъ Андроникъ, который извѣстенъ жизнью, исполненною многихъ приключеній. Онъ устранилъ законнаго наслѣдника престола, но не съумѣлъ пріобрѣсти любви народной. Дальній родственникъ Комненовъ, Исаакъ изъ дома Ангеловъ посредствомъ мятежа отнялъ у него власть, и Андроникъ погибъ насильственною смертью (1185). Это тотъ самый Исаакъ, ослѣпленіе и сверженіе котораго братомъ Алексѣемъ повлекло за собою взятіе Константинополя крестоносцами и основаніе латинской имперіи.

Латинская имперія оказалась созданіемъ не прочнымъ. Возстанія Грековъ, чуждыхъ побѣдителямъ и по языку и по религіи, войны съ имперіею никейскою и княжествомъ эпирскимъ, борьба Болгаръ за независимость,—все это тревожило государство; напрасно преемники Балдуина I взывали о помощи къ западной Европѣ; не получая ея, они съ трудомъ удерживались на шаткомъ престолѣ. Между тѣмъ имперія никейская, благодаря умнымъ правителямъ и національной поддержкѣ, росла и крѣпла. Отсюда и вышло возстановленіе византійской имперіи. Именно Михаилъ изъ фамиліи Палеологовъ, захватившій насиліемъ никейскій престолъ, овладѣлъ Константинополемъ въ 1261 г. при содѣйствіи *генуэзцевъ*, Латинскій императоръ Балдуинъ II бѣжалъ, а многія латинскія княжества быстро погибли одно за другимъ. Церковная связь съ Римомъ, и прежде слабая, совсѣмъ порвалась. Духовенство (патріархъ Арсеній) и народъ не допускали подчиненія папѣ.

Смутами въ Византіи, послѣ гибели Комненовъ, воспользовались Болгары и завоевали себѣ независимость. И прежде дѣлались попытки свергнуть владычество греческое, но онѣ кончались неудачно. Теперь дѣло пошло иначе, когда во главѣ народнаго движенія стали два брата, Петръ и Асѣнь, которые вели свое происхожденіе отъ прежнихъ болгарскихъ царей. При помощи наемныхъ Половцевъ и при поддержкѣ сербскаго великаго жупана Стефана Нѣмани, братья 10 лѣтъ (съ 1186 года) вели упорную борьбу, пока не погибли отъ рукъ убійцъ. Начатое ими довершилъ третій братъ Калоянъ (1196—1207). Онъ освободилъ Болгарію и не только отстоялъ независимость своего государства, но и расширилъ его на счетъ латинской имперіи; въ войнѣ съ Калояномъ погибъ и Балдуинъ I. Калоянъ нашелъ себѣ союзника въ папѣ Иннокентіѣ III, который прислалъ ему королевскую корону и призналъ самостоятельность болгарской церкви. Но о

подчиненіи этой церкви Риму не могло быть рѣчи—народъ и духовенство свято чтили славяно-греческій обрядъ. Наибольшаго могущества достигло новое болгарское царство въ правленіе Іоанна Асѣня II (1218—1241), который, въ союзѣ съ никейскимъ императоромъ, сильно тѣснилъ латинскую имперію. Столицею его государства былъ родовой замокъ Асѣней Терновъ на р. Янтрѣ. Но со смертью Асѣня II въ Болгаріи начались смуты, которыя привели опять государство къ упадку, оно раздробилось на нѣсколько частей.

§ 82. **Пятый крестовый походъ Фридриха II. Монголы въ Азіи.** Четвертый походъ не принесъ никакой пользы христіанскимъ государствамъ въ Сиріи, а между тѣмъ опасный сосѣдъ сдѣлался опять грознымъ—распавшееся царство Эйюбидовъ сплотилось снова въ однѣхъ рукахъ. Напрасно Иннокентій III и его преемники взывали къ вѣрующимъ, отдѣльныя толпы, отправлявшіяся на востокъ, не могли помочь дѣлу. Къ числу такихъ безплодныхъ предпріятій, не говоря уже о безразсудномъ „походѣ дѣтей“, относится походъ венгерскаго короля Андрея II въ союзѣ съ нѣсколькими князьями (баварскимъ, голландскимъ)—съ береговъ Іордана онъ вернулся назадъ. Болѣе успѣха въ началѣ, но также плачевный исходъ, имѣлъ походъ короля іерусалимскаго Іоанна бріенскаго, который отправился съ крестоносцами изъ разныхъ странъ и съ духовными рыцарями въ Египетъ. Христіанамъ удалось послѣ большихъ усилій взять Даміетту, но дальнѣйшій походъ къ Каиру представилъ такія опасности, что крестоносцы должны были удалиться изъ нильской страны на условіяхъ, предложенныхъ султаномъ Аль Камилемъ (или Камелемъ 1217).

Послѣ столькихъ неудачъ снарядился въ походъ императоръ Фридрихъ II и возвратилъ безъ кровопролитія Іерусалимъ (пятый крестовый походъ 1228—1229). Султанъ еги-

петскій Камель, отчасти благодаря уваженію, которое онъ питалъ къ *гогенштауфену*—покровителю Сарацинъ, уступилъ по договору христіанамъ Виѳлеемъ, Назаретъ и Іерусалимъ (за исключеніемъ *омаровой* мечети). Походъ Фридриха II, кромѣ мирнаго характера и добытыхъ результатовъ, замѣчателенъ еще тѣмъ, что папа на каждомъ шагу противодѣйствовалъ императору. Григорій IX, поразившій Фридриха проклятіемъ, не только не снялъ его, когда тотъ отправился въ походъ, но запретилъ духовнымъ рыцарямъ и всѣмъ христіанамъ помогать отлученному отъ церкви. Этого мало, договоръ, заключенный съ султаномъ, папа обозвалъ коварнымъ и вреднымъ для христіанъ, а когда Фридрихъ въ церкви гроба Господня возложилъ на свою голову іерусалимскую корону (на которую онъ имѣлъ право какъ мужъ дочери Іоанна бріенскаго), то Григорій разразился интердиктомъ на самый храмъ гроба. Изъ Іерусалима Фридрихъ возвратился въ Европу бороться съ папою (см. § 66).

Еще до посѣщенія Фридрихомъ II Палестины, въ Азіи совершился одинъ изъ обычныхъ на востокѣ переворотовъ, который выдвинулъ на историческую сцену новый народъ. То были Татары монгольскаго происхожденія. Родиной Татаръ были степи къ востоку отъ *байкальскаго* озера, орошаемыя притоками Амура. Раздѣленные на многія орды или *улусы*, подъ властью хановъ, и исповѣдуя грубый фетишизмъ, Татары, подобно всѣмъ кочевникамъ, вели безпрерывныя родовыя распри или вторгались для грабежа въ сосѣднія страны. Такъ проходили вѣка, пока въ началѣ XIII ст. не явился среди нихъ даровитый человѣкъ по имени Темуджинъ. Сынъ одного хана, которому повиновались орды, кочевавшія на рѣкѣ Ононѣ, притокѣ Амура, онъ долженъ былъ 12 лѣтъ спасаться бѣгствомъ вслѣдствіе возстанія отцовскихъ ордъ и претерпѣлъ много приключеній. Пришедши въ возрастъ, онъ утвердилъ сначала власть свою надъ *ононскими* ордами,

а затѣмъ, покоривъ сосѣднія и дальнія орды монгольскаго и тюркскаго происхожденія, провозгласилъ себя Чингизъ-ханомъ, т. е. повелителемъ всѣхъ Монголовъ. Подвластныя полчища двинулъ онъ теперь на завоеванія и первая испытала его могущество китайская имперія; Чингизъ-ханъ покорилъ ее до самаго Пекина и низвергъ царствовавшую тамъ династію. Ту же участь испытала и сильная ховарезмская держава, которая возникла въ концѣ XI ст.; постепенно расширившись на счетъ сельджукскихъ владѣній, она обнимала въ началѣ XIII ст., кромѣ нашихъ нынѣшнихъ среднеазіатскихъ владѣній, древнюю Мидію, Персію и другія земли вплоть до Инда. Послѣдній шахъ ховарезмскій Могаммедъ погибъ бѣднымъ скитальцемъ, а его сыновья были перебиты; богатые города: Бухара, Самаркандъ, Газна, Ташкентъ превращены были въ груды развалинъ. Во время приготовленій къ новымъ завоеваніямъ Чингизъ-ханъ умеръ. Великимъ ханомъ, которому должны были повиноваться другіе ханы, сдѣлался, съ согласія *курилтая* или сейма, Огодай, сынъ Темуджина; столица его была въ Каракорумѣ около Байкала. При Огодаѣ Русь и сопредѣльныя съ нею страны испытали татарскій погромъ (см. § 92). Въ правленіе слѣдующихъ великихъ хановъ, Гаюка и Менгу, довершено было завоеваніе Китая и положенъ конецъ существованію багдадскаго халифата. Городъ Багдадъ взятъ былъ приступомъ и разграбленъ, халифъ изъ фамиліи Аббасидовъ погибъ насильственною смертью и съ тѣхъ поръ достоинство багдадскаго халифа прекратилось (1258). Послѣ рузрушенія Багдада Монголы приблизились къ Сиріи, завоевали Дамаскъ и предали грабежу другіе города. Вскорѣ послѣ хана Менгу царство монгольское въ Азіи распалось и имѣло мало вліянія на дальнѣйшій ходъ событій; большинство Татаръ обратилось къ исламу. Монгольскія завоеванія не остались безъ послѣдствій для христіанскихъ владѣній въ Сиріи и Палестинѣ. Въ королевствѣ

іерусалимскомъ происходили раздоры; *венеціане* и рыцарскіе ордена не повиновались намѣстнику Фридриха II; вмѣстѣ съ тѣмъ христіане вмѣшивались въ распри между Эйюбидами, царство которыхъ опять распалось послѣ смерти Камеля. Когда христіане заключили союзъ съ султаномъ домасскимъ, султанъ египетскій нанялъ въ свою службу ховарезмцевъ, шайки которыхъ, послѣ монгольскаго погрома, рыскали около Евфрата, и направилъ ихъ въ предѣлы іерусалимскаго королевства. Дикая орда, нанесшая рыцарямъ пораженіе (при Газѣ), овладѣла Іерусалимомъ, разграбила святыни и избила жителей. Такимъ образомъ Іерусалимъ опять достался египетскому султану (1244) и христіанскія владѣнія по прежнему ограничились береговою полосою.

§ 83. **Походы Людовика IX Св. и конецъ крестовыхъ походовъ.** Вѣсть о новой потерѣ Іерусалима побудила набожнаго Людовика IX предпринять крестовый походъ. Не безъ труда французскій король склонилъ вассаловъ къ участію въ предпріятіи, цѣль котораго была завоеваніе Египта. Сначала король имѣлъ успѣхъ, крестоносцы взяли Даміетту, но движеніе во внутрь страны напоминаетъ неудачную попытку Іоанна бріенскаго. Между каналами и Ниломъ войско, запертое со всѣхъ сторонъ значительными силами непріятеля, должно было положить оружіе. Самъ Людовикъ попался въ плѣнъ; хотя онъ и знатнѣйшіе вельможи получили за большой выкупъ свободу, но значительная часть крестоносцевъ сдѣлалась жертвою фанатизма *мамелюковъ* (1250 г.). Такъ называлась гвардія египетскихъ султановъ; одинъ изъ преемниковъ Камеля купилъ у Монголовъ тюркскихъ плѣнныхъ и окружилъ себя ими; постоянно пополняемые выходцами изъ Кавказа, мамелюки образовали сильное войско. Послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ разныхъ городахъ іерусалимскаго королевства Людовикъ IX возвратился въ Европу. Между тѣмъ въ Египтѣ пало владычество Эйюбидовъ. Еще во время

пребыванія тамъ Людовика Св., предводитель мамелюковъ Бибарсъ убилъ султана—побѣдителя французскаго короля. Десять лѣтъ спустя тотъ же Бибарсъ, забрызгавъ себя вторично кровью другаго султана, самъ занялъ египетскій престолъ. Съ тѣхъ поръ водворилось въ Египтѣ господство мамелюкской династіи. Владѣя и частью Сиріи, Бибарсъ направилъ оружіе противъ христіанъ и въ нѣсколько лѣтъ овладѣлъ городами Цезареею, Іоппе и Антіохіею. Тогда Людовикъ IX задумалъ новый крестовый походъ. Прежде чѣмъ идти въ Египетъ, онъ помогъ брату Карлу анжуйскому, королю неаполитанскому, наказать разбойничье гнѣздо Тунисъ; но во время осады города умеръ отъ моровой язвы (1270 г.). Разбивъ и принудивъ тунискаго бея къ миру и платежу дани, крестоносцы возвратились домой. Это была послѣдняя попытка помочь сирійскимъ христіанамъ, если не считать нѣкоторыхъ мелкихъ предпріятій (напр. англійскаго принца, впослѣдствіи короля Эдуарда I). Начатыя Бибарсомъ наступательныя движенія на владѣнія христіанъ въ Сиріи продолжали его преемники и одинъ городъ за другимъ падалъ подъ ударами мамелюковъ. Послѣ взятія Триполи и Птолемаиды (1291 г.) остальные города сдались почти безъ всякаго сопротивленія. Христіане, оставшіеся въ Сиріи, сдѣлались данниками султановъ египетскихъ, а крестовые походы кончились.

V. Слѣдствія крестовыхъ походовъ. Средневѣковое общество и образованность въ эпоху крестовыхъ походовъ.

§ 84. **Слѣдствія крестовыхъ походовъ.** Эпоха крестовыхъ походовъ не могла не оставить глубокихъ слѣдовъ въ жизни человѣчества. Главная цѣль—возвращеніе святыхъ

мѣстъ христіанамъ—правда не была достигнута, но совмѣстныя предпріятія западно-европейскихъ народовъ, обмѣнъ знаній съ Византіей и востокомъ должны были споспѣшествовать духовному развитію человѣка. Знакомство съ другими странами, иными нравами, государственными учрежденіями и вѣроученіями расшевелило мысль и расширило умственный кругозоръ; оно вызвало ту пытливость, которая возстала со временемъ противъ церковнаго авторитета, сковывавшаго свободу личную и свободу ума. Знакомство съ греческими писателями и арабскими изысканіями въ области математики, медицины и философіи повело къ созданію науки свѣтской, рядомъ съ господствовавшимъ почти исключительно богословіемъ. Съ другой стороны торговыя сношенія, въ которыхъ принимали участіе сначала *венеціане* и *генуезцы*, а потомъ и города придунайскіе, прирейнскіе и нидерландскіе, породили новыя отрасли промышленности, повліяли на образъ жизни западно-европейскихъ народовъ и подготовили образованіе городскихъ общинъ и богатаго средняго сословія. Послѣднее постепенно пріобрѣтало важное значеніе, не только въ экономической, но и въ политической жизни государствъ, по мѣрѣ того, какъ авторитетъ папской власти и церковной іерархіи сталъ падать подъ вліяніемъ новыхъ идей, а рыцарство, столь могущественное въ эпоху крестовыхъ походовъ, начало вырождаться отъ чрезмѣрнаго напряженія силъ. И для крестьянства крестовые походы не прошли безслѣдно: крестьяне, одни за участіе въ походахъ, другіе по обѣтамъ, даннымъ господами, получили свободу отъ крѣпостной зависимости.

§ 85 а. **Церковь, монашество; крестовые походы противъ еретиковъ и язычниковъ. Тевтонскій орденъ.** Римская церковная іерархія цѣлое столѣтіе держалась на той высотѣ могущества, на которую возвелъ ее Иннокентій III. Папы считали себя главными двигателями крестовыхъ

походовъ, а монастыри и епископства пріобрѣли громадныя земельныя владѣнія, частью путемъ отказа и дара, частью дешевою куплею у рыцарей-крестоносцевъ. Дворы епископовъ и аббатовъ, окруженныхъ вассалами и цѣлымъ придворнымъ штатомъ людей знатнаго происхожденія, блистали богатствомъ и роскошью. Могущественною опорою папской власти были монашескіе ордена. Мы знаемъ, что́ вызвало къ жизни клюнійскій орденъ; та же причина, т. е. порча, проникавшая въ существующіе монастыри, вызывала время отъ времени появленіе новыхъ орденовъ; такъ въ XI вѣкѣ возникъ орденъ *цистерціанцевъ* (отъ монастыря Сито въ Бургундіи, по латыни Цистерціумъ), а въ слѣдующемъ орденъ *премонстратовъ* (отъ монастыря въ мѣстности близъ Лаона). Всѣ монашествующіе, надѣленные папами большими правами, давали обѣты цѣломудрія, личной нищеты и повиновенія. Когда церковная іерархія стала встрѣчать оппозицію, которая противопоставляла роскошной жизни современнаго клира апостольскую бѣдность, тогда явились такъ называемые *нищенствующіе* монашескіе ордена; связанные тѣми же обѣтами, они придавали особое значеніе обѣту нищеты. Основателями двухъ такихъ орденовъ были: Францискъ, родомъ изъ Ассизи въ южной Италіи, и *испанецъ* Доминикъ. Ордена эти—*францисканскій* и *доминиканскій*—утверждены были преемникомъ Иннокентія III, Гоноріемъ III. Стремясь къ одной и той же цѣли—служить интересамъ папы и церкви—они подвизались на разныхъ поприщахъ: францисканцы призывали къ покаянію и дѣйствовали въ качествѣ духовниковъ, доминиканцы блюли единство въ церкви, проповѣдывали и обращали еретиковъ; впослѣдствіи доминиканцы захватили каѳедры въ университетахъ и, по порученію папъ, завѣдывали инквизиціею. Францисканцы распались на строгихъ и умѣренныхъ; первые, вѣрные основателю ордена, требовали безусловной нищеты, вторые только нищеты личной, но от-

стаивали за монастырями право владѣть имуществомъ. Со временемъ число нищенствующихъ орденовъ увеличилось, такъ прибавились еще *кармелиты*, *капуцины;* въ одно время съ Франциской его согражданка Клара основала на тѣхъ же началахъ женскій орденъ *клариссъ*.

Папы, въ сознаніи своего могущества, не довольствовались священною бранью съ могаммеданами; они считали разномысліе несовмѣстнымъ съ своимъ авторитетомъ главы церкви,—отсюда истребительныя войны, которыя, по голосу церкви, велись противъ еретиковъ и язычниковъ. Стремленіе римской куріи къ церковному единству, не допускавшему никакой свободы мнѣнія и мысли, встрѣтило, по мѣрѣ распространенія образованія, оппозицію какъ въ отдѣльныхъ лицахъ, такъ и въ цѣлыхъ религіозныхъ сектахъ. Первыя еретическія ученія, какъ и монастыри, возникли на востокѣ *(манихеи, богомилы);* на западѣ они нашли почву въ средѣ народовъ романскихъ; въ сѣверной Италіи и южной Франціи замѣчательными сектантами были *катары* (чистые) и *вальденцы* (такъ названы по имени богатаго ліонскаго купца Петра Вальда XII в.). Какъ ни разнились ереси одна отъ другой, всѣ онѣ имѣли общія черты, такъ онѣ противопоставляли роскоши высшаго духовенства простоту временъ апостольскихъ, обрядовой сторонѣ знакомство съ священнымъ писаніемъ; кромѣ того еретики отрицали нѣкоторыя ученія римской церкви и требовали богослуженія на понятномъ народномъ языкѣ. Особенно сильно распространилась оппозиція господствующей церкви въ Провансѣ и Лангедокѣ, гдѣ еретики получили общее названіе *альбигойцевъ* отъ города Альби. Югъ Франціи, съ его богатыми городами и торговлею, съ его рыцарскою поэзіею трубадуровъ, воспѣвавшихъ не только любовь, но подъ часъ изливавшихъ въ сатирахъ досаду на духовенство, благопріятствовалъ недовольству церковнымъ гнетомъ. Альбигойцы, народъ трудолюбивый и строгой нравственности, поль-

зовались покровительствомъ графа тулузскаго Раймунда VI (потомка крестоносца), подъ знаменами котораго ходили многіе графы и бароны. Иннокентій III думалъ сначала убѣжденіемъ возвратить въ лоно церкви отпавшихъ и послалъ цистерціанскихъ монаховъ; съ послѣдними соединился и Доминикъ. Но когда ихъ дѣятельность не увѣнчалась успѣхомъ и папскій легатъ палъ отъ руки убійцы, тогда папа велѣлъ проповѣдывать крестовый походъ. Многіе вассалы сѣверной Франціи ополчились и во главѣ крестоноснаго воинства сталъ Симонъ графъ монфорскій (отецъ вышеупомянутаго въ исторіи Англіи § 73). Самъ Раймундъ, владѣнія котораго поражены были интердиктомъ, долженъ былъ для примиренія съ церковью воевать противъ своихъ вассаловъ и подданныхъ. Началась опустошительная 20-лѣтняя война, руководимая фанатиками—монахами; крестоносцы истребляли цвѣтущіе замки и города; при взятіи города Безье, принадлежавшаго одному изъ вассаловъ Раймунда, папскій легатъ сказалъ: „бейте всѣхъ, Господь распознаетъ своихъ“ (1209 г.). Когда крестоносцы понесли опустошеніе въ собственныя владѣнія Раймунда, графъ, для защиты ихъ, сталъ во главѣ своихъ вассаловъ; этимъ онъ навлекъ на себя церковное проклятіе, а земли его папа подарилъ Симону. Послѣ смерти обоихъ предводителей война продолжалась; сынъ Симона уступилъ свои права на графство тулузское французскому королю Людовику VIII, а Раймундъ VII, сынъ VI, послѣ напрасныхъ усилій, долженъ былъ смириться, его владѣнія перешли къ французской коронѣ (ср. § 70). Южная Франція не скоро оправилась отъ погрома, тѣмъ болѣе что вслѣдъ за оружіемъ, по приказанію папы, введена была въ страну инквизиція. Этотъ церковный судъ для преслѣдованія еретиковъ сначала порученъ былъ епископамъ, но вскорѣ, съ цѣлью ослабленія власти послѣднихъ, переданъ въ руки доминиканскихъ монаховъ. Пытками, отобраніемъ имущества, наказаніями,

отъ церковнаго покаянія до сожженія на кострѣ, инквизиторы привели въ такое негодованіе жителей, что тѣ возставали и убивали монаховъ, а это влекло за собою кровавую отместку. Благодаря такимъ мѣрамъ ересь была почти истреблена, но образованности и веселой рыцарской жизни въ южной Франціи нанесенъ роковой ударъ.

Одновременно съ крестовыми походами противъ мусульманъ и еретиковъ, папы проповѣдывали походы противъ язычниковъ на *балтійскомъ* морѣ, при чемъ предоставляли крестоносцамъ тѣ же преимущества, что и отправлявшимся въ Палестину. Результатомъ такихъ походовъ было появленіе на берегахъ Балтики духовно-рыцарскихъ государствъ, именно орденовъ *тевтонскаго* и *ливонскаго*. Съ тѣхъ поръ какъ св. Войтехъ погибъ мученическою смертью въ странѣ Пруссовъ, народа литовскаго племени, попытки утвердить тамъ христіанство надолго прекратились. Только въ XIII в. цистерціанскій монахъ Христіанъ возобновилъ миссіонерскую дѣятельность и получилъ отъ Иннокентія III санъ прусскаго епископа. Но обращеніе Пруссовъ пошло успѣшнѣе лишь когда за дѣло взялся тевтонскій орденъ. Орденъ этотъ, послѣ потери владѣній на востокѣ, перенесъ свою дѣятельность въ Европу; Гогенштауфены надѣлили духовныхъ рыцарей значительною недвижимостью, а Фридрихъ II возвелъ *гросмейстера* (т. е. начальника ордена) Германа Зальца въ княжеское достоинство. Первый, указавшій рыцарямъ на страну Пруссовъ, былъ удѣльный польскій князь Конрадъ мазовецкій, земли котораго часто подвергались дикимъ набѣгамъ язычниковъ. Гросмейстеръ или *магистръ* тевтонскій принялъ предложеніе, но при этомъ преслѣдовалъ выгоды ордена; обезпечивъ себя договорами съ папою, императоромъ и самимъ Конрадомъ, онъ приступилъ къ покоренію страны и обращенію язычниковъ. Первый крестовый походъ былъ предпринятъ около 1231 года подъ предводительствомъ

Германа Балка, назначеннаго прусскимъ *ландмейстеромъ*, т. е. мѣстнымъ начальникомъ ордена. За первымъ послѣдовалъ цѣлый рядъ походовъ, въ которыхъ принимали участіе многіе рыцари и также владѣтельные государи (между прочимъ Оттокаръ богемскій). Послѣ 30-лѣтней слишкомъ борьбы, сопровождавшейся безпощаднымъ истребленіемъ народа, частыми возстаніями язычниковъ и вторженіями ихъ въ сосѣднія польскія земли, Пруссы принуждены были смириться и принимать христіанство. Рыцари обратили туземцевъ въ крѣпостное состояніе и построили въ странѣ укрѣпленные замки, а приглашенные нѣмецкіе колонисты основали города, которые получили свободныя учрежденія, напр. Кульмъ, Торнъ, Кенигсбергъ (Королевецъ въ честь Оттокара). Истребленіе, а также выселеніе многихъ туземцевъ, повело къ исчезновенію литовской народности и германизаціи страны.

§ 85 б. **Ливонскій орденъ.** Крестовые походы коснулись и европейской Россіи, именно нашего нынѣшняго прибалтійскаго или эсто-латышткаго края. Здѣсь, какъ и въ южной части Балтики, утвердился духовно-рыцарскій орденъ *меченосцевъ* или *ливонскій*.

Нашъ прибалтійскій край, окруженный съ трехъ сторонъ *балтійскимъ* моремъ, *финскимъ* заливомъ и *чудскимъ* озеромъ, съ четвертой соприкасался съ русскими и литовскими землями. Въ сѣверной его части обитало финское племя Эстовъ, у Русскихъ называемое Чудью, а въ южной литовскія народности Латыгола и Зимгола (Семигалія), извѣстныя подъ общимъ именемъ Латышей. Послѣдніе потѣснили Эстовъ болѣе къ сѣверу, частью же смѣшались съ ними, отчего возникли новыя племена, именно Ливовъ по теченію зап. Двины и Куроновъ (иначе Корсь) у взморья. Страна рано привлекла русскихъ князей, которые налагали дань на туземцевъ, такъ еще Ярославъ Мудрый построилъ въ землѣ Чуди городъ Юрьевъ на рѣкѣ Эмбахѣ. Позднѣе

Новгородъ и князья полоцкіе утвердили въ краѣ свою власть; первый на сѣверѣ покорилъ укрѣпленныя мѣстечки Чуди, изъ нихъ болѣе извѣстно Оденпе или Медвѣжья Голова; князья же полоцкіе сажали своихъ подручниковъ по городкамъ Ливовъ, каковы Кукейносъ и Герсике на з. Двинѣ. Русское господство и принесенное съ нимъ православіе не обезнародовали туземцевъ, послѣдніе продолжали вести патріархальную жизнь подъ властью своихъ старшинъ. Въ половинѣ XII стол. страну посѣтили бременскіе купцы и съ тѣхъ поръ стали часто пріѣзжать сюда для торговли; въ 1186 г. съ купцами прыплылъ по Двинѣ августинскій монахъ Мейнгардъ и началъ проповѣдывать Ливамъ христіанство, съ согласія полоцкаго князя Владиміра, бравшаго дань съ жителей. Мейнгардъ крестилъ нѣкоторыхъ туземцевъ, построилъ церковь и получилъ титулъ ливонскаго епископа; вообще же успѣхъ былъ незначительный, а когда пошли поборы въ пользу архіепископа бременскаго, жители отнеслись враждебно и крещеные возвращались въ язычество,—они погружались въ Двину, чтобы тѣмъ смыть крещеніе. Мейнгардъ отправился въ Германію хлопотать о крестовомъ походѣ, но вскорѣ умеръ, а преемникъ его, въ качествѣ епископа, погибъ въ борьбѣ съ туземцами. Дѣло пошло успѣшнѣе, когда бременскій архіепископъ назначилъ ливонскимъ епископомъ своего каноника Альберта. Альбертъ, изъ знатной фамиліи Буксгевденъ, собралъ въ Германіи крестоносцевъ и недалеко отъ устья Двины заложилъ въ 1200 городъ Ригу, который и сдѣлалъ своимъ мѣстопребываніемъ. Но такъ какъ крестоносцы оставались не подолгу въ странѣ, а съ ихъ уходомъ туземцы смывали крещеніе, то епископъ испросилъ у папы Иннокентія III позволеніе основать духовно-рыцарскій орденъ. Охотниковъ нашлось довольно и возникшій орденъ, принявшій статутъ храмовниковъ, получилъ названіе „братьевъ воинства Христова“ или „меченосцевъ“, потому что на

бѣломъ плащѣ, кромѣ креста, было изображеніе меча. Началась истребительная война съ Ливами и Латышами, епископъ надѣлилъ рыцерей землями, на которыхъ тѣ построили замки; въ одномъ изъ нихъ Венденѣ, поселился магистръ ордена. Напрасно полоцкій князь старался отстоять подручныя земли; онъ или терпѣлъ неудачу, или поддавался хитрой политикѣ Альберта. Кончилось тѣмъ, что Владиміръ не только отказался отъ ливонской дани, но и предоставилъ купеческимъ судамъ право свободнаго плаванія по Двинѣ въ Полоцкъ; Кукейносъ и Герсике, въ которыхъ сидѣли князья подручники Владиміра, достались рыцарямъ, а Ливы, давшіе названіе странѣ и ордену, постепенно стали исчезать или сливались съ Латышами. За Ливами и Латышами послѣдовало покореніе и насильственное обращеніе Эстовъ. Но тутъ орденъ встрѣтилъ болѣе упорное сопротивленіе, благодаря *новгородцамъ*. Послѣдніе нанесли самому магистру Волквину пораженіе при Оденпе (1217) и вслѣдъ за тѣмъ двинулись въ Ливонію и подступили къ Вендену. Альбертъ пригласилъ на помощь датскаго короля Вальдемара II; этотъ государь воспользовался случаемъ и завладѣлъ для себя частью Эстоніи съ городомъ Ревелемъ (по русски Колывань). Ордену грозила опасность, но его спасли смерть Вальдемара и смуты, наступившія въ Новгородѣ. Въ 1224 г. *нѣмцы* взяли приступомъ Юрьевъ и усыпили *новгородцевъ* обманными договорами на счетъ дани. Въ послѣдующіе годы орденъ завладѣлъ югозападною частью страны и островомъ Эзелемъ, такъ что около 1230 орденскія владѣнія обнимали уже весь почти прибалтійскій край. Въ завоеванной странѣ рыцари построили замки, каковы Феллинъ, Вейсенштейнъ, Газенпотъ, Виндава (два послѣдніе въ землѣ Куроновъ) и наложили свою тяжелую руку на туземцевъ, которые были обращены въ крѣпостныхъ. Но полнаго онѣмеченія Латышей, какъ это сдѣлали тевтоны съ Пруссами, не достигли меченосцы; Латыши,

не смотря на многовѣковое господство чужеземцевъ, сохранили свою народность и языкъ. Это объясняется тѣмъ, что ордену угрожала постоянно опасность и внутри и извнѣ. Съ датскими королями счеты продолжались болѣе ста лѣтъ, а отъ *новгородцевъ* приходилось всегда быть на сторожѣ. Внутри происходили раздоры между рыцарями и рижскимъ епископомъ, котораго буйные рыцари, частью происходившіе отъ бременскихъ и другихъ купцевъ, не хотѣли признавать сюзереномъ. Ливонскій орденъ, подобно тевтонскому, желалъ быть только въ номинальной зависимости отъ папы и германскаго императора. Вотъ почему второй магистръ ливонскаго ордена обратился къ гросмейстеру тевтонскому Герману Зальцу съ предложеніемъ о соединеніи обоихъ орденовъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, въ виду презрѣнія тевтоновъ къ неблагороднымъ меченосцамъ, въ 1237 г. послѣдовало соглашеніе. Ливонскіе рыцари приняли уставъ и орденскую одежду тевтоновъ (бѣлый плащъ съ чернымъ крестомъ) и извѣстный намъ прусскій ландмейстеръ Балкъ сдѣлался ливонскимъ ландмейстеромъ. Не смотря на это вражда между орденомъ и епископомъ не прекратилась. Какъ вездѣ, такъ и здѣсь, этою борьбою воспользовалась Рига. Епископы (потомъ архіепископы) рижскіе надѣлили городъ привилегіями: жители получили по образцу Бремена самоуправленіе и располагали значительною милиціею и наемными отрядами. Значеніе Риги еще усилилось, когда она вступила въ ганзейскій союзъ.

§ 86. **Феодализмъ, рыцарство, турниры.** Феодализмъ и рыцарство достигли полнаго своего развитія въ эпоху крестовыхъ походовъ. Ленная система, представлявшая федерацію мелкихъ государственныхъ единицъ, охватила весь общественный строй въ средніе вѣка. Графы, герцоги, бароны, церкви, епископы, аббаты были ленниками и въ свою очередь имѣли вассаловъ; не только земли отдавались въ ленъ, но и разныя

права, напр. право суда, рыбной ловли, плата за крещеніе ребенка и пр. и др.

Рыцаремъ первоначально считался каждый знатный человѣкъ, обязанный своему сюзерену военною службою на конѣ; съ теченіемъ времени *рыцарство* стало званіемъ, военнымъ товариществомъ, съ корпоративнымъ (обычнымъ въ средніе вѣка) устройствомъ, съ особыми правами и привилегіями. Впрочемъ оно не имѣло замкнутаго характера, такъ и человѣку незнатному доступно было это званіе за военную доблесть. Когда сложилось вполнѣ корпоративное устройство, настоящимъ рыцаремъ считался только тотъ, кто прошелъ извѣстную школу воспитанія. Коренясь въ древнегерманскихъ обычаяхъ гелейтства и препоясанія мечемъ совершеннолѣтняго, феодализмъ и рыцарство постепенно выработали цѣлый кодексъ обычаевъ, церемоній, взаимныхъ обязательствъ, изъ которыхъ и составилось такъ называемое феодальное право. Добровольная преданность дружинника своему вождю превратилась въ ленную присягу, при чемъ вассалъ колѣнопреклоненно клялся въ вѣрности, кладя свою руку въ руки сюзерена; изъ препоясанія мечемъ выработалась цѣлая церемонія посвященія въ рыцари. Торжеству этому предшествовала для благороднаго почти пятнадцатилѣтняя школа практическаго воспитанія. Будущій рыцарь, сынъ вассала, сначала въ качествѣ *пажа*, потомъ *оруженосца*, проживалъ въ замкѣ сюзерена своего отца и пріучался къ обязанностямъ своего званія. Какъ пажъ, съ семилѣтняго возраста, онъ прислуживалъ рыцарю и его женѣ, присматривался къ пріемамъ и обычаямъ, а также упражнялся въ военномъ искусствѣ, сражаясь деревянными копьями съ деревянными рыцарями и штурмуя снѣговыя крѣпости. Какъ оруженосецъ, съ 14 лѣтъ, онъ былъ уже товарищемъ рыцаря, смотрѣлъ за его конемъ, вооруженіемъ, сопровождалъ его на войну и турниры. Доказавъ свою доблесть и знаніе рыцарскихъ обязанностей, моло-

дой человѣкъ 21-го года посвящался въ рыцари. Это происходило въ церкви, въ которой онъ всю ночь наканунѣ торжества провелъ въ молитвѣ. Послѣ обѣдни и причащенія онъ давалъ присягу на вѣрность сюзерену и въ томъ, что будетъ защищать церковь и слабыхъ и соблюдать почтительную вѣжливость къ женщинѣ. Послѣ этого знатный вассалъ, иногда самъ король, ударялъ плашмя мечемъ по его плечу и произносилъ: во имя Бога, св. Михаила и св. Георгія посвящаю тебя въ рыцари. Только теперь молодой рыцарь могъ надѣть всѣ рыцарскіе доспѣхи: шлемъ, шпоры, кольчугу и пр., наконецъ шпагу; ихъ подносили ему другіе рыцари или дамы. Въ такомъ полномъ вооруженіи рыцари представлялись закованными съ головы до ногъ въ желѣзо (вооруженіе дѣлалось изъ стали, желѣза или тонкихъ желѣзныхъ колецъ). Если посвященіе происходило на полѣ битвы, послѣ сраженія, церемонія была проще.

Феодализмъ и рыцарство имѣли важное значеніе въ жизни семейной и общественной средневѣковаго человѣка—дворянина. Они способствовали развитію личности съ ея энергіею, благородствомъ, и смягченію нравовъ, вмѣстѣ съ уваженіемъ къ женщинѣ. Феодалъ, не занятый войною или исполненіемъ обязанностей при дворѣ сюзерена, жилъ въ семьѣ; кромѣ жены, никого не было равнаго ему въ окрестномъ населеніи замка, отсюда понятно значеніе пріобрѣтенное женщиною и ея вліяніе на смягченіе нравовъ; съ другой стороны отчужденіе отъ остальнаго люда породило въ рыцарѣ гордость и сознаніе своего личнаго достоинства. Рыцарь, получившій при посвященіи ударъ мечемъ, сопровождавшійся иногда и ударомъ по лицу, въ смыслѣ послѣдняго, не пятнающаго его званія, свято оберегалъ свою честь и мстилъ за всякое оскорбленіе—отсюда обычай поединковъ или дуэлей. Уваженіе къ женщинѣ выработалось въ служеніе ей, въ утонченное угожденіе (galanterie); каждый рыцарь избиралъ себѣ

даму сердца и во имя ея совершалъ подвиги, которыхъ та требовала отъ него какъ доказательство любви. Полученный отъ нея подарокъ: кольцо, платокъ, рукавчикъ онъ прикалывалъ къ шлему или щиту и какъ трофей возвращалъ дамѣ испещреннымъ на войнѣ порѣзами или проколами. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что изысканная вѣжливость и ухаживаніе (courtoisie) идеализированы поэтами въ романахъ и пѣсняхъ и проявлялись на показъ въ исключительныхъ случаяхъ на турнирахъ, пирахъ, а это придавало, разумѣется, оживленіе и лоскъ общественной жизни; въ обыденное же время рыцарь не слишкомъ много правъ давалъ женщинѣ—дома она вставала когда входилъ рыцарь, прислуживала мужу и гостю рыцарю за столомъ.

Развлеченіемъ для рыцарей и вмѣстѣ военною школою служили *турниры* или военные игры. Они устраивались королями или знатными феодалами по случаю празднествъ церковныхъ, общественныхъ или семейныхъ. На турниръ съѣзжалось множество рыцарей и дамъ, но участвовать въ играхъ могли только рыцари знатнаго происхожденія. Главную игру составлялъ бой на копьяхъ, при чемъ рыцари въ желѣзныхъ доспѣхахъ, иногда съ опущеннымъ забраломъ, выѣзжали другъ противъ друга на коняхъ. Выбить изъ сѣдла побольше противниковъ считалось побѣдою и побѣдитель получалъ изъ рукъ царицы турнира, хозяйки или другой красивой женщины, подарокъ—золотую цѣпь, мечъ и пр. Иногда побѣдитель, сбивши противника съ коня, изъ вѣжливости самъ спѣшивался и предлагалъ продолжать бой на мечахъ. Хотя рыцари должны были употреблять на турнирахъ притупленныя копья и существовали особые турнирные законы для предупрежденія несчастныхъ случаевъ, но таковые бывали и притомъ преднамѣренно. Съ рыцарствомъ связано и происхожденіе *гербовъ*. Сначала употреблялись особыя изображенія на щитѣ или шлемѣ для того, чтобы турнирные судьи могли узнать

рыцаря съ опущеннымъ забраломъ; эти изображенія переходили по наслѣдству и сдѣлались отличительными знаками или гербами той или другой знатной фамиліи.

Идеалъ, который указывала церковь рыцарству и который выразился въ учрежденіи духовно-рыцарскихъ орденовъ, шелъ въ разрѣзъ съ нравами рыцарей-воиновъ и съ условіями средневѣковой жизни. Эпоха крестовыхъ походовъ, время найбольшаго процвѣтанія рыцарства, была вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и для церковной іерархіи, временемъ, въ которое рыцарство стало вырождаться. Въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ подвигами доблести и высокой любви къ ближнему, мы постоянно встрѣчаемъ измѣну сюзерену, фанатически безпощадное истребленіе враговъ. Самое уваженіе къ женщинѣ превратилось въ какой то безсмысленный культъ, исполненный легкомыслія и разврата; женщина, сознавъ свое выгодное положеніе, злоупотребляла имъ; если по ея требованію иной рыцарь и предпринималъ крестовый походъ или совершалъ доброе дѣло, то другой разъ по ея же капризу рыцарь становился искателемъ приключеній лишь бы заслужить ея благосклонность.

Образцовою страною рыцарства и турниров вмѣстѣ съ утонченнымъ обхожденіемъ была южная Франція, а главнымъ средоточіемъ дворы графовъ тулузскихъ и герцоговъ бургундскихъ; съ ними соперничали графы барцелонскіе на *пиринейскомъ* полуостровѣ.

§ 87. **Города и торговля.** Рядомъ съ двумя высшими сословіями, духовенствомъ и феодальнымъ дворянствома, сначала робко, а потомъ съ сознаніемъ своего достоинства, выдвигаются горожане. Въ качествѣ третьяго сословія или *буржоазіи* они составляютъ третій важный элементъ средневѣковаго общества. Послѣ бурнаго потока эпохи великаго переселенія въ западной Европѣ осталось немного городовъ. Къ уцѣлѣвшимъ отъ временъ римскаго владычества городамъ

постепенно присоединялись новые, возникавшіе изъ епископскихъ каѳедръ, королевскихъ пфальцевъ и бурговъ. Когда сложилась феодальная система, городскіе жители, подобно крестьянамъ, были вполнѣ предоставлены произволу владѣльцевъ, все равно духовныхъ или свѣтскихъ. По мѣрѣ развитія житейскихъ потребностей, въ городахъ появились новыя ремесла и производства, которыя доставляли феодаламъ предметы и первой необходимости и роскоши; слѣдствіемъ этого явилось довольство и даже богатство торговаго и ремесленнаго класса населенія. Довольство всегда вызываетъ желаніе обезпечить плоды своего труда, а также стремленіе къ бо́льшей свободѣ; и дѣйствительно мы видимъ, что городскіе жители сначала за деньги, а потомъ съ оружіемъ въ рукахъ, пріобрѣтаютъ у епископовъ и бароновъ разныя права, право милиціи, право суда и проч. Города дѣйствуютъ порознь, потому что они разбросаны и между ними нѣтъ сношеній; тѣмъ не менѣе съ конца XI вѣка мы встрѣчаемся почти вездѣ съ такъ называемымъ коммунальнымъ движеніемъ. Мы уже знаемъ, какъ во Франціи, при поддержкѣ Капетинговъ, образовались коммуны, какъ въ Италіи, благодаря борьбѣ двухъ властей и сравнительной слабости феодальныхъ владѣльцевъ, это движеніе привело къ учрежденію республикъ. Въ Англіи города пріобрѣли права въ союзѣ съ феодалами, а въ Германіи, какъ и во Франціи, при содѣйствіи императоровъ саксонскаго дома и особенно Гогенштауфеновъ, нуждавшихся въ союзникахъ противъ папъ и феодаловъ; многіе германскіе города стали имперскими, т. е. непосредственно зависимыми отъ императора, и ввели у себя республиканское устройство. Каждый городъ имѣетъ свою исторію борьбы за права, длившейся иногда очень долго, а также свою исторію постепенно слагавшагося самоуправленія.

Самоуправленіе городское далеко не вездѣ было одинаково; правда, устройство нѣкоторыхъ городовъ становилось

образцомъ для другихъ, такъ напр. многіе заимствовали порядки Магдебурга — это магдебургское право, перешедшее въ Польшу и западнорусскія области; нѣкоторые города Франціи приняли хартію города Соассона. Необезпеченность правъ—общее явленіе среднихъ вѣковъ—понуждало горожанъ быть всегда на сторожѣ и готовыми взяться за оружіе. Отсюда воинственный характеръ городскаго населенія, отразившійся и на внѣшнемъ видѣ города: городъ окружался рвами, зубчатыми стѣнами съ башнями, улицы были всегда узки, такъ что рыцарь на конѣ съ трудомъ могъ справиться съ своимъ длиннымъ копьемъ; дома, стѣсненные съ боковъ, росли вверхъ съ выступающими верхними этажами и приноровлены были къ оборонѣ. И въ чертѣ городской ограды не всегда было спокойно, происходила борьба партій и классовъ населенія: партіи аристократической и демократической, городской знати или такъ называемыхъ *патриціевъ* (купцовъ, дворянъ, осѣвшихъ въ городахъ), съ простыми гражданами (мелкими торговцами, ремесленниками). Споръ шелъ изъ-за участія въ управленіи, отъ котораго патриціанскія фамиліи старались оттѣснить остальное городское населеніе. Во многихъ городахъ аристократическое правленіе удержалось въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, въ другихъ оно уступило мѣсто демократическому началу. Выборныя власти и органы городскаго управленія носили разныя названія: мера, бургомистра, ратуши, магистрата и пр. Отчасти для болѣе успѣшной борьбы съ патриціями, а частью для огражденія личныхъ и имущественныхъ правъ, ремесленное населеніе городовъ составляло корпораціи или такъ называемые *цехи*. Лица, занимавшіеся однимъ и тѣмъ же ремесломъ, соединялись въ товарищества съ выборными старшинами, своимъ уставомъ и общею казною для взаимной помощи; въ случаѣ нужды каждый цехъ выступалъ подъ своимъ знаменемъ на войну. Цехъ могъ заниматься только извѣстнымъ производствомъ,

при чемъ строго было опредѣлено, что входитъ въ кругъ даннаго ремесла, напр. кузнечный цехъ не могъ выдѣлывать гвоздей. Чтобы сдѣлаться мастеромъ съ правомъ открыть мастерскую, требовалось много лѣтъ ученья въ качествѣ мальчика и подмастерья, а за тѣмъ нужно было выдержать экзаменъ, т. е. представить образцовую работу по назначенію. Если цеховое устройство съ одной стороны сближало людей и оказывало отдѣльнымъ членамъ товарищества поддержку въ случаѣ несчастія, то съ другой оно стѣсняло промышленность, не допуская никакого соперничества. Заниматься постороннему человѣку внѣ цеха ремесломъ запрещалось; а поступить въ цехъ иногда было не легко—или число мастеровъ было ограничено уставомъ или первоначальный взносъ въ цеховую казну былъ великъ и пр.

Крестовые походы, толкнувшіе торговлю на новые пути, значительно подняли благосостояніе городовъ. Города Италіи: Венеція, Генуа, Флоренція, Амальфи, а также нѣкоторые французскіе: Нарбоннъ, Марсель, завели непосредственныя сношенія съ востокомъ или получали чрезъ руки могаммеданскихъ купцовъ товары изъ Индіи, Египта, Сиріи, напр. слоновую кость, жемчугъ, дамасскское оружіе, шерстяныя ткани, пряные коренья и пр. Съ береговъ *средиземнаго моря*, а позднѣе *чернаго*, *венеціане*, *генуезцы* доставляли названные товары всей Европѣ до самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Балтики и *нѣмецкаго* моря, а отсюда они въ свою очередь вывозили произведенія сѣверной и средней Европы; такимъ образомъ города прирейнскіе, сѣверной Германіи, нидерландскіе, наши Новгородъ и Псковъ приняли участіе во всемірной торговлѣ. О торговомъ значеніи Ганзы для сѣверной Европы мы уже упоминали; ганзейскіе купцы цѣлыя два столѣтія были посредниками въ торговлѣ между многими странами, обмѣнивая одни произведенія на другія, каковы мѣха и кожи изъ Россіи, воскъ изъ Польши, полотна, сукна и сельди изъ

Фландріи и Голландіи, рейнскіе вина, англійскую сталь. Благодаря сношеніямъ съ востокомъ, въ Европѣ появились новыя отрасли обработывающей промышленности, напр. выдѣлка шелковыхъ тканей, изготовленіе зеркальныхъ стеколъ (Венеція), обработка сахарнаго тростника; особенно расцвѣла шерстяная промышленность въ городахъ фландрскихъ, Гентѣ, Брюгге и др.

Къ сказанному о промышленности слѣдуетъ прибавить, что всѣ ея отрасли въ средніе вѣка встрѣчали много препятствій на пути преуспѣванія. Такъ обработывающую стѣсняло цеховое устройство; торговлю, какъ внѣшнюю такъ и внутреннюю, всевозможные таможенные поборы на каждомъ шагу. Что касается земледѣльческой, то она не могла процвѣтамъ, потому что крестьяне были крѣпостными и рядомъ съ тяжелыми налогами испытывали гнетъ господскихъ правъ, иногда очень оскорбительныхъ для личности.

§ 88 а. **Образованность въ средніе вѣка. Византійская образованность.** Мы уже упоминали о важномъ значеніи, которое имѣла для человѣчества Византія какъ хранительница древняго образованія. Изъ этого источника черпали арабскіе ученые; вмѣстѣ съ христіанствомъ греческая образованность сдѣлалась достояніемъ Славянъ; въ концѣ среднихъ вѣковъ ученые Греки открыли сокровища эллинскаго классицизма Италіи и всей западной Европѣ. Столица византійской имперіи возбуждала всеобщее удивленіе своими храмами, дворцами и памятниками искусствъ; она же славилась промышленностью и торговлею, доставлявшею востоку и западу великолѣпныя ткани, дорогое оружіе, предметы роскоши.

Византійская ученая литература носитъ характеръ вообще энциклопедическій. Ученые назывались общимъ именемъ *грамматиковъ*, въ смыслѣ филологовъ; они составляли для лучшаго пониманія древнихъ классиковъ грамматики, словари и писали къ нимъ комментаріи. Благодаря этимъ „граммати-

камъ“ мы знакомимся съ отрывками изъ такихъ древнихъ писателей, сочиненія которыхъ до насъ не дошли. Вотъ нѣкоторые замѣчательные энциклопедисты: Іоаннъ изъ Македоніи, Козьма калабрійскій и патріархъ Фотій. Первый въ своемъ „цвѣтникѣ извлеченій и пр.“ сохранилъ намъ до 500 отрывковъ изъ разныхъ писателей и поэтовъ (VI в.); второй былъ учителемъ монаха Іоанна Дамаскина, писавшаго въ защиту иконъ, и почерпнулъ много свѣдѣній изъ древнихъ писателей (VIII в.). Патріархъ Фотій, всесторонне и глубоко образованный, въ своей „энциклопедіи“ приводитъ выдержки изъ 280 писателей, которыхъ онъ читалъ во время посольства въ Азію, онъ же воспитывалъ императора Льва Философа. Къ числу самыхъ усердныхъ энциклопедистовъ относится и императоръ Константинъ Багрянородный, который не только поощрялъ ученыхъ составлять сборники по разнымъ наукамъ, но и самъ писалъ много; замѣчательны его сочиненія: „о государственномъ управленіи“ и „о боевыхъ силахъ государства и о придворныхъ порядкахъ и церемоніяхъ“; въ послѣднемъ разсказывается и о пребываніи русской Ольги въ Константинополѣ. Многіе императоры, сами ученые и писатели, покровительствовали просвѣщенію; во дворцѣ находилась аудиторія, въ которой ученые читали лекціи по философіи и математикѣ; съ софійскимъ храмомъ соединена была богатая библіотека, въ которой коллегія двѣнадцати ученыхъ духовныхъ разработывала и преподавала богословіе и другія науки. Изъ ученыхъ позднѣйшаго времени замѣчателенъ въ XI ст. Михаилъ Пселлъ, котораго называютъ „полигисторомъ“ (т. е. многовѣдъ), такъ какъ онъ былъ знатокомъ не только философіи и богословія, но и математики, исторіи и медицины. Его трудъ „энциклопедія“ заключаетъ свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія.

Рядомъ съ богословіемъ, философіею и филологіею процвѣтала литература историческая, какъ лѣтописная, такъ и ученая. Изъ историческихъ писателей замѣчательны: Прискъ,

описавшій свое пребываніе при дворѣ Аттилы, Прокопій панегиристъ Юстиніана и Зосима, который изобразилъ печальныя стороны византійской имперіи съ критическимъ указаніемъ причинъ явленій. Съ исторіею Византіи въ эпоху крестовыхъ походовъ знакомятъ насъ: Зонара и Никита Хоніатъ, послѣдній былъ созременникъ основанія латинской имперіи и описалъ это событіе. Упомянемъ здѣсь двухъ историковъ позднѣйшихъ, Никифора изъ Гераклеи (XIV в.) и Халкондилу изъ Аѳинъ (XV в.); ихъ сочиненія обнимаютъ значительный періодъ времени, такъ Халкондила изложилъ событія съ конца XIII в. до второй половины XV ст., когда Константинополь былъ уже въ рукахъ Турокъ.

Вышеприведенные примѣры показываютъ, что и другія науки, географія, математика, медицина, были предметомъ изученія; ученые Греки, приглашаемые халифами, способствовали процвѣтанію этихъ наукъ у Арабовъ. Какъ развита была механика свидѣтельствуютъ нѣкоторыя работы математика и архитектора Льва, слывшаго чародѣемъ (современникъ Фотія патріарха), напр. онъ приготовилъ телеграфъ, чрезъ который при помощи двухъ часовыхъ механизмовъ могли передаваться огненные сигналы изъ Тарса въ Константинополь. Имъ же сдѣланы два органа съ золотыми трубами. Изобрѣтеніе такъ называемаго „греческаго огня“, приписываемое сирійскому греку Каллинику, свидѣтельствуетъ также о практическомъ примѣненіи свѣдѣній, добытыхъ наукою.

§ 88 б. **Арабская образованность и поэзія.** Арабская образованность развивалась подъ значительнымъ вліяніемъ византійской; халифы приглашали изъ Константинополя архитекторовъ, математиковъ, врачей. Эти ученые не только воздвигали зданія, производили межеваніе и лечили, но также преподавали въ школахъ. Главными предметами въ арабскихъ учебныхъ заведеніяхъ были реальныя науки, философія и лингвистика; трудность арабскаго языка дѣлала необходимымъ

изученіе филологіи. Науки: математику, астрономію, химію и медицину, ученые арабскіе значительно подвинули впередъ. Результаты наблюденій надъ свѣтилами небесными въ обсерваторіяхъ, снабженныхъ инструментами, и вычисленія долготы и широты, сдѣланныя арабскими астрономами, считались долгое время авторитетными. Одинъ ученый около половины XI ст. вычислилъ приблизительно вѣрно солнечный годъ, а таблицы астрономическія, особенно такъ называемыя толедскія, считались въ свое время образцовыми. Математику Арабы обогатили изобрѣтеніемъ алгебры и новой системы счисленія „арабскія цифры“. Медицину они усовершенствовали изученіемъ строенія человѣческаго организма, при чемъ, въ силу запрещенія кораномъ расчлененія человѣческаго тѣла (анатоміи), арабскіе ученые дѣлали наблюденія надъ животными. Могаммедъ ибнъ Заккарія написалъ учебникъ практической медицины, служившій руководствомъ еще въ XVI ст.; величайшимъ врачемъ считался Авиценна (XI в. имя искаженное), преподававшій медицину во многихъ городахъ газнавидскаго государства и создавшій новую систему медицины и хирургіи, которая считалась авторитетною многіе вѣка. Медицина у Арабовъ была въ тѣсной связи съ философіей; Авиценна слылъ и великимъ философомъ. Въ философіи главнымъ руководителемъ былъ Аристотель, который, впрочемъ, въ арабскихъ переводахъ явился искаженнымъ; въ такомъ видѣ, вмѣстѣ съ многочисленными комментаріями могаммеданскихъ ученыхъ, его сочиненія перешли сначала и въ Европу. Другой знаменитый врачъ-философъ Аверроэсъ расходился и въ области медицины и въ объясненіяхъ Аристотеля съ своимъ современникомъ Авиценною; отсюда и произошли двѣ школы: авиценнистовъ и аверроистовъ. Аристотелемъ пользовались въ своихъ спорахъ и могаммеданскіе богословы (споры такіе вели къ образованію многихъ сектъ); впрочемъ на философско-богословскую науку имѣла вліяніе литература санскрит-

ская и древнеперсидская. Слѣдуетъ замѣтить, что, хотя Арабы оказали важныя услуги въ области наукъ точныхъ и естественныхъ, они внесли и много фантастическаго въ эти науки благодаря своему пламенному воображенію и потому что дѣлали заимствованія у Индусовъ и Египтянъ (отсюда такія отрасли знанія какъ алхимія и астрологія). Историки и географы арабскіе также внесли вкладъ въ науку, таковы напр. Масуди (XI в.) и Абульфеда (XIII в.). Арабскіе историки и географы важны для насъ особенно потому что они сообщаютъ свѣдѣнія о Руссахъ, Болгарахъ и Хазарахъ.

Въ государствахъ могаммеданскихъ процвѣтала поэзія. Чисто народная у Арабовъ до появленія ислама, она сдѣлалась впослѣдствіи придворною; поэты воспѣвали халифовъ и султановъ, которые имъ покровительствовали. Самые замѣчательные поэты жили при дворѣ газнавидскомъ; одинъ изъ нихъ, прозванный Фердуси (что значитъ „райскій“ XI в.), извѣстенъ своею историческою поэмою „шахнаме“, въ которой расказана исторія Персіи съ древнѣйшихъ временъ; герой поэмы сначала баснословный Рустемъ, а потомъ Искандеръ, т. е. Александръ македонскій. Не менѣе славенъ другой современный поэтъ Анссари „царь стихотворцевъ“. Укажемъ на развитіе сказки и басни. Особенно замѣчательна „тысяча и одна ночь“, сборникъ сказокъ, заимствованныхъ изъ Индіи. Изъ Индіи же перенесены были и басни Бидпаи; переложенныя на арабскій и персидскій языки, онѣ потомъ были переведены и на европейскіе.

§ 88 в. **Западно-европейская образованность въ эпоху крестовыхъ походовъ.** Столкновенія съ Греками и могаммеданскимъ міромъ много способствовали распространенію образованія въ западной Европѣ. Аристотель, котораго дотолѣ знали лишь въ отрывкахъ, сталъ съ XII в. доступнѣе, благодаря арабскимъ комментаріямъ и болѣе полнымъ переводамъ на латинскій языкъ. Сочиненія этого великаго мысли-

теля древности служили руководствомъ средневѣковымъ ученымъ, которые носили общее названіе *схоластиковъ* (отъ schola, т. е. школьная наука). Схоластики, исключительно духовнаго званія, были по преимуществу богословы-философы и свои знанія предлагали къ услугамъ церкви. За немногими исключеніями схоластики доказывали въ своихъ сочиненіяхъ непреложность тѣхъ ученій, которыхъ придерживалась римская церковная іерархія. Доказательства они черпали изъ разума путемъ доводовъ, толкованій, пользуясь законами мышленія Аристотеля и подтверждая свои заключенія ссылками на священное писаніе, отцовъ церкви и пр. Въ умѣньи ставить вопросы и давать отвѣты, дѣлать выводы, заключенія, ученые изощрились до тонкости и изобрѣтательности, дальше которыхъ трудно было идти. Разница въ пріемахъ полемики и толкованіи приводимыхъ текстовъ повела къ обычаю ученыхъ споровъ или *диспутовъ;* послѣдніе замѣняли ученымъ турнирные бои,—они сражались, нападая на противника всѣми ухищреніями искусной діалектики (силлогизмами, софизмами и пр.). Диспуты были общенародныя учрежденія, одни интересы и одинъ языкъ давали имъ такой характеръ; ничтожное распространеніе рукописныхъ книгъ и совершенное отсутствіе періодическихъ изданій дѣлали диспуты необходимыми. Постепенно въ схоластической наукѣ выработались два направленія, именно: *номинализмъ* и *реализмъ*; они расходились во взглядахъ на понятія. *Реалисты*, послѣдуя Платону, считали понятія самостоятельно существующими идеями въ смыслѣ вещи (res); *номиналисты* давали имъ, согласно съ Аристотелемъ, значеніе представленій съ особыми именами (nomen). Представителемъ первой школы или направленія былъ Ансельмъ кантерберійскій (конца XI в.), а второй Абеляръ (XII в.) *).

*) Абеляръ между прочимъ извѣстенъ своею любовью къ Элоизѣ, которая, подобно ему, знакома была съ древними языками; ихъ переписка считалась образцовою и была переведена на всѣ языки.

Въ XIII ст. эти школы получили еще другія названія отъ двухъ знаменитыхъ писателей, италіанскаго доминиканца Ѳомы аквинскаго номиналиста и англійскаго францисканца Дунса Скота реалиста,—отсюда *ѳомисты* и *скотисты*. Въ лицѣ этихъ двухъ богослововъ-философовъ схоластика достигла полнаго своего развитія и за тѣмъ пошла къ упадку, какъ и само зданіе папскаго абсолютизма. Ѳомистамъ, и въ томъ числѣ основателю школы, римская церковь обязана выработкою многихъ своихъ ученій, напр. объ отпущеніи грѣховъ или индульгенціяхъ, о чистилищѣ, о причащеніи мірянъ подъ однимъ видомъ. Какъ противовѣсъ разсудочно-философскому направленію схоластики явилась *мистика*, стремившаяся познать божественную истину сердцемъ; опыту и разсужденіямъ схоластиковъ мистики противопоставили умерщвленіе страстей, молитву и созерцаніе. Замѣчательнымъ представителемъ мистицизма былъ св. Бернардъ клервоскій, противникъ Абеляра. Схоластика нисколько не подвинула положительнаго знанія; обращая главное вниманіе не на содержаніе, а на подведеніе знанія подъ условныя формы, схоластика задавалась рѣшеніемъ вопросовъ, не имѣвшихъ никакого значенія для человѣка, напр. какого роста былъ Голіаѳъ, во сколько разъ объемъ мозга человѣка меньше объема всей вселенной. Понятно, что такая наука была безжизненна и тѣмъ не менѣе она сослужила свою службу человѣчеству тѣмъ, что шевелила умы и не позволила свойственной человѣку пытливости уснуть.

Посѣщеніе арабскихъ школъ въ Испаніи и знакотство съ греческими и арабскими писателями распространили въ западной Европѣ интересъ къ наукамъ реальнымъ и точнымъ —къ химіи, астрономіи, математикѣ. Правда, и эти науки, подобно философіи, были въ рукахъ духовенства и, рядомъ съ научными изслѣдованіями и опытами, уживалась вѣра въ сверхъестественное. Отсюда, какъ и у Арабовъ, *астрологи*

читавшіе по звѣздамъ судьбу человѣка, *алхимики*, искавшіе такъ называемаго философскаго камня, который можетъ превращать металлы въ золото, лечить всѣ болѣзни и возвращать молодость. Изъ наиболѣе выдающихся ученыхъ, занимавшихся естественными науками, физикою, астрономіею, назовемъ Іоанна салисберійскаго и Рожера Бако въ Англіи, Альберта Великаго въ Германіи, Венсанъ де Бове во Франціи (первый въ XII, остальные въ XIII ст.). Бако напр. открывалъ законы отраженія и преломленія свѣта, такъ что нѣкоторые приписываютъ ему изобрѣтеніе очковъ и увеличительнаго стекла; повидимому ему извѣстенъ былъ составъ пороха, но и онъ платилъ дань времени, вѣрилъ въ *магію* (волшебную науку) и какъ колдунъ, имѣвшій по понятіямъ того времени сношенія съ дьяволомъ, поплатился тюремнымъ заключеніемъ. Такую же извѣстность чародѣя пріобрѣлъ Альбертъ кельнскій, называемый Великимъ, знатокъ многихъ наукъ и особенно занимавшійся ботаникою и зоологіею. Труженики эти имѣютъ для насъ важное значеніе не столько по добытымъ ими научнымъ результатамъ, сколько потому, что они были представителями пытливости въ такое время, когда мысль человѣческая была скована церковнымъ авторитетомъ и въ обществѣ повсюду господствовала масса предразсудковъ. Ихъ любовь къ наукѣ, любовь къ истинѣ была такъ велика, что ихъ не устрашала тюрьма или костеръ инквизиціи. А инквизиція средневѣковая жгла не только еретиковъ, но и колдуновъ и вѣдьмъ *).

Изъ ученыхъ государей, кромѣ Фридриха II Гогенштауфена, назовемъ кастильскаго короля Альфонса X Мудраго,

---

*) Въ существованіи вѣдьмъ вѣрили повсемѣстно. Таковыми считались женщины, имѣвшія сношенія съ силами ада. Ихъ преслѣдовала безпощадно и духовная и свѣтская власть: истребленіе ихъ бывало однимъ изъ поводовъ къ введенію въ иной странѣ инквизиціи.

любившаго заниматься астрономіею: по его желанію арабскіе и еврейскіе астрономы составили такъ называемыя „альфонсовы небесныя таблицы“.

Пробудившійся интересъ къ знанію потребовалъ и учрежденія высшихъ учебныхъ заведеній—монастырскія училища не удовлетворяли. Высшія школы получили названіе *университетовъ*. Одинъ или нѣсколько ученыхъ собирали учениковъ и устраивалась по средневѣковому обычаю коррпорація съ уставами, правами, выборными должностными лицами (ректоромъ, деканами); корпорація такая и называлась *universitas* (университетъ). Преподаваніе было изустное и замѣчательные преподаватели привлекали отовсюду слушателей. Лучшими университетами считались: парижскій, въ которомъ процвѣтало богословіе, салернскій, славившійся медициною, болонскій—изученіемъ права; назовемъ еще оксфордскій въ Англіи, возникшій изъ школы, основанной Альфредомъ В., и саламанкскій въ Испаніи.

Наука права развилась благодаря изученію „corpus juris“; ученая обработка этого свода изъ Италіи распространилась по всей Европѣ. Мы знаемъ, какое важное значеніе получили легисты, они и позднѣе доктора права много способствовали торжеству монархическаго принципа, при ихъ содѣйствіи совершенствовались европейскія законодательства. Уже въ XIII в. въ Германіи появились новые сборники законовъ, таковы „зерцала“ саксонское и швабское,—это попытки подъ вліяніемъ римскаго права согласовать право народное и королевско-феодальное. Къ тому же времени относится и появленіе городоваго права магдебургскаго, любекскаго и пр. Римское право имѣло большое вліяніе и на право каноническое или сборники церковныхъ законовъ.

Исторія оставалась по прежнему еще нѣкоторое время въ рукахъ духовныхъ лицъ; ихъ хроники и анналы, написанныя дурнымъ латинскимъ языкомъ, отличались сухостью

изложенія и отсутствіемъ всякой критики. Болѣе замѣчательны слѣдующіе лѣтописцы: монахъ Матвѣй (назыв. парижскимъ), описавшій событія въ Англіи отъ Вильгельма З. до половины XIII ст.; Вильгельмъ тирскій историкъ перваго крестоваго похода; Оттонъ Фрейзингенскій, разсказавшій дѣла Фридриха II. Крестовые походы не остались безъ вліянія на историческую литературу, нашлись міряне, которые въ своихъ мемоарахъ или запискахъ на народномъ языкѣ разсказали современныя событія. Ихъ повѣствованія имѣютъ то преимущество предъ латинскими хрониками, что авторы—сами участники или свидѣтели событій—знакомятъ насъ съ общественною жизнью и нравами эпохи. Обилуя анекдотами, разговорами, они наглядно изображаютъ придворный бытъ, рыцарскіе подвиги, битвы и проч. Примѣръ подала Франція, два рыцаря Виллегардуенъ и Жоанвилль описали: первый—четвертый крестовый походъ, а второй—походъ Людовика IX въ Египетъ. Они нашли подражателей въ Италіи и Испаніи, такъ Малеспини написалъ исторію Флоренціи до конца XIII ст.

§ 89. **Рыцарская поэзія.** Вплоть до крестовыхъ походовъ поэтами, какъ и учеными, были исключительно духовныя лица; въ стихахъ на латинскомъ языкѣ клирики разсказывали легенды о святыхъ, событія священной исторіи, а иногда дѣла Александра македонскаго или другіе эпизоды изъ древняго міра. Но когда крестовые походы выдвинули на первый планъ военные подвиги и служеніе женщинѣ, поэтическая муза переходитъ къ рыцарямъ и наступаетъ періодъ рыцарской поэзіи на языкѣ живомъ. Отечествомъ ея была Франція и притомъ въ южной преобладала лирическая, а въ сѣверной эпическая поэзія. Во Франціи выработались два нарѣчія языка романскаго, получившія названіе отъ слова, которымъ обозначалась утвердительная частица (да); языкъ Прованса и Лангедока назывался *langue d'oc*, а языкъ сѣверной Франціи *langue d'oïl* (*d'oui*); изъ послѣдняго произо-

шелъ литературный французскій языкъ. Обѣ вѣтви романо-французскаго языка были очень распространены не только у родственныхъ романскихъ народовъ въ Испаніи и Италіи, но и въ Англіи, куда занесенъ былъ французскій языкъ Норманнами, а также въ Германіи. Благодаря этому, рыцарская французская поэзія сдѣлалась такимъ же общимъ достояніемъ, какъ и латинская схоластика.

Лирическая рыцарская поэзія можетъ быть названа провансальскою, такъ какъ Провансъ, въ южной Франціи, былъ ея разсадникомъ. Югъ Франціи былъ въ эпоху крестовыхъ походовъ самою образованною страною—это потому, что здѣсь больше чѣмъ гдѣ либо сохранились послѣ варварскаго погрома остатки греко-римской цивилизаціи и сюда проникала арабская образованность изъ сосѣдней Испаніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ участіе французскихъ рыцарей въ священной брани ислама и христіанства на *пиринейскомъ* полуостровѣ поддерживало рыцарскій духъ съ его подвигами и приключеніями. При дворахъ графовъ тулузскихъ и герцоговъ бургундскихъ рыцари не только ломали копья на турнирахъ, но и пробавлялись „веселою наукою“ (gaie science, gaya scienza) и преклонялись предъ дамскими судилищами любви (cours d'amour). Утонченное обращеніе съ courtoisie и веселые пиры, облагораживаемые звуками музыки и пѣнія, дѣлали южную Францію законодательницею вкуса и модъ тогдашняго европейскаго общества.

Рыцари—поэты въ южной Франціи назывались *трубадурами*, въ сѣверной *труверами;* въ Германіи они извѣстны подъ именемъ *миннезингеровъ*. Хотя многіе короли, герцоги и графы считали за честь принадлежать къ трубадурамъ (напр. Фридрихъ II, Ричардъ Львиное Сердце, Тибо, графъ шампанскій), но по большей части трубадурами были менѣе знатные рыцари; они нерѣдко переходили изъ замка въ замокъ, прославляли въ пѣсняхъ ихъ владѣльцевъ и по-

лучали изъ рукъ дамъ подарки—лошадь, вооруженіе и пр., пѣніе они сопровождали игрою на гитарѣ или арфѣ. Иные трубадуры пренебрегали исполненіемъ пѣсень и только сочиняли ихъ; у такихъ въ услуженіи были пѣвцы, такъ называемые *жонглеры* (въ сѣверной Франціи они назывались *менестрели*), для которыхъ искусство было ремесломъ, съ которымъ они соединяли иногда гаерство и показываніе фокусовъ. Лирическая поэзія трубадуровъ представляла нѣсколько видовъ: преобладающими были любовныя пѣсни то веселаго, то грустнаго настроенія, онѣ назывались *lais* или *романсы;* другой видъ *сирвенты* рисовали общественный бытъ или возбуждали ратный духъ, были и сирвенты, обличавшія въ ѣдкой сатирѣ злоупотребленіе духовенства и князей; тенцоны—это стихотворенія, слагавшіяся для состязаній, а такія состязанія между рыцарями—поэтами бывали и споръ о первенствѣ рѣшали знатныя дамы и присуждали награду побѣдителю. Самыми замѣчательными трубадурами были: Бертранъ де Борнъ, Вильгельмъ аквитанскій, Бернаръ де Вантадуръ; изъ нѣмецкихъ миннезенгеровъ извѣстны: Вальтеръ фонъ деръ Фогельвейде, Гартманъ фонъ Ауэ, Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ.

Эпическая рыцарская поэзія черпала содержаніе отчасти изъ древняго міра (троянская война, Александръ М.), но главнымъ образомъ изъ народныхъ средневѣковыхъ сказаній. Два цикла этихъ жившихъ въ устахъ народа поэтическихъ сказаній доставляли преимущественно матеріалъ для рыцарскихъ повѣстей или романовъ—это циклъ о Карлѣ В. и его 12 *паладинахъ* и циклъ объ Артурѣ съ его *круглымъ столомъ*. Карлъ В. считался образцомъ христіанина и рыцаря, онъ воевалъ съ язычниками и мусульманами, смирялъ непокорныхъ вельможъ и, по народнымъ преданіямъ, завоевалъ Іерусалимъ и освободилъ Римъ отъ Сарацинъ. Любимыми романами изъ этого цикла были: пѣснь о Роландѣ, погиб-

шемъ въ ронсевальской долинѣ, и расказъ о четырехъ сыновьяхъ Аймона (les quatre fils d'Aymon), въ которомъ изображаются отношенія Карла къ вассаламъ. Древнѣйшею обработкою *роландовой* пѣсни является „roman de Roncevaux“ (романъ о Ронсево), а расказа о сыновьяхъ Аймона—„Renaud de Montaban“ (Рено де Монтабанъ); авторомъ послѣдняго былъ труверъ Huon de Villeneuve (Гионъ де Вилльневъ). Циклъ объ Артурѣ и рыцаряхъ круглаго стола относится къ сказаніямъ о геройской борьбѣ короля Бриттовъ Артура противъ Англосаксовъ, воспѣтой бардами. Позднѣйшія преданія представляютъ Артура идеаломъ рыцаря, основавшаго товарищество рыцарей „круглаго стола“; король и его сподвижники превосходятъ всѣхъ на войнѣ и турнирѣ. Къ этимъ сказаніямъ присоединилось, подъ вліяніемъ религіознаго настроенія эпохи, сказаніе о *святомъ граалѣ*. Св. граалемъ называется драгоцѣнная чаша, изъ которой I. Христосъ вкушалъ послѣднюю земную трапезу и въ которую Іосифъ аримаѳейскій собралъ кровь Спасителя при распятіи; чаша хранится въ замкѣ на неприступной горѣ и обладаетъ таинственною силою доставить тому, кто узритъ ее, исполненіе желаній, исцѣленіе отъ болѣзни и обиліе земныхъ богатствъ. Но удостоиться такого счастія можетъ только рыцарь, преданный Богу, безукоризненнаго поведенія и отмѣнной храбрости; только предъ нимъ раскроются двери чуднаго храма, созданнаго чудесною силою самой чаши. Наиболѣе замѣчательны изъ артуровскаго цикла расказы о „Тристанѣ и Ансело“ и ихъ любовныхъ приключеніяхъ; изъ нихъ въ XII в. Chrétien de Troyes (Христіанъ де Троа) составилъ романъ „chevalier de la charette“. Изъ этого же цикла съ св. граалемъ извѣстна повѣсть о Парсивалѣ; повѣсть эта послужила многимъ поэтамъ темою для ихъ стихотворныхъ романовъ; кромѣ выше названнаго Христіана извѣстны поэтическія произведенія о Парсивалѣ провансальца Guiot (Гийо) и Вольфрама фонъ Эшенбаха.

Особый болѣе мѣстный циклъ составляютъ сказанія о подвигахъ Сида въ борьбѣ съ Маврами на *пиринейскомъ* полуостровѣ. Изъ этихъ народныхъ пѣсень о Сидѣ брали содержаніе испанскіе труверы для своихъ повѣстей или „романсеро“.

Къ рыцарской романтической поэзіи примыкаютъ повѣсти менѣе возвышеннаго характера, это fabliaux или contes, расказы и сказки наставительнаго или сентиментальнаго направленія; юморъ и подъ часъ пошлость составляютъ ихъ отличительную черту (здѣсь замѣтно вліяніе арабскихъ сказокъ). Fabliaux представляютъ переходъ отъ поэзіи рыцарской къ буржоазной. Вообще рыцарская поэзія процвѣтала въ XII и XIII столѣтіяхъ, съ вырожденіемъ рыцарства упала и поэзія трубадуровъ и перешла въ другія руки. Мы знаемъ, какой ударъ нанесенъ ей былъ на родинѣ въ Провансѣ альбигойскими войнами.

Одновременно съ рыцарскими романами существовалъ народный эпосъ и такъ называемый животный. Послѣдній особенно развился въ Нидерландахъ среди богатаго городскаго населенія и нашелъ потомъ повсюду подражателей. Изъ наблюденій надъ жизнью животныхъ народъ выводилъ примѣры и поученія для собственнаго обихода—отсюда возникали нравоучительныя басни или краткіе стихотворные расказы, а позднѣе и большія повѣсти, въ которыхъ въ образѣ звѣрей представлялись разныя общественныя отношенія съ намеками иногда на современныхъ лицъ. Наиболѣе замѣчателенъ романъ о лисицѣ, обработанный во Франціи подъ названіемъ „roman de Renart“ и въ Германіи подъ именемъ „Reineke Fuchs“.

Изъ древнегерманскихъ народныхъ сказаній, именно переходившихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе сагъ о Дитрихѣ (Теодорихѣ В.) и Эцелѣ (Аттилѣ), сложилась въ XII ст. поэма „пѣснь о Нибелунгахъ“. Этотъ искусственно обрабо-

танный народный эпосъ отличался отъ рыцарскаго бо́льшею объективностью; личность поэта исчезаетъ и на первомъ планѣ событія и жизнь съ ея разнообразными проявленіями въ героическую эпоху.

Что касается собственно народной поэзіи, то она, какъ выразительница языческихъ вѣрованій, преслѣдовалась духовенствомъ и жила украдкой; хранителями ея были кельтическіе барды Шотландіи и Ирландіи и скандинавскіе *скальды*. Впослѣдствіи остатки этой поэзіи собраны были учеными, таково собраніе скандинавскихъ сагъ подъ названіемъ „эдды“ (см. § 104).

§ 90 а. **Образовательныя искусства. Византія.** Первое мѣсто между образовательными искусствами въ средніе вѣка принадлежитъ архитектурѣ. *Византійскій стиль* выработался изъ древняго греко-римскаго. Первыя христіанскія церкви строились по образцу римскихъ базиликъ—то были четырехугольныя продолговатыя зданія, въ которыхъ происходилъ судъ; мѣсто судейскаго трибунала заступилъ алтарь и эта часть храма называлась „абсидъ“; остальное зданіе, получившее названіе „нефа“ или *корабля*, предназначенное для молящихся, раздѣлено было двумя рядами колоннъ на средній и два боковыя корабля. Постепенно видоизмѣняясь базилика въ Византіи получила форму креста и притомъ квадратнаго, вслѣдствіе вставки между нефомъ и абсидомъ поперечнаго корабля, выдающагося наружу. Такая квадратная форма постройки и осталась характеристическимъ признакомъ византійскаго стиля во всѣ средніе вѣка; другія его особенности: круглые своды и куполы, которые ставились на четырехъ концахъ креста и пятый на пересѣченіи продольнаго и поперечнаго корабля. Самымъ замѣчательнымъ памятникомъ византійскаго стиля былъ софійскій соборъ въ Константинополѣ (строитель его архитекторъ Антемій). Византійская Софія своею симметріею, великолѣпіемъ отдѣлки, своими ко-

лоннами, въ значительной степени взятыми изъ древне греческихъ храмовъ, богатствомъ золотыхъ и мраморныхъ украшеній, долгое время считалась чудомъ искусства. Византійскій стиль, перешедшій къ намъ, процвѣталъ также въ Италіи, а лучшими памятниками были храмъ св. Виталія въ Равеннѣ и св. Марка въ Венеціи. Живопись, бывшая въ рукахъ монаховъ и служившая исключительно церкви, лишена была творчества; строго храня преданія, иконописцы рисовали тощія фигуры съ удлиненнымъ лицомъ, что́ требовалось для возбужденія религіознаго настроенія. Пластика, преимущественно рельефы, также должна была подчиняться требованію церкви, художникъ не могъ предаться вдохновенію, а обязанъ былъ копировать установленное. Болѣе замѣчательны мозаичныя работы по своей техникѣ.

§ 90 б. **Западная Европа**. И въ западной Европѣ первое мѣсто между образовательными искусствами занимала архитектура. Служа и здѣсь главнымъ образомъ церкви, зодчество, подобно поэзіи, съ XIII в. переходитъ въ руки мірянъ: большіе города стали соперничать съ государями и епископами въ сооруженіи храмовъ. Западно-романскій стиль также выработался изъ древней базилики, но при этомъ удержалъ унаслѣдованную форму, вслѣдствіе чего отъ присоединеніе поперечнаго корабля получился продолговатый крестъ. Это и составляетъ отличіе *романскаго стиля* отъ византійскаго; общая обоимъ черта—круглые своды; куполы путемъ заимствованія перешли также на западъ. Пизанскій соборъ—лучшій памятникъ западнаго стиля. Романскій стиль подъ вліяніемъ двухъ главныхъ началъ средневѣковой жизни, церкви и феодализма, постепенно видоизмѣнялся и съ XIII в. сталъ называться *готическимъ*. Вмѣстѣ съ турнирами и рыцарской поэзіей стиль этотъ получилъ начало во Франціи. Главныя особенности готическаго стиля: стрѣльчатые своды, стремленіе въ высоту, что выражало порывъ души къ небу,

стройныя башенки у входа; стрѣльчатыя съ разноцвѣтными стеклами окна поддерживали въ храмахъ полумракъ и способствовали молитвенному настроенію. Къ замѣчательнымъ памятникамъ готической архитектуры принадлежатъ: соборы въ Кельнѣ и Страсбургѣ, соборъ Богоматери въ Парижѣ (Notre dame de Paris), вестминтерское аббатство въ Лондонѣ. Готическіе соборы строились десятки, иногда сотни лѣтъ— вотъ почему для сооруженія ихъ образовывались строительныя товарищества изъ архитекторовъ, каменьщиковъ, плотниковъ и пр, Эти товарищества назывались *ложами* отъ зданія, которое воздвигалось вблизи мѣста постройки; въ такой ложѣ собирались, нерѣдко жили, на подобіе монашеской обители, рабочіе. Многія ложи составляли корпорацію, которая получала права и между прочимъ право собственнаго суда; при этомъ ложи данной мѣстности подчинялись одной центральной. Члены этихъ корпорацій, называемые „вольными каменьщиками“ („франкмасонами“), обязаны были хранить въ тайнѣ свое знаніе и искусство и передавать ихъ только посвященнымъ; они узнавали другъ друга по условнымъ знакамъ, способу поклона и рукопожатія. Кромѣ соборовъ въ готическомъ стилѣ воздвигались средневѣковые замки и городскія ратуши. Какъ въ храмѣ выражена была религіозная идея среднихъ вѣковъ, такъ въ готическомъ замкѣ воинственный харахтеръ времени—феодалъ требовалъ не красоты и удобства отъ своего жилища, а безопасности и возможности обороняться, отсюда многія башни, рвы, подъемные мосты, подземные ходы. И на постройкѣ монастырей отразилась эпоха, они также окружались зубчатыми стѣнами, башнями и проч.

Другія искусства, скульптура и живопись, не имѣли самостоятельнаго значенія. Украшая церкви, они подчинялись идеѣ, господствовавшей въ архитектурѣ. Статуи Христа и святыхъ, украшавшія католическіе храмы, далеки были отъ

естественности и красоты античныхъ произведеній. Живопись мало примѣнялась въ западныхъ храмахъ и только въ XIII в. Чимабуэ познакомилъ Италію съ византійскою живописью, онъ же первый ввелъ больше жизненности въ изображеніи лица. Въ послѣдующіе вѣка живопись подвинута была и возведена на степень самостоятельнаго искусства въ Италіи художниками Джіотто (XIV) и Масаччіо (XV). Кромѣ Италіи въ концѣ среднихъ вѣковъ живопись расцвѣла и въ Нидерландахъ трудами братьевъ Ванъ Эйкъ, которые изобрѣли масляныя краски. Какъ особый видъ живописи отмѣтимъ миніатюрную или искусство разрисовывать заглавіе и начальныя буквы въ рукописяхъ. Рѣзьба на деревѣ, слоновой кости, рисованіе на стеклѣ и мозаика служили для украшенія храмовъ и замковъ.

§ 90 в. **Могаммеданскій міръ.** Въ багдадскомъ халифатѣ подъ вліяніемъ византійскаго стиля, принесеннаго греческими архитекторами, выработался такъ называемый *мавританскій* стиль. Главныя его особенности: подковообразная форма и круглые куполы мечетей, стройныя башенки, легкія колонны и масса разнообразныхъ украшеній, извѣстныхъ подъ именемъ *арабесковъ*; арабески представляютъ искусственное сочетаніе цвѣтовъ, листьевъ и геометрическихъ фигуръ. Скульптура и живопись не могли развиться въ мусульманскомъ мірѣ, такъ какъ коранъ запрещалъ изображеніе людей и животныхъ. Изъ архитектурныхъ памятниковъ въ Испаніи, гдѣ и самый стиль получилъ названіе, замѣчательны кордовская мечеть и дворецъ *альгамбра*.

VI Пиринейскій полуостровъ до конца XIII столѣтія.

§ 91. **Кордовскій халифатъ. Кастилія, Арагонія, Португалія.** Въ то самое время какъ на востокѣ шла борьба между христіанствомъ и мусульманствомъ, *пиринейскій* полуостровъ переживалъ свою эпоху крестовыхъ походовъ. Нерѣдко въ этой борьбѣ принимали участіе и крестоносцы другихъ странъ, но вообще это былъ мѣстный продолжительный поединокъ Мавровъ съ Вестготами. Начавшись гораздо раньше XI столѣтія и оконченная только въ XV, восьмивѣковая почти борьба могаммеданъ съ христіанами въ Европѣ имѣла иной исходъ, чѣмъ въ Азіи: на *пиринейскомъ* полуостровѣ христіане восторжествовали и создали государства, которыя въ концѣ среднихъ и началѣ новыхъ вѣковъ заняли важное мѣсто въ исторіи. Крестовые походы на *пиринейскомъ* полуостровѣ представляютъ въ миніатюрѣ тѣ же явленія, какія мы видѣли на востокѣ: рыцарскіе подвиги и романическія приключенія, союзы христіанъ съ мусульманами противъ своихъ единовѣрцевъ, образованіе городскихъ общинъ и учрежденіе духовно-рыцарскихъ орденовъ. Вотъ краткій очеркъ исторіи полуострова до конца XIII столѣтія.

Почти непосредственно послѣ завоеванія Испаніи Маврами, потомки Вестготовъ, укрывшихся подъ начальствомъ Пелайо въ горахъ, начали наступательныя дѣйствія. Война увѣнчалась успѣхомъ, христіане отняли у Мавровъ всю Астурію и преемники Пелайо утвердили свою столицу въ Овіедо; въ слѣдующемъ столѣтіи христіанское государство обнимало уже, кромѣ Астуріи, Галицію и Бискайю и отъ новой столицы назвалось Леонъ. Съ другой стороны восточнѣе возникло королевство наварское, а въ испанской маркѣ, учрежденной Карломъ В., возвысились графы барцелонскіе. Короли леонскіе выдвинули свои передовые посты по ту сторону Миньо, а короли наварскіе и графы барцелонскіе оттѣснили Мавровъ

за Эбро. Въ X вѣкѣ успѣхи христіанъ пріостановились— въ это время кордовскій халифатъ, раздираемый прежде усобицами, достигъ необыкновеннаго блеска и могущества. Въ царствованіе Оммайядовъ: Абдеррахмана III и его сына Гакема II и въ правленіе при слѣдующемъ халифѣ *визиря* (министра) Альманзора, кордовскій халифатъ соперничалъ съ другими могаммеданскими государствами въ наукахъ и искусствахъ, промышленности и торговлѣ; города украсились дворцами, мечетями, садами. Вмѣстѣ съ тѣмъ халифы покрыли себя славою побѣдъ и христіане не разъ терпѣли пораженіе; безпрерывныя битвы происходили на берегахъ Дуэро, Мавры проникали въ центръ христіанскихъ владѣній, такъ Альманзоръ завладѣлъ самимъ Леономъ и святынею Сантъ Яго (церковь въ честь св. Яго или Якова, который считается первымъ проповѣдникомъ христіанства въ Испаніи). Но послѣ смерти Альманзора кордовское государство стало упадать; случилось то же, что со всѣми мусульманскими государствами: усобицы, возстанія, споры за престолъ, послѣдніе сопровождались гибелью рода Оммайядовъ и около половины XI ст. халифатъ раздробился на мелкія части, каковы Севилья, Кордова, Гранада и др. Для христіанъ наступаетъ теперь опять благопріятное время и рядомъ съ новыми успѣхами оружія начинаютъ вырабатываться и государственные порядки; короли надѣляютъ не только два высшія сословія, но и города и цѣлыя мѣстности правами и преимуществами, такъ называемыми „fueros“. Съ половины XI ст., вмѣсто прежнихъ государствъ Леона и Наварры, выдвигаются новыя: Кастилія и Арагонія; они изъ вассальныхъ графствъ становятся самостоятельными королевствами. Основателемъ кастильскаго былъ сынъ Санхо В. наварскаго Фердинандъ, который въ 1037 г. по прекращеніи дома Пелайо, соединилъ Леонъ и Кастилію въ одно государство. Другой сынъ того же Санхо получилъ арагонское графство и назвался королемъ, а нѣсколько позд-

нѣе съ Арагоніею соединилась Каталонія (графство барцелонское) *) и временно Наварра. Въ эпоху перваго крестоваго похода возникло третье христіанское государство Португалія, именно Генрихъ бургундскій получилъ сѣверную часть Лузитаніи въ ленъ отъ короля кастильскаго, но вскорѣ сдѣлался независимымъ. Хотя эти три государства, Кастилія, Арагонія и Португалія, нерѣдко враждовали между собою и страдали отъ внутреннихъ смутъ, но то порознь, то совмѣстно продолжали наступательныя дѣйствія на Мавровъ. Успѣхи христіанъ встревожили мусульманъ и они обращали свои взоры въ Африку, гдѣ время отъ времени появлялись фанатическія секты, которыя, воодушевляемыя исламомъ, создавали оружіемъ сильныя государства, таковы секты: *моравиды*, *альмогады*. Моравиды, призванные изъ Марокко мелкими испанскими эмирами, нанесли христіанамъ сильное пораженіе (въ 1086 г.) и утвердились въ значительной части могаммеданской Испаніи. Впрочемъ христіане не только упорно отстаивали добытое предками, но проникали въ самое сердце оставшагося мавританскаго владычества. Героемъ борьбы былъ Родриго Діацъ, прозванный Сидомъ и Кампеадоромъ (что значитъ несравненный боецъ); его подвиги и рыцарская доблесть воспѣты въ многочисленныхъ романсахъ (romanceros). Альфонсъ I арагонскій завоевалъ (въ 1118 г.) Сарагоссу и сдѣлалъ ее своею столицею, а сынъ перваго португальскаго графа тоже Альфонсъ I послѣ побѣды надъ Маврами (при Урикѣ въ 1139 г.) принялъ титулъ короля и нѣсколько лѣтъ спустя, при помощи нидерландскихъ крестоносцевъ, завоевалъ Лиссабонъ и нѣкоторые другіе города. Около этого времени моравидовъ, и въ Марокко и въ Испаніи, смѣнили альмогады,

*) Графы барцелонскіе владѣли и многими землями по ту сторону Пиринеевъ, въ южной Франціи, какъ Руссильонъ, Каркасоннъ, часть Прованса.

но и съ этою новою вспышкою мусульманскаго фанатизма справились христіане *). Правда, христіане не разъ терпѣли пораженія, но наконецъ соединенными усиліями трехъ королевствъ одержана была надъ вождемъ альмогадовъ блистательная побѣда при Толозѣ въ Сіерра Моренѣ въ 1212 г. Съ этихъ поръ и въ теченіе цѣлаго XIII ст. христіане быстро раздвигаютъ свои предѣлы, Кастилія на югѣ, Арагонія на востокѣ. Такъ Яковъ I Завоеватель арагонскій около 1250 г. присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Валенцію и *балеарскіе* острова, а сынъ его Петръ III пріобрѣлъ, какъ мы знаемъ, для своего дома Сицилію. Одновременно король кастильскій Фердинандъ III Святой увеличилъ свое государство присоединеніемъ Севильи, Кордовы и Кадикса, такъ что Кастилія со всѣхъ сторонъ окружала владѣнія Мавровъ, сосредоточенныя въ Гранадѣ. Около того же времени и Португалія достигла своихъ историческихъ предѣловъ. Сынъ Фердинанда III Альфонсъ X Мудрый король кастильскій (1251—1284) извѣстенъ своими заботами о просвѣщеніи, онъ расширилъ права саламанкскаго университета. Послѣ его смерти въ Кастиліи наступили продолжительныя смуты.

Безпрерывныя священныя войны, поддерживая воинственный духъ, привили Испанцамъ религіозную нетерпимость, которая на долго сдѣлалась отличительною чертою народнаго характера; онѣ же поселили, особенно въ дворянствѣ, презрѣніе къ мирному промышленному труду. Понятно, что папство и духовенство должны были пріобрѣсти въ государствахъ *пиринейскаго* полуострова большое значеніе—короли арагонскій и португальскій признавали себя папскими вассалами. Всякая попытка порвать зависимость отъ куріи, а также браки королей съ близкими родственницами влекли за

*) Въ Кастиліи образовались въ XII ст. духовно-рыцарскіе ордена: *алькантара*, *калатрава*, *сантъ-яго ди компостелья*, а въ Португаліи *эвора*.

собою церковное отлученіе и подстрекательство дворянъ къ возстанію противъ своего государя. Дворяне *(гранды)*, гордые подвигами своихъ предковъ, считали себя равными королю и нерѣдко съ оружіемъ добивались разныхъ правъ; безъ согласія дворянства и духовенства короли не могли предпринять никакого важнаго дѣла. Въ XIII ст. въ государственные сеймы были приглашены и представители богатыхъ городовъ, надѣленныхъ fueros'ами. Такъ произошли государственные чины или *кортесы*, которые получили особенное значеніе въ Арагоніи, напр. король не только не могъ издавать законы и налагать подати безъ ихъ согласія, но даже назначать своихъ совѣтниковъ; споры между королемъ и чинами подлежали разбору особаго верховнаго судьи („юстиціи“).

В. ВЛАДИМІРСКІЙ ПЕРІОДЪ УДѢЛЬНО-ВѢЧЕВОЙ РУСИ.

Отъ татарскаго нашествія до начала XIV ст.

I. Начало монгольскаго ига.

§ 92. **Первый приходъ Татаръ въ Россію.** Во время преслѣдованія ховарезмскаго хана Могаммеда (см. § 82) полководцы Чингиза проникли въ Закавказье; разгромивъ Грузію, Монголы перешли горы и, повоевавъ съ кавказскими народами (Аланами и Касогами нашихъ лѣтописей), двинулись въ степи половецкія или кипчакскія. Половцы не выдержали напора, много хановъ погибло а старшій изъ оставшихся въ живыхъ Котянъ бѣжалъ въ Галичъ и молилъ о помощи своего зятя, князя Мстислава Удалаго. Послѣдній созвалъ южнорусскихъ князей въ Кіевъ. Выслушавъ доводы Котяна *),

*) Котянъ, присутствовавшій съ другими ханами на съѣздѣ въ Кіевѣ, говорилъ: „нашу землю нынче отняли Татары, а вашу завтра возьмутъ,

собравшіеся князья: Мстиславъ галицкій, Мстиславъ Романовичъ кіевскій (изъ смоленскихъ Ростиславичей), Мстиславъ Святославичъ черниговскій, Владиміръ Романовичъ смоленскій и др. *) порѣшили идти на встрѣчу Татарамъ. Послы татарскіе, старавшіеся отвлечъ князей льстивыми рѣчами **) отъ союза съ Половцами, были убиты. Кромѣ названныхъ князей въ походѣ участвовали еще чернигово-сѣверскіе. и Даніилъ Романовичъ волынскій. Послѣ переправы черезъ Днѣпръ, Русскіе углубились въ степь и дошли до *азовскаго* моря, здѣсь на р. Калкѣ (екатеринославской губ. нынѣ Калміусъ) весною 1223 г. произошла битва, несчастная для Русскихъ. Неудача, постигшая нашихъ предковъ, произошла благодаря отсутствію согласія и единства дѣйствія между князьями. Такъ Мстиславъ Удалой, поддержанный Даніиломъ Романовичемъ и Половцами, помѣрялся раньше другихъ съ Татарами и былъ разбитъ; князь кіевскій, окопавшійся на возвышенномъ мѣстѣ, хотя и отбивался три дня, не могъ одинъ сладить съ врагомъ; Татары обманнымъ образомъ схватили его и вмѣстѣ съ двумя другими князьями задушили. Остальныхъ князей отступившихъ Татары преслѣдовали до Днѣпра, все истребляя и избивая—погибло до шести еще князей, въ томъ числѣ и Мстиславъ черниговскій. Но отъ Днѣпра Татары повернули низадъ и ушли въ Азію. Современники, повидимому, не вполнѣ ясно поняли грядущую бѣду, лѣтописецъ даже хорошо не знаетъ кто былъ страшный врагъ ***). И

защитите насъ, если же не поможете намъ то мы будемъ перебиты нынче, а вы завтра.

*) См. родословную таблицу № I.

**) Въ уста татарскихъ пословъ лѣтописецъ влагаетъ слѣдующія слова: „*пріидохомъ, Богомъ попущени, на холопи наши и на конюси свои, на поганыя Половци, а возмите съ нами миръ, а намъ съ вами рати нету*“.

***) Вотъ наивный разсказъ лѣтописца: „*Того же лѣта явишася языци ихже никтоже добрѣ ясно не вѣсть, кто суть и отколѣ изидоша, и что языкъ ихъ, и котораго племени суть и что вѣра ихъ; и зовутъ я Татары, а инии глаголютъ Таумены, а друзии Печенѣзи*“ и т. д.

князья успокоились когда гроза минула; жизнь потекла своимъ порядкомъ и по прежнему пошли усобицы. На сѣверѣ сравнительно было спокойно, но на югѣ сводились счеты преимущественно за Галичъ и Волынь. Послѣ смерти Мстислава Удалаго (1228 г.) Романовичи, Данiилъ и Василько, воевали за Галичъ съ венгерскимъ королевичемъ Андреемъ (сыномъ Андрея II), котораго крамольные бояре хотѣли имѣть княземъ; въ борьбѣ принимали участiе князья польскiе (Конрадъ мазовецкiй, союзникъ Данiила) черниговскiе и Половцы. Послѣ 10-лѣтней войны Данiилъ восторжествовалъ и утвердился на столѣ галицкомъ, а его братъ Василько держалъ всю Волынь. Около того же времени Данiилъ захватилъ и Кiевъ, который послѣ гибели Мстислава Романовича (на Калкѣ) переходилъ по прежнему изъ рукъ Мономаховичей къ Ольговичамъ. Такимъ образомъ братья Романовичи господствовали въ значительной части южной Руси и другiе князья были ихъ подручниками. Кромѣ усобицъ десятилѣтiе, слѣдовавшее за *калкскимъ* пораженiемъ, было обильно физическими бѣдствiями и явленiями природы; такъ отечество наше посѣтили наводненiе, голодъ, моръ, пожары, а въ появленiи кометы и солнечномъ затмѣнiи народъ смутно чуялъ бѣду. Случилось и рѣдкое у насъ землетрясенiе, охватившее большое пространство (1230 г.), въ Кiевѣ далъ трещины храмъ Богородицы въ печерскомъ монастырѣ въ день празднованiя памяти св. Ѳеодосiя. Наконецъ, что можно было предвидѣть, но къ чему не приготовились, случилось—это грозное нашествiе Батыя.

§ 93. **Нашествiе Батыя**. Еще при жизни Чингизъ-ханъ отдалъ Кипчакъ и земли за Каспiемъ и Ураломъ своему сыну Джучи. Его преемникъ Огодай послалъ сына Джучи, Батыя, покорить страны, подаренныя его отцу. Движенiе Батыя въ предѣлы европейской Россiи не было похоже на первый приходъ Татаръ. Въ 1223 году явилась отборная конница, а теперь двигалась 300-тысячная орда съ семействами и ста-

дами, возраставшая по пути отъ присоединенія соплеменныхъ народовъ. Покоривъ и опустошивъ по своему обычаю царство болгарское, Батый подошелъ въ 1237 г. къ русскимъ предѣламъ. Прежнія войны въ Азіи пріучили Татаръ къ извѣстной военной дисциплинѣ; искусные наѣздники они не только употребляли стрѣлы, но и другія оружія, напр. сабли; въ китайской имперіи и у *ховарезмцевъ* научились брать крѣпости и разбивать стѣны; въ случаѣ упорнаго сопротивленія въ открытой битвѣ пускались бѣжать и затѣмъ неожиданно поворачивали коней и давали отпоръ преслѣдовавшему ихъ непріятелю. Вступивъ въ страну, они разсѣвались отрядами въ разныя направленія, все опустошая, истребляя, убивая и захватывая въ плѣнъ. Русскіе князья не могли имъ противопоставить дружнаго отпора, постоянной военной силы не было, укрѣпленія были деревянныя. Вотъ почему, не смотря на отчаянное мужество и самопожертвованіе, Русскіе по частямъ должны были преклониться предъ варварами. Первые испытали погромъ *рязанцы*. Сначала князья, между которыми старшимъ былъ Юрій Игоревичъ, на требованіе десятой части отъ людей и коней, храбро отвѣтили: „когда насъ не станетъ, все будетъ ваше“ и рѣшились сопротивляться. Не получивъ просимой помощи ни отъ князей черниговскихъ, ни отъ князя владимірскаго Юрія Всеволодовича, они заперлись по городамъ, а Татары разбрелись по странѣ. Подступивъ къ городу Рязани, они разбили его стѣны и подожгли, великій князь погибъ, а семья его и родичи сгорѣли въ борисоглѣбской соборной церкви (князь Ѳеодоръ, Евпраксія, Коловратъ). За рязанскою послѣдовала суздальская земля. Поразивъ великокняжескую рать подъ Коломною, Татары разграбили какъ этотъ городъ, такъ и Москву, при чемъ захватили въ плѣнъ сына Юрія, Владиміра. Самъ Юрій II отправился на сѣверъ къ Волгѣ и поджидалъ здѣсь братьевъ и родственниковъ; между тѣмъ Татары взяли приступомъ

Владиміръ, два брата великаго князя погибли, а семья его, многіе бояре и епископъ сгорѣли въ соборномъ храмѣ Богородицы; участь стольнаго города раздѣлили Ярославль, Переяславль, Ростовъ и др. На рѣкѣ Сити (притокѣ Мологи въ нын. ярославской губ.) Юрій II противосталъ Татарамъ, но былъ разбитъ и палъ въ сраженіи, а племянникъ его Василько взятъ въ плѣнъ и убитъ (1238). Около того же времени Татары разграбили Торжокъ и пошли къ Новгороду, но разлившіяся рѣки и болота заставили ихъ повернуть назадъ; они понесли опустошеніе въ смоленскую землю, при чемъ пограничный въ сѣверской землѣ городъ Козельскъ прославился семинедѣльнымъ отчаяннымъ сопротивленіемъ, Батый истребилъ всѣхъ жителей города, а малолѣтній князь, говорятъ, утонулъ въ крови. Изъ половецкихъ степей, покореніе которыхъ было довершено, Батый послалъ отряды въ чернигово-сѣверскую землю; Черниговъ испыталъ судьбу другихъ городовъ. Докончивъ въ слѣдующемъ году покореніе сѣверовосточной Руси, а также Мордвы и приволжскихъ странъ, Батый двинулся въ югозападную Русь. Кіевъ, поразившій, по словамъ лѣтописца, красотою степныхъ варваровъ, былъ взятъ 6 декабря 1240 г., повторилось то же что и вездѣ: мужественная оборона жителей, приступъ, убійство и сожженіе лучшихъ гражданъ съ ихъ имуществами въ *десятинной* церкви; за кіевскою послѣдовалъ погромъ волынской и галицкой земли съ ихъ стольными городами, Владиміромъ и Галичемъ. Но вообще южная Русь не такъ упорно сопротивлялась, князья бросали свои столы и уходили въ Польшу и Венгрію, такъ сдѣлали Михаилъ Всеволодовичъ черниговскій, Даніилъ Романовичъ галицкій и кіевскій, Василько волынскій. За отсутствіемъ князя защитникомъ Кіева былъ тысяцкій Димитрій; онъ попалъ въ плѣнъ, но Батый почтилъ его храбрость и оставилъ въ живыхъ. Изъ Россіи Батый самъ отправился въ Венгрію, а значительные отряды послалъ разорять Польшу

и Моравію. Князья польскіе, страдавшіе, подобно русскимъ, недостаткомъ единства, допустили также опустошеніе своихъ владѣній; въ числѣ разоренныхъ городовъ были Краковъ и Бреславль; сильнѣе другихъ князей польскихъ были Конрадъ мозовецкій и Генрихъ Благочестивый въ нижней Силезіи. Послѣдній погибъ въ битвѣ при Лигницѣ; но въ Моравіи Татары потерпѣли пораженіе подъ Оломуцемъ отъ воеводы Ярослава. Въ Венгріи Батый цѣлый годъ жегъ и грабилъ а король Бела IV бѣгалъ отъ него изъ одного конца своихъ владѣній въ другой. Наконецъ въ 1242 г. Батый пошелъ назадъ съ тѣмъ, чтобы поселиться въ предѣлахъ Россіи; послѣдняя, такимъ образомъ, поплатилась дороже сосѣдей, тѣ испытали только разореніе, а наши предки подпали подъ тяжелое иго татарское или монгольское.

§ 94. **Золотая Орда и суздальская Русь въ первые годы монгольскаго ига.** Монголы-Татары заняли своими кочевьями кипчакскія степи; покоренные народы, Половцы, остатки Печенѣговъ и др. легко слились съ ними. Отдѣльныя орды были выдвинуты къ южнымъ предѣламъ Руси подъ начальствомъ *темниковъ* или *воеводъ*. Крымскія степи, Сибирь и частью Туркестанъ, принадлежавшіе Джучидамъ, Батый отдалъ родственникамъ, самъ же съ главными силами расположился въ придонскихъ и приволжскихъ степяхъ. Сначала онъ не имѣлъ постояннаго мѣстопребыванія, но потомъ таковое было построено на Ахтубѣ (волжскомъ рукавѣ), это городъ Сарай (вблизи нынѣшняго Царева). Государство *батыево* называлось Ордою *кипчакскою* или *золотою* (отъ золотыхъ украшеній ханской ставки). Золотоордынскіе ханы зависѣли сперва отъ великаго хана, но впослѣдствіи эта подчиненность прекратилась и кипчакскій ханъ сдѣлался самымъ могущественнымъ монгольскимъ государемъ. Когда Батый опустошалъ Венгрію, русскіе князья возвратились на свои столы и занялись возстановленіемъ сожженныхъ городовъ и

селъ; но скоро изъ Орды раздался кличъ, потребовавшій князей къ хану. Противиться было безполезно и первый примѣръ покорности показалъ Ярославъ Всеволодовичъ, занявшій, послѣ гибели брата Юрія II, владимірскій столъ; за нимъ поѣхали и другіе князья получать въ Ордѣ грамоты или *ярлыки* на свои наслѣдственныя владѣнія. Въ ханской ставкѣ, прежде чѣмъ предстать предъ хана, они должны были исполнять разные обряды, имѣвшіе религіозное значеніе у Татаръ: пройти между двухъ огней, поклониться на востокъ тѣни Чингиза и пр.; кто не соглашался подчиниться такому униженію, тотъ подвергалъ жизнь свою опасности, такъ князь черниговскій Михаилъ Всеволодовичъ былъ звѣрски замученъ вмѣстѣ съ своимъ бояриномъ Ѳеодоромъ. И не съ пустыми руками пріѣзжали князья, нужно было задарить не одного хана, но и его женъ и приближенныхъ. Зависимость народа русскаго выражалась въ платежѣ дани, отъ которой освобождено было одно духовенство; дань бралась преимущественно пушнымъ товаромъ, кто не могъ уплатить уводился въ плѣнъ; есть извѣстіе, что Татары брали въ плѣнъ и одного изъ сыновей большой семьи (этихъ несчастныхъ продавали на крымскихъ базарахъ). Для перечисленія народа и наблюденія за покорностью по городамъ жили ханскіе чиновники или *баскаки;* тяжесть дани еще увеличивалась отъ отдачи ея на откупъ восточнымъ купцамъ (бесерменскимъ, какъ прозвалъ ихъ народъ); сопровождаемые татарскими отрядами откупщики безсердечно выжимали у бѣдныхъ людей послѣднее имущество. Кромѣ сказаннаго князья обязаны были по зову хана являться на помощь съ вооруженною силою. Батый потребовалъ отъ нѣкоторыхъ князей поѣздки къ великому хану въ Каракорумъ и Ярославъ Всеволодовичъ отправился въ это далекое путешествіе на поклонъ къ Гаюку. Онъ былъ принятъ съ честью, но долго задержанъ, и когда собрался въ обратный путь умеръ въ 1246 году.

Какъ ни тяжело было иго, но къ счастью ханы довольствовались данью и изъявленіемъ покорности и не вмѣшивались въ управленіе, не притѣсняли православія. А это очень важно, потому что русская государственная и общественная жизнь могла развиваться самостоятельно; русскій человѣкъ находилъ утѣшеніе въ вѣрѣ и въ келліи монастырской укрывался отъ злобы дня; пастыри церкви сослужили въ то время не малую службу Россіи, нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались даже предстателями за отечество въ Ордѣ. (Татары сначала оставались язычниками, но уже при преемникѣ Батыя Берке приняли исламъ). Но съ другой стороны князья русскіе, продолжая свои усобицы, не ограничивались судомъ ханскимъ, а приводили изъ Орды цѣлые отряды татарскіе, которые грабили и уводили людей въ неволю. Примѣры подобнаго рода встрѣчаются на первыхъ же порахъ. Послѣ смерти Ярослава великокняжескій столъ занялъ братъ его Святославъ юрьевскій, но долженъ былъ уступить племяннику Михаилу московскому, по прозванію Хоробриту; между тѣмъ два брата Михаила, Александръ и Андрей, сыновья Ярослава, отправились въ Орду, а по требованію Батыя и къ Гаюку; они вернулись съ ярлыками, Андрей на владимірское княженіе, а Александръ на кіевское. Но Андрей скоро навлекъ на себя ханскій гнѣвъ и принужденъ былъ бѣжать, разбитый татарскимъ воеводою, а Александръ, опять побывавшій въ Ордѣ, занялъ владимірскій столъ въ 1252 *).

II. Александръ Ярославичъ Невскій и судьба сѣверовосточной Руси.

§ 95. **Александръ Невскій—герой.** Александръ Ярославичъ безспорно выдающаяся личность въ нашей исторіи. До

*) См. Родословную таблицу № 2-й.

полученія владимірскаго стола Александръ покрылъ себя славою героя, какъ великій князь онъ пріобрѣлъ другаго рода славу—умнаго правителя, который искусно устранялъ Татаръ отъ прямаго вмѣшательства во внутреннія дѣла страны.

Въ годъ кіевскаго погрома Шведы предприняли походъ для завоеванія финскаго прибрежья, за обладаніе которымъ у нихъ шла давнишняя вражда съ Новгородомъ. Княжившій тогда въ Новгородѣ Александръ (ср. § 54), не дожидаясь отцовскихъ полковъ (т. е. суздальслой рати отца), пошелъ на встрѣчу врагу съ одною (своею и новгородскою) дружиною. На берегу Невы, близъ впаденія въ нее Ижоры, князь нанесъ Шведамъ такое пораженіе, что они поспѣшили удалиться на своихъ лодкахъ (15 іюля 1240 г.). Невская побѣда, доставившая прозваніе Александру, была высоко цѣнима современниками—Александръ не только осилилъ врага, но и защитилъ православіе, ибо шведскій походъ былъ крестовый походъ съ цѣлью оружіемъ внести латинство къ Финнамъ, а потомъ и въ русскія земли. Такой же характеръ религіозный имѣетъ и война *новгородцевъ* съ ливонскими нѣмцами. Подкрѣпивъ себя союзомъ съ тевтонами, меченосцы (ср. § 85 б.) начали наступательныя движенія на русскія земли; они завладѣли Изборскомъ, поставили свой гарнизонъ въ Псковѣ (раздираемомъ борьбою партій) и внесли опустошенія на 60 верстъ разстоянія отъ Новгорода. Новгородцы обратились къ Ярославу Всеволодовичу съ просьбою прислать имъ сына Александра, который послѣ *невской* битвы не поладилъ съ гражданами и ушелъ къ отцу. Александръ явился и на сей разъ съ низовыми полками и быстро поправилъ дѣло; прогнавъ рыцарей изъ новгородскихъ земель и отнявъ у нихъ Псковъ, онъ вслѣдъ за отступавшими вступилъ въ орденскія владѣнія; здѣсь на льду *чудскаго* озера (5 апрѣля 1242) *нѣмцы* поражены были на голову и Александръ гналъ ихъ по льду семь верстъ. Битва эта называется „ледовое побоище;“

много рыцарей попалось въ плѣнъ и орденъ просилъ мира. Былъ еще и третій врагъ: Литва; она часто въ то время вторгалась въ новгородскія и другія русскія земли; Александръ справился съ нею легко; онъ нанесъ Литовцамъ нѣсколько пораженій, при чемъ погибло восемь князьковъ. Неудивительно, что побѣды Невскаго произвели сильное впечатлѣніе и народъ украсилъ ихъ сказаніями, которыя потомъ вошли и въ лѣтописные сборники. Молва о героѣ дошла и въ Орду и Батый потребовалъ къ себѣ Александра; и тутъ народу хотѣлось отличить своего любимца, отсюда извѣстіе, что князь былъ принятъ съ особымъ почетомъ. Какъ бы то ни было, но Александръ расположилъ къ себѣ золотоордынскаго хана и, какъ мы знаемъ, добывалъ ярлыки на княженія, сначала кіевское, а потомъ и владимірское.

§ 96. **Александръ Невскій—великій князь (1252—1263).** Александръ занялъ владимірскій столъ въ трудное время. Народъ еще не свыкся съ игомъ и не хотѣлъ подчиниться роковой необходимости; Александръ напротивъ сознавалъ безполезность сопротивленія и, такимъ образомъ, шелъ какъ бы въ разрѣзъ съ народомъ; послѣдній жилъ настоящимъ, князь смотрѣлъ разумно и хладнокровно вдаль. Прежде пріобрѣтенная народная любовь помогла Александру провести свою политику по отношенію къ Татарамъ, какъ онъ ее понималъ. Ханъ Берке приказалъ произвесть новое перечисленіе; явились численники, пересчитали всѣхъ до десятилѣтняго возраста и наложили разныя дани (съ хлѣба, торговъ, поставку подводъ ханскимъ посламъ и пр.), вмѣстѣ съ тѣмъ поставлены были всюду татарскіе чиновники (десятники, сотники, темники). Когда очередь дошла до Новгорода, жители воспротивились, не считая себя подвластными Татарамъ. Напрасно Александръ два раза самъ съ ханскими послами приходилъ въ Новгородъ (гдѣ сидѣлъ сынъ его Василій), напрасно увѣщевалъ; *новгородцы* одарили пословъ и выпроводили ихъ,

только угроза князя удалиться и предоставить ихъ татарскому мщенію понудила жителей смириться—они дали себя пересчитать *).

Не успѣлъ Александръ отвлечь одну грозу, какъ нагрянула новая. Берке отдалъ дань на откупъ, бесерменскіе кущы нещадно собирали ее и даже ругались надъ православною церковью; народъ не сдержалъ и въ нѣкоторыхъ городахъ, Владимірѣ, Ростовѣ, Ярославлѣ, поднялся при звукѣ вѣчеваго колокола и избилъ сборщиковъ. Разгнѣванный ханъ готовилъ месть, могло повториться нашествіе *батыево* со всѣми его ужасами. Александръ является спасителемъ; онъ ѣдетъ умилостивлять грознаго *татарина*—это было не легко; независимо отъ подарковъ нужны были умъ и ловкость. И Александръ съумѣлъ отвести готовящійся ударъ, но ему пришлось прожить въ Ордѣ много мѣсяцевъ; онъ выѣхалъ оттуда больной и дорогой умеръ, не доѣзжая Владиміра въ Городцѣ (1263). Митрополитъ Кириллъ II, находившійся тогда во Владимірѣ, возвѣстилъ жителямъ стольнаго города о случившемся въ слѣдующихъ словахъ: „чада моя милая! Разумѣйте, яко заиде солнце земли русской!“ Александръ Невскій—такой-же труженикъ за русскую землю, какъ и Владиміръ Мономахъ, но въ болѣе трудную эпоху: „много потрудившись за землю русскую, за Новгородъ и Псковъ, за все великое княженіе, отдавая животъ свой, и за православную вѣру“ **). Церковь сопричислила Александра къ лику святыхъ и празднуетъ его память 23 ноября.

---

*) Замѣтимъ, что и въ этомъ дѣлѣ не безъ вліянія была прежняя борьба партій въ Новгородѣ, народной и суздальской. Александръ Н., подобно предшественникамъ хотѣлъ сажать изъ своихъ рукъ князей въ Новгородѣ. Послѣ переписи (при чемъ однако баскакъ не поселился въ городѣ) Александръ далъ *новгородцамъ* другаго сына Димитрія.

**) Кромѣ крестовыхъ походовъ, грозившихъ православію, папы и непосредственно хлопотали о подчиненіи русской церкви, такъ есть грамота Иннокентія IV къ Александру Ярославичу.

§ 97. **Суздальская Русь и Новгородъ отъ смерти Александра Невскаго до начала XIV ст.** Послѣ смерти Александра Невскаго владимірскій столъ занимали, сначала его братья Ярославъ тверской и Василій костромской, а потомъ его сыновья Димитрій переяславскій и Андрей городецкій. Послѣдній умеръ въ 1304 г. Сороколѣтіе, послѣдовавшее за Александромъ Ярославичемъ, обильно усобицами между суздальскими князьями; онѣ происходили главнымъ образомъ изъ-за Новгорода. Великій князь съ ярлыкомъ на Владиміръ обыкновенно добывалъ и ярлыкъ на Новгородъ, куда и сажалъ своего сына, племянника, а не то боярина, въ качествѣ намѣстника.

Княжескія усобицы того времени представляютъ ту особенность, что каждый князь старался усилиться на счетъ другихъ и возвысить свою волость; вотъ почему, добившись столовъ владимірскаго и новгородскаго, великій князь продолжалъ жить въ своемъ наслѣдственномъ стольномъ городѣ, тѣмъ охотнѣе что Владиміръ былъ разоренъ и въ немъ пребывалъ баскакъ съ толпою Татаръ: Василій напр. умеръ и похороненъ въ Костромѣ. Усобицы свои суздальскіе князья рѣшаютъ при помощи Татаръ, а Русь платится новыми опустошеніями, такъ Андрей городецкій три раза приводилъ ихъ отряды, въ послѣдній приходъ Татары разгромили Владиміръ и другіе города (1293 г.).

Новгородъ, отстаивая свою самобытность въ борьбѣ съ великимъ княземъ, всегда находитъ поддержку въ другихъ князьяхъ суздальскихъ же; такъ противъ Ярослава Ярославича сторону *новгородцевъ* держалъ его братъ Василій; противъ Димитрія Александровича его же братъ Андрей. Благодаря такому соперничеству, *новгородцамъ* удавалось иногда настоять, чтобы князь сидѣлъ на всей ихъ волѣ и заключалъ съ ними договорную грамоту. До насъ дошла договорная грамота Ярослава Ярославича тверскаго съ *новгородцами*, по ней князь „цѣловалъ крестъ ко всему Новгороду, на чемъ

цѣловали дѣды и отцы.“ Съ тѣхъ поръ подобныя же грамоты заключались и съ послѣдующими князьями; ими опредѣлялись взаимныя отношенія князя и Новгорода Великаго *). Правда, договорныя грамоты не предупреждали размолвки, и дѣло доходило не разъ до вооруженнаго столкновенія, князь тогда выводилъ изъ Новгорода и его пригородовъ своихъ намѣстниковъ; въ случаѣ неудачи *новгородцы* откупались деньгами, чѣмъ и обезпечивали свои вольности.

Свои распри съ владимірскими князьями *новгородцы* не доводили до полнаго разрыва, потому что нуждались въ суздальской помощи для борьбы съ исконными врагами Шведами, а также съ Датчанами, владѣвшими частью Эстоніи. Особенно замѣчателенъ походъ, предпринятый въ 1268 противъ Датчанъ, съ которыми соединились, вопреки заключенному съ крестнымъ цѣлованіемъ мирному договору, и рыцари. Битва произошла при Раковорѣ (въ Эстоніи): *новгородцы*, *псковичи* и низовые полки одержали полную побѣду. Съ Датчанами между прочимъ шла война за *водскую* область (по южному берегу *финскаго* залива), для ея защиты *новгородцы* построили близъ залива крѣпость Копорье. Со Шведами Новгородъ враждовалъ изъ-за области, населенной Карелою (сѣверовосточное прибрежье *финскаго* залива), частью уже обращенной въ православіе. Шведы предпринимали крестовые походы, построили Выборгъ у залива и городокъ Кексгольмъ на берегу *ладожскаго* озера. Новгородцы боролись съ успѣхомъ и между прочимъ разорили Кексгольмъ. Для Новгорода эта борьба съ сосѣдями была жизненнымъ вопросомъ, потому что Шведы могли отрѣзать торговые пути Новгороду, который около того времени вступилъ въ союзъ съ Ганзою и

*) Напр. по грамотѣ Ярослава Ярославича князь долженъ назначать правителями въ новгородскихъ волостяхъ только *новгородцевъ* и съ согласія посадника, князь не можетъ творить судъ безъ посадника, князь получаетъ установленныя дани и судебныя виры.

предоставилъ нѣмецкимъ купцамъ разныя привилегіи (до насъ дошли торговые договоры Новгорода съ нѣмецкими городами и съ Готландомъ). Въ то время какъ Новгородъ отбивался отъ Шведовъ и Датчанъ, Псковъ долженъ былъ выдерживать не менѣе упорную войну съ рыцарями и Литвою. Въ Литвѣ происходили смуты, вслѣдствіе которыхъ одинъ князь Довмонтъ ушелъ въ Псковъ и принялъ православіе; *псковичи* посадили его у себя княземъ (въ крещеніи онъ получилъ имя Тимофея). Довмонтъ-Тимоѳей нѣсколько разъ наносилъ пораженія своимъ соотечественникамъ; онъ также участвовалъ въ *раковорской* битвѣ; въ слѣдующемъ году онъ опять разбилъ ливонцевъ, сдѣлавъ отчаянную вылазку изъ осажденнаго рыцарями Пскова. И въ другой разъ Довмонтъ спасъ отъ нихъ городъ въ 1299 году.

Изъ другихъ событій разсматриваемаго времени замѣчательно перенесеніе митрополіи во Владиміръ. Уже митрополитъ Кириллъ II часто жилъ во Владимірѣ, а преемникъ его Максимъ оставилъ совсѣмъ Кіевъ около 1300 г. Максимъ первый изъ митрополитовъ ѣздилъ въ орду за полученіемъ льготныхъ ярлыковъ въ пользу духовенства. Далѣе отмѣтимъ первое распаденіе Золотой Орды; Ногай, предводитель орды между Днѣпромъ и Дономъ, сдѣлался самостоятельнымъ ханомъ (въ концѣ XIII вѣка); этимъ пользовались русскіе князья; если одни находили поддержку въ Сараѣ, другіе обращались къ Ногаямъ. Къ этому же времени относится и первый примѣръ исполненія русскими князьями повинности, состоящей въ вооруженной помощи Татарамъ, именно по требованію Менгу Темира, преемника Берке, Русскіе вмѣстѣ съ Татарами воевали на Кавказѣ.

Суздальскіе князья въ разсматриваемый періодъ были сильнѣе другихъ, не смотря на то, что суздальская земля въ потомствѣ Всеволода III раздробилась на многіе удѣлы; города, не имѣвшіе прежде отдѣльныхъ князей, сдѣлались

стольными, напр. Тверь, Кострома, Москва. Другія княжества сѣверовосточной Руси играли роль второстепенную. Они, особенно пограничныя сѣверская и рязанская украйны, испытывали татарскій гнетъ; князья вели мелкія усобицы или принимали участіе въ событіяхъ суздальской и новгородской Руси, другіе вмѣшивались въ дѣла южной Руси и Литвы. Одинъ изъ рязанскихъ князей Романъ Ольговичъ былъ звѣрски убитъ Татарами за то, что хулилъ хана и его вѣру. Черниго-сѣверское княжество послѣ Михаила Всеволодовича раздробилось на мелкія владѣнія.

III. Данiилъ галицкій и южная Русь. Литва и Миндовгъ.

§ 98. **Данiилъ Романовичъ и Русь галицко-волынская.** Югозападная Русь страшно обезлюдила послѣ татарскаго погрома. Кромѣ Татаръ, непосредственно утвердившихся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, сосѣдняя Литва сдѣлалась грознымъ врагомъ. Князья, воротившіеся въ свои области, съ трудомъ возстановляли города и созывали людей. Кіевъ потерялъ всякое политическое значеніе и центръ исторической жизни перешелъ въ страну прикарпатскую. Здѣсь въ Галичѣ княжилъ Данiилъ Романовичъ, а братъ его Василько на Волыни (Володимирія); братья всю свою жизнь были связаны самою тѣсною дружбою. Данiилъ Романовичъ, о борьбѣ котораго за Галичъ съ сосѣдями и крамольными боярами мы знаемъ, долженъ былъ еще разъ послѣ нашествія *батыева* добывать съ оружіемъ наслѣдственный столъ (ср. § 56 и 92). Нѣкоторые бояре въ его отсутствіе захватили цѣлыя области; Бела IV венгерскій и Болеславъ (V) Стыдливый (сначала князь судомірскій, а потомъ краковскій) помогали Ростиславу (сыну замученнаго въ Ордѣ Михаила черниговскаго), который хотѣлъ сѣсть на галицкомъ столѣ. Но братья Романо-

вичи поразили союзниковъ подъ Ярославлемъ (1245 г.) и Даніилъ окончательно утвердился въ Галичѣ. Непосредственно послѣ этой побѣды Батый прислалъ звать Даніила въ Орду („дай Галичъ"). Какъ ни тяжело это было, но пришлось смириться и перенести всѣ униженія, которымъ подвергались и другіе князья. Возвратившись домой, Даніилъ затѣялъ свергнуть иго и искалъ союзниковъ, для чего и породнился съ Белою и Миндовгомъ литовскимъ, женивъ своихъ сыновей на ихъ дочеряхъ. (Съ Конрадомъ мазовецкимъ и его сыномъ и преемникомъ Земовитомъ онъ давно былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ). Мечтая о возможности крестоваго похода въ союзѣ съ Венграми и Поляками на Татаръ, онъ завелъ сношенія съ папою; начались переговоры о церковной *уніи* (соединеніи церквей) и подчиненіи Риму; Иннокентій IV прислалъ Даніилу королевскую корону, а прибывшій папскій легатъ совершилъ обрядъ коронованія въ г. Дрогичинѣ (на Зап. Бугѣ). Этимъ впрочемъ и ограничилось дѣло, крестовый походъ не состоялся; Даніилъ прервалъ сношенія съ римскою куріею, но королевскій титулъ удержалъ. Тѣмъ не менѣе онъ не оставилъ своей завѣтной мысли; укрѣпивъ города (между прочимъ онъ построилъ новый городъ Холмъ), онъ началъ наступательныя дѣйствія противъ ближайшаго темника Куремсу и заставилъ Татаръ очистить нѣкоторые волынскіе города, которые тѣ держали непостредственно. Назначенный ханомъ Берке на смѣну Куремсы воевода Бурундай потребовалъ отъ Романовичей соединить свои полки съ татарскими; Даніилъ уклонился и ушелъ даже въ Польшу, а Василько и сыновья Даніила повиновались и должны были принять участіе въ разореніи стѣнъ нѣкоторыхъ своихъ городовъ (напр. стольнаго Владиміра); этого мало, чтобы поссорить Даніила съ союзниками, Бурундай заставилъ русскихъ князей идти съ нимъ грабить Литву и польскія земли (пострадалъ напр. Краковъ). Пришлось такимъ обра-

зомъ оставаться данникомъ, но Даніилъ больше не ѣздилъ въ Орду. Неудачи на востокѣ были вознаграждены побѣдами надъ Литвою и Ятвягами. Подобно современнику Александру Невскому, Даніилъ Романовичъ отражалъ все учащавшіеся набѣги Литвы и проникалъ въ ея владѣнія, а Ятвяги, послѣ нѣсколькихъ походовъ совмѣстно съ польскими князьями, были покорены и обложены данью. Кромѣ того Даніилъ принималъ участіе въ западноевропейскихъ событіяхъ, такъ онъ помогалъ угорскому королю въ его войнѣ за штирійское наслѣдство съ Оттокаромъ чешскимъ (см. § 101). Даніилъ Романовичъ король, умершій въ 1264 г., знаменитъ не только своими военными подвигами, но и заботами о государственномъ благоустройствѣ: онъ созидалъ новые города и возобновлялъ разоренные, покровительствовалъ промышленности и заселенію страны, при чемъ привлекалъ иностранцевъ, *нѣмцевъ*, *поляковъ*, а также *евреевъ*. Поселеніе въ краѣ инородцевъ имѣло впрочемъ и вредное вліяніе: разноплеменный составъ населенія подкапывалъ чисто народную политику, что и помѣшало подготовлявшемуся объединенію югозападнаго края подъ властью русскихъ князей изъ старшей линіи Владиміра Мономаха. Василько Романовичъ, пережившій брата нѣсколькими годами, подобно ему отражалъ наступательныя движенія Литвы и держалъ въ повиновеніи князей Волыни и Полѣсья, каковы пинскіе, луцкіе, свислочскіе и др.

Даніилъ раздѣлилъ галицкое княжество между тремя сыновьми: Львомъ, Шварномъ и Мстиславомъ; а Васильку наслѣдовалъ на Волыни его сынъ Владиміръ *). Связь между двумя главными областями югозападной Руси продолжалась; дядя съ племянниками, а потомъ двоюродные братья часто вмѣстѣ воевали съ Литвою или вмѣшивались въ удѣльныя распри польскихъ князей, съ которыми потомство Романа

*) См. родословную таблицу № 1-й.

связано было родственными узами; русско-польскія усобицы напоминаютъ собою, благодаря родству князей, усобицы потомковъ Владиміра Св. Передъ ханами галицко-волынскіе князья раболѣпствовали менѣе сѣверовосточныхъ князей— дань давали, но въ Орду не ѣзжали. Правда, съ другой стороны они, особенно буйный Левъ Даниловичъ, убившій Войшелка литовскаго, призывали татарскіе отряды; пользуясь этимъ, ханы, и золотоордынскій и ногайскій, требовали иной разъ отъ Романовичей, чтобы тѣ соединяли свои полки съ татарскими и ходили совмѣстно разорять Литву или Польшу; платились при этомъ Галиція и Волынь. Подобно Даніилу сыновья его и племянникъ строили новые города, такъ Левъ основалъ Львовъ, а Владиміръ Васильковичъ Каменецъ. Шварнъ Даниловичъ кромѣ своего удѣла, княжилъ и въ недолго передъ тѣмъ образовавшемся литовско-русскомъ княжествѣ; но съ его смертью связь съ Литвою порвалась (см. слѣд. §). Сынъ Льва Юрій I соединилъ подъ своею властью въ началѣ XIV ст. оба княжества, галицкое и волынское, такъ какъ его братья и Владиміръ Васильковичъ умерли бездѣтными. Вскорѣ послѣ Юрія Львовича мужская линія Романа Мстиславича пресѣклась. Князья польскіе и литовскіе, женатые на княжнахъ галицко-волынскихъ, стали предъявлять свои притязанія на наслѣдіе Игоревичей.

§ 99. **Принѣманская Литва и начало ея объединенія Миндовгомъ.** Современникъ Александра Невскаго и Даніила галицкаго Миндовгъ вызвалъ одну вѣтвь литовскаго племени къ жизни государственной.

Изъ всѣхъ племенъ индоевропейской семьи литовское ближе другихъ къ славянскому и языкъ литовскій болѣе сохранилъ первообразъ общеарійскаго языка. Въ эпоху великаго переселенія народовъ литовское племя расположилось по сосѣдству съ балтійскими, польскими и русскими Славянами, именно заняло побережье *балтійскаго* моря между

устьями Вислы и Западной Двины и бассейнъ р. Нѣмана. Оно распадалось на многіе мелкіе народы: между Вислою и Нѣманомъ, по берегу моря жили Пруссы; Куроны, Зимгола и Латыгола составляли вторую вѣтвь, обитавшую у *рижскаго* залива и по обоимъ берегамъ Западной Двины; въ области же Нѣмана жила третья вѣтвь, къ которой принадлежали: собственно Литва на среднемъ Нѣманѣ и Жмудь (Самогитія) по нижнему теченію этой рѣки и у взморья. Къ литовскому племени причисляются и Ятвяги, жившіе къ югу отъ нѣманской Литвы и Пруссовъ по притокамъ Западнаго Буга и Нѣмана.

Живя въ странѣ лѣсистой и болотистой, занимаясь пчеловодствомъ, рыболовствомъ и только отчасти земледѣліемъ, собственно Литва вторгалась для грабежа въ сосѣднія русскія и польскія земли; въ свою очередь князья польскіе и русскіе, начиная съ Владиміра С., предпринимали походы въ лѣса литовскіе и брали съ народа дань. Городовъ въ странѣ совсѣмъ не было, а равно и объединяющей княжеской власти; упоминаемые русскими и польскими лѣтописцами князья были не болѣе какъ вожди нѣсколькихъ селеній или родоначальники. Отсутствіе политическаго единства восполнялось религіею съ могущественнымъ жреческимъ сословіемъ (о религіи см. слѣд. §). Въ XIII в., когда Литва прибалтійская подпадаетъ подъ тяжелое нѣмецкое владычество, а Ятвяги теряютъ свою самобытность подъ ударами Даніила Романовича и князей мазовецкихъ, принѣманская Литва выступаетъ на историческое поприще. Частыя войны съ галицко-волынскими князьями, а также съ полоцкими, повели къ усвоенію лучшаго оружія и усиленію княжеской власти; мелкіе князья (или *кунигасы*) соединялись для общей борьбы. Пользуясь татарскимъ погромомъ и раздробленіемъ полоцкой или кривской земли, Литовцы захватили сосѣднія мѣстности, именно такъ называемую Черную Русь, въ области верхняго Нѣмана, съ Новогродкомъ, Слонимомъ, и бо́льшую часть княжества по-

лоцкаго съ стольнымъ городомъ. Опираясь на силы Черной Руси, одинъ изъ мелкихъ князей Миндовгъ началъ объединеніе Литвы. Хитрый варваръ, не пренебрегавшій никакими средствами, онъ побѣждалъ или истреблялъ другихъ князей; послѣдніе (назовемъ Товтивила полоцкаго) обратились за помощью къ Романовичамъ и ливонскому ордену. Миндовгу угрожала опасность, но коварство и тутъ его выручило. Сначала онъ вошелъ въ переговоры съ магистромъ ордена, обѣщалъ креститься и надѣлить рыцарей землями; дѣйствительно магистръ и легаты Иннокентія IV окрестили Миндовга и его жену, а также вѣнчали его королевскою короною въ Новогродкѣ (ок. 1250 г.). Вслѣдъ за тѣмъ Миндовгъ предложилъ Даніилу, завоевавшему уже часть его владѣній, миръ, на что галицкій князь согласился въ виду татарскихъ отношеній; сынъ Даніила Шварнъ при этомъ женился на дочери Миндовга. Но когда опасность миновала, *литвинъ* порвалъ съ своими союзниками; съ Даніиломъ онъ поссорился изъ за *бурундаева* нашествія (тогда Василько нанесъ Миндовгу пораженіе, ср. §. 98). Властолюбивые же замыслы ордена и нелюбовь народа къ христіанству повели къ открытой враждѣ съ *нѣмцами*. Миндовгъ отнялъ у нихъ раньше уступленныя земли въ Жмуди, вмѣстѣ съ тѣмъ подстрекалъ къ возстанію Куроновъ и Пруссовъ; самъ онъ нѣсколько разъ нанесъ рыцарямъ пораженіе и возвратился къ язычеству. Въ годъ смерти Александра Н., Миндовгъ погибъ жертвою заговора, который составили нѣкоторые (удѣльные) князья, недовольные его стремленіемъ къ единовластію; въ числѣ ихъ былъ и Довмонтъ, князь нальшанскій. Мстителемъ за отца явился Войшелгъ; онъ одно время княжилъ въ Черной Руси, но, принявъ православіе, постригся въ монахи; теперь онъ оставляетъ монастырь и при помощи своего шурина Шварна Даниловича утверждаетъ свою власть въ литовскомъ княжествѣ и безпощадно истребляетъ замѣшанныхъ въ убійствѣ Миндовга.

Многіе спасались бѣгствомъ въ русскія земли и между прочимъ Довмонтъ-Тимоѳей (§ 97) въ Псковъ. Но Войшелгъ не умѣлъ держать въ повиновеніи всей Литвы и иные князья опять сдѣлались независимыми; не имѣя потомства, онъ отдалъ свое литовско-русское княжество Шварну, а самъ опять ушелъ въ монастырь. Связь съ Русью не замедлила обнаружиться; русская гражданственность вмѣстѣ съ православіемъ стала проникать въ среду Литовцевъ. Но зарождавшіяся отношенія пріостановились какъ вслѣдствіе событій, наступившихъ въ галицко-волынской Руси, такъ и благодаря усобицамъ, которыя обуревали Литву въ послѣдующіе 50 лѣтъ.

§ 100. **Языческая религія Литовцевъ.** Литовская языческая религія сходна съ славянскою, но благодаря долгому господству и сильному жреческому сословію, она имѣетъ болѣе богатую миѳологію. Три божества, какъ въ греческой миѳологіи, владѣли тремя царствами: *Перкунасъ*—небомъ, онъ же громовержецъ, *Атримпосъ*—водою и *Поклусъ*—адомъ. За этими главными богами слѣдуютъ второстепенные; пользовались также почитаніемъ нѣкоторыя животныя, посвященныя божествамъ, напр. ужи. Святилища воздвигались въ лѣсахъ, которые считались заповѣдными, недоступными; изъ деревьевъ дубъ посвященъ былъ Перкунасу. Главное святилище называлось „ромово“; оно находилось первоначально въ странѣ Пруссовъ, но когда послѣдніе порабощены были Нѣмцами, перенесено было въ область принѣманской Литвы; послѣднее убѣжище святилища было около нын. Вильны; передъ изображеніями трехъ боговъ горѣлъ неугасаемый огонь „зничъ“. Жрецы-служители боговъ, занимавшіеся гаданіями и заклинаніями, были очень вліятельнымъ классомъ населенія и дѣлились на нѣсколько степеней: низшіе назывались *вайделотами*, высшіе—*кревы*—вели жизнь безбрачную; изъ среды своей они избирали верховнаго жреца *криве-кривейта*, жилище котораго было подлѣ главнаго святилища. О значе-

ніи верховнаго жреца можно судить по слѣдующему: когда вайделоты разносили его приказанія, то всѣ преклонялись предъ жезломъ, которымъ снабжалъ ихъ криве-кривейто. Иногда криве-кривейто въ преклонныхъ лѣтахъ оканчивалъ жизнь самосожиганіемъ на кострѣ для искупленія грѣховъ народа своего. Были и жрицы *вайделотки;* подобно весталкамъ римскимъ онѣ были хранительницами священнаго огня въ храмахъ богини и обрекали себя на безбрачіе. Въ жертву богамъ приносили животныхъ, иногда людей. Будущая жизнь представлялась продолженіемъ земной—отсюда обычай вмѣстѣ съ тѣломъ знатнаго *литвина* сожигать на кострѣ любимые его предметы, оружіе и пр.; какъ и у Славянъ прахъ собирали въ сосуды, зарывали въ лѣсахъ, насыпали курганы и все это сопровождалось тризною.

Г. ЧЕХІЯ, ПОЛЬША, ВЕНГРІЯ, СКАНДИНАВІЯ и ДАНІЯ.

§ 101. **Чехія до прекращенія фамиліи Премысловичей, Оттокаръ II.** Въ Чехіи послѣ смерти Болеслава II (см. § 31) пошли княжескія усобицы; въ чешскомъ, какъ и въ другихъ славянскихъ государствахъ, существовали удѣльные порядки. Въ своихъ спорахъ князья обращались за поддержкою къ германскимъ императорамъ и тѣмъ закрѣпляли прежде установившіяся вассальныя отношенія къ имперіи. Впрочемъ ленная зависимость была номинальна: она выражалась въ томъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ чешскій князь являлся на помощь съ вооруженною силою. Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ князей чешскихъ союзниками императоровъ, напр. въ походѣ Генриха IV на Римъ, въ войнѣ Фридриха Барбароссы съ ломбардскими городами. За услугу, оказанную Барбароссѣ, князь Владиславъ II получилъ королевскій титулъ и назвался королемъ Владиславомъ I. Впослѣдствіи чешскіе короли, въ

качествѣ имперскаго князя и курфирста, имѣли иногда рѣшающій голосъ при избраніи германскаго императора. Частыя столкновенія съ Германіей и нѣмецкія жены чешскихъ королей проложили дорогу въ страну нѣмецкимъ обычаямъ и языку; послѣдній сдѣлался господствующимъ при дворѣ и въ высшемъ классѣ населенія. Короли приглашали въ свое государство нѣмецкихъ колонистовъ, заселяли ими города, которымъ и давали разныя льготы; чешскіе дворяне, усилившіеся во время княжескихъ усобицъ, построили, по примѣру западныхъ феодаловъ, замки, присвоили себѣ судъ надъ крестьянами, а также пріобрѣли отъ королей и другія права. Сами короли подражали западнымъ государямъ въ роскоши, устройствѣ турниpовъ и состязаній миннезенгеровъ. Иноземные обычаи особенно распространились въ Чехіи въ правленіе Премысла Оттокара I и его сына Вячеслава I Одноглазаго (первая пол. XIII ст.). Въ царствованіе послѣдняго государство испытало татарскій погромъ; полчища Батыя изъ Силезіи вторглись въ Моравію и сильно опустошили ее, пока не потерпѣли пораженія подъ Оломуцемъ отъ Ярослава изъ дворянскаго рода, который потомъ сталъ называться штернбергскимъ (т. е. изъ Штернберга, по нѣмецкому обычаю). При сынѣ Вячеслава (или Вацлава) Премыслѣ Оттокарѣ II (1253—1278) чешское королевство достигло большаго могущества; въ составъ его вошли: Австрія, Штирія, Каринтія, Крайна. Всѣ эти земли Оттокаръ пріобрѣлъ, пользуясь смутами въ Германіи въ эпоху междуцарствія. Когда въ Австріи пресѣкся домъ Бабенбергеровъ, чины, устранивъ другихъ претендентовъ, избрали Оттокара II своимъ герцогомъ, за Штирію, принадлежавшую также Бабенбергерамъ, ему пришлось выдержать упорную войну съ Белою IV венгерскимъ. Война эта замѣчательна: союзниками Белы были: Даніилъ галицкій, польскій король, и наемные татарскіе отряды, а сторону Оттокара держали родственные ему нѣмецкіе князья

и также силезскіе; въ главной битвѣ при Крессенбрунѣ*) Оттокаръ одержалъ блистательную побѣду и прослылъ у Татаръ желѣзнымъ королемъ за храбрость своего 7-тысячнаго отряда, закованнаго съ головы до ногъ въ желѣзо (1260 г.). За Каринтію и Крайну чешскій король также воевалъ съ Венгріею; кромѣ того Оттокаръ ходилъ два раза на помощь нѣмецкимъ рыцарямъ противъ Пруссовъ. Какъ правитель онъ старался усилить королевскую власть: отнималъ у дворянъ захваченныя ими коронныя имѣнія, привлекъ къ государственнымъ дѣламъ горожанъ, надѣлилъ ихъ правами и привилегіями, какими пользовались нѣмецкіе колонисты. Послѣднимъ, впрочемъ, Оттокаръ не только покровительствовалъ, но даже приглашалъ новыхъ переселенцевъ изъ Германіи. Такое преобладаніе *нѣмцевъ* оскорбляло національное чувство, что́, вмѣстѣ съ недовольствомъ дворянства, и погубило созданіе короля. Избранный на германскій престолъ Рудольфъ габсбургскій потребовалъ отъ Оттокара возврата имперскихъ земель и, получивъ отка́зъ, вооружилъ противъ чешскаго короля сосѣдей и собственныхъ его подданныхъ; когда Рудольфъ съ значительными силами вступилъ въ Австрію, Оттокаръ заключилъ миръ и отказался отъ всѣхъ владѣній, кромѣ Чехіи и маркграфства моравскаго. Но слишкомъ притязательныя требованія ленной зависимости со стороны Рудольфа повели къ новой войнѣ, окончившейся извѣстною намъ битвою близъ Вѣны на мархскомъ полѣ, въ которой погибъ Оттокаръ (§ 67). Сынъ Оттокара II Вячеславъ II, король Чехіи и Моравіи, занималъ временно польскій престолъ, ему же предложена была и корона венгерская; но происки папы Бонифація VIII (считавшаго Венгрію своимъ леномъ) и германскаго императора помѣшали сыну *оттокарову* утвердиться на престолахъ Польши и Венгріи. Въ лицѣ сына Вячеслава

*) Недалеко отъ Пресбурга.

II, Вячеслава III, погибшаго отъ руки убійцы во время похода въ Польшу въ 1306 г., прекратился домъ Премысла. Претендентами на престолъ явились родственники Премысловичей: Габсбурги австрійскіе и герцогъ каринтійскій, но сеймъ, устранивъ ихъ, предложилъ корону вмѣстѣ съ рукою сестры Вячеслава III Елишкою (Елизаветою) сыну германскаго императора Генриха VII, Іоанну (Яну); съ Яномъ воцарился домъ люксембургскій въ Чехіи.

§ 102. **Польша въ удѣльный періодъ.** Со смертью Болеслава III Кривоустаго (1139 г.) въ польскомъ королевствѣ утвердилась удѣльная система; княжескія усобицы раздирали, какъ и у насъ, страну въ теченіи 150 слишкомъ лѣтъ. Болеславъ III раздѣлилъ государство между сыновьями на четыре княжества: собственно польское (Великая Польша), мазовецкое, сендомірское (или судомірское) и краковское (въ составъ послѣдняго входили Силезія или шленская земля и Поморье), князь краковскій считался старшимъ и носилъ титулъ короля. Братья непосредственно послѣ смерти Кривоустаго завели усобицы между собою; всѣ они одинъ послѣ другаго занимали краковскій столъ; попытка младшаго Казиміра Справедливаго упрочить за своею линіею главный столъ не увѣнчалась успѣхомъ и Краковъ, какъ у насъ Кіевъ, переходилъ отъ одного княжескаго поколѣнія къ другому. Усобицы и дробленіе усиливались по мѣрѣ размноженія королевскаго рода Пястовъ: въ XII ст. въ одной Нижней Силезіи было шесть князей, то же самое видимъ въ Великой Польшѣ и Мазовіи; въ усобицы вмѣшивались и русскіе князья, съ которыми польскіе постоянно роднились. Извнѣ государство подвергалось частымъ набѣгамъ Литовцевъ и Пруссовъ, продолжались и старые счеты съ Чехами и Венграми. Въ 1241 г. Польша испытала татарское нашествіе (битва лигницкая § 93); нѣсколько раньше какъ мы знаемъ, утвердился въ странѣ Пруссовъ тевтонскій орденъ и скоро сталъ

во враждебныя отношенія къ Полякамъ. Нѣмцы напирали также на Силезію и онѣмечивали ее; основанный ими городъ Бреславль велъ довольно значительную торговлю; и въ другія части государства приходили нѣмцы-колонисты, и короли польскіе надѣляли ихъ правами (магдебургское право); кромѣ *нѣмцевъ* въ большомъ числѣ наводнили страну *евреи*, которые, какъ и вездѣ, занялись мелкою торговлею и ростовщичествомъ.

Усобицами внутри и войнами съ сосѣдями воспользовалось дворянство, которое носило названіе *шляхты*; оно вынуждало у князей разныя преимущества, напр. судъ надъ крестьянами, которыхъ шляхта обременяла налогами и обращала въ крѣпостныхъ, свободу отъ податей и пр.; изъ среды дворянъ стали выдѣляться приближенные короля, правители областей (*каштеляны* и др.) и составили классъ *магнатовъ*, т. е. знатныхъ; владѣя крупными имѣніями, магнаты, впрочемъ, не пользовались особыми правами; каждый шляхтичъ считалъ себя равнымъ магнату. Постепенно усиливаясь, дворяне стремились ограничить власть королевскую, такъ они хотѣли присвоить себѣ право избранія короля и предлагали престолъ на условіяхъ. Впервые мы встрѣчаемъ примѣненіе выборнаго начала при вступленіи на престолъ (послѣ смерти Болеслава V Стыдливаго, см. § 98) Лешка Чернаго князя сѣрадзскаго въ 1279 г. Послѣ его смерти раздоры усилились и шляхта предлагала престолъ то тому, то другому; такъ въ Краковѣ сидѣли: Генрихъ бреславскій, онѣмеченный князь, и Вячеславъ чешскій; при этомъ обнаружилось и вліяніе нѣмецкихъ горожанъ на дѣла политическія. Такъ какъ въ это же время напоръ Нѣмцевъ со стороны ордена и маркграфовъ бранденбургскихъ завершился захватомъ Поморья (Помераніи), то въ странѣ пробудилось національное чувство и сильная вражда къ иноземцамъ. Благодаря такому настроенію престолъ занялъ по смерти Вячеслава чешскаго братъ Лешка Чернаго Влади-

славъ Локетокъ, который въ прежнее смутное время бѣжалъ, переодѣтый францисканцемъ, и искалъ помощи у папы Бонифація VIII (въ юбилейный годъ, см. § 105). Не безъ борьбы съ другими соискателями утвердилъ Владиславъ свою власть, послѣ того какъ *малополяне*, *великополяне* и *сендомиряне* признали его королемъ. Такимъ образомъ соединивъ раздробленныя части, Владиславъ Локетокъ (Маленькій) возстановилъ единство въ государствѣ и торжественно отпраздновалъ свое коронованіе въ Краковѣ въ качествѣ короля польскаго (въ 1319). Впрочемъ, государство не обнимало теперь всѣхъ прежнихъ земель; такъ Силезія съ своими мелкими князьями поддалась чешскому королю Яну, а Поморье очутилось въ рукахъ Нѣмцевъ; Мазовія съ Варшавою оставалась отдѣльнымъ княжествомъ подъ властью князя изъ рода Пястовъ.

§ 103. **Венгрія при Арпадахъ.** Послѣ побѣдъ Генриха Птицелова и Оттона В. Венгры стали мало по малу привыкать къ осѣдлой жизни; вмѣстѣ съ тѣмъ они просвѣтились христіанствомъ, благодаря стараніямъ своихъ правителей изъ дома Арпада, Гейзы I и Стефана Святаго. Послѣдній (997—1038), получившій отъ папы королевскую корону (корона св. Стефана), положилъ начало государственному и церковному устройству Венгріи; между прочимъ онъ уничтожилъ прежнее дѣленіе народа на племена съ своими родоначальниками и раздѣлилъ государство на комитаты или графства; королевскіе намѣстники или графы должны были творить судъ, собирать войско и пр. Послѣдствіемъ новыхъ порядковъ была борьба языческо-кочеваго быта съ новымъ феодально-христіанскимъ строемъ; она осложнялась національною враждою къ Нѣмцамъ и Италіанцамъ, которымъ Стефанъ и его преемники позволяли селиться въ странѣ на льготныхъ условіяхъ. Къ этому присоединились послѣ смерти Стефана споры за престолъ и частыя столкновенія съ Ви-

зантіею, Германіею и Польшею (южнорусскіе князья принимали участіе въ междоусобныхъ спорахъ за престолъ). Король Ладиславъ Св. въ концѣ XI в. пріобрѣлъ Далмацію, что повело къ войнамъ съ Венеціею. Въ XIII в. Андрей II крестоносецъ подписалъ льготную грамоту „золотую буллу“, по которой вельможи или магнаты получили большія права и привилегіи, въ томъ числѣ право возстанія противъ короля, который задумалъ бы нарушить дарованныя преимущества. Преемникъ Андрея Бела IV, современникъ татарскаго опустошенія, для заселенія обезлюдившей страны пригласилъ новыхъ колонистовъ изъ Германіи и Италіи. Въ 1301 г. пресѣкся домъ Арпада; послѣ нѣкоторыхъ колебаній и споровъ за престолъ въ короли избранъ былъ сеймомъ Карлъ Робертъ изъ анжуйской фамиліи, царствовавшей въ Неаполѣ. Въ сеймѣ, ограничивавшемъ власть короля, участвовали кромѣ магнатовъ остальное дворянство, духовенство и горожане; но магнаты, къ которымъ примыкали и высшіе прелаты, забрали все въ свои руки.

§ 104. **Скандинавія и Данія.** Мы знаемъ, что начиная съ IX в. на полуостровахъ *скандинавскомъ* и *ютландскомъ* стали слагаться три государства, Швеція, Норвегія и Данія. Такая перемѣна въ политической жизни сѣверной Европы произошла не вдругъ, а постепенно, послѣ цѣлаго ряда войнъ сильнѣйшихъ съ болѣе слабыми и королей съ вельможами. Вмѣстѣ съ тѣмъ христіанство, насажденное св. Ансгаріемъ долго боролось съ религіею Одина. Ученіе Спасителя восторжествовало въ Даніи только въ правленіе Канута В., который, кромѣ Даніи, царствовалъ въ Норвегіи и Англіи. Еще позже христіанство вытѣснило языческую религію въ Норвегіи и Швеціи; изъ послѣдней оно вмѣстѣ съ взвоеваніемъ принесено было и въ Финляндію въ XIII в. Время политической и религіозной борьбы сопровождалось оставленіемъ родины многими Норманнами, такъ напр. они заселили Ис-

ландію. Переселенцы принесли на островъ вымиравшую дома миѳологію азовъ; здѣсь же *скальды* (пѣвцы) свято хранили героическія пѣсни и народныя преданія. Хотя христіанство проникло и въ Исландію, но памятники старины не исчезли—сами священники сдѣлались ихъ собирателями. Уже въ XII вѣкѣ появился сборникъ миѳологическихъ и эпическихъ пѣсень, записанныхъ священникомъ Семундомъ Вѣщимъ; сборникъ называется „старая эдда". „Новая эдда" изданная Снорре-Стурлезономъ въ XIII в., заключаетъ кромѣ миѳовъ о богахъ еще ихъ объясненія и правила стихосложенія.

Въ сѣверныхъ государствахъ, особенно въ Скандинавіи, феодальный строй мало пустилъ корней, но вліяніе его и здѣсь сказалось; духовенство и дворянство, какъ и вездѣ, пріобрѣли большія права; но съ другой стороны тутъ дольше сохранился классъ свободныхъ крестьянъ. Когда прежнія народныя собранія превратились въ государственные сеймы или *тинги*, то на нихъ явились представители и отъ четвертаго класса, т. е. поселянъ.

Данія въ XII и началѣ XIII ст. достигла значительнаго могущества при короляхъ Вальдемарѣ I и его сыновьяхъ Канутѣ VI и Вальдемарѣ II. Первые два, пользуясь усобицами гвельфовъ и гибеллиновъ въ Германіи, покорили полабскихъ Славянъ, города Гамбургъ, Любекъ и пр.; Вальдемаръ I завоевалъ островъ Рюгенъ и разрушилъ арконское святилище въ 1168 г. Вальдемаръ II Побѣдитель (1202—1241) продолжалъ завоеванія отца и брата и государство его обнимало все балтійское побережье: Голштинію, Мекленбургъ, Померанію, часть Пруссіи, Эстоніи и Ливоніи (см. ливонскій орденъ). Но могущество Даніи было не продолжительно—еще при жизни Вальдемара почти всѣ пріобрѣтенія были потеряны; противъ короля соединились вассалы, князья названныхъ земель (мекленбургскіе, голштинскіе и др.), и съ оружіемъ въ рукахъ сдѣлались независимыми; освободились и

города Любекъ, Гамбургъ и съ тѣхъ поръ началось ихъ возвышеніе, какъ имперскихъ или вольныхъ городовъ. Только Рюгенъ и Эстляндія оставались за Даніею до XIV вѣка. По смерти Вальдемара возникли смуты и споры за престолъ, чѣмъ воспользовались дворяне и пріобрѣли свободу отъ податей, право суда надъ крестьянами и пр.

Швеція долгое время раздираема была междоусобіями. Сначала одержала верхъ фамилія Инглинговъ; послѣ ея прекращенія въ XI ст. произошли споры между двумя владѣтельными домами, пока наконецъ *ярлъ* (такъ назывались знатные вельможи или правители областей) Биргеръ около половины XIII ст. не утвердилъ на престолѣ въ лицѣ сына Вальдемара свой домъ Фолькунговъ.

Норвегія, послѣ освобожденія отъ датскаго владычества, также переживала смутныя времена и только въ XIII в. король Гаконъ V водворилъ спокойствіе. Онъ подчинилъ норвежской коронѣ Исландію и Гренландію.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРІОДЪ.

Отъ возвышенія Москвы и упадка папской власти до объединенія сѣверо-восточной Россіи и торжества монархіи надъ феодализмомъ въ зап. Европѣ (со включеніемъ послѣдней эпохи).

А. ЭПОХА УПАДКА КАКЪ ЛЕННОЙ МОНАРХІИ, ТАКЪ И ПАПСКАГО МОГУЩЕСТВА.

I. Филиппъ IV и Бонифацій VIII. Развитіе представительнаго правленія въ Англіи. Столѣтняя война.

§ 105. **Упадокъ папской власти.** Начало XIV столѣтія ознаменовано событіемъ, которое повлекло за собою упадокъ папскаго могущества. Послѣдній высокій представитель папства, Бонифацій VIII, не пережилъ удара, нанесеннаго принципу церковнаго самовластія. Рѣдко высокомѣріе такъ быстро смѣнялось позоромъ, какъ это случилось съ Бонифаціемъ. Когда въ 1295 г. онъ въѣзжалъ въ качествѣ папы въ Римъ два короля (неаполитанскій и венгерскій) вели за поводъ его коня; въ своихъ притязаніяхъ онъ шелъ чуть не дальше Иннокентія III; въ одной изъ буллъ онъ заявляетъ о двухъ мечахъ, изъ коихъ однимъ, духовнымъ, потрясаетъ церковь въ лицѣ папы, другимъ свѣтская власть въ пользу церкви но по волѣ римскаго первосвященника. Въ такъ называемый *юбилейный* годъ (1300 г.), назначенный для отпущенія грѣховъ всѣмъ прибывшимъ въ Римъ, папа предсталъ

предъ несмѣтными толпами въ императорскомъ облаченіи и съ тіарою на головѣ, а года два спустя онъ обезчещенный и униженный сходитъ въ могилу. Такой ударъ папству нанесъ французскій король Филиппъ IV Красивый, первый король, который стоитъ на рубежѣ феодальной и неограниченной монархіи. Укрѣпивъ во Франціи королевскую власть Филиппъ не могъ допустить вмѣшательства папы въ дѣла государства. Споръ возникъ по поводу обложенія королемъ податью церковныхъ земель. Бонифацій протестовалъ и грозилъ отлученіемъ, король отвѣтилъ запрещеніемъ вывоза денегъ изъ Франціи, что́ было равносильно уменьшенію папскихъ доходовъ. Улаженный въ началѣ споръ скоро возобновился и принялъ рѣшительный характеръ послѣ сожженія Филиппомъ папской буллы, наполненной высокомѣрными притязаніями. Желая опереться на весь французскій народъ, король впервые, какъ мы уже знаемъ, созвалъ государственные чины (1302 съ представителями отъ tiers état). Поддержанный всѣми тремя сословіями король рѣшилъ идти на проломъ. Такъ измѣнились времена! Когда папа обнародовалъ буллу „unam sanctam“ (въ которой и говорится о двухъ мечахъ) и произнесъ надъ королемъ проклятіе, Филиппъ IV вновь созвалъ чины государства; въ этомъ собраніи легисты противопоставили папскимъ притязаніямъ ученіе, что въ дѣлахъ государственныхъ французскій король отвѣтственъ только предъ Богомъ, обвинили Бонифація въ ереси, симоніи и пр. и предложили уничтожить свѣтскую власть папы. Послѣ этого Филиппъ отправилъ съ небольшимъ отрядомъ своего канцлера, легиста Ногаре, въ Италію; тотъ соединился съ однимъ вельможею изъ гибеллинской фамиліи Колонна и, подкупивъ стражу въ Ананьи, гдѣ находился тогда Бонифацій, ворвался въ городъ. Папа встрѣтилъ враговъ въ полномъ облаченіи, но это не остановило ихъ; послѣ рѣзкихъ объясненій Колонна ударилъ Бонифація по лицу желѣзною пер-

чаткою. Правда, жители Ананьи на четвертый день прогнали Французовъ и папа убѣжалъ въ Римъ, но скоро умеръ. Преемникъ его снялъ проклятіе съ короля; Филиппъ, желая обезпечить плоды побѣды, доставилъ папскій престолъ, снова упразднившійся, архіепископу бордоскому, заранѣе связавъ его разными обѣщаніями. Новый папа Климентъ V не рѣшился ѣхать въ Римъ и, оставшись во Франціи, поселился окончательно въ 1309 г. въ Авиньонѣ, городѣ принадлежавшемъ папамъ. Преемники Климента продолжали жить въ Авиньонѣ, время ихъ пребыванія здѣсь на югѣ Франціи до 1377 г. называется „вавилонскимъ плѣненіемъ папъ“.

Папы въ Авиньонѣ сдѣлались покорнымъ орудіемъ въ рукахъ французскихъ королей, такъ Климентъ V помогъ Филиппу IV упразднить орденъ храмовниковъ. Филиппъ, часто воевавшій (съ Англіею и Фландріею), нуждался въ деньгахъ и прибѣгалъ для увеличенія казны къ всевозможнымъ средствамъ: чеканилъ низкопробную монету, преслѣдовалъ евреевъ, продавалъ свободу крѣпостнымъ. Богатства ордена соблазнили короля, къ тому же храмовники были опасны своими связями съ знатью и тѣми привилегіями, которыми ихъ надѣлили папы за прежнія услуги въ св. землѣ. Легисты—теперь вліятельные люди—поддержали короля, они взвели на рыцарей обвиненіе въ ереси, кощунствѣ, разныхъ порокахъ, и этому повѣрили благодаря тайнѣ, которою окружили себя рыцари въ своихъ замкахъ. Филиппъ началъ съ того, что приказалъ арестовать всѣхъ рыцарей во Франціи и конфисковать ихъ имѣнія. Протестъ Климента V остался безъ вліянія, у арестованныхъ пытками вынудили признаніе въ взводимыхъ преступленіяхъ и затѣмъ предали суду. Болѣе семидесяти рыцарей сожжены были на кострѣ, той же участи подвергся и гросмейстеръ Яковъ Моле, который изъ тюрьмы протестовалъ противъ папской буллы объ уничтоженіи ордена (1312 г.).

Послѣ Филиппа IV Красиваго царствовали одинъ за другимъ сыновья его (Людовикъ X, Филиппъ V, Карлъ IV); со смертью послѣдняго изъ нихъ прекратилась династія Капетинговъ и на престолъ Франціи, въ лицѣ Филиппа VI въ 1328 г., вступила младшая линія этого дома—фамиліи Валоа. Въ царствованіе перваго *валоа* началась столѣтняя война съ Англіей.

§ 106. **Развитіе представительнаго правленія въ Англіи. Судьба Шотландіи.** Въ Англіи послѣ Генриха III царствовали одинъ за другимъ три Эдуарда, I, II и III (1272—1377). Время Эдуардовъ замѣчательно дальнѣйшимъ развитіемъ англійскаго государственнаго устройства. Частыя войны съ Франціею изъ за Гіенни, которою еще владѣли англійскіе короли на вассальномъ правѣ, а особенно съ Шотландіею, требовали большихъ денежныхъ средствъ; короли созывали по этому часто парламентъ, въ которомъ все въ бо́льшемъ и бо́льшемъ числѣ являлись представители отъ городовъ и землевладѣльцевъ средней руки (нисшаго дворянства, такъ называемаго *gentry (дженгри)*. Поддерживая внѣшнюю политику королей, сословія разрѣшали новыя подати, но ихъ не хватало; а такъ какъ короли своею властью налагали поборы на всѣ классы (и также пошлины на вывозную шерсть), то это возбуждало неудовольствіе. Вотъ почему парламентъ желалъ ограничить произволъ короля, упрочить прежнія права и пріобрѣсть новыя. Такъ парламентъ 1297 г. потребовалъ отъ короля Эдуарда I обязательства, что на будущее время никакой налогъ не будетъ взимаемъ безъ согласія четырехъ сословій королевства (лордовъ т. е. вельможъ или крупныхъ вассаловъ, прелатовъ, нисшаго дворянства и горожанъ). Еще бо́льшія права получилъ парламентъ при Эдуардѣ II: недовольные королевскими любимцами, а также неудачами испытанными въ Шотландіи, бароны не разъ брались за оружіе; въ одномъ изъ собраній парламента они, поддержанные

горожанами, вынудили у короля согласіе, что законом считается только то, что совмѣстно съ королемъ обсужено и принято чинами. Къ этимъ правамъ—законодательства и разрѣшенія податей—присоединились постепенно и другія, напр. обсужденіе вопросовъ внутренней и внѣшней политики, а въ царствованіе Эдуарда III парламентъ нашелъ и ту внѣшнюю форму, которая и до сихъ поръ существуетъ. Именно онъ распался на двѣ палаты: верхнюю или лордовъ и нижнюю или палату общинъ; членами первой были знатные дворяне (лорды), приглашенные королемъ, и высшее духовенство; палату общинъ, составляли представители отъ землевладѣльцевъ, избираемыхъ по графствамъ, и городскіе депутаты. Установившееся мало по малу согласіе между королемъ и чинами повело къ сознанію могущества и національной политикѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ стала зарождаться сильная промышленная дѣятельность, такъ къ этому времени относятся успѣхи хлопчатобумажнаго производства въ Англіи. Національная политика сказалась особенно въ противодѣйствіи папскимъ притязаніямъ и вымогательствамъ; въ силу рѣшенія парламента (1366 г.) Эдуардъ III объявилъ о прекращеніи ленной зависимости отъ куріи „ибо Іоаннъ Безземельный не имѣлъ права безъ согласія народа отчуждать независимость короны“. Въ борьбѣ съ Римомъ король и парламентъ нашли сильную поддержку въ Іоаннѣ Виклифѣ, профессорѣ богословія въ Оксфордѣ. Виклифъ въ числѣ первыхъ началъ порицать папское самовластіе и роскошную жизнь высшаго духовенства, а также оспаривалъ нѣкоторыя ученія римской церкви; ему же принадлежитъ и переводъ на народный языкъ новаго завѣта. Хотя Виклифъ и долженъ былъ удалиться изъ Оксфорда вслѣдствіе преслѣдованій церковной іерархіи, но, благодаря народной любви и покровительству короля, онъ оставался до самой смерти приходскимъ священникомъ.

Изъ другихъ событій въ царствованіе трехъ Эдуардовъ

замѣчательны завоеваніе Валлиса и шотландскія отношенія. Валлисъ (Wallis по англійскому произношенію Уэльсъ), убѣжище кельтическаго племени, долго геройски отстаивавшій свою независимость, былъ покоренъ Эдуардомъ I; въ странѣ введены англійскіе порядки и въ память этого событія наслѣдникъ престола, родившійся въ ту пору, получилъ титулъ *принца валлискаго* (или *уэльскаго*).

Шотландія, страна древнихъ Пиктовъ и Скотовъ, сложилась въ IX в. въ одно королевство подъ управленіемъ Кеннета II. Поселеніе многихъ Англосаксовъ, въ эпоху завоеванія Англіи Вильгельмомъ, въ южной Шотландіи проложило туда дорогу англійскому языку и обычаямъ, а вассальныя отношенія шотландскихъ королей, владѣвшихъ нѣкоторыми графствами къ югу отъ рѣки Твида, давали поводъ къ вмѣшательству англійскихъ королей въ дѣла сосѣдняго государства. Когда въ концѣ XIII в. умеръ король Александръ III безъ наслѣдниковъ и явилось нѣсколько претендентовъ на престолъ, Эдуардъ I выступилъ посредникомъ и рѣшилъ споръ въ пользу Баліоля, который и принесъ ему ленную присягу. Но Шотландцы не подчинились, они возстали подъ предводительствомъ прославленнаго въ пѣсняхъ рыцаря Вильяма Валласа (Уэллеса) и геройски сражались, но были побѣждены Эдуардомъ I. Валласъ былъ повѣшенъ, а коронаціонный камень въ Сконѣ привезенъ въ Лондонъ (1305 г.). Этимъ, впрочемъ, война за независимость не прекратилась. Еще при жизни Эдуарда I вспыхнуло возстаніе и глава его Робертъ Брюсъ провозглашенъ былъ королемъ; поддержанный Франціею онъ имѣлъ такой успѣхъ, что, послѣ побѣды при Баннокборнѣ *) надъ Эдуардомъ II, утвердился на престолѣ и передалъ его сыну Давиду. Правда, Эдуардъ III (1327—1377) снова возстановилъ свои верховныя права, но наступившая столѣтняя

*) Баннокборнъ недалеко отъ впаденія рѣки Фортъ въ заливъ.

война отвлекла вниманіе англійскихъ королей въ другую сторону. Шотландскій народъ между тѣмъ продолжалъ борьбу подъ предводительствомъ многихъ знатныхъ фамилій и свергъ зависимость. Послѣ смерти Давида, его родственникъ Робертъ сдѣлался королемъ и началъ собою въ Шотландіи новую династію Стюартовъ (въ концѣ царствованія Эдуарда III).

§ 107. **Столѣтняя война.** Столѣтнею войною называется продолжительная борьба за французскій престолъ между Франціею и Англіею. Французская корона, которую оспаривали Плантагенеты у Валоа, была впрочемъ только предлогомъ; причины войны между двумя націями коренились въ прежнихъ еще продолжавшихся вассальныхъ отношеніяхъ англійскихъ королей къ французскимъ; къ тому же оба народа постоянно сталкивались въ Шотландіи и главнымъ образомъ въ Нидерландахъ. Такъ называемые Нидерланды (нынѣшнія Голландія и Бельгія) подѣлены были между многими владѣтельными князьями, таковы напр. графы голландскіе, фландрскіе, герцоги брабантскіе, епископы люттихскіе; рядомъ съ ними большое значеніе имѣли промышленные и торговые города: Брюгге, Мехельнъ, Антверпенъ. Какъ и вездѣ, горожане боролись за права и вольности съ вельможами, послѣднихъ поддерживала Франція; города же находили помощь въ Англіи, откуда они получали шерсть, предметъ необходимый для процвѣтанія ихъ промышленности.

Столѣтняя война была очень популярна въ Англіи и всѣ классы населенія охотно несли жертвы. Франція напротивъ страдала отъ недостатка единенія между престоломъ и народомъ. Короли изъ фамиліи Валоа, слѣдуя политикѣ Капетинговъ, стѣсняли развитіе городскаго самоуправленія и не хотѣли допускать вмѣшательства чиновъ въ дѣла государственныя; феодалы, хотя и сочувствовали подавленію городской самобытности, часто измѣняли королямъ, а наемныя войска, къ которымъ прибѣгала корона, оказались бичемъ для страны.

Только къ концу войны въ народѣ проявилось сильное патріотическое воодушевленіе, всѣ сомкнулись около престола, что и спасло Францію отъ иноземнаго порабощенія.

Первый *валоа* Филиппъ VI вступилъ на престолъ въ 1328 г. въ силу незадолго предъ тѣмъ изданнаго закона объ исключеніи женской линіи отъ наслѣдства. Несмотря на то, англійскій король Эдуардъ III предъявилъ, какъ сынъ дочери Филиппа Красиваго, свои права и началъ войну вторженіемъ въ сѣверную Францію. Замѣчательна крупная морская битва при Слейсѣ у береговъ Фландріи: французскій флотъ, вспомоществуемый наемными генуезскими галерами, потерпѣлъ пораженіе. Шесть лѣтъ спустя произошло рѣшительное сраженіе на сушѣ при Кресси (1346 г. въ Пикардіи сѣв. Франція); Французы проиграли и цвѣтъ ихъ рыцарства остался на полѣ битвы. Послѣ этой побѣды городъ Кале сдался Англичанамъ. Отмѣтимъ здѣсь, что Филиппъ VI купилъ у послѣдняго представителя графовъ Вьеннoа область Дофине и отдалъ ее старшему сыну, съ тѣхъ поръ наслѣдникъ престола назывался во Франціи *дофиномъ*. Этотъ дофинъ, ставши королемъ подъ именемъ Іоанна VI, продолжалъ войну, но также безуспѣшно; онъ потерпѣлъ большое пораженіе при Поатье въ 1356 г.; героемъ битвы со стороны Англичанъ былъ принцъ уэльскій Эдуардъ, обыкновенно называемый по цвѣту своихъ доспѣховъ Черный Принцъ. Самъ Іоаннъ, въ числѣ многихъ другихъ, попался въ плѣнъ и отправленъ былъ въ Лондонъ. Въ его отсутствіе государствомъ управлялъ дофинъ Карлъ. Время регентства ознаменовано сильными смутами во Франціи. Для изысканія средствъ къ продолженію войны дофинъ созвалъ государственные чины; въ собраніи, на которомъ въ преобладающемъ числѣ явились представители отъ городскихъ общинъ, выдвинулся парижскій *голова* (prévot des marchands) Этьенъ Марсель. Опираясь на свое вліяніе въ средѣ парижскаго населенія, Марсель рѣшился воспользоваться бѣдствен-

нымъ положеніемъ страны для ограниченія королевской власти. Дофинъ, нуждаясь въ деньгахъ, сначала согласился на разныя предложенія, но потомъ протестовалъ. Тогда Марсель поднялъ населеніе столицы, особенно цеховыхъ, причемъ впервые на улицахъ Парижа появились *баррикады*. Вооруженная толпа бросилась во дворецъ, убила нѣкоторыхъ приближенныхъ дофина, а Марсель, надѣвъ ему на голову синекрасную шапку—отличительный знакъ возставшихъ—заставилъ признать законность совершенныхъ злодѣйствъ. Въ то же время крестьяне, гнетомые налогами и разоряемые наемными отрядами, взялись за оружіе противъ господъ и пустились по всей Франціи разрушать замки, избивать ихъ владѣльцевъ и пр. Время это окрещено именемъ *жакеріи*, потому что поселянъ въ насмѣшку называли Жакъ добрый малый (Jacques bonhomme). Безчинства, совершаемыя крестьянами, привлекли на сторону дофина знать и народное возстаніе подавлено было въ потокахъ крови; вслѣдъ за тѣмъ послѣдовало и усмиреніе Парижа. Марсель, вступившій на революціонный путь и задумавшій дать Франціи другаго короля, вызвалъ реакцію и погибъ въ схваткѣ на улицахъ (1358 г.). Два года спустя состоялся съ Англіею миръ, по которому Эдуардъ III получилъ, кромѣ Кале съ областью, значительную часть югозападной Франціи Поату, Гіеннь, Гасконь, Лимузинъ и др. безъ всякихъ ленныхъ обязательствъ. Какъ бы въ вознагражденіе за потери Іоаннъ VI пріобрѣлъ упразднившееся герцогство бургундское и отдалъ его младшему сыну Филиппу Смѣлому. Іоаннъ умеръ плѣнникомъ въ Лондонѣ и ему наслѣдовалъ старшій сынъ, бывшій регентъ, Карлъ. Карлъ V Мудрый старался поправить разстроенное состояніе государства и загладить позоръ прежнихъ пораженій. Не созывая государственные чины, онъ уменьшилъ многіе налоги и избавилъ страну отъ наемныхъ отрядовъ (часть ихъ отправилъ въ Кастилію, гдѣ происходили споры за престолъ). Вскорѣ и возобно-

вившаяся война съ Англіею приняла счастливый оборотъ для Франціи, благодаря отличному полководцу Дигеклену, бретонскому рыцарю. Пріобрѣвъ славу сначала на турнирахъ, потомъ въ Кастиліи *), Дигекленъ, назначенный *коннетаблемъ* (т. е. предводителемъ всѣхъ войскъ), повелъ наступательную войну противъ Англичанъ и съ большимъ успѣхомъ. Въ короткое время онъ возвратилъ все потерянное за исключеніемъ Кале. Обстоятельства благопріятствовали Дигеклену: одинъ за другимъ сошли въ могилу, сначала Черный Принцъ, а чрезъ годъ и Эдуардъ III; вымогательства англійскихъ намѣстниковъ въ югозападной Франціи возбуждали ропотъ, а дома Англія переживала смутныя времена. Эдуарду III наслѣдовалъ его внукъ, сынъ Чернаго Принца, Ричардъ II. Въ его царствованіе, благодаря нѣкоторымъ послѣдователямъ Виклифа, которые примѣняли ученіе профессора къ соціальному положенію крестьянъ, народъ поднялъ мятежъ. Часть мятежниковъ подъ предводительствомъ Уата Тайлера, ворвалась въ Лондонъ и, предъявляя разныя требованія, напр. уничтоженіе крѣпостнаго права, угрожала королю; только рѣшительность послѣдняго, собственноручно убившаго Тайлера, положила конецъ народному движенію. Вслѣдъ за тѣмъ стремленіе Ричарда II усилить власть свою вызвало междоусобную войну; многіе вельможи, и въ числѣ ихъ дяди короля, взялись за оружіе. Кончилось низложеніемъ Ричарда и вступленіемъ на престолъ двоюроднаго его брата Генриха ланкастерскаго (1399). Новый король Генрихъ IV считался многими незаконнымъ похитителемъ престола, такъ какъ были члены королевской фамиліи съ бо́льшими правами, и вельможи затѣяли междоусобицы. Генрихъ вышелъ побѣдителемъ и

*) Въ Кастиліи происходили споры за престолъ и здѣсь столкнулись, послѣ заключенія мира, враждебно Французы съ Англичанами. Дигекленъ съ наемными отрядами помогалъ одному претенденту, Англія другому.

съумѣлъ упрочить за своею ланкастерскою линіею корону Англіи. Сынъ его Генрихъ V не боялся уже крамолъ и задумалъ, для пріобрѣтенія любви народной, дать возмездіе Франціи. Предъидущія народныя волненія вызвали реакцію, которая и проявилась при Генрихѣ V преслѣдованіемъ „лоллардовъ“,—этимъ именемъ назывались послѣдователи Виклифа; прежде многіе, и даже члены королевской фамиліи, сочувствовали ученію профессора; теперь его приверженцевъ постигли жестокія гоненія, одни томились въ заточеніи, другіе были преданы пламени *).

Когда Генрихъ V возобновилъ войну, во Франціи царствовалъ сынъ Карла V, Карлъ VI. Сначала малолѣтство, а потомъ душевная болѣзнь короля повергли страну въ неисчислимыя бѣдствія: родственники короля спорили за власть, а Парижъ и другіе города пришли въ броженіе. Конецъ XIV вѣка былъ вообще временемъ сильнаго движенія горожанъ и отчасти поселянъ противъ привилегированныхъ классовъ (князей, дворянства и духовенства); въ Германіи, Швейцаріи, Англіи городскіе рабочіе и крестьяне брались за оружіе и совершали страшныя безчинства. На Францію заразительно дѣйствовали событія во Фландріи; здѣсь города, особенно Гентъ, боролись съ своимъ графомъ подъ руководствомъ храбраго пивовара Филиппа Артевельде. Фландрскіе города прогнали графа и послѣдній съ трудомъ, при помощи французскихъ дворянъ, подавилъ мятежъ (1382). Такой исходъ фландрскаго возстанія отразился и на столицѣ Франціи, въ которой происходили, какъ и во время Марселя, волненія. Парижъ долженъ былъ смириться; король, уступая дворянству, лишилъ его многихъ правъ; затѣмъ, не спрашивая согласія государственныхъ чиновъ, обложилъ горожанъ и по-

*) Лоллардъ, по имени котораго назвались послѣдователи Виклифа, былъ англійскій еретикъ, сожженный въ Кельнѣ (въ началѣ XIV ст.).

селянъ новыми тяжелыми налогами. Когда Карлъ VI впалъ въ сумасшествіе, за право регентства стали спорить дядя и братъ короля, Филиппъ Смѣлый бургундскій и герцогъ орлеанскій. Споръ перешелъ въ открытое междоусобіе и вся Франція раздѣлилась на партіи *бургундскую* и *орлеанскую*, при чемъ орлеанцы соединились съ феодальною аристократіею, а бургундцы приняли сторону городовъ. Ожесточеніе партій усилилось, когда Іоаннъ бургундскій, сынъ Филиппа, приказалъ умертвить герцога орлеанскаго; за малолѣтствомъ сына послѣдняго во главѣ партіи сталъ его родственникъ графъ д'Арманьякъ (отъ котораго и получила теперь названіе партія). Поперемѣнно одерживали верхъ то одни, то другіе и захватывали власть надъ страною и королемъ: одолѣвали бургундцы, городамъ возвращались муниципальныя права (т. е. разныя привилегіи) и въ Парижѣ утверждалось господство „черни“ (мясниковъ), сопровождавшееся убійствами и пр.; превозмогали *арманьяки*, наступала реакція. Въ такомъ положеніи была Франція, когда Генрихъ V чрезъ Кале вступилъ въ ея предѣлы. Орлеанская партія, захватившая около того времени Парижъ, хотѣла пріобрѣсть популярность отраженіемъ непріятеля, но громадное рыцарское ополченіе потерпѣло отъ англійскихъ стрѣлковъ и пѣхотинцевъ сильное пораженіе при Азинкурѣ въ 1415 г. *). Неудачею воспользовались бургундцы и подняли на противниковъ мятежъ въ столицѣ, арманьяки погибли тысячами и между прочимъ самъ графъ д'Арманьякъ. Но и Іоаннъ бургундскій не могъ или не хотѣлъ остановить успѣхи Англичанъ, которые завладѣвали однимъ городомъ за другимъ. Этого мало: слѣдующій случай сдѣлалъ бургундцевъ союзниками Англичанъ. Дофинъ Карлъ, примкнувшій къ орлеанской партіи, согласился на убійство герцога бургундскаго, котораго

*) Азинкуръ въ сѣв. Франціи по дорогѣ отъ Кале къ Креси.

пригласилъ на свиданіе. Сынъ убитаго Филиппъ Добрый соединился съ англійскимъ королемъ и склонилъ Изабеллу, жену Карла VI, признать Генриха V королемъ Франціи, а созванные чины объявили дофина лишеннымъ престола. Вся сѣверная Франція отложилась отъ законнаго короля и Генрихъ V женился на дочери Изабеллы, но среди такого полнаго торжества англійскій король умеръ въ 1422; въ томъ же году послѣдовала и смерть Карла VI. Половина Франціи съ Парижемъ присягнула малолѣтнему сыну Генриха V отъ французской принцессы, Генриху VI, остальная южная, держала сторону законнаго наслѣдника, Карла VII. Дядя малолѣтняго Генриха VI Бедфордъ продолжалъ съ успѣхомъ войну и осадилъ Орлеанъ, единственный большой городъ въ сѣв. Франціи, еще вѣрный дофину. Карлъ уже помышлялъ о бѣгствѣ, но тутъ произошелъ вторично поворотъ въ войнѣ въ пользу Франціи. Бѣдствія, обрушившіяся на страну, внѣшняя и междоусобная война со всѣми ея ужасами, малодушіе дворянства, которое окружало короля „въ Буржѣ“ *) своими крамолами—все это вызвало сильное патріотическое воодушевленіе. Выразительницею этого чувства явилась крестьянская дѣвушка Іоанна (Jeanne) д'Аркъ изъ деревни Домреми въ Лотарингіи. Деревня эта принадлежала къ орлеанской партіи и жители ея часто вступали въ драку съ сосѣднею бургундскою деревнею; братья Іоанны возвращались съ побоища окровавленными. Свидѣтельница происходившаго Іоанна, отличавшаяся набожностью и мечтательностью, довела себя своими думами о печальномъ положеніи отечества до восторженнаго состоянія. Ей грезились голоса ангеловъ и святыхъ, которые говорили то, что подсказывалъ ея внутренній голосъ—что нужно спасти Францію. Взлелѣявъ въ себѣ мысль, что ей

*) Буржъ къ югу отъ Орлеана.

суждено сдѣлаться исполнительницею велѣній свыше, она бѣжитъ изъ родительскаго дома и заявляетъ о себѣ начальнику сосѣдняго отряда. Тотъ доставилъ ее въ замокъ Шинонъ, гдѣ находился тогда Карлъ. Своими безхитростными, но проникнутыми глубокою вѣрою отвѣтами она разсѣяла опасеніе, что связалась съ нечистою силою, и король рѣшился присоединить ее къ отряду, который долженъ былъ снабдить Орлеанъ съѣстными припасами. Въ мужскомъ платьѣ, вооруженная, съ орифламою (знамя съ изображеніемъ Св. Дѣвы) въ рукѣ она провела благополучно отрядъ въ городъ; религіозно-патріотическое воодушевленіе, говорившее ея устами, передалось гарнизону и удачная вылазка заставила Англичанъ отступить (1429 г.). Послѣ нѣсколькихъ новыхъ успѣховъ при участіи *дѣвы орлеанской* дофинъ въ ея сопровожденіи прошелъ посреди страны, занятой непріятелемъ, въ Реймсъ и короновался. Франція обрѣла теперь настоящаго короля, Богомъ вѣнчаннаго; воодушевленіе Французовъ росло въ той же мѣрѣ, какъ Англичанами, утомленными войною, овладѣвало разочарованіе; господствовавшая вѣра въ дѣйствіе чаръ и дьявольскаго навожденія, олицетвореніемъ котораго считалась Іоанна, производила свое дѣйствіе. Хотя Іоанна, раненая подъ Парижемъ, вскорѣ попалась въ плѣнъ, но это не помогло Англичанамъ, не помогла имъ и казнь дѣвы, которую они предали духовному суду; послѣдній приговорилъ ее сначала къ тюремному заключенію, а потомъ къ сожженію на кострѣ, какъ колдунью и еретичку, и она погибла въ пламени на *руанской* площади (1431). Война продолжалась и Французы одерживали верхъ, но только тогда, когда Филиппъ бургундскій примирился съ королемъ на выгодныхъ для себя условіяхъ, а Парижъ отворилъ ворота Карлу, Англичане, вытѣсненные изъ Нормандіи и Гіенни, должны были оставить страну, въ которой ихъ рыцари совершили не мало подвиговъ храбрости (около половины XV ст.). Одинъ го-

родъ Кале остался за Англіею, мира не было заключено и въ результатѣ столѣтняя война оставила продолжительную ненависть между двумя народами, раздѣленными каналомъ: слишкомъ глубокіе слѣды разоренія долго напоминали Французамъ о чужеземномъ посягательствѣ на независимость ихъ отечества!

II. Германія, Италія, Швейцарія. Великій церковный расколъ, Гуссъ, гусситскія войны.

§ 108. **Германія и Италія. Генрихъ VII; споръ съ папою Людовика баварскаго.** Послѣ Рудольфа корону германскую носили Адольфъ графъ нассаускій и Альбрехтъ I австрійскій, сынъ Рудольфа. Когда Альбрехта убилъ его родственникъ, князья германскіе избрали на престолъ графа люксембургскаго Генриха. Генрихъ VII слѣдовалъ той же политикѣ, что и Габсбурги, т. е. старался увеличить владѣнія своего дома; такъ онъ съ согласія богемскихъ чиновъ доставилъ сыну Іоанну (Яну) чешскую корону. Какъ нѣкогда Оттоновъ и Гогенштауфеновъ, Генриха манила Италія, гдѣ еще сохранилась тѣнь императорской власти, и онъ предпринялъ походъ за Альпы. Въ Италіи продолжались прежнія усобицы: въ нѣкоторыхъ городахъ Ломбардіи нисшіе классы одержали верхъ надъ знатью и вручили власть своему вождю съ титуломъ *капитана*. Прибытіе Генриха ободрило не однихъ гибеллиновъ; и названные капитаны, желавшіе упрочить свое положеніе, и изгнанные, жаждавшіе вернуться въ родной городъ и отомстить противникамъ, и представители фамилій, споривших за власть въ томъ или другомъ городѣ (напр. Висконти и делла Торре въ Миланѣ)—всѣ униженно являлись въ лагерь императора, взывая о помощи и интригуя противъ враговъ. Данте привѣт-

ствовалъ приходъ императора, какъ зарю новой эры для своего отечества. Не становясь открыто на сторону однихъ или другихъ, Генрихъ воспользовался борьбою партій, чтобы поднять значеніе императора; назначивъ намѣстниковъ въ Ломлардіи и возложивъ на себя въ Миланѣ желѣзную корону, онъ отправился въ Римъ и вынудилъ у авиньонскаго папы, чтобы легатъ послѣдняго короновалъ его въ качествѣ императора. Такое быстрое усиленіе императорской власти вызвало реакцію, образовалась *лига* (союзъ); во главѣ ея стояли король неаполитанскій и Флоренція, въ которой, какъ и въ большей части городовъ Тосканы, преобладали гвельфы. Генрихъ соединился съ Фридрихомъ сицилійскимъ, съ вельможами и городами гибелинскими и готовился вступить въ борбу съ противниками. но скоропостижно умеръ (1313).

При новыхъ выборахъ курфирсты раздѣлились: одни избрали Людовика баварскаго, другіе Фридриха австрійскаго, сына Альбрехта; послѣдовала междоусобная война, оружіе рѣшило споръ въ пользу перваго. Царствованіе Людовика Баварца замѣчательно борьбою съ папою, исходъ которой нанесъ новый ударъ притязаніямъ римской куріи. Поводомъ къ столкновенію послужила поддержка, оказанная императоромъ гибеллинамъ сѣверной Италіи противъ союзныхъ силъ папы и короля неаполитанскаго *). Папа, преемникъ Климента V, поразилъ Людовика отлученіемъ отъ церкви. Это проклятіе, сопровождаемое интердиктомъ, а равно и старинныя притязанія папы возмутили нѣмецкихъ князей и собравшіеся курфирсты (1338 г.) опредѣлили, что императоръ, избранный курфирстами, считается законнымъ и не нуждается въ папскомъ

*) Императоръ предпринималъ походъ въ Италію и короновался въ Римѣ, но не отъ руки папскаго легата; корону возложилъ Сціарра Колонна, котораго народъ, одолѣвшій аристократическую партію, облекъ званіемъ капитана и провозгласилъ Римъ республикою.

утвержденіи. Вслѣдъ за тѣмъ имперскій сеймъ изъ князей, свѣтскихъ и духовныхъ, дворянъ и представителей отъ городовъ не только подтвердилъ это рѣшеніе, но и дополнилъ новыми постановленіями о независимости императорской власти, „исходящей отъ Бога.“

§ 109. **Начало швейцарскаго союза.** Къ первой четверти XIV ст. относится возникновеніе швейцарскаго союза. Швейцарія (древняя Гельвеція) распадалась на много мелкахъ владѣній, княжескихъ, епископскихъ и республиканскихъ общинъ,—всѣ они въ бо́льшей или меньшей степени зависѣли отъ германской имперіи. Такъ называемые *первобытные кантоны* (общины) около *фирвальдштедскаго* озера (озера четырехъ лѣсныхъ кантоновъ) Швицъ, Ури и Унтервальденъ, населенные свободными или полусвободными крестьянами и пастухами, признавали надъ собою право уголовнаго суда графовъ гобсбургскихъ, у которыхъ были значительныя владѣнія въ Швейцаріи. Въ своемъ стремленіи расширить наслѣдіе своего дома Габсбурги задумали право суда въ кантонахъ превратить въ право господства, но встрѣтили сопротивленіе. Швицъ, Ури и Унтервальденъ, начиная съ Фридриха II, обращались къ императорамъ съ просьбою о непосредственномъ подчиненіи имперской власти и успѣвали въ этомъ. Но и Габсбурги не отступались отъ своего намѣренія—ихъ притязанія усилились, когда Рудольфъ получилъ германскую корону. Съ своей стороны и кантоны рѣшились отстаивать свою независимость и въ 1291 году Швицъ, Ури и Унтервальденъ заключили союзъ съ клятвеннымъ обѣщаніемъ защищаться противъ всякаго врага. Когда Альбрехтъ австрійскій, угрожавшій рѣшительнѣе предшественниковъ свободѣ лѣсныхъ общинъ, палъ отъ руки убійцы, кантоны поспѣшили получить отъ новаго императора Генриха VII подтвержденіе своихъ правъ: они становились почти независимыми, такъ какъ подчиненность имперіи была лишь

по имени. Габсбурги были недовольны и, когда въ Германіи возникла война между Людвигомъ (Людовикомъ) баварскимъ и Фридрихомъ австрійскимъ, братъ послѣдняго Леопольдъ пошелъ съ войскомъ на лѣсные кантоны, но потерпѣлъ сильное пораженіе при Моргартенѣ (1315 г.); простолюдины, вооруженные дубинами и камнями, которые они скатывали съ высотъ, восторжествовали здѣсь впервые надъ тяжеловооруженными рыцарями. Битва эта упрочила независимость первобытныхъ кантоновъ; они возобновили прежде заключенный союзъ, который получилъ отъ Швица названіе швейцарскаго. Союзъ этотъ скоро расширился присоединеніемъ сосѣднихъ мѣстностей и между прочимъ городовъ, которые освободились отъ своихъ владѣтелей и вводили у себя республиканское правленіе. Такъ постепенно къ союзу примкнули: Люцернъ (четвертый кантонъ у озера), Бернъ (ставшій потомъ главою союза), Цюрихъ и бывшіе габсбургскіе Гларусъ и Цугъ.

Происхожденіе швейцарскаго союза украшено многими преданіями; историческая критика доказала ихъ легендарность, но Швейцарцы хотятъ вѣрить этимъ эпизодамъ изъ героическаго періода своей прошлой жизни. Вотъ главныя легенды: *Фохты* (намѣстники) Альбрехта австрійскаго своими вымогательствами и жестокостями довели поселянъ до отчаянія. Тогда три единомышленника, имѣвшіе каждый осѣдлость въ одномъ изъ трехъ кантоновъ *), по взаимному уговору сошлись въ долинѣ Ритли; каждый привелъ съ собою по десяти надежныхъ людей и здѣсь на границѣ кантоновъ у *фирвальдштедскаго* озера всѣ они торжественно поклялись защищать свои вольности. Это было въ концѣ 1307 г., а слѣдующій случай привелъ къ развязкѣ. Вильгельмъ Телль изъ Ури не снялъ шапки предъ герцогскою шляпою, выставленной на шестѣ въ Альторфѣ. Въ наказаніе за это фохтъ Геслеръ

*) Имена ихъ: Вальтеръ Фирстъ, Арнольдъ Мельхталь и Вернеръ Штауфахеръ.

приказалъ Теллю стрѣлять въ яблоко на головѣ собственнаго сына. Отличный стрѣлокъ, онъ твердою рукою сбилъ яблоко, не повредивъ сына, но при этомъ указалъ на другую стрѣлу, предназначенную въ случаѣ неудачи для самого Геслера. Геслеръ заковалъ его въ цѣпи и лично повезъ чрезъ озеро въ замокъ, чтобы тамъ его заключить. Дорогой поднялась буря, съ Телля сняли цѣпи и приказали грести какъ ловкому кормчему. Приставъ къ берегу, Вильгельмъ вскочилъ на утесъ *(теллевъ утесъ)*, а лодку оттолкнулъ. Но Геслеръ спасся и пошелъ пѣшкомъ въ замокъ Кюснахтъ. Телль подстерегъ его и убилъ. Этотъ эпизодъ ускорилъ возстаніе; въ день новаго года (1308) поселяне взялись за оружіе, завладѣли замками и прогнали фохтовъ. Послѣдовавшая въ томъ же году смерть Альбрехта избавила Швейцарцевъ отъ его мести и 1308 годъ они считаютъ началомъ своей независимости.

§ 110. **Золотая булла. Германія и Швейцарія во 2-й половинѣ XIV ст.** Послѣ смерти Людовика императорскій престолъ занялъ опять люксембургскій домъ въ лицѣ Карла IV, сына Іоанна чешскаго. Карлъ IV (1347—1378) главное вниманіе обращалъ на усиленіе своего дома и дѣйствительно ему удалось доставить сыновьямъ и родственникамъ многія земли (Люксембургъ, Богемію, Моравію, Силезію, Лузацію, Бранденбургъ; въ послѣднемъ пресѣкся домъ асканскій). Заботясь о преуспѣяніи наслѣдственныхъ владѣній, особенно Богеміи, Карлъ пренебрегалъ интересами Германіи и Италіи и совсѣмъ уронилъ въ этихъ странахъ значеніе императора *). Во время двухъ походовъ въ Италію Карлъ продавалъ князьямъ (Висконти) и городамъ имперскія права, а изданный для Германіи законъ сдѣлалъ многихъ князей самостоятельными державцами. Законъ этотъ, извѣстный подъ именемъ *золо-*

*) Карлъ IV названъ отцомъ Богеміи и отчимомъ Германіи.

той буллы, опредѣлялъ порядокъ избранія и коронованія императора; именно выборъ императора отнынѣ принадлежалъ исключительно семи князьямъ-курфирстамъ, которые собираются для этого во Франкфуртѣ, а коронованіе должно совершаться въ Ахенѣ *). Этою же буллою курфирстамъ предоставлены были суверенныя права, напр. судъ, битье монеты, право оберегать евреевъ и налагать на нихъ подати и пр. Подражая курфирстамъ, другіе князья хотятъ тоже сдѣлаться независимыми отъ императора, а рыцари (дворяне) и города, опасаясь за свои права, стали заключать между собою союзы. При такихъ условіяхъ значеніе императора падало и Германія сдѣлалась театромъ усобицъ и неурядицъ, которыя и разразились въ правленіе сына Карла IV, Венцеслава (наслѣдовавшаго отцу и въ Чехіи подъ именемъ Вячеслава). Изъ городскихъ союзовъ пріобрѣтаетъ важное политическое значеніе швабскій; многіе города Франконіи, Баваріи и рейнскіе примкнули къ нему, такъ что число членовъ простиралось до 72; съ другой стороны дворяне-рыцари образовали также союзы (львиный, звѣздный, шлеглеровъ т. е. дубинниковъ). Между этими союзами начались мелкія войны, князья принимали сторону то городовъ, то дворянъ. Во 2-й половинѣ XIV ст., когда во Фландріи города боролись съ господами, и въ Германіи произошло сильное ополченіе городовъ противъ князей и война сопровождалась истребленіемъ посѣвовъ, пожарами и пр. Главнымъ недругомъ городовъ былъ виртембергскій графъ Эбергардъ Ворчунъ. Города большею частью терпѣли пораженіе (особенно въ 1388 г.), но на созванномъ Венцеславомъ имперскомъ сеймѣ за ними обезпечены были прежнія права и участіе, въ лицѣ уполно-

*) Курфирстами считались слѣдующіе князья: три архіепископа: майнцскій, кельнскій, трирскій, и четыре свѣтскіе: пфальцграфъ рейнскій, герцогъ саксонскій, маркграфъ бранденбургскій и король богемскій.

моченныхъ, въ охраненіи земскаго мира по округамъ. Одновременно съ этою городовою войною продолжалась борьба швейцарскаго союза съ австрійскими герцогами, но исходъ ея былъ иной, чѣмъ въ Германіи. Въ главной битвѣ при Земпахѣ (1386) Швейцарцы нанесли, какъ и при Моргартенѣ, австрійскому герцогу Леопольду чувствительное пораженіе; самъ герцогъ остался на полѣ сраженія. Честь побѣды приписали народныя сказанія Арнольду Винкельриду изъ Унтервальдена, про подвигъ котораго расказывается то же, что про Деціевъ Мусовъ. Два года спустя новая побѣда при Нефельсѣ заставила Габсбурговъ заключить миръ и признать независимость союза. Но еще не разъ, мы узнаемъ послѣ, пришлось браться Швейцарцамъ за оружіе, чтобы отстоять свою самобытность.

Отмѣтимъ здѣсь, что около половины XIV в. всю Европу, страдавшую отъ политическихъ смутъ, посѣтило и страшное физическое бѣдствіе —это *черная смерть*, болѣзнь, занесенная съ востока вѣроятно итальянскими купцами. Милліоны людей сдѣлались жертвою этой „смерти“ во всѣхъ странахъ нашей части свѣта, отчаяніе и оцѣпенѣніе овладѣли умами. Видя въ этихъ бѣдствіяхъ кару за грѣхи, многіе приносили всенародное покаяніе; образовались общества *бичевальщиковъ* или *флагеллантовъ*. Цѣлыми толпами бичующіеся братья ходили по городамъ и, послѣ пѣнія церковныхъ пѣсень, ложились на землю и каждаго товарищи бичевали ремнями. Время этого страшнаго мора сопровождалось преслѣдованіемъ Евреевъ, которыхъ считали распространителями заразы, что не было неправдоподобно: Евреи принимали участіе въ торговлѣ съ востокомъ и своею скученностью и неряшливостью способствовали распространенію болѣзни. Народъ вѣрилъ, будто они отравляютъ колодцы, и мстилъ имъ тѣмъ охотнѣе, что они пользовались всеобщимъ бѣдствіемъ для своей наживы.

Безсиліе Венцеслава водворить порядокъ въ Германіи и также его нетвердая политика по отношенію къ современной церковной смутѣ (см. слѣд. §) привели къ тому, что германскіе князья низложили его и избрали въ императоры Рудольфа пфальцскаго. Но и этотъ не съумѣлъ справиться съ трудными задачами времени и, когда на германскій престолъ въ 1410 вступилъ братъ Венцеслава, Сигизмундъ (1410

—1437 уже прежде пріобрѣвшій женитьбою корону венгерскую) власть императорская была лишена всякой силы и церковная неурядица въ полномъ разгарѣ. Къ очерку состоянія западной церкви въ концѣ XIV и началѣ XV ст. мы и перейдемъ теперь.

§ 111. **Великій церковный расколъ. Гуссъ.** Папская власть, потрясенная Филиппомъ Красивымъ и нѣмецкими князьями, старалась во время вавилонскаго плѣна поддержать свое значеніе внѣшнимъ великолѣпіемъ и тщеславіемъ мірскаго могущества. Средствами для этого служили поборы, взимаемые во всѣхъ католическихъ странахъ, и въ изобрѣтательности которыхъ курія оказалась непстощимою *). Папѣ подражали архіепископы и епископы; получивъ за деньги свое достоинство, они наверстывали расходы на счетъ пасомыхъ. Понятно что всевозможные поборы, папскіе, епископскіе, священническіе (за исполненіе требъ) ложились тяжело на карманъ бѣднаго люда и вызывали ропотъ. А роскошная, подъ часъ развратная жизнь прелатовъ, грубость и невѣжество клириковъ и монаховъ роняли авторитетъ іерархіи. Къ вящшему соблазну въ послѣдней четверти XIV в. западную церковь посѣтилъ расколъ, длившійся нѣсколько десятилѣтій. Дѣло вотъ въ чемъ. Папа Григорій XI, уступая просьбѣ *римлянъ*, пріѣхалъ въ вѣчный городъ и здѣсь умеръ (1378). Преемникъ его остался въ Римѣ, но нѣкоторые кардиналы, преимущественно французскіе, предпочитая жизнь на югѣ Франціи, объявили избраніе недѣйствительнымъ и, провозгласивъ другаго папу, уѣхали съ нимъ въ Авиньонъ. И тотъ и другой папа, считая себя законнымъ, предавалъ против-

*) Вотъ нѣкоторые источники папскихъ доходовъ: поступленія съ вакантныхъ епископскихъ каѳедръ, аннаты, налоги съ отдачи церковныхъ доходовъ мірянамъ, индульгенціи (отпущеніе грѣховъ), юбилеи и пр. и пр.

ника проклятію и настаивалъ чрезъ своихъ легатовъ на поборы; католическій міръ раздѣлился, признавая то римскаго, то авиньонскаго папу. Смерть одного изъ нихъ не прекращала раскола, потому что сейчасъ кардиналы избирали новаго: такъ послѣдовательно римскій престолъ занимали четыре папы, а авиньонскій два. Напрасно собравшійся въ Пизѣ соборъ (1409 г.) хотѣлъ прекратить *схизму* (т. е. расколъ); избранный имъ папа былъ признанъ немногими, а прежніе не отказались отъ тіары и послѣдствіемъ было троепапство; хотя поставленный пизанскимъ соборомъ папа скоро умеръ, но мѣсто его сейчасъ заступилъ другой подъ именемъ Іоанна XXIII.

По мѣрѣ возрастанія соблазна, вымогательствъ и злоупотребленій со стороны церковной іерархіи, усиливалась и оппозиція. Одни своимъ образомъ жизни протестовали противъ порочности духовенства, другіе въ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ нападали на злоупотребленія и на самое ученіе церкви. Къ первымъ, кромѣ вышеупомянутыхъ бичевальщиковъ, принадлежали *бегарды* и *бегинки*, полумірскія, полумонашескія общества братьевъ и сестеръ, отличавшихся строгою жизнью и дѣлами благотворенія; въ средѣ монаховъ *минориты* (принадлежавшіе къ францисканскому ордену), строго придерживавшіеся обѣта нищенства, смѣло, не смотря на проклятія, обличали порочную жизнь папства. Особенно сильно выразилась оппозиція въ мистицизмѣ; хотя мистики часто впадали въ мечтательность, но съ другой стороны они противопоставляли внѣшней обрядности религію сердца и колебали ханжество. Ихъ проповѣди и сочиненія, при томъ писанныя, въ противоположность схоластикамъ, на народномъ языкѣ, имѣли большое вліяніе на современниковъ; они же подвинули изученіе священнаго писанія и подготовили его переводы на народные языки. Изъ мистиковъ XIV ст. замѣчателенъ доминиканскій монахъ Іоаннъ Таулеръ, написавшій:

„подражаніе скудной жизни Христа.“ Одновременно многіе ученые богословы, особенно парижскаго университета, направляли свои нападки на понтификатъ и церковную систему; они требовали реформъ, не покидая впрочемъ почвы католической церкви. Таковы Петръ д'Ельи (d'Ailly), Жерсонъ (оба были канцлерами парижскаго университета) и Клеманжъ. Изъ области теоріи требованіе реформъ перешло въ жизнь въ лицѣ напр. лоллардовъ. На тотъ же путь ступили и послѣдователи чешскаго проповѣдника Іоанна Гусса. Сначала студентъ, а потомъ профессоръ и ректоръ пражскаго университета, Гуссъ раздѣлялъ мнѣнія Виклифа; имъ сочувствовали и многіе студенты Чехи (Въ Прагѣ было много нѣмецкихъ студентовъ, такъ какъ въ Германіи только возникали первые университеты). Не смотря на осужденіе ученій Виклифа университетомъ, они распространились въ народѣ благодаря проповѣдямъ Гусса, смѣло обличавшаго церковныя злоупотребленія. Религіозныя распри въ Прагѣ получили національную окраску, потому что *нѣмцы,* составлявшіе большинство въ университетѣ, принадлежали къ лагерю, враждебному любимому профессору богословія Гуссу, вышедшему изъ среды народа. Задѣтые въ религіозныхъ и національныхъ чувствахъ Чехи, найдя вождя, возмутились, и король Вячеславъ, недовольный Нѣмцами за низверженіе, издалъ декретъ, которымъ Чехи получили преобладающій голосъ въ рѣшеніи университетскихъ дѣлъ. Нѣмцы, профессоры и студенты, обидѣлись (они прежде располагали бо́льшимъ количествомъ голосовъ въ университетѣ), оставили Прагу и переселились въ незадолго передъ тѣмъ возникшіе нѣмецкіе университеты (Лейпцигъ, Эрфуртъ). Теперь церковная оппозиція возобладала и не ослабѣла и тогда, когда архіепископъ пражскій предалъ Гусса отлученію. Обѣ стороны аппелировали къ папѣ Іоанну XXIII; послѣдній принялъ сторону архіепископа. Гуссъ, до того ратовавшій только противъ злоупотребленій

и порочной жизни духовенства, теперь открыто выступилъ на путь отпаденія отъ католической церкви. Хотя Гуссъ долженъ былъ оставить Прагу, послѣ того какъ папа проклялъ его и наложилъ на городъ интердиктъ, но ученіе его продолжало быстро распространяться (ученикъ Гусса, Іеронимъ пражскій, сжегъ папскую буллу объ индульгенціяхъ). Въ такомъ положеніи была религіозно-національная оппозиція въ Чехіи, когда по просьбѣ императора Сигизмунда папа Іоаннъ XXIII созвалъ для прекращенія великаго раскола соборъ въ Констанцѣ въ 1414 году.

§ 112. **Соборы. Гусситскія войны.** Констанцскій соборъ, продолжавшійся четыре года, представлялъ величественное зрѣлище; въ Констанцѣ собрались: императоръ, князья, представители имперскихъ городовъ, прелаты и ученые богословы всѣхъ странъ. Вопросъ о единеніи церкви и прекращеніи злоупотребленій іерархіи былъ поставленъ на первомъ планѣ. Соборъ началъ съ того, что опредѣлилъ низложеніе всѣхъ папъ; когда Іоаннъ XXIII не повиновался и объявилъ отреченіе недѣйствительнымъ, соборъ провозгласилъ себя выше папъ, а свѣтская власть поддержала такое рѣшеніе. Іоаннъ былъ проклятъ, а Сигизмундъ изрекъ опалу на Фридриха австрійскаго, давшаго убѣжище Іоанну (князья нѣмецкіе и Швейцарцы пошли войною на Фридриха—съ тѣхъ поръ владычество Габсбурговъ окончательно пало въ Швейцаріи). Всѣ вопросы на соборѣ рѣшались пятью голосами по націямъ (англійской, французской, италіанской, нѣмецкой и испанской). Оппозиція противъ папскаго самовластія имѣла сначала много сторонниковъ, но скоро взяла верхъ реакція, благодаря главнымъ образомъ италіанскимъ прелатамъ; они составили партію *ультрамонтановъ* (т. е. загорныхъ) и настояли, чтобы, прежде предположенныхъ реформъ въ главѣ и членахъ церкви, состоялось избраніе папы. Выборъ палъ на кардинала изъ фамиліи Колонна. Новый папа Мартинъ V

поспѣшилъ заключить съ отдѣльными государствами *конкордаты*, по которымъ обѣщаны были въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ разныя улучшенія. Такъ восторжествовали ультрамонтаны, т. е. приверженцы папства съ его притязаніями *); все осталось по прежнему: ни папская власть не была уменьшена, ни церковь исправлена. Еще раньше возстановленія единства въ церкви соборъ привлекъ къ своему суду Гусса. Снабженный императорскою охранною грамотою, Гуссъ, по прибытіи въ Констанцъ, подвергся аресту. Благопріятнаго исхода чешскій проповѣдникъ не могъ ожидать, его судили враги: прелаты, сердившіеся за обличеніе ихъ порочной жизни, нѣмецкіе доктора, не забывшіе своего изгнанія изъ Праги. Такъ какъ Гуссъ не захотѣлъ отречься отъ своихъ мнѣній, то его лишили священства и приговорили къ сожженію на кострѣ. Ссылка на охранную грамоту не помогла и Гуссъ мужественно и богобоязненно встрѣтилъ смерть въ огнѣ въ 1415 г. Сигизмунда успокоили схоластической софистикой, что честное слово, данное еритику, не обязательно. (Іеронимъ пражскій также сожженъ былъ на кострѣ).

Мученическая смерть Гусса превратила религіозное броженіе въ Чехіи въ взрывъ народнаго негодованія и по всей странѣ страшнымъ потокомъ разлилось возстаніе. *Гуситы*, требуя причащенія подъ двумя видами (отсюда *утраквиты* „sub utraque“), убивали священниковъ и монаховъ, отказывавшихъ имъ въ *чашѣ*, а также *нѣмцевъ* и дворянъ, поддерживавшихъ владычество иноземцевъ. Когда въ 1419 г. умеръ Вячеславъ (Венцеславъ) народная партія отказалась признать его брата, императора Сигизмунда, чешскимъ королемъ и взялась за оружіе подъ знаменемъ изображенія

*) Ультрамонтанами и до настоящаго времени называютъ безусловныхъ защитниковъ всякихъ папскихъ притязаній, напр. на свѣтскую власть папы, на непогрѣшимость, на подчиненіе мѣстныхъ церквей и пр.

чаши (calix, отсюда *каликстины*, т. е. *чашники*). Города и деревни запылали и опустошительные набѣги внесли смерть и пожаръ въ сосѣднія страны. Религіозный фанатизмъ и національное воодушевленіе соединились, чтобы свергнуть двойной гнетъ—римской куріи и нѣмечины; расказы о ветхозавѣтныхъ войнахъ воодушевляли воиновъ и они давали воздвигаемымъ укрѣпленіямъ имена библейскія (наиболѣе фанатическая вѣтвь гусситовъ называлась *таборитами* отъ укрѣпленной горы Ѳаворъ). Предводитель гусситовъ Жишка въ теченіе 8 лѣтъ наводилъ страхъ на войска рыцарскія и наемныя, которыя приводилъ въ Чехію самъ Сигизмундъ. Напрасно папа проповѣдывалъ крестовые походы, нѣмецкіе князья лѣниво поддерживали императора или разбѣгались, когда чашники, вооруженные цѣпами, кольями, появлялись съ своимъ слѣпымъ Жишкою, съумѣвшимъ въ нестройныя толпы ввести дисциплину и военную выправку. Франконія, Бранденбургъ, Австрія испытали страшныя бѣдствія и людк спасались бѣгствомъ отъ гусситовъ. И послѣ смерти страшнаго вождя война продолжалась, но прежнее воодушевленіе нѣсколько остыло, въ средѣ гусситовъ возникли раздоры: умѣренные, требовавшіе чаши и богослуженія на народномъ языкѣ, враждовали съ таборитами, которые настаивали на радикальныхъ измѣненіяхъ въ церкви и выдвинули соціальный вопросъ о частной собственности. Хотя противъ враговъ они и дѣйствовали еще сообща, но разница въ мнѣніяхъ парализировала успѣхи; раздоры между партіями усилились, когда умѣренные вступили въ переговоры съ Сигизмундомъ и новымъ созваннымъ соборомъ въ Базелѣ. Получивъ отъ собора чашу и нѣкоторыя другія уступки, умѣренные помогли императору-королю побѣдить таборитовъ. Послѣ пораженія ихъ подъ Прагою (тутъ пали два Прокопа, предводители таборитовъ, не разъ наводившіе панику на сосѣднія земли), Сигизмундъ склонилъ и радикальную партію къ миру

и возстановилъ свою власть въ Чехіи (1434). Но крайнія мнѣнія не исчезли; отдѣльныя общины въ Богеміи, Моравіи и Польшѣ распространяли свое ученіе, не смотря на гоненіе—это такъ называемые „чешскіе и моравскіе братья.“ Чехамъ гусситскія войны не принесли желаннаго ими возрожденія религіознаго и національнаго. Религіозное броженіе и вражда къ Нѣмцамъ продолжались долго и единственно добытымъ результатомъ осталось причащеніе подъ двумя видами.

Базельскій соборъ, созванный преемникомъ Мартина V Евгеніемъ IV въ 1431 и пролжавшійся до 1449 г., занимался, кромѣ гусситской ереси, и вопросами, поднятыми еще въ Констанцѣ о преобразованіяхъ въ церкви. Сначала на соборѣ партія реформы, состоявшая преимущественно изъ нисшаго духовенства и ученыхъ докторовъ богословія, имѣла перевѣсъ; эта „демократическая партія“ требовала упрощенія папской придворной жизни, прекращенія поборовъ и бо́льшей самостоятельности мѣстныхъ церквей. Но она не нашла поддержки у свѣтской власти, а папа поспѣшилъ перевести соборъ во Флоренцію. Многіе члены собора не повиновались Евгенію и остались въ Базелѣ; такъ въ самомъ соборѣ произошелъ расколъ. Оставшіеся прелаты въ Базелѣ выбрали другаго папу и, настаивая на главенствѣ собора въ церкви, отражали папскія притязанія на непогрѣшимость. Новый раздоръ грозилъ церкви и потому Евгеній IV, предавъ проклятію непокорныхъ отцовъ собора, ловкими переговорами склонилъ князей видоизмѣнить, въ интересахъ церковной іерархіи, принятыя уже нѣкоторыми государствами базельскія постановленія; такъ обезпечена была папству побѣда. Распри Сигизмунда съ имперскими князьями и современныя событія въ другихъ государствахъ благопріятствовали такому исходу.

Что касается Германіи, то здѣсь по прежнему не уда-

валось установить на прочныхъ началахъ постоянно нарушаемый земскій миръ.

III. Италія въ XIV и XV столѣтіяхъ.

§ 113. **Общее обозрѣніе. Италіанская образованность и поэзія.** Ломбардскіе города потрясли власть императора въ Италіи, но упрочить республиканское устройство у себя имъ не удалось, за немногими исключеніями (Генуа, Венеція; отчасти Флоренція въ ср. Ит.). Безпрерывныя усобицы проложили дорогу къ власти знатнымъ фамиліямъ; представители послѣднихъ дѣлались *синьорами* или правителями, иногда въ качествѣ *викаріевъ*, т. е. намѣстниковъ императора или папы. Но по мѣрѣ того, какъ императорство и папство падаютъ, эти синьоры пріобрѣтаютъ независимость и стремятся закрѣпить власть за своею династіею; къ услугамъ ихъ были отважные *кондотьеры* съ своими дружинами (предводители наемныхъ отрядовъ). Почти въ каждомъ городѣ мы встрѣчаемъ княжескія династіи, таковы напр. Каррара въ Падуѣ, Скала въ Веронѣ, Эсте въ Феррарѣ, Гонзага въ Мантуѣ. Правда, не многіе изъ этихъ фамилій сохраняли долго власть; жестокость, къ которой они, подобно греческимъ тиранамъ, прибѣгали чтобы упрочить свою династію, усобицы, театромъ которыхъ была Италія въ XIV и XV стол., возстаніе гражданъ, стáравшихся вернуть республиканскія учрежденія,— все это колебало честолюбивые замыслы *династовъ* (т. е. правителей) и они или уступали мѣсто другимъ, или владѣнія ихъ входили въ составъ болѣе сильнаго государства. Такими сильными государствами въ Италіи были: въ сѣверной Миланъ, герцоги савойскіе, Генуа и Венеція, въ средней Флоренція, въ южной королевство неаполитанское.

Замѣчательно, что борьба партій (гвельфовъ и гибеллиновъ, аристократической и народной) въ отдѣльныхъ го-

родахъ и постоянныя усобицы династовъ (другъ съ другомъ, съ республиками, королями неаполитанскими, императорами), не препятствуютъ культурѣ; напротивъ, рядомъ съ ужасами войны и жестокостями процвѣтаютъ въ Италіи промышленность, торговля, науки и искусства. Сами правители (опять сходство съ греческими тиранами) сооружаютъ каналы, гавани, великолѣпные храмы, дворцы и покровительствуютъ художникамъ и поэтамъ. Объ экономическомъ преуспѣяніи Флоренціи, Пизы, Генуи, Венеціи свидѣтельствуютъ выдѣлка суконъ, шелковыхъ тканей, приготовленіе зеркалъ и издѣлій изъ золота и серебра; въ Италіи впервые появились вексельные обороты: банкиры Флоренціи, Милана ссужали государей деньгами; вмѣстѣ съ тѣмъ въ общественной жизни установился своего рода лоскъ: при дворахъ княжескихъ и въ домахъ богатыхъ купцовъ давались пышныя празднества, гдѣ распущенность нравовъ и легкомысліе облагораживались поэзіею, преклоненіемъ предъ классическою древностью и пріемами утонченнаго обращенія. Подвижная жизнь способствовала народному самосознанію и должна была дѣйствовать возбуждающимъ образомъ на умъ и фантазію. Наука и поэзія нашли въ XIV ст. въ Италіи достойныхъ представителей. Къ прежнимъ центрамъ изученія права (Болонья и Падуа) присоединились новые университеты (Римъ, Флоренція, Лукка); цѣлый рядъ такъ называемыхъ *глоссаторовъ* продолжали ученую разработку права, они писали объясненія и толкованія (глоссы) къ кодексу Юстиніана и римскому праву вообще. Подвинулись впередъ и другія науки, напр. Тибоначчи способствовалъ всеобщему распространенію нашего ариѳметическаго счисленія, а Джіованни Виллани написалъ на отечественномъ языкѣ исторію Флоренціи (XIV вѣкъ). Поэзія италіанская откликнулась на національное пробужденіе—поэты стали писать на народномъ языкѣ вмѣсто господствовавшаго провансальскаго языка трубадуровъ. Величайшимъ италіан-

скимъ поэтомъ конца XIII и начала XIV в. былъ Данте Алигьери († 1321 г.). Гражданинъ Флоренціи, онъ служилъ своей родинѣ и на поляхъ брани, и какъ правитель и дипломатъ; когда партія черныхъ восторжествовала, онъ, какъ мы уже знаемъ, подвергся изгнанію и нашелъ покровительство у правителя Вероны Кане делла Скала. Обнимая всѣ знанія вѣка и наблюдая современное состояніе Италіи, онъ пришелъ къ убѣжденію, что только сильная императорская власть, вполнѣ независимая отъ папы, способна возстановить порядокъ въ странѣ—вотъ почему онъ такъ восторженно привѣтствовалъ приходъ Генриха VII въ Италію. Взглядъ свой онъ развилъ въ трактатѣ на латинскомъ языкѣ „о монархіи“ и онъ же проглядываетъ въ его главномъ произведеніи „божественной комедіи,“ благозвучной поэмѣ на прекрасно обработанномъ италіанскомъ языкѣ *). Содержаніе поэмы: путешествіе Данте въ адъ, чистилище и рай. Въ картинахъ мученія въ аду, покаянія въ чистилищѣ и блаженства въ раю Данте высказалъ свои мнѣнія о поступкахъ многихъ дѣятелей прошлаго и современности, на сколько они своими дѣлами способствовали или задерживали прогрессъ человѣчества. Вся эпоха борьбы императоровъ съ папами, гвельфовъ съ гибеллинами выступаетъ предъ нами въ этой поэмѣ, которую авторъ назвалъ „комедіею,“ а благодарное потомство прибавило „божественная.“ Трудность пониманія поэмы, благодаря ея характеру аллегорическому, рано повела къ толкованіямъ и въ университетахъ читались комментаріи къ *божественной комедіи*. Младшими современниками Данте были Петрарка и Боккаччіо, умершіе почти одновременно (1375). Петрарка знаменитъ своими сонетами къ Лаурѣ, отличающимися чрезвычайною мелодичностью стиха, а Бок-

*) Благодаря Данте тосканское нарѣчіе сдѣлалось литературнымъ италіанскимъ языкомъ.

каччіо считается отцомъ образцовой прозы въ своемъ „декамероне“ или собраніи ста расказовъ, довольно сальныхъ по содержанію. Оба поэта оставили еще сочиненія на латинскомъ языкѣ — ими они проложили дорогу къ болѣе основательному изученію языковъ и писателей классическихъ (греческихъ и римскихъ).

§ 114 a. **Сѣверная Италія. Миланъ.** Въ началѣ XIV ст. въ Миланѣ утвердилась гибеллинская фамилія Висконти послѣ борьбы съ гвельфами делла Торре. Получивъ отъ императора Генриха VII намѣстничество, Маттео Висконти положилъ начало могуществу своего дома. Преемники его, не смотря на раздоры въ своей фамиліи, заговоры, папскія проклятія, не только упрочили свою власть, но и значительно расширили владѣнія; многіе города Ломбардіи (Комо, Павія, Кремона и др.) признали синьорію Висконти. Другіе династы и города не разъ составляли союзы, чтобы свергнуть миланское иго, но Висконти, располагавшіе значительными наемными войсками подъ начальствомъ искусныхъ кондотьеровъ, справлялись съ врагами. Висконти, подобно другимъ династамъ, отличались жестокостью, вѣроломствомъ, прибѣгали къ вымогательствамъ и пр., но они же были въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Петраркѣ, давали ему дипломатическія порученія, сами были поэтами, воздвигали храмы и учебныя заведенія (напр. мраморная церковь въ Миланѣ, университетъ въ Павіи). Въ концѣ XIV ст. Джіовангалеаццо купилъ у Венцеслава герцогское достоинство и преемники его, въ качествѣ герцоговъ, управляли обширнымъ государствомъ (временно Генуа и Флоренція признавали себя въ зависимости отъ Милана). Оба сына названнаго, царствовавшіе одинъ послѣ другаго, были жестокіе тираны *). Съ ними

*) Старшій братъ Джанъ Маріа отдавалъ враговъ на растерзаніе собакамъ, вскормленнымъ на человѣческомъ мясѣ; а другой Филиппо

прекратился домъ Висконти (1447 г.). Наступили смуты и попытки возстановить республику, но войны съ Венеціею и другими принудили *миланцевъ* вручить власть зятю послѣдняго герцога, Франческо Сфорцѣ. Сынъ его Галеаццо Марія жестокостью не уступалъ послѣднимъ Висконти и погибъ жертвою заговора въ церкви св. Стефана (1476 г.)

§ 114 б. **Генуа.** Изъ всѣхъ городовъ сѣверной Италіи Генуа и Венеція одни сохранили республиканское устройство не только въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ но и дольше. Владычицы средиземнаго моря, обѣ республики были до конца XV вѣка главными посредницами въ торговлѣ востока съ западомъ.

Генуа располагала сильнымъ флотомъ, помощи котораго искали не разъ воюющія державы; генуезскія галеры, предводимыя храбрыми моряками, участвовали въ войнахъ Гогенштауфеновъ съ ломбардскими городами, въ крестовыхъ походахъ, въ столѣтней войнѣ и пр. Сама Генуа часто воевала съ своими соперницами, сначала Пизою, а потомъ Венеціею. Сокрушивъ въ союзѣ съ Флоренціею республику пизанскую (1284 г.), *генуезцы* утвердились въ Корсикѣ, Сардиніи и основали богатыя факторіи въ Сициліи, на островахъ *балеарскихъ*, въ Тунисѣ и Триполи; на европейскомъ континентѣ владѣнія республики простирались вдоль побережья отъ Прованса до Тосканы. Такимъ образомъ Генуа сдѣлалась господствующею морскою державою въ западной части *средиземнаго* моря и пользовалась большими торговыми привилегіями во Франціи, Нидерландахъ и Англіи. Но соперничество съ Венеціею въ восточныхъ моряхъ оказалось гибельнымъ для Генуи; получивъ отъ Палеологовъ (послѣ паденія латинской имперіи) владѣнія и торговыя выгоды, Генуа хотѣла завладѣть всею торговлею съ Индіею и вытѣснить

Марія казнилъ послѣ страшныхъ мученій неповинную свою жену, чтобы вступить въ новый бракъ.

соперницу съ береговъ *чернаго* моря (здѣсь главнымъ торговымъ пунктомъ *генуэзцевъ* былъ городъ Кафа). Это повело къ продолжительной войнѣ, которая подточила могущество „гордой“ республики, какъ называютъ Геную (*la superba*). А внутри республика страдала отъ раздоровъ и дурнаго управленія. Кромѣ борьбы партій аристократической и демократической, знатныя фамиліи ожесточенно враждовали за власть, съ одной стороны гвельфы Фіески и Гримальди, съ другой гибеллины Спинола и Доріа. Государственное устройство, строго аристократическое, часто подвергалось ломкѣ, такъ сначала во главѣ республики стояло нѣсколько *консуловъ*, потомъ стали избирать *подесту* и при томъ изъ чужестранцевъ. Въ 1-й половинѣ XIV ст. народъ возсталъ противъ аристократіи и по примѣру Венеціи введено было званіе *дожа*. Но раздоры не прекратились и Генуа сама призывала владычество то Франціи, то Висконти. Правда, чужеземное иго бывало не продолжительнымъ и съ сверженіемъ его возстановлялись республиканскіе порядки съ дожемъ во главѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ возвращались и прежняя борьба партій и прежнія смуты; силы государства надламывались и многія владѣнія переходили въ чужія руки (на *балканскомъ* полуостровѣ въ руки Турокъ). За то основанный въ началѣ XV ст. „банкъ св. Георга“ своими обширными оборотами и правильными порядками пріобрѣлъ громадное значеніе; учрежденіе корпоративное (акціонерное) банкъ занималъ вполнѣ независимое положеніе въ государствѣ и всѣ власти обязаны были присягать на соблюденіе его правъ и привилегій.

§ 114 в. **Венеція.** Венеція образовалась изъ нѣсколькихъ острововъ на *адріатическомъ* морѣ, на которыхъ укрылись жители сѣверной Италіи еще во времена Алариха и Аттилы; острова соединены были мостами и сдѣлались кварталами города, расположеннаго на островѣ Ріальтѣ, подъ общимъ именемъ республики Венеціи. Патрономъ города

считался евангелистъ Маркъ, мощи котораго принесены были венеціанскими купцами (IX в.) изъ Александріи (отсюда республика „Санъ Марко“). Частыя столкновенія съ Хорватами, Норманнами, Сарацинами поддерживали въ населеніи воинственный духъ, и уже въ X ст. Венеція завладѣла многими сосѣдними островами и приморскими городами Далмаціи. Во время крестовыхъ походовъ она выступила соперницей Пизы и Генуи и пріобрѣла значительныя владѣнія и торговыя выгоды въ іерусалимскомъ королевствѣ, а участіе въ завоеваніи Константинополя въ 1204 г. доставило Венеціи Кандію, многіе острова Архипелага и земли въ Морећ и Ливадіи. Могущество республики вызывало зависть сосѣдей и ей приходилось часто воевать съ Венгріею за Далмацію и Падуею за торговыя привилегіи; войны эти приняли опасный для Венеціи характеръ, когда къ врагамъ присоединилась Генуа. Особенно замѣчательна двухлѣтняя война (1379—1381); сначала *генуезцы* подъ начальствомъ Люціана Доріа захватили почти весь венеціанскій флотъ и высадились на островѣ Кіоджа (отсюда и названіе войны, Chioggia-война); тогда венеціанскіе нобили и купцы принесли большія жертвы и не только отбили враговъ, при чемъ *генуезцы* потеряли 32 галеры, но подступили къ самой Генуѣ. Наконецъ при посредствѣ графа савойскаго заключенъ былъ миръ, выгодный для Венеціи по торговымъ и территоріальнымъ уступкамъ. Въ XV ст. Венеція распространила свои владѣнія въ Ломбардіи, когда, послѣ смерти перваго герцога миланскаго, противъ Милана составилась лига. Вдова герцога заключила союзъ съ Венеціею и происшедшая война кончилась присоединеніемъ къ республикѣ многихъ городовъ, въ томъ числѣ Вероны и Падуи; послѣдніе представители фамилій делла-Скала и Каррара (§ 113) кончили жизнь въ изгнаніи или на плахѣ. Въ слѣдующихъ войнахъ, которыя пришлось выдержать Венеціи съ Неаполемъ, императоромъ Сигизмундомъ, Миланомъ, респуб-

лика, хотя и испытала неудачи, но вышла безъ потерь *). Города Бергамо, Бресчіа остались за Венеціею, которая и сдѣлалась преобладающею державою въ сѣверной Италіи. Во 2-й пол. столѣтія начались столкновенія съ османскими Турками за Критъ, Негропонтъ и др.

Венеція вела обширную морскую торговлю и консулы ея умѣли доставить республикѣ большія привилегіи въ могаммеданскихъ государствахъ Азіи и Африки. Главными предметами торговли были: соль, хлѣбъ, сардинки, въ ловлѣ которыхъ на берегахъ Далмаціи и приготовленіи отличались *венеціане*; вмѣстѣ съ тѣмъ они доставляли всей Европѣ произведенія своихъ фабрикъ: шелковыя издѣлія, оружіе, предметы роскоши, мраморныя и мозаичныя работы; большую славу пріобрѣли зеркала и стекла венеціанскія. По обширности торговыхъ и денежныхъ оборотовъ (банкъ сходный съ генуезскимъ) и красотѣ своихъ зданій и сооруженій (дворецъ дожей, площадь св. Марка, мостъ ріальто) Венеція занимала первое мѣсто въ XIV и XV ст. Но справедливость требуетъ замѣтить, что промышленная дѣятельность въ республикѣ подвергалась большимъ стѣсненіямъ, а корыстолюбивая политика купцовъ-правителей ложилась тяжелымъ гнетомъ на жителяхъ подвластныхъ провинцій.

Государственная организація Венеціи отличалась бо́льшею устойчивостью, чѣмъ Генуи. Правленіе изъ демократическаго перешло постепенно въ аристократическое и наконецъ въ строгую олигархію. Во главѣ государства стоялъ пожизненно избираемый *дожъ*, власть котораго была ограничена *синьоріею* изъ 6 аристократовъ и *большимъ совѣтомъ;* члены послѣдняго сначала избирались изъ знатныхъ *(нобили)*, но къ концу XIII ст. совѣтъ сдѣлался замкнутымъ учрежденіемъ, кото-

*) Въ этой войнѣ отличался кондатьеръ Франческо Сфорца, потомъ герцогъ миланскій.

рый пополнялся наслѣдственными представителями фамилій, занесенныхъ въ „золотую книгу“. Народныя собранія мало по малу перестали созываться. Попытка въ началѣ XIV ст. низвергнуть господство аристократіи повела къ учрежденію „совѣта десяти“; на обязанности его лежало охранять государственный строй, предупреждать и наказывать всякую измѣну. Сначала временный, а съ 1335 г. постоянный, *совѣтъ десяти* явился существеннымъ органомъ республиканскаго правленія и положилъ прочное начало господству олигархіи. Скоро все управленіе, финансы и внѣшняя политика сосредоточились въ рукахъ десяти. Они назначали изъ своей среды трехъ инквизиторовъ, которые, располагая всѣми средствами церковной инквизиціи, распространяли панику на всю аристократію. Шпіоны и пытки позволяли имъ предупреждать всякій замыселъ,—инквизиторы могли арестовать даже членовъ своей коллегіи; имена ихъ не были извѣстны и если кто изъ гражданъ исчезалъ, его считали попавшимъ въ подземныя тюрьмы инквизиціи. Слѣдующіе два примѣра покажутъ намъ, какъ сильна была диктатура олигарховъ. Дожъ Марино Фальери задумалъ, опираясь на народную партію, свергнуть олигарію, инквизиторы открыли его замыселъ и Фальери погибъ на лѣстницѣ „гигантовъ“ дворца дожей, а соучастники его были казнены (1355 г.). Дожъ Фоскари въ 34-лѣтнее управленіе искусно руководилъ дѣлами въ тяжелое время войнъ, но у него были враги; послѣдніе, въ качествѣ членовъ совѣта десяти, сначала обвинили, пытали и казнили его сына, а затѣмъ заставили самого дожа сложить съ себя достоинство яко бы ставшаго неспособнымъ на старости лѣтъ. Народъ негодовалъ и выразилъ заслуженному старцу сочувствіе, но заступиться не могъ (1457 г.).

§ 114 г. **Савойя и Пьемонтъ.** Въ западной части сѣверной Италіи по склонамъ горъ находилось нѣсколько княжескихъ владѣній, напр. маркграфы монферратскіе, графы са-

войскіе и др. Послѣдніе оружіемъ и умною политикою составили довольно большое государство, которое обнимало Савойю, Пьемонтъ съ гор. Туриномъ, Ниццу и южную Швейцарію (Ваадтъ, Женеву). Графъ Амадей VII получилъ отъ императора Сигизмунда герцогскій титулъ.

§ 115 а. **Средняя Италія. Флоренція.** Въ средней Италіи сначала первенствовала Пиза, но послѣ удара, нанесеннаго ей Генуею, возвысилась Флоренція, которая, въ противоположность Венеціи, изъ аристократической постепенно преобразовалась въ республику демократическую. Такой переходъ сопровождался борьбою партій, которая велась съ особымъ ожестоечніемъ въ Тосканѣ вообще и во Флоренціи въ частности. Продолжительные раздоры знатныхъ фамилій подъ знаменемъ гвельфовъ и джибеллиновъ ослабили аристократію и этимъ воспользовались граждане (средній классъ „popolo“); добившись участія въ управленіи они мало по малу оттѣснили дворянъ. Граждане дѣлились на *цехи*, число коихъ возросло со временемъ до 21; аристократы, послѣ тщетныхъ попытокъ возвратить власть, вписались въ цехи, такъ какъ только принадлежность къ цеху давала право на избраніе въ должность (консуловъ, капитановъ и пр.). Гвельфы пристали къ семи высшимъ цехамъ (банкировъ, фабрикантовъ суконъ и пр. „popolo grasso“), а ихъ соперники джибеллины соединились съ нисшими цехами ремесленниковъ и рабочихъ („popolo minuto“, малый народъ). Прежнія клички смѣнились новыми: черными (гвельфы) и бѣлыми (джибеллины). Первые составляли денежную аристократію; между ними (партія аристократическая) и малымъ народомъ (партія демократическая) происходили новыя распри за участіе въ дѣлахъ государственныхъ; борьба сопровождалась попеременнымъ успѣхомъ, но въ концѣ XIV вѣка во Флоренціи утвердилось господство демократическихъ цеховъ. Политическія волненія дома не препятствовали развитію внѣшняго могущества республики

и экономическому преуспѣянію. Флоренція оружіемъ подчинила своей власти большую часть Тосканы и прославилась своими фабриками и банковыми оборотами—*флорентинцы* владѣли денежнымъ рынкомъ всей Европы и рѣдкій крупный заемъ миновалъ ихъ рукъ. Во время борьбы народа съ денежною аристократіею возвысилась, примкнувшая къ народной партіи, банкирская фамилія Медичи. Джіованни Медичи своими заботами о правильномъ распредѣленіи налоговъ пріобрѣлъ всеобщую любовь, а сынъ его Козимо (1428—1464) руководилъ дѣлами республики, въ качествѣ настоящаго демогога, и заслужилъ названіе отца отечества. Хотя сынъ его Піетро и повредилъ славѣ своего дома строгимъ взысканіемъ долговъ, но внукъ Козимо, Лоренцо (Лаврентій) Великолѣпный (1472—1492) своею щедростью и благородствомъ души опять поднялъ значеніе фамиліи и проложилъ ей дорогу къ господству во Флоренціи. Всѣ Медичи были *меценатами* и украсили родной городъ великолѣпными памятниками искусства и Флоренція въ „эпоху возрожденія“ сдѣлалась главнымъ центромъ просвѣщенія (Лоренцо едва не палъ жертвою заговора, который составила фамилія Пацци съ вѣдома папы Сикста IV и при соучастіи нѣкоторыхъ высшихъ духовныхъ лицъ. Заговорщикамъ удалось убить брата Лоренцо, но самъ онъ былъ только раненъ. Это происходило въ церкви; народъ выразилъ свое негодованіе тѣмъ, что повѣсилъ въ полномъ облаченіи одного изъ соучастниковъ архіепископа Сальвіати).

§ 115 б. **Римъ и папство.** Въ церковной области какъ и всюду въ Италіи свирѣпствовала борьба партій и во многихъ городахъ утвердились княжескія фамиліи. Въ Римѣ, во время пребыванія папъ въ Авиньонѣ, спорили за власть гибеллинская фамилія Колонна и гвельфы Орсини, а народъ страдалъ отъ насилій и беззаконія. Этимъ задумалъ воспользоваться одинъ простолюдинъ Кола ди Ріензи. Поклонникъ Петрарки и восторженный почитатель былаго величія Рима

онъ старался воодушевить народъ картиннымъ изображеніемъ прежняго могущества древнереспубликанскаго Рима. Увлеченный его аллегорическими толкованіями надписей и памятниковъ на каждомъ шагу, народъ провозгласилъ Римъ республикою, а самого Ріензи *народнымъ трибуномъ* (1347). Введеніе лучшаго суда, милиціи и пр. ознаменовало начало новой эры, но хорошіе порядки продолжались не долго. Высокомѣріе трибуна вооружило противъ него императора и папу, а налоги съ народа для борьбы съ знатью, которая хотѣла свергнуть демагога, раздражали *римлянъ* и Ріензи принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ. Между тѣмъ въ городѣ возобновились прежніе безпорядки и авиньонскій папа для возстановленія своей свѣтской власти въ церковной области, отправилъ Коло ди Ріензи въ Римъ въ качествѣ своего сенатора (1354). Вторичное торжество Ріензи было еще кратковременнѣе перваго. Обаяніе власти вскружило ему голову, онъ и жена окружили себя свитою и великолѣпіемъ и въ народѣ поднялся ропотъ. Фамилія Колонна подстрекнула *римлянъ* въ возстаніи и Ріензи сдѣлался жертвою народной ярости.

Въ эпоху великаго раскола въ Римѣ продолжалась анархія, и только во 2-й половинѣ XV ст. нѣкоторымъ папамъ удалось водворить порядокъ и укрѣпить свою власть въ церковной области. Изъ папъ замѣчательны: Николай V, основатель ватиканской библіотеки, и Пій II ученый писатель (онъ выдвинулся на базельскомъ соборѣ своими услугами папству —прежнее его имя Эней Сильвій Пикколомини *).

---

*) Установленный Бонифаціемъ VIII *юбилейный годъ* (1300 г.) оказался весьма выгоднымъ для папской казны, а потому, хотя Бонифацій и опредѣлилъ праздновать юбилеи разъ въ сто лѣтъ (въ началѣ каждаго столѣтія), преемники его назначали ихъ чаще; такъ слѣдующій юбилей былъ въ 1350 г. Одинъ изъ римскихъ папъ во время схизмы Бонифацій IX предписалъ праздновать юбилей каждые 33 года (продолжительность жизни Спасителя) и вмѣстѣ съ тѣмъ дозволилъ желающимъ отпуще-

§ 116. **Южная Италія.** Неаполь и Сицилія, переживавшіе также смутныя времена, вмѣшивались почти во всѣ событія, происходившія въ средней и сѣверной Италіи; обыкновенно короли неаполитанскіе держали сторону гвельфовъ, а сицилійскіе гибеллиновъ. Анжуйскій домъ, царствовавшій въ Неаполѣ, иногда достигалъ главенства въ значительной части Италіи; но не надолго, такъ какъ внутри государства шли частыя споры и войны за престолъ. Между прочимъ Людовикъ Венгерскій хотѣлъ отнять неаполитанскую корону у королевы Іоанны I (Іоанна была вдова его брата, погибшаго насильственною смертью). Послѣднимъ государемъ въ Неаполѣ изъ анжуйскаго дома была Іоанна II († 1435). Такъ какъ она поперемѣнно завѣщала престолъ то арагонскому королю, то герцогамъ анжуйскимъ (во Франціи), то, и при жизни и послѣ ея смерти, королевство сдѣлалось театромъ усобицъ между претендентами; во время этихъ войнъ выдвинулось нѣсколько кондотьеровъ, особенно замѣчательны Фортебраччіо и Аттандоло прозванный за свою силу Сфорца (отецъ Франческо герцога миланскаго). Междоусобная война кончилась торжествомъ арагонскаго дома и Альфонсъ V (ок. 1450) соединилъ подъ своею властью Арагонію, Неаполь и Сицилію.

нія грѣховъ, вмѣсто богомолья въ Римъ, внести путевые издержки и получить индульгенціи на мѣстѣ жительства. Послѣдующіе папы пошли дальше: они стали разсылать по всѣмъ странамъ грѣхоотпускныя грамоты *(индульгенціи);* пріобрѣтавшій грамоту долженъ былъ предъявить ее своему духовнику какъ свидѣтельство отпущенія грѣховъ папою.

Б. ПОЛЬША, ЧЕХІЯ, ВЕНГРІЯ, СЕРБІЯ, ВИЗАНТІЯ, ОСМАНСКІЕ ТУРКИ И СКАНДИНАВІЯ ВЪ XIV И XV СТОЛѢТІЯХЪ.

I. Западные Славяне и Венгрія.

§ 117. **Польша при послѣднихъ Пястахъ и первыхъ Ягеллонахъ.** Съ Владислава Локетка, собирателя польской земли, начинается періодъ процвѣтанія и внѣшняго могущества польскаго королевства. Владиславъ I (1319—1333) породнился съ Гедиминомъ литовскимъ, чтобы при его помощи воротить отъ Нѣмцевъ Поморье (при чемъ болѣе 20 тыс. Поляковъ освободились изъ литовскаго плѣна). Но совмѣстная война съ орденомъ, который опустошительно вторгался въ польскія земли, не привела къ желанной цѣли, не помогъ и чувствительный ударъ, нанесенный Владиславомъ рыцарямъ въ битвѣ при Пловцѣ. Сынъ Владислава Казиміръ III Великій (1333—1370) заключилъ миръ съ орденомъ, а также съ чешскимъ королемъ, отказавшись отъ Силезіи, но за то присоединилъ къ государству галицкое княжество (1340), въ которомъ пресѣклась линія Романа Мстиславича*). Казиміръ получилъ титулъ *великаго* за свои заботы о благосостояніи государства. Онъ далъ Польшѣ сборникъ законовъ *вислицкій статутъ*, такъ названный по мѣсту собранія сейма, на которомъ онъ былъ обнародованъ; вмѣстѣ съ тѣмъ нѣмецкое право въ городахъ было приведено въ порядокъ и прежнія апелляціи въ Магдебургъ прекратились, но нѣмец-

*) Послѣ смерти послѣдняго князя изъ поколѣнія Романа Мстиславича, Юрія II (см. родослов. табл. № 1), въ Галичѣ княжилъ родственникъ по женской линіи Болеславъ мазовецкій (называемый русскій). Когда онъ умеръ и галицкіе бояре не могли согласиться относительно выбора князя, Казиміръ воспользовался раздорами и въ два похода овладѣлъ всѣмъ княжествомъ.

кимъ колонистамъ и Евреямъ Казиміръ покровительствовалъ. Изъ другихъ его дѣлъ замѣчательны: основаніе краковскаго университета и улучшеніе положенія крѣпостныхъ („крестьянскій король“).

Съ Казиміромъ В. прекратился домъ Пястовъ и престолъ польскій перешелъ къ сыну его сестры Людовику Венгерскому. Людовикъ, называемый также *великимъ* (1370—1382), мало заботился о Польшѣ, но уступками дворянству доставилъ корону младшей дочери Ядвигѣ. Ядвига послѣ двухлѣтней междоусобной войны (претендентами явились Сигизмундъ венгерскій и *пястъ* Земовитъ мазовецкій) признана была королевою; въ 1386 году по желанію вельможъ она вышла замужъ за Ягайла литовскаго, что повело къ соединенію литовско-русскаго княжества съ Польшею. Въ лицѣ Ягайла (или Ягелла, какъ король польскій онъ извѣстенъ подъ именемъ Владислава II) на польскій престолъ вступилъ домъ Ягеллоновъ; Польша, благодаря литовско-русскимъ землямъ, сдѣлалась сильнымъ государствомъ и стала принимать участіе въ важнѣйшихъ событіяхъ восточной и западной Европы (напр. въ констанцскомъ соборѣ, гусситскихъ войнахъ и пр.). Первые три Ягеллона на польскомъ престолѣ назывались: Владиславъ II (1386—1434) и его сыновья Владиславъ III (до 1444) и Казиміръ IV (до 1492). Въ ихъ царствованіе самыми крупными событіями внѣшней политики были войны съ нѣмецкимъ орденомъ. Владиславъ II нанесъ тевтонамъ сильное пораженіе недалеко отъ Танненберга (на Гринфельдѣ, 1410), а Казиміръ IV послѣ продолжительной войны заставилъ рыцарей по миру въ Торнѣ (1466) возвратить Польшѣ Поморье съ городами Кульмомъ и Маріенбургомъ; относительно остальныхъ владѣній (собственно Пруссіи) магистръ ордена призналъ себя вассаломъ польской короны. (О другихъ событіяхъ при Ягеллонахъ упомянуто будетъ въ другихъ мѣстахъ).

Періодъ польской исторіи, начинающійся Владиславомъ I, замѣчателенъ установленіемъ того государственнаго строя, который впослѣдствіи оказался гибельнымъ для Польши. Въ противоположность другимъ государствамъ, въ которыхъ усиливалась монархическая власть и возрастало значеніе горожанъ, въ Польшѣ выработалась шляхетско-аристократическая республика, хотя и съ королемъ во главѣ, но королемъ, постепенно терявшимъ всякую власть. Уже Владиславъ Локетокъ для полученія короны долженъ былъ связать себя разными уступками шляхтѣ, съ тѣхъ поръ каждый король при вступленіи на престолъ подтверждалъ и расширялъ права шляхты и магнатовъ (напр. исключительное право послѣднихъ на всѣ высшія должности гражданскія и церковныя). Сеймы, на которые сперва приглашались знатнѣйшіе вельможи, сдѣлались со временемъ учрежденіемъ, безъ согласія котораго король не могъ предпринять ничего важнаго. Вслѣдствіе установившагося шляхетскаго равенства (въ теоріи, но не въ дѣйствительности) каждый дворянинъ считалъ себя въ правѣ присутствовать и подавать голосъ на сеймѣ; но когда во время Казиміра IV постоянныя войны, особенно съ тевтонами, потребовали частыхъ созывовъ сейма, то шляхта рѣшила ѣздить не поголовно, а посылать уполномоченныхъ. Послѣдніе, избираемые на сеймикахъ по *повѣтамъ* (уѣздамъ), получили названіе *пословъ*, отсюда и *изба посольская*, которая составляла одну палату сейма; другая съ именемъ *сената* состояла изъ прелатовъ и высшихъ сановниковъ (воеводъ, каштеляновъ и др.). Законъ, не утвержденный посольскою избою, не имѣлъ силы, безъ согласія сейма король не могъ собрать ополченія и т. д. Горожане не участвовали въ сеймѣ; собственно говоря, средняго городскаго сословія въ Польшѣ не было, вся промышленность и торговля была въ рукахъ *нѣмцевъ* и *евреевъ*. (Къ разсматриваемому періоду относятся и первые примѣры самовольныхъ собраній

шляхты, чтобы силою настоять на своихъ требованіяхъ—это начало будущихъ *конфедерацій* или вооруженныхъ возстаній).

§ 118. **Чехія при Люксембургахъ и Юрій Подибрадъ.** Первый *люксембургъ* на чешскомъ престолѣ Янъ былъ какъ нѣмецъ совершенно чуждъ своему народу и рѣдко жилъ въ странѣ. Участвуя, въ качествѣ странствующаго рыцаря, въ современныхъ событіяхъ (онъ предпринималъ походы въ Италію и противъ тевтоновъ), онъ являлся въ Чехію для собиранія денегъ: закладывалъ дворянамъ коронныя имѣнія, обременялъ налогами духовенство и горожанъ, чеканилъ дурную монету. Все это возбуждало неудовольствіе и, только благодаря сыну-соправителю Карлу, Янъ держался на престолѣ. Впрочемъ, внѣшнее могущество Чехіи не пострадало, напротивъ Янъ закрѣпилъ за государствомъ лужицкую землю и пріобрѣлъ Силезію съ ея мелкими князьями (Лигницъ, Глогау, Тешенъ и пр.), а возведеніемъ пражскаго епископа въ санъ архіепископа прекратилась церковная зависимость отъ Германіи. Яну, павшему при Креси, наслѣдовалъ Карлъ (какъ императоръ Карлъ IV), который посвящалъ особое вниманіе наслѣдственному своему государству Чехіи. Онъ возвратилъ коронѣ отчужденныя отцомъ земли, улучшилъ положеніе крестьянъ, оживилъ промышленность, а учрежденіемъ въ Прагѣ университета (1348 г.) поднялъ образованность. Возобновленіе, съ согласія папы, въ одномъ монастырѣ славянскаго богослуженія способствовало укрѣпленію національнаго чувства. Народъ возмущался какъ возраставшими притязаніями нѣмецкихъ горожанъ на участіе въ государственныхъ дѣлахъ, такъ и поборами и безнравственностью высшаго духовенство изъ *нѣмцевъ*. Послѣдствія намъ извѣстны —это религіозное движеніе и гусситскія войны въ царствованіе сыновей Карла, Вячеслава IV (въ Германіи Венцеслава) и Сигизмунда. Послѣ смерти Сигизмунда, въ лицѣ котораго прекратился люксембургскій домъ, Чехія сдѣлалась опять те-

атромъ борьбы нѣсколькихъ партій, таковы: умѣренные каликстины, придерживавшіеся базельскихъ *компактатовъ* или соглашеній, табориты, католики и др.; одни признали королемъ Альбрехта австрійскаго (родственникъ Сигизмунда и бывшій также императоромъ подъ именемъ Альбрехта II), другіе Казиміра польскаго (впосл. Казиміра IV). Партія перваго одержала верхъ, но Альбрехтъ скоро умеръ и въ странѣ наступило продолжительное безкоролевье. Глава умѣренныхъ каликстиновъ Юрій (Георгій) Подибрадъ побѣдилъ противниковъ и былъ провозглашенъ правителемъ государства; онъ руководилъ дѣлами и тогда, когда по его же совѣту избранъ былъ на престолъ сынъ Альбрехта, Владиславъ Постумъ (т. е. Посмертный). Когда послѣдній умеръ, выборъ палъ на самого Юрія Подибрада (1458—1471). Воцареніе короля утраквита встрѣчено было враждебно въ Моравіи и особенно въ Силезіи, гдѣ католическое духовенство возбуждало народъ противъ еретика—государя. Въ самой Чехіи имъ недовольны были табориты и многіе дворяне, завидовавшіе возвышенію Юрія. Не смотря на такія неблагопріятныя обстоятельства, Подибрадъ оказался на высотѣ своего призванія; усмиривъ волненіе, онъ посвятилъ себя исцѣленію государства, столь много выстрадавшаго. Но церковный вопросъ не далъ ему спокойно царствовать. При всемъ желаніи угодить Риму король не хотѣлъ поступиться чашею и стоялъ за базельскія постановленія; папы (Пій II, Павелъ II) настаивали на ихъ уничтоженіи и полномъ подчиненіи куріи. Послѣ тщетныхъ переговоровъ дѣло дошло до разрыва и Павелъ II отлучилъ Юрія и подарилъ чешскую корону Матвѣю Корвину венгерскому. Хотя многіе подданные и отшатнулись отъ короля и признали Матвѣя, но послѣдній не добылъ чешской короны и долженъ былъ покинуть Богемію, куда онъ предпринялъ походъ. Вслѣдъ за этою войною умеръ Подибрадъ, единственный чешскій король утраквитъ. Послѣ его смерти сеймъ из-

бралъ въ короли Владислава, младшаго сына Казиміра IV; споръ съ Венгріею былъ улаженъ и религіозныя волненія мало по малу улеглись или вѣрнѣе притихли. Новый король, приглашенный позднѣе и на престолъ венгерскій, породнился съ габсбургскимъ домомъ и проложилъ дорогу соединенію Чехіи и Венгріи съ Австріею.

§ 119. **Венгрія.** Мы знаемъ, что въ началѣ XIV ст. венгерскій престолъ достался анжуйскому дому. Второй король изъ новой династіи былъ Людовикъ Великій, обыкновенно называемый Венгерскимъ (1342—1382). Этотъ замѣчательный государь завоевалъ Трансильванію, Валахію и принудилъ республику Санъ Марко къ уступкѣ Далмаціи и платежу дани (при его преемникахъ завоеванія были утрачены). Ставши королемъ польскимъ, онъ владѣлъ государствомъ, которое касалось трехъ морей—*адріатическаго*, *чернаго* и *балтійскаго*. Походы въ Италію (ср. § 116) познакомили Венгерцевъ съ высшею культурою, о распространеніи которой а равно и объ улучшеніи законодательства заботился великій король. Людовикъ оставилъ только дочерей; одна изъ нихъ Марія вмѣстѣ съ рукою своею доставила престолъ венгерскій Сигизмунду люксембургскому. Борьба съ магнатами и война съ Турками Османами поглощали все вниманіе Сигизмунда, какъ короля венгерскаго. Послѣ его смерти царствовали избранные сеймомъ сначала Альбрехтъ II, потомъ Владиславъ III король польскій. Когда послѣдній палъ въ битвѣ при Варнѣ съ Турками, Венгры признали королемъ малолѣтняго сына Альбрехта, Владислава, а правителемъ государства назначили Яна Гуніада. Это былъ замѣчательный полководецъ, который стоялъ на стражѣ противъ Турокъ и побѣдилъ ихъ десять разъ (особенно замѣчательна его побѣда подъ Бѣлградомъ). Послѣ смерти Владислава сеймъ провозгласилъ королемъ сына Гуніада Матвѣя (Матіаса) Корвина (1458—1490). Корвинъ уже знакомъ намъ какъ соперникъ

Подибрада; кромѣ того онъ воевалъ съ германскимъ императоромъ и побѣдоносно вступилъ въ Вѣну; подобно отцу онъ защищалъ государство отъ Турокъ—его черный легіонъ наводилъ страхъ на враговъ. Искусный полководецъ Матвѣй былъ и умнымъ правителемъ; особенно важны его заботы о правосудіи; основаніе высшихъ учебныхъ заведеній и приглашеніе иностранныхъ ученыхъ показываютъ, что онъ не отставалъ отъ своего времени. Матвѣй Корвинъ, подобно Подибраду, не утвердилъ своего дома на престолѣ. Избранный послѣ его смерти въ короли Владиславъ сынъ Казиміра IV польскаго какъ выше упомянуто, подготовилъ пріобрѣтеніе Венгріи габсбургскимъ домомъ.

II. Сербы, Византія и Турки Османы.

§ 120. **Сербія и Стефанъ VI Душанъ.** Свергнувъ византійское владычество при Стефанѣ Бославѣ, Сербы ревниво оберегали свою независимость отъ посягательствъ греческихъ императоровъ. Въ этихъ видахъ великіе жупаны завязали сношенія съ западомъ; папа Григорій VII прислалъ одному великому жупану королевскую корону, но попытки подчинить Риму сербскую церковь ни къ чему не привели. Великій жупанъ Стефанъ I, родоначальникъ фамиліи Нѣманей и поддерживавшій болгарскихъ Асѣней въ борьбѣ за свободу (§ 81), упрочилъ политическую и церковную независимость Сербіи (въ концѣ XII ст.). Онъ искалъ дружбы Фридриха Барбароссы, а сынъ его, св. Савва, постригшійся въ монахи на Аѳонѣ, добылъ Сербамъ отъ константинопольскаго патріарха право избирать своего архіепископа и самъ былъ первымъ архіепископомъ. Когда отецъ его ушелъ инокомъ въ основанный на Аѳонѣ монастырь Хиландарь, Савва короновалъ своего брата Стефана первымъ сербскимъ *кра-*

лемъ. Съ этого Стефана II Первовѣнчаннаго (1195—1224) начинается періодъ процвѣтанія и расширенія предѣловъ государства. Въ противоположность западнымъ Славянамъ, подчинившимся нѣмецкому вліянію, Сербы сохраняли въ чистотѣ свою національную самобытность, хотя и не чуждались сношеній съ иноземцами. Сербскіе крали принимали на службу наемныя дружины Французовъ, Нѣмцевъ, Италіанцевъ; иностранные художники строили замки и крѣпости на горныхъ вершинахъ, сооружали храмы и монастыри. Торговля съ далматинскими богатыми городами и Италіею способствовала распространенію образованія. Смутныя времена, которыя переживала Византія при Ангелахъ, въ эпоху латинской имперіи и при Палеологахъ, благопріятствовали расширенію внѣшняго могущества, и Сербія въ XIV ст. заняла первенствующее мѣсто на *балканскомъ* полуостровѣ. Самый цвѣтущій моментъ сербской исторіи совпадаетъ съ царствованіемъ Стефана VI Душана Сильнаго (1331—1355). Греческій императоръ Іоаннъ Кантакузенъ, которому Стефанъ помогъ овладѣть престоломъ Византіи, потомъ поссорился съ нимъ и направилъ на Душана Турокъ. Душанъ разбилъ ихъ и подчинилъ своей власти Македонію, часть Ѳракіи, боснійскихъ Сербовъ, управлявшихся своимъ *баномъ;* царь болгарскій призналъ себя данникомъ сербскаго краля, а Людовикъ Венгерскій, простиравшій свои виды на Болгарію, былъ отраженъ Душаномъ. Владѣя обширнымъ государствомъ между Адріатикой, моремъ *черными,* Дунаемъ и Архипелагомъ, Стефанъ Душанъ именовалъ себя „ромейскимъ кесаремъ и христолюбивымъ царемъ македонскимъ, кралемъ сербскимъ“ и носилъ императорскую корону и увѣнчанную крестомъ державу *). Учрежденіе особаго сербскаго патріаршества соот-

*) Сохранилось слѣдующее извѣстіе: разъ Стефанъ спросилъ своихъ болръ, куда ему вести ихъ, на Грецію или на Аллеманію?—„Куда и

вѣтствовало политическому могуществу государства, которое при Душанѣ получило и собраніе законовъ. Этотъ сборникъ, извѣстный подъ именемъ „законника“ составленъ былъ на соборѣ изъ духовныхъ и мірянъ подъ предсѣдательствомъ царя и патріарха (1349 г.). Законъ, по которому уклоненіе въ „латинскую ересь“ наказывалось работами въ рудникахъ, показываетъ заботу правительства объ охраненіи православія. Сильная сербская держава, созданная Стефаномъ VI, продержалась не долго. Немедленно послѣ смерти Душана начались раздоры въ его собственномъ семействѣ; намѣстники —воеводы подняли возстаніе а покоренные народы Босняки и Болгары отложились. Сынъ Стефана Урошъ теряетъ одно за другимъ завоеванія отца, которыя дѣлаются добычею османскихъ Турокъ. Такая же судьба скоро постигла и самихъ Сербовъ, а равно и Болгаръ и Босняковъ. Что касается Болгаріи, то въ ней въ XIV в. возвысился родъ Шишмана; Шишмановичи соединили подъ своею властью значительную часть страны и царствовали, то какъ независимые государи, то какъ подручники сербской державы.

§ 121. **Османскіе Турки, Коссово поле.** Византійская имперія при Палеологахъ, преемникахъ Михаила, переживала печальныя времена: споры за престолъ, захватъ цѣлыхъ областей Болгарами и Сербами, утвержденіе мелкихъ правителей *(деспотовъ)* въ территоріи древней Греціи, а съ конца XIII ст. явился опасный врагъ въ лицѣ османскихъ Турокъ, подъ ударами которыхъ пало государство Константиновъ.

Въ XIII ст. одна турецкая орда, бѣжавшая предъ *чингизовыми* полчищами изъ Хорасана (къ востоку отъ *каспійскаго* моря), получила позволеніе сельджукскаго султана посе-

---

поведешь, мы пойдемъ за тобою, великій государь“, отвѣчали они. Понятно, что такія хвастливыя намѣренія, приписываемыя Душану, вымышлены, но тутъ интересенъ взглядъ народа на могущество своего кесаря.

литься въ Фригіи. Пользуясь монгольскимъ погромомъ и неустройствомъ Византіи, предводитель названной орды Османъ провозгласилъ себя султаномъ и положилъ начало государству, которое, какъ и народъ, получило отъ него имя (османскіе Турки). Османъ и его сынъ Урханъ отняли у Византіи Виѳинію съ городами Никеею и Бруссою, а у мелкихъ сельджукскихъ эмировъ Лидію и Мизію; въ то же время начались морскіе и сухопутные опустошительные набѣги на *балканскій* полуостровъ; имперія была безсильна защищать свои владѣнія; въ Константинополѣ спорилъ за престолъ Іоаннъ Палеологъ съ своимъ тестемъ Кантакузеномъ. Успѣхамъ Османовъ, кромѣ религіознаго фанатизма, способствовало хорошо организованное войско. Урханъ положилъ начало такъ называемымъ *янычарамъ* („новое войско"), которые набраны были изъ христіанскихъ мальчиковъ въ покоренныхъ странахъ; обращенные въ исламъ и обученные военному дѣлу янычары составили лучшую пѣхоту того времени и, вмѣстѣ съ турецкими наѣздниками (*сипаи*), подъ знаменемъ полумѣсяца страшно разили враговъ. Вторженіе въ Европу завершилось въ концѣ царствованія Урхана взятіемъ Галлиполи и ѳракійскаго Херсонеса (около половины XIV ст.). Сынъ Урхана Мурадъ I продолжалъ завоеванія на *балканскомъ* полуостровѣ и покорилъ Адріанополь, который сдѣлалъ своею столицею. Болгары, Сербы и другіе придунайскіе народы попытались остановить успѣхи Османовъ, но потерпѣли пораженіе вблизи Адріанополя (мѣсто до сихъ поръ называется „пораженіемъ Сербовъ"); сербскій краль Лазарь призналъ верховную власть султана, а царь болгарскій Шишманъ обезпечилъ себя договоромъ и отдалъ дочь свою въ *гаремъ* Мурада (гаремъ—дворецъ султанскихъ женъ и невольницъ). Императоръ Іоаннъ V поѣхалъ въ Италію искать помощи, но задолжалъ венеціанскимъ купцамъ и его засадили въ тюрьму. Когда Мурадъ отправился въ свои азі-

атскія владѣнія, Лазарь сербскій составилъ для борьбы съ страшнымъ врагомъ большую славянскую лигу (изъ Сербовъ, Болгаръ, Босняковъ, Албанцевъ); союзники сначала имѣли успѣхъ, но въ рѣшительной битвѣ на *коссовомъ* полѣ (полѣ около Коссово въ Сербіи) въ 1389 г. потерпѣли пораженіе. Лазарь, взятый въ плѣнъ, былъ звѣрски замученъ въ глазахъ умирающаго Мурада, котораго, мстя за родину, смертельно ранилъ сейчасъ послѣ битвы *сербъ* Милошъ. Коссово поле должно быть занесено въ лѣтописи южныхъ Славянъ какъ день печали, день, съ котораго для нихъ начинается тяжелое и долгое турецкое иго. Преемникъ и сынъ Мурада Баязетъ опустошилъ Сербію и Стефанъ Лазаревичъ призналъ себя его данникомъ. Шишманъ болгарскій измѣнилъ общему дѣлу еще до Коссова и купилъ себѣ жизнь цѣною государства—Болгарія сдѣлалась турецкою провинціею. Приближеніе къ Дунаю грозныхъ завоевателей встревожило Европу; венгерскій король Сигизмундъ съ Венграми, Чехами, многими французскими и нѣмецкими рыцарями выступилъ на защиту христіанства, но въ битвѣ при Никополѣ былъ разбитъ (1396, въ турецкомъ лагерѣ были и Сербы съ своимъ княземъ). Плодомъ побѣды было подчиненіе боснійскаго бана и данничество валахскаго князя, при чемъ земли ихъ, а также Венгрія и Трансильванія испытали страшныя разоренія отъ Турокъ. За тѣмъ Баязетъ, прозванный Молніей, покорилъ Македонію и часть Греціи; императоръ Манулъ, сынъ Іоанна V, обязался платить дань. Баязетъ мечталъ уже о завоеваніи Константинополя, но событія въ Азіи помѣшали ему.

§ 122. **Тамерланъ. Паденіе Константинополя и распространеніе турецкаго владычества.** Азія сдѣлалась театромъ новаго политическаго переворота; виновникомъ его былъ страшный завоеватель Тимуръ, обыкновенно называемый Тимурленгъ (Тимуръ Хромецъ) или Тамерланъ. Потомокъ Чингизъ-хана Тимуръ задумалъ возстановить его державу и въ

многочисленныхъ походахъ изъ своей столицы Самарканда завоевалъ всѣ страны отъ *средиземнаго* моря до границъ Китая, низвергая мелкихъ правителей Сиріи и Персіи; Тимуръ безпощадно истреблялъ людей, изъ череповъ и костей которыхъ велѣлъ складывать цѣлыя горы; множество городовъ, въ томъ числѣ Багдадъ, Алеппо, были разрушены до основанія. Прикавказскіе народы и Золотая Орда испытали также погромъ (см. русскую исторію), а берега Инда и Ганга упитаны были кровью. Для защиты своихъ азіатскихъ владѣній Баязетъ оставилъ Европу и между двумя завоевателями произошла битва при Ангорѣ (въ М.Азіи 1302), Тамерланъ побѣдилъ, Баязетъ попался въ плѣнъ и скоро умеръ, не получивъ свободы. И Тамерланъ скоро сошелъ въ могилу а созданная имъ держава рушилась, на развалинахъ ея появились новыя государства и новыя династіи; только въ Индіи удержались Тимуриды и владычествовали въ столицѣ Дели подъ именемъ „великаго могола“ *). Тамерлановъ погромъ остановилъ на время ростъ турецкаго могущества. Монархія Османовъ (или Оттомановъ) распалась и нѣкоторые азіатскіе и европейскіе вассалы сдѣлались независимыми; но послѣ 10-лѣтней братоубійственной войны одинъ изъ сыновей Баязета Могаммедъ I возстановилъ единство государства и доставилъ преемнику возможность продолжать прерванныя завоеванія. Сынъ его Мурадъ II осадилъ Константинополь, но геройскій патріотизмъ Грековъ и войны съ Венеціею и на Дунаѣ заставили султана отступить. На Дунаѣ осада Бѣлграда, опорнаго пункта Венгріи, была неудачна, а послѣдующіе побѣды Гуніада спасли Венгрію и сосѣднія страны отъ опустошительныхъ вторженій; между тѣмъ папа Евгеній IV призывалъ христіанъ въ крестовый походъ противъ невѣрныхъ. Дѣло

*) Замѣчательно, что Тимуръ, страшный на войнѣ, былъ правосуденъ въ мирное время и питалъ уваженіе къ мусульманскимъ ученымъ.

въ томъ, что византійскій императоръ Іоаннъ VI (преемникъ Мануила) обращался къ папѣ съ просьбою о помощи и готовъ былъ купить таковую цѣною подчиненія греческой церкви Риму. Папа, бывшій тогда въ ссорѣ съ базельскими отцами, перенесъ соборъ сначала въ Феррару, а затѣмъ, какъ мы знаемъ, во Флоренцію. Въ послѣдній городъ прибылъ императоръ съ патріархомъ и многими епископами и здѣсь послѣ долгихъ преній о просхожденіи Духа Святаго, о чистилищѣ и пр. состоялось соглашеніе о соединеніи церквей или „флорентійская унія“ (1439 г.). Но *унія* была только на бумагѣ, греческій народъ не призналъ ея и возвратившіеся епископы должны были отречься отъ латинскаго исповѣданія вѣры. Тѣмъ не менѣе гордый мнимымъ торжествомъ Евгеній IV послалъ своихъ легатовъ склонять европейскихъ государей къ войнѣ съ врагами креста; особенное давленіе производилъ кардиналъ-легатъ Юліанъ на польско-венгерскаго короля Владислава III. Дѣйствительно, Владиславъ, Гуніадъ, сербскій князь Юрій Бранковичъ, думавшій свергнуть зависимость, и немногіе крестоносцы изъ другихъ странъ двинулись за Дунай. Этотъ, такъ называемый, „длинный походъ“ Гуніада (1443—44), перешедшаго неприступный Гемусъ, увѣнчался успѣхомъ и Мурадъ заключилъ миръ, по которому между прочимъ отказался отъ Сербіи. Но миръ былъ не продолжителенъ; новый походъ уже вдоль береговъ *чернаго* моря кончился несчастною для христіанъ битвою при Варнѣ (1444), въ которой погибъ Владиславъ III. Хотя четыре года спустя Мурадъ снова побѣдилъ (опять на коссовомъ полѣ), но страшныя потери, понесенныя Турками благодаря Гуніаду (теперь правителю), спасли еще разъ Венгрію. Къ тому же Османамъ одновременно пришлось напрягать свои силы въ другомъ мѣстѣ въ борьбѣ съ славнымъ защитникомъ своей родины, Албаніи. То былъ Георгій Кастріотъ или Скандербегъ (какъ его прозвали Турки); поддерживаемый иногда *венеціанами*

Скандербегъ отстаивалъ независимость Албаніи и наносилъ не разъ многочисленнымъ турецкимъ арміямъ чувствительныя потери.

При сынѣ Мурада II Могаммедѣ II свершилась судьба греческой имперіи, въ которой царствовалъ братъ Іоанна VI, Константинъ XI. Послѣ тщательныхъ приготовленій Могаммедъ окружилъ съ суши и моря Константинополь. Напрасно папа Николай V призывалъ крестоносцевъ; только *генуэзцы* и *венеціане* прислали нѣсколько тысячъ человѣкъ на помощь 6-тысячному гарнизону столицы. За шестинедѣльной осадой послѣдовалъ штурмъ и Константинополь взятъ былъ 29 мая 1453 г. Греки защищались упорно, императоръ подавалъ примѣръ храбрости и погибъ въ день штурма. Послѣ трехдневнаго грабежа султанъ прекратилъ безчинства и сдѣлалъ городъ Константинополь своею столицею; софійскій соборъ и другія церкви обращены были въ мечети.

Послѣ паденія Константинополя Могаммедъ II, царствовавшій до 1481 г., довершилъ порабощеніе южныхъ Славянъ и окончилъ завоеваніе *балканскаго* полуострова, Малой Азіи и острововъ Архипелага, кромѣ того подчинилъ своей власти Крымъ съ тамошними генуэзскими колоніями. Страшное пораженіе, которое снова нанесъ Гуніадъ султану подъ Бѣлградомъ (1456 г.), не спасло Славянъ. Дорога турецкому владычеству была облегчена раздорами въ семействахъ правящихъ фамилій и также посягательствами Рима на православіе Славянъ. Такъ когда въ Сербіи умеръ Юрій Бранковичъ, произошли распри между его тремя сыновьями; младшій Лазарь отравилъ мать и прогналъ братьевъ,—одинъ ушелъ въ Италію, другой къ Могаммеду, взывая о помощи. Султанъ пошелъ съ войскомъ въ Сербію, Лазарь умеръ, а вдова его Елена Палеологъ предложила свою страну въ ленъ папѣ. Послѣдній задумалъ подчинить сербскую церковь Риму и поручилъ Матвѣю Корвину овладѣть страною. Но бояре и

народъ воспротивились измѣнѣ православію и помогли Туркамъ завладѣть страною. Бояре, помогавшіе Туркамъ, были награждены землями, противники и множество народу переведены въ другія земли, а страна получила новое турецкое населеніе; крѣпости заняты были турецкими гарнизонами; оставшіеся христіане въ качествѣ *райи*, т. е. рабовъ, обложены были тяжелыми налогами, въ томъ числѣ поставкою янычаровъ (1458 г.)*). Съ Босніею поступлено было точно также; *банъ* (или, какъ назывались вассальные правители *господарь*) Стефанъ, будучи въ ссорѣ съ родственниками, обращался къ папѣ и по требованію послѣдняго жестоко преслѣдовалъ секту *патаренъ*. Его соперникъ привелъ султана и страна легко покорилась и обращена была въ провинцію (1464); патарены даже не защищались и въ теченіе 8 дней передали Туркамъ до 70 укрѣпленій. (Напротивъ Валахія и Молдавія сохранили своихъ господарей въ качествѣ данниковъ султана). Одинъ Скандербегъ боролся съ такимъ достоинствомъ, что Могаммедъ заключилъ миръ и призналъ его правителемъ Албаніи, но послѣ смерти Скандербега и Албанцы узнали турецкое иго. Средняя Греція и Морея, въ которой два брата Константина XI правили въ качествѣ деспотовъ, преклонились окончательно предъ Турками семь лѣтъ спустя послѣ завоеванія Константинополя; Греція испытала при этомъ страшное разореніе (напр. Аѳины, Коринѳъ). Въ Азіи Могаммедъ положилъ конецъ трапезундской имперіи, которая подъ управленіемъ Комненовъ просуществовала около двухъ

---

*) Одна сербская пѣсня разсказываетъ, что Юрій Бранковичъ однажды спросилъ Яна Гуніада, что онъ думаетъ о вѣрѣ, въ случаѣ если побѣдитъ (Сербовъ); Гуніадъ отвѣчалъ, что онъ обратитъ народъ въ латинство; за тѣмъ Юрій спросилъ султана, и тотъ отвѣчалъ, что онъ поставитъ возлѣ каждой мечети церковь и отдастъ вѣру на выборъ жителямъ, какъ они захотятъ—кланяться ли въ землю или по прежнему креститься. Народъ предпочелъ покориться Туркамъ.

вѣковъ, постоянно угрожаемая Турками и Монголами. Дѣти и родственники послѣднихъ Комненовъ, какъ и послѣдніе Палеологи, прожили въ безвѣстности (исключеніе составляетъ Софія, дочь Ѳомы брата Константина, съ нею встрѣтимся въ русской исторіи). Завоеваніемъ Карамана (юговосточная часть М. Азіи) докончено было покореніе Малой Азіи, но тутъ Могаммеду пришлось выдержать упорную войну съ Гассаномъ, создавшимъ въ Арменіи и Персіи на развалинахъ *тимуровой* державы сильное государство. Завоеваніе острововъ Архипелага, принадлежавшихъ мелкимъ деспотамъ, вовлекло имперію Османовъ въ войну съ *венеціанами;* послѣдніе боролись цѣлые пятнадцать лѣтъ, но послѣ взятія Турками Негропонта (Эвбеи) республика Санъ Марко, не нашедшая не только поддержки, но скорѣе злорадство со стороны Генуи и Флоренціи, должна была заключить миръ; она потеряла многія владѣнія и между прочимъ Скутари на *албанскомъ* берегу, а за право торговли въ турецкихъ гаваняхъ обязалась платить ежегодно крупную сумму. Утвердившись на *адріатическомъ* морѣ и покоривъ острова *іоническіе*, Могаммедъ II уже помышлялъ о завоеваніи южной Италіи. Флотъ турецкій появился въ Апуліи и взялъ Отранто, папа Сикстъ IV собрался бѣжать во Францію, но опасность миновала—Могаммедъ умеръ. (Замѣчательна упорная война, которую вели рыцари іоанниты, владѣвшіе островомъ Родосомъ; они не разъ отражали Турокъ).

Могаммедъ II, совершившій столько завоеваній, положилъ начало тому устройству государства, которое въ главныхъ чертахъ и до сихъ поръ сохраняется. Государство называется *портою оттоманскою*, потому что именемъ *порта* обозначается дворецъ великаго визиря, перваго лица послѣ султана или *падишаха*.

III. Скандинавія и Данія.

§ 123. **Кальмарская унія.** Самымъ крупнымъ событіемъ въ исторіи трехъ сѣверныхъ государствъ въ XIV ст. была такъ называемая „кальмарская унія“ 1397 года. Дочь послѣдняго датскаго короля изъ фамиліи Ульфинговъ, Маргарита вышла замужъ за короля норвежскаго; послѣ смерти отца и сына она признана была королевою Даніи и Норвегіи. Шведскіе вельможи, недовольные своимъ королемъ Альбрехтомъ мекленбургскимъ (котораго сеймъ пригласилъ на престолъ по прекращеніи дома Фолькунговъ), отняли у него власть и передали датско-норвежской государынѣ. Пріобрѣвъ такимъ образомъ короны трехъ государствъ, Маргарита (1387 1412) созвала народныхъ представителей въ городъ Кальмаръ (на югѣ Швеціи) и здѣсь подписано было соглашеніе, по которому Швеція, Норвегія и Данія будутъ отнынѣ имѣть одного короля, но сохраняютъ каждая свое государственное устройство. Тогда же признанъ былъ преемникомъ Маргариты ея родственникъ по сестрѣ Эрихъ померанскій. Вельможи, дѣломъ которыхъ была главнымъ образомъ *кальмарская унія*, мечтали, что теперь настанетъ конецъ прежнимъ смутамъ и соединенныя королевства сдѣлаются могущественною державою въ сѣверной Европѣ. Но они ошиблись: преемники Маргариты не оправдали возложенныхъ на нихъ надеждъ. Въ Даніи королевская власть доведена была вельможами до ничтожества; они же, нарушая договоръ, обращались съ Норвегіею какъ съ провинціею Даніи; такая же участь готовилась и Швеціи, но Шведы ревниво оберегали свою самостоятельность. Датскіе намѣстники были удаляемы изъ страны и мѣсто ихъ заступали туземные вельможи; только зависть между послѣдними, не допускавшая чтобы одинъ изъ нихъ взошелъ на престолъ, поддерживала соединеніе Швеціи съ датскою короною. Впрочемъ, нѣкоторые изъ намѣст-

никовъ, напр. Стенъ Стуре и Сванте Стуре (конецъ XV и начало XVI ст.), почти совершенно независимо управляли Швеціею при датскихъ корояхъ изъ дома ольденбургскаго, вступившаго на преэтолъ въ лицѣ Христіана I (около половины XV ст.).

В. МОСКОВСКІЙ ПЕРІОДЪ УДѢЛЬНОЙ РУСИ И ОБРАЗОВАНІЕ ЛИТОВСКО-РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

Отъ начала возвышенія Москвы до объединенія сѣверовосточной Россіи при Іоаннѣ III.

I. Собираніе сѣверовосточной Россіи Москвою.

§ 124. **Общее обозрѣніе, Москва и первые князья московскіе.** Съ XIV столѣтія въ жизни русскаго народа и государства наступаетъ новая эпоха чрезвычайно важная—въ обѣихъ половинахъ нашего отечества слагаются два государства: на востокѣ московское, на западѣ литовское. Прослѣдимъ это явленіе и ознакомимся прежде съ поступательнымъ ходомъ образованія московскаго государства.

Всеволодъ III и Александръ Невскій намѣтили грядущую политику русскихъ князей; ихъ преемники, продолжая свои которы, стремились каждый увеличить наслѣдственную волость и прихватить къ ней стольный Владиміръ. Которому княжескому роду удастся закрѣпить за собою Владиміръ, тому и будетъ принадлежать первенствующее значеніе въ ряду другихъ поколѣній, и главный городъ такихъ князей станетъ столицею государства. Такую задачу высокаго государственнаго значенія выполнили князья московскіе. Будучи въ началѣ не только не сильнѣе, но даже слабѣе другихъ князей (тверскихъ, нижегородскихъ), князья московскіе мало по малу

возвысились надъ ними, подчинили ихъ себѣ и отняли у нихъ наслѣдственныя области. Какими средствами достигли они этого? Во 1-хъ цѣлый рядъ московскихъ князей преслѣдовалъ одну намѣченную цѣль и для достиженія ея примѣняли умную, ловкую и расчетливую политику; „всѣ они заняты одною думою, всѣ идутъ по одному пути, идутъ медленно, осторожно, но постоянно, неуклонно, каждый ступаетъ шагъ впередъ предъ своимъ предшественникомъ, каждый приготовляетъ для своего преемника возможность ступить еще шагъ впередъ". Они скопидомы, потому что деньги нужны для задариванія хана, его женъ и вельможъ; благодаря этому задариванію, они съумѣли сдѣлать даже Орду орудіемъ для своего возвышенія. Во 2-хъ князья московскіе съумѣли заинтересовать въ предпринятомъ дѣлѣ объединенія восточной половины Россіи духовенство; союзъ московскаго князя съ митрополитомъ—единственною всероссійскою властью—очень важенъ; авторитетъ князя освящался церковью и она же—представительница высшихъ духовныхъ интересовъ—карала непокорныхъ Москвѣ князей; для духовенства союзъ былъ выгоденъ въ матеріальномъ отношеніи, сильная княжеская власть могла его защитить; во время усобицъ монастыри, владѣвшіе угодьями въ разныхъ областяхъ, могли ихъ потерять—князья-соперники были не разборчивы въ средствахъ обогащенія. Въ 3-хъ измѣнявшіяся отношенія представляли выгоды и московскимъ боярамъ-дружинникамъ; усиливался князь, возвышалось и ихъ значеніе въ ряду другихъ бояръ; ставши разъ важнѣе, московскіе бояре не хотѣли уже поступиться предъ тверскими или рязанскими и потому поддерживали своихъ князей въ борьбѣ съ другими и въ искательствахъ въ Ордѣ (особенно при князьяхъ малолѣтнихъ). Къ указаннымъ причинамъ возвышенія московскихъ князей слѣдуетъ еще присоединить неустройство и смуты въ Ордѣ послѣ смерти хана Узбека (преемника Тохты), малочисленность московскаго княжескаго рода сравни-

тельно съ линіями другихъ князей и установившійся въ Москвѣ порядокъ престолонаслѣдія по праву первородства.

Москва впервые упоминается въ лѣтописи въ 1147 г., когда Юрій Долгорукій звалъ на совѣщаніе въ этотъ городъ князя сѣверскаго Святослава Ольговича; въ связи съ этимъ встрѣчаемъ преданіе объ отнятіи княземъ помѣстья у боярина Кучка и построеніи на холмѣ *боровицкомъ*, при впаденіи Неглинной въ Москву, городка, который получилъ имя отъ рѣки. Была ли Москва изначала мѣстопребываніемъ удѣльнаго князя трудно сказать, хотя въ лѣтописи и упоминаются нѣкоторые московскіе князья. Первымъ настоящимъ московскимъ княземъ былъ Даніилъ Александровичъ († 1303 г.). Какъ младшій сынъ Александра Невскаго, онъ получилъ худшій удѣлъ съ однимъ только городомъ и нѣкоторыми селами. Но этотъ умный князь, примѣняясь къ бывшей въ ходу борьбѣ за преобладаніе, полагаетъ начало будущему могуществу своей отчины, такъ онъ пріобрѣлъ по завѣщанію племянника Ивана Дмитріевича *) его стольный городъ Переяславль Залѣсскій; онъ же отнялъ у рязанскаго князя Коломну при устьѣ Москвы. Сынъ его Юрій Даниловичъ не только отстоялъ Переяславль отъ радичей, но и захватилъ Можайскъ у верховьевъ Москвы и отвелъ плѣнникомъ въ Москву его князя (изъ поколѣнія Ростиславичей смоленскихъ). Это пріобрѣтеніе, закрѣпивъ за княземъ московскимъ все теченіе рѣки Москвы, настолько усилило Юрія, что онъ явился соискателемъ владимірскаго стола. Начинается борьба за великокняжескій престолъ между Москвою и Тверью, которая длилась четверть вѣка и сдѣлала московскаго князя первымъ княземъ въ сѣверовосточной Руси.

§ 125. **Очеркъ борьбы между Москвою и Тверью.** Послѣ смерти Андрея городецкаго въ 1304 г. произошелъ споръ

*) См. родосл. табл. № 2.

за великое княженіе между Михаиломъ Ярославичемъ тверскимъ и Юріемъ Даниловичемъ московскимъ. Соперники отправились въ Орду, Михаилъ вѣроятно угодилъ больше хану и вывезъ ярлыкъ на владимірскій столъ. Но борьба не прекратилась и возгорѣлась снова между прочимъ изъ-за Новгорода, владѣнія котораго тѣснили тверскіе намѣстники. Между тѣмъ въ Ордѣ воцарился Узбекъ и позвалъ русскихъ князей. Михаилъ добылъ новый ярлыкъ, а Юрій прожилъ долго въ Ордѣ, сблизился съ ханомъ и женился на его сестрѣ Кончакѣ (въ христіанствѣ Агаѳія). Вернувшись съ женою и татарскими послами, Юрій и *новгородцы* пошли войною на Михаила, но были разбиты, при чемъ многіе князья, бояре и Кончака попались въ плѣнъ. Смерть послѣдней въ плѣну доставила Юрію случай оклеветать соперника предъ ханомъ (будто Кончака была отравлена). Позванный Узбекомъ Михаилъ былъ звѣрски убитъ, но и Юрій погибъ въ Ордѣ отъ руки сына своего соперника Димитрія Михайловича „Грозныя Очи“; за самоуправство Димитрій былъ въ свой чередъ замученъ Татарами (1325 г.). Великое княженіе получилъ братъ Димитрія Александръ Михайловичъ, Юрію же въ Москвѣ наслѣдовалъ также братъ Иванъ (или Іоаннъ) Даниловичъ Калита. Смирившись на первыхъ порахъ предъ Тверью, Иванъ сдѣлалъ для своего стольнаго города важное пріобрѣтеніе—князя полюбилъ митрополитъ Петръ и подолгу останавливался въ Москвѣ; здѣсь онъ скончался и погребенъ согласно предсмертному желанію; преемникъ его Ѳеогностъ, не желая разстаться съ гробомъ „чудотворца“, перенесъ мѣстопребываніе митрополіи въ Москву. Это обстоятельство придало Москвѣ значеніе столицы: митрополитъ былъ одинъ, а князей много; городъ сталъ богатѣть, много народу пріѣзжало по дѣламъ къ первосвятителю церкви. Въ это самое время въ Твери случилось событіе, которымъ не преминулъ воспользоваться Калита. Тверичи убили ханскаго посла Чолъ-хана или Щелкана, который со своею сви-

тою совершалъ насилія. Иванъ Даниловичъ ѣдетъ въ Орду и приводитъ толпу Татаръ: тѣ пожгли города и села, повели людей въ плѣнъ и „положили пусту всю землю русскую“, не тронувъ Москвы и Новгорода, который откупился. Александръ, накликавшій такую бѣду, бѣжитъ въ Псковъ; Калита съ князьями и *новгородцами* сначала пошелъ добывать Александра, но потомъ раздумалъ воевать и предпочелъ прибѣгнуть къ духовному оружію; Ѳеогностъ грозитъ Александру и Пскову отлученіемъ отъ церкви, если *псковичи* не исполнятъ требованія князей. Александръ ушелъ въ Литву, а Іоаннъ Даниловичъ получилъ ярлыкъ на великое княженіе (1328 г.); Тверь же досталась брату бѣжавшаго Константину. Немного времени спустя Александръ вернулся въ Псковъ и, прокняживъ здѣсь 10 лѣтъ, вымолилъ прощеніе въ Ордѣ и получилъ свое наслѣдственное княжество, но не на долго. Соперничество съ Москвою возобновилось; Калита съѣздилъ въ Орду, позвали и Александра и вмѣстѣ съ сыномъ Ѳеодоромъ убили.

§ 126. **Іоаннъ Калита.** Иванъ Даниловичъ, державшій великое княженіе съ 1328 по 1341 годъ, считается первымъ собирателемъ русской земли; правда, онъ ничего не пріобрѣлъ оружіемъ, а только за деньги покупалъ у мелкихъ князей ихъ волости, напр. Бѣлоозеро. Ставъ сильнѣе другихъ князей, Калита давалъ имъ чувствовать свое могущество; вотъ примѣры: по смерти Александра Михайловича онъ приказалъ снять и привезти въ Москву вѣчевой колоколъ отъ св. Спаса въ Твери, что по понятіямъ того времени считалось большимъ оскорбленіемъ. Посланные Калитою бояре въ Ростовъ ограбили и избили жителей и жестоко оскорбили главнаго боярина. Новгородъ, не находя, какъ бывало прежде, помощи у другихъ князей, откупался деньгами, а въ случаѣ отказа Калита опустошалъ его владѣнія, напр. посылалъ рать въ двинскую землю, откуда *новгородцы* получали дорогіе

мѣха и серебро. Деньги съ *новгородцевъ* бралъ Калита подъ предлогомъ ордынскаго *выхода*, т. е. дани для хана; это первый примѣръ собиранія дани не баскаками, а великимъ княземъ—льгота, которую добылъ въ Ордѣ Иванъ Даниловичъ для всей Руси. А такая льгота полегчила тяжесть ига; для московскаго же князя она была выгодна, потому что Калита часть сбора оставлялъ себѣ и богатѣлъ. Всегда полная казна и доставила ему прозвище, съ которымъ онъ перешелъ въ исторію (*калита* — мѣшокъ). Въ предѣлахъ собственнаго московскаго княжества Калита, по словамъ лѣтописца, водворилъ порядокъ и безопасность, преслѣдовалъ вредныхъ людей и о татарскихъ насиліяхъ не было помину.

§ 127. **Сыновья Калиты.** Иванъ Даниловичъ раздѣлилъ свое княжество между тремя сыновьями: Симеономъ, Іоанномъ и Андреемъ. Князья московскіе вмѣстѣ съ другими поѣхали въ Орду, откуда старшій сынъ Калиты Симеонъ возвратился великимъ княземъ, при чемъ лѣтопись говоритъ: *„вси князи рускіи подъ руцѣ его даны“*, т. е. стали его подручниками, подчиненными; въ одной грамотѣ Симеонъ (1341—1353) названъ „великимъ княземъ всея Руси“. Дѣйствительно, всѣ князья слушались Симеона и, чувствуя измѣнившіяся отношенія, прозвали его „Гордымъ“. Въ Ордѣ, куда Симеонъ пять разъ ѣздилъ, онъ пользовался почетомъ, а воинственный Ольгердъ, литовскій князь, дорожилъ его дружбою. Симеонъ Гордый умеръ отъ *черной смерти* (свирѣпствовавшей во всей Европѣ) въ одинъ годъ съ братомъ Андреемъ и митрополитомъ Ѳеогностомъ. Онъ отказалъ свой удѣлъ безраздѣльно брату Ивану, сынъ же Андрея Владиміръ наслѣдовалъ отцовскій удѣлъ съ главнымъ городомъ Серпуховымъ. Въ завѣщаніи братьямъ Симеонъ между прочимъ говоритъ: „слушайте отца нашего, владыки Алексѣя, да старыхъ бояръ, которые отцу нашему и намъ добра хотѣли“. Благодаря владыкѣ Алексѣю, излечившему ханшу, жену Чанибека, и боярамъ,

умѣвшимъ ладить съ Татарами, Иванъ Ивановичъ осилилъ въ Ордѣ соперника князя суздальскаго Константина Васильевича; благодаря имъ же, тихій и кроткій Іоаннъ II спокойно княжилъ до самой смерти (1353—1359) (Расказъ о митр. Алексѣѣ). Отмѣтимъ событіе, показывающее возрастаніе силы бояръ. Боярин Алексѣй Петровичъ Хвостъ, занимавшій при Симеонѣ должность *тысяцкаго*, поднялъ крамолу противъ князя и былъ изгнанъ съ потерею вотчинъ; когда при Іоаннѣ II Хвостъ опять явился въ прежней должности, онъ поплатился жизнью—его нашли мертвымъ на площади; въ городѣ произошелъ мятежъ, подозрѣніе въ убійствѣ пало на бояръ и нѣкоторые изъ нихъ отъѣхали въ Рязань, но скоро великій князь призвалъ назадъ двоихъ бо́льшихъ.

§ 128 а. **Димитрій Донской (1363—1389); отношенія къ другимъ князьямъ.** Послѣ Іоанна II остались малолѣтніе сыновья, Димитрій и Иванъ, и племянникъ тоже малолѣтній Владиміръ Андреевичъ. Малолѣтствомъ московскихъ князей задумалъ воспользоваться Димитрій Константиновичъ суздальскій и добылъ ярлыкъ на великое княженіе въ Ордѣ у одного изъ двухъ хановъ, враждовавшихъ за власть. Дѣло въ томъ, что въ Ордѣ послѣ Чанибека ханы быстро смѣнялись, одинъ убивалъ другаго, наконецъ Орда подѣлилась между двумя ханами *). Московскіе бояре, не желая уступить первенство суздальскимъ, повезли своихъ князей въ Орду и добыли ярлыкъ Димитрію Ивановичу у другаго хана. Они же посадили князей малолѣтнихъ на коней и заставили Димитрія Константиновича покинуть Владиміръ. Князь суздальскій два раза еще заручался ярлыкомъ, но, вторично изгнанный изъ Владиміра и осажденный въ Суздалѣ, отказался отъ великаго кня-

*) Літописецъ говоритъ: Татары *„непрестаяху межи собою ратующеся и бьющеся и кровь проливающе. Такъ убо Богъ попусти на нихъ гнѣвъ свой, милуя рабъ своихъ смиренныхъ православныхъ христіанъ“*.

женія *) и даже засваталъ дочь свою Евдокію Димитрію Ивановичу. Тогда же князь московскій (1363 г.) отнялъ у князей стародубскаго и галицкаго ихъ области, а когда отъ моровой язвы, продолжавшей свирѣпствовать, умеръ братъ Иванъ, Димитрій весь удѣлъ взялъ себѣ, не давъ ничего двоюродному брату Владиміру. (Отъ черной смерти померло и много другихъ князей).

Димитрій Ивановичъ великій князь съ 1363 г., не смотря на 14-лѣтній возрастъ, показалъ, что онъ великій князь по новому укорепяющемуся понятію. Димитрій Константиновичъ поссорился съ братомъ своимъ Борисомъ за Нижній Новгородъ **); Димитрій Ивановичъ принялъ сторону будущаго тестя и, когда увѣщанія не помогли, обратился къ духовному оружію: по порученію св. Алексѣя Преподобный Сергій, игуменъ радонежскій, заперъ церкви въ Нижнемъ, а присланные полки изъ Москвы заставили Бориса уступить Нижній брату и удовольствоваться Городцемъ.

Укрѣпивъ свою власть и окруживъ *кремль* московскій (т. е. крѣпость) каменною стѣною, Димитрій *„всѣхъ князей рускихъ привожаше подъ свою волю, а которые не повиновахуся воле его, и на тѣхъ нача посегати“*. Не хотѣли повиноваться самые сильные князья, тверской Михаилъ Александровичъ и рязанскій Олегъ Ивановичъ. Борьба была неизбѣжна, но исходъ не могъ быть иной какъ въ пользу Москвы—сами обстоятельства тому благопріятствовали. Московскій князь не только былъ сильнѣе, но въ его наслѣдственной области не было усобицъ; единственный удѣль-

*) Любопытно мнѣніе лѣтописца, что Димитрій Константиновичъ получилъ великое княженіе „не по отчинѣ и не по дѣдинѣ“, т. е. не имѣя права.

**) Нижній Новгородъ сталъ брать верхъ, благодаря своему мѣстоположенію, надъ старыми городами Суздалемъ, Ростовомъ.

ный князь Владиміръ серпуховскій ходилъ по всей его волѣ *). Въ противоположность такому единству и согласію князей московскихъ, въ княжествахъ тверскомъ и рязанскомъ продолжались усобицы какъ за выморочные удѣлы, такъ и за стольный городъ; въ тверскомъ съ великими князьями враждовали кашинскіе, въ Рязани пронскіе; и кашинская и пронская линія искали поддержки у князя московскаго и Димитрій охотно имъ помогалъ. Михаилъ Александровичъ тверской не могъ собственными силами бороться съ Москвою и искалъ помощи въ Ордѣ и Литвѣ. Изъ Сарая Михаилъ два раза вывозилъ ярлыкъ на великое княженіе, но сѣсть во Владимірѣ ему не удалось. Когда онъ пріѣхалъ во Владиміръ и ханскій посолъ позвалъ Димитрія „къ ярлыку", князь московскій велѣлъ отвѣтить: „къ ярлыку не ѣду, Михаила на княженіе владимірское не пущу, а тебѣ послу путь чистъ". Ольгердъ литовскій, зять Михаила тверскаго, нѣсколько разъ приходилъ съ другими князьями литовскими и русскими, опустошалъ московскія владѣнія и также новгородскія; въ свою очередь и Димитрій Ивановичъ съ московскими полками и полками князей подручныхъ (нижегородскими, ростовскими, ярославскими, смоленскими) разорялъ тверскія волости; когда же Ольгердъ, потерпѣвъ пораженіе подъ Любутскомъ, отступился отъ Михаила, послѣдній, осажденный въ Твери, помирился съ Димитріемъ „дался на всю волю его", въ 1375 г. (Любутскъ теперь село въ калужской губ.). Сохраняя титулъ вели-

---

*) Любопытно слѣдующее мѣсто договорной грамоты между двоюродными братьями: „тебѣ брату моему младшему князю Владиміру держать подъ мною княженье мое великое *честно и грозно;* тебѣ, брату моему младшему, служить мнѣ безъ ослушанья по уговору *(по згадцѣ)*, какъ будетъ мнѣ надобно и тебѣ; а мнѣ тебя кормить по твоей службѣ". Въ другой грамотѣ Владиміръ обязывается не искать московской отчины и великаго княженія владимірскаго ни подъ Димитріемъ, ни подъ его сыновьями, и признаетъ старшаго сына Димитрія, Василія, своего племянника, старшимъ своимъ братомъ.

каго князя, Михаилъ призналъ себя младшимъ братомъ, обязался по требованію московскаго князя ходить вмѣстѣ съ нимъ на войну и не посягать на самостоятельность кашинскаго княжества. Любопытно слѣдующее мѣсто грамоты, свидѣтельствующее, подобно вышеприведенному, объ измѣнившемся взглядѣ на татарскія отношенія: „дадимъ ли выходъ или не дадимъ—это зависитъ отъ насъ, если Татары пойдутъ на насъ или на тебя, то намъ биться вмѣстѣ, если мы пойдемъ на нихъ, то и тебѣ идти вмѣстѣ съ нами". Олегъ рязанскій потерпѣлъ также пораженіе отъ воеводы московскаго Димитрія Михайловича Боброка *) и на время долженъ былъ уступить стольный городъ союзнику Москвы князю пронскому (1371).

§ 128 б. **Отношенія татарскія и куликовская битва.** Изъ предъидущаго мы знаемъ, что взглядъ на Татаръ измѣнился—ослабленіе Орды способствовало тому. Въ началѣ княженія Димитрія Орда распалась, не только два хана въ Сараѣ рѣзались, но и въ странѣ Болгаръ, въ Казани, являлись самостоятельные царьки. И сарайскіе и казанскіе Татары вторгались и пустошили рязанскія и нижегородскія земли. Олегъ Ивановичъ и Димитрій Константиновичъ и отбивались отъ нихъ и даже пробовали наступать. Димитрій московскій, управившись съ Тверью, послалъ Боброка Волынскаго съ князьями нижегородскими на Казань и казанскіе ханы ударили челомъ и откупились деньгами. Въ 1377 г. пришелъ изъ за Яика (р. Уралъ) съ ордою какой-то царевичъ Арапша; великій князъ пошелъ на помощь тестю, но скоро вернулся, оставивъ воеводъ; послѣдніе вмѣстѣ съ князьями, благодаря безпечности, потерпѣли пораженіе у рѣки Пьяны (въ нын. нижегородской губерніи) и Татары сильно пограбили нижего-

*) Д. М. Боброкъ былъ родомъ *волынецъ*, отсюда и названіе Волынскій.

родское княжество. Около того времени въ Ордѣ водворилось единство: *темникъ* Мамай, доселѣ руководившій ханами, самъ захватилъ власть и задумалъ воротить прежній авторитетъ надъ русскими князьями, которые и не хотѣли слушаться и умаливали цань. Наказавъ князя нижегородскаго, Мамай послалъ мурзу *) Бегича на великаго князя. Димитрій Ивановичъ пошелъ на встрѣчу и въ рязанскомъ княжествѣ поразилъ Татаръ на рѣкѣ Вожѣ (1378); Бегичъ бѣжалъ, но Мамай выместилъ свой гнѣвъ на рязанской землѣ—пожегъ и пограбилъ ее. Ясно было, что рязанскимъ погромомъ дѣло не ограничится и дѣйствительно Мамай, собравъ всю орду, позвалъ Черкесъ, Ясовъ и др., соединился съ Ягайломъ литовскимъ и готовилъ вторженіе въ русскіе предѣлы. Но Димитрій не испугался, онъ потребовалъ помощи отъ всѣхъ князей подручныхъ; явились князья ростовскіе, ярославскіе, нижегородскіе и др., пришли и два Ольгердовича (Андрей, княжившій въ Псковѣ, и Димитрій, который вступилъ въ службу московскаго князя, „урядился въ рядъ и крѣпость далъ“). Не соединился Олегъ рязанскій, онъ хотѣлъ выгадать въ случаѣ неудачи. Пока князья и воеводы собирались у сборнаго пункта Коломны, Димитрій побывалъ въ *троицкой лаврѣ* и получилъ благословеніе отъ игумена Сергія, который предсказалъ сѣчу великую, но побѣду, и далъ великому князю двухъ иноковъ Пересвѣта и Ослябя, отличавшихся въ міру храбростью (первый былъ боярином). Послѣ переправы чрезъ Оку, русская рать въ числѣ 150 тыс. человѣкъ придвинулась къ Дону; по другую сторону стояли *мамаевы* полчища. Здѣсь одни говорили: „ступай, князь, за Донъ“, другіе—„не ходя, потому что враговъ много, не одни Татары, но и Литва и *рязанцы*“ (Ягайло, впрочемъ, не успѣлъ соединиться съ Мамаемъ). Димитрій послушался первыхъ,

*) Мурза значитъ вельможа.

велѣлъ искать броду и переправа совершилась. На другой день, 8 сентября 1380 г., произошла знаменитая *куликовская* битва на полѣ, орошаемомъ Непрядвою, притокомъ Дона. (Куликово поле въ уѣздѣ епифанскомъ нынѣшней тульской губерніи). Сраженіе, по словамъ лѣтописи, было небывалое, побѣда уже склонялась въ сторону Татаръ, но во-время оставившіе засаду князь Владиміръ Андреевичъ и воевода Боброкъ Волынскій рѣшили дѣло полнымъ пораженіемъ поганыхъ. Мамай вслѣдъ за своими пустился бѣжать и Русскіе преслѣдовали враговъ до рѣки Мечи и завладѣли всѣмъ ихъ станомъ. Мамай собирался мстить, но заяицкій ханъ Тохтамышъ разбилъ его на Калкѣ и онъ ушелъ въ Кафу, гдѣ и былъ убитъ. Названія: Донскаго, данное Димитрію, и Храбраго—Владиміру Андреевичу свидѣтельствуютъ о впечатлѣніи, которое произвела на современниковъ куликовская битва, о томъ же говоритъ и сказаніе о „мамаевомъ побоищѣ.“

Куликовская битва, независимо отъ своего всемірно-историческаго значенія, какъ побѣда европейской цивилизаціи надъ азіатскимъ варварствомъ,—очень важное событіе въ нашей собственно исторіи. Побѣда, добытая общерусскими силами, подняла духъ и самосознаніе народа и укрѣпила уваженіе страны къ потомкамъ Калиты—собирателямъ русскаго государства. Правда, *куликово* поле, обагренное кровью многихъ тысячъ нашихъ предковъ, не избавило насъ отъ ига; еще не время было, еще князья не забыли своихъ распрей и Димитрій Донской долженъ былъ признать себя данникомъ новаго хана. Ханъ этотъ Тохтамышъ потребовалъ отъ князей покорности, князья послали пословъ съ дарами, но сами не поѣхали; ханъ разсердился и подступилъ къ самой Москвѣ (1382). Димитрій ушелъ въ Кострому собирать войска; *москвичи* отбивались, при чемъ палили изъ *тюфяковъ* (ружей) и пушекъ, впервые здѣсь упоминаемыхъ. Тохтамышъ

не могъ взять города силою, взялъ обманомъ; повѣривъ обѣщаніямъ, жители впустили Татаръ въ кремль, а тѣ ограбили церкви и перебили людей. Пострадали и другіе города, но, наткнувшись на рать Владиміра Андреевича близъ Волока, Татары испугались и побѣжали. Осторожность, съ которою шелъ Тохтамышъ, хитрость и опасеніе сраженія въ открытомъ полѣ—лучшія доказательства послѣдствій куликовской битвы.

Князья не забыли, мы сказали, своихъ которъ. Такъ, пользуясь несчастіемъ Москвы, Михаилъ тверской поднялъ голову; но его интриги въ Ордѣ оказались всуе; и Олегъ рязанскій, измѣнникъ по неволѣ общерусскому дѣлу, возобновилъ вражду съ Москвою, разъ даже разбилъ Владиміра Андреевича и мириться не хотѣлъ. Только благодаря престарѣлому Сергѣю „чудному старцу,“ съумѣвшему кроткими рѣчами усовѣстить князя, Олегъ согласился заключить *вѣчный* миръ съ Димитріемъ Ивановичемъ (1385).

Строгій съ князьями Димитрій грозно держалъ и бояръ, одного изъ нихъ за измѣну казнилъ. То былъ Иванъ Вельяминовъ. Бояринъ этотъ отъѣхалъ къ тверскому князю и хлопоталъ за него предъ ханомъ. Когда онъ черезъ нѣсколько лѣтъ вернулся изъ Орды, его схватили и великій князь приказалъ его казнить на *кучковомъ* полѣ. Эта—первая публичная—казнь поразила современниковъ: *„бѣ множество народа стоящe, и мнози прослезишасѧ о немъ и опечалишасѧ о благородстве его и о величестве его.“* Иванъ Вельяминовъ былъ сынъ тысяцкаго Василія, а братъ его былъ женатъ на сестрѣ великой княгини.

Димитрій Донской, умершій въ годъ коссовской битвы, въ своемъ завѣщаніи благословляетъ старшаго сына Василія княженіемъ владимірскимъ, называя Владиміръ своею отчиною; ясно, его не безпокоитъ уже мысль, дастъ ли ханъ или нѣтъ

его сыну ярлыкъ. Младшіе сыновья получили удѣлы, напр. Юрій—Звенигородъ, Андрей—Можайскъ и пр.

§ 129. **Василій I.** Василій Димитріевичъ (1389—1425) искусно воспользовался трудами своихъ предшественниковъ и въ самомъ началѣ княженія значительно расширилъ предѣлы московскаго княжества. Онъ купилъ у Тохтамыша ярлыкъ на княжество нижегородское, въ которомъ теперь сидѣлъ Борисъ Константиновичъ. Напрасно Борисъ увѣщевалъ своихъ бояръ быть ему вѣрными; старшій изъ нихъ Василій Румянецъ передался Василію Димитріевичу и впустилъ посла татарскаго съ московскими боярами въ Нижній; на упреки же своего князя отвѣчалъ: *„господине княже, не надѣйся на насъ, уже убо если мы отныне не твои и имъ съ тобою есмя, но на тя есмя.“* Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ самъ Василій Димитріевичъ, заковалъ Бориса и посадилъ своихъ намѣстниковъ въ Нижнемъ, Городцѣ, Муромѣ, Мещерѣ, Тарусѣ. Сыновья Бориса и брата его Димитрія Константиновича, а потомъ внуки ихъ, оспаривали свою отчину у московскаго князя, приводили даже Татаръ, но напрасно (впрочемъ, нѣкоторое время они еще сидѣли въ Суздалѣ). Князья рязанскій и тверской подчинялись Москвѣ: Ѳеодоръ Ольговичъ *) рязанскій связалъ себя договоромъ, сходнымъ съ грамотою между тверскимъ княземъ и Димитріемъ Донскимъ. Замѣчательно условіе, чтобы рязанскій князь не обижалъ тѣхъ удѣльныхъ князей, которые „одинъ человѣкъ“ съ московскимъ. Тверской великій князь Иванъ Михайловичъ спорилъ съ братьями и родственниками, но борьбою этою не могъ воспользоваться Василій московскій, потому что его отвлекали дѣла татарскія и литовскія.

Россія въ княженіе Василія Димитріевича испытала два нашествія Татаръ: Тамерланъ, разбивъ и прогнавъ Тохта-

*) Сынъ Олега Ивановича.

мыша, вступилъ въ русскіе предѣлы (1395), взялъ Елецъ и плѣнилъ его князя; великій князь расположился на Окѣ, но не дождался Татаръ. Тамерланъ, ограбивъ берега Дона, ушелъ въ тотъ самый день, въ который *москвичи* встрѣчали знаменитый образъ Богородицы, принесенный изъ Владиміра для подъема народнаго духа; съ тѣхъ поръ святыня осталась въ московскомъ *успенскомъ* соборѣ. Послѣ Тамерлана въ Ордѣ пошли опять смуты, князь пересталъ туда ѣздить и посылать дань, отговариваясь оскудѣніемъ людьми; мало того, надъ послами ханскими смѣялись въ Москвѣ и оскорбляли ихъ. Наконецъ захватившій власть вельможа (мурза) Эдигей рѣшился напомнить Василію о покорности и неожиданно вторгся въ русскіе предѣлы, разгласивъ раньше, что идетъ на Литву (1408 г.). Застигнутый врасплохъ великій князь ушелъ въ Кострому, а Москва, выдержавъ осаду, откупилась 3000 р. Получивъ изъ Сарая недобрыя вѣсти, Эдигей быстро повернулъ назадъ и по дорогѣ взялъ Рязань. Отмѣтимъ поведеніе тверскаго князя, свидѣтельствующее о боязни затронуть Москву: Эдигей звалъ къ себѣ Ивана Михайловича; князь пришелъ одинъ безъ войска и скоро ушелъ, отговариваясь болѣзнью Лѣтописецъ по этому поводу говоритъ: *„сіе же сътвори, дабы ни Едигѣя разгнѣвити, ниже великому князю погрубити, и обоимъ обоею избѣжа, премудръ бо сія сътвори.“*

Съ Литвою Василій старался жить въ мирѣ и породнился съ княземъ Витовтомъ, женившись на его дочери Софьѣ. Миръ между тестемъ и затемъ не былъ нарушенъ и тогда, когда Витовтъ завладѣлъ Смоленскомъ. Старшій изъ князей смоленскихъ Юрій Святославичъ, ссорившійся съ удѣльными, бѣжалъ къ Олегу рязанскому и при его помощи возвратилъ свой городъ; послѣ смерти Олега, Юрій смоленскій искалъ защиты у московскаго князя, но Василій Димитріевичъ не желалъ разрыва съ Литвою и Витовтъ окончательно утвердился въ Смоленскѣ (1402 г.). Правда когда онъ,

не удовольствовавшись Смоленскомъ, началъ посягать на Новгородъ и Псковъ, Василій рассорился съ тестемъ и произошла война. Но и тутъ рѣшительныхъ дѣлъ не было, три раза сходились Василій и Витовтъ, наконецъ помирились на томъ, что рѣка Угра, на берегахъ которой была послѣдняя встрѣча, опредѣлена была границею между московскими и литовскими владѣніями (1408 г.). Во время этой войны соперникъ Витовта Свидригайло Ольгердовичъ, князь сѣверскій, отъѣхалъ изъ Литвы въ Москву и не одинъ, а съ нѣсколькими князьями и многими черниговскими и сѣверскими боярами; Василій Димитріевичъ далъ Свидригайлу города въ кормленіе. Войною съ Литвою недовольны были многіе бояре московскіе и говорили, что это на руку Эдигею. Они винили молодыхъ бояръ, которыхъ сталъ слушаться великій князь. На этотъ повидимому разладъ въ думѣ великокняжеской указываетъ и Эдигей въ своей грамотѣ, присланной послѣ погрома; въ ней онъ жалуется, что отъ молодыхъ нѣтъ прежней чести татарскому улусу. Въ числѣ этихъ молодыхъ бояръ былъ Иванъ Ѳедоровичъ Кошка, о которомъ Эдигей говоритъ, что „онъ не похожъ на отца, то былъ добрый бояринъ, напоминавшій объ ордынскихъ дѣлахъ, а теперь у тебя любимцемъ сынъ его Иванъ, и ты сталъ слушать молодыхъ людей и про выходъ говоришь, что нечѣмъ платить.“

§ 130. **Василій II Темный (1425—1462).** Василій Димитріевичъ оставилъ 10-лѣтняго сына Василія, который и занялъ великокняжескій столъ подъ опекою матери Софьи Витовтовны. Князья тверской и рязанскій не помышляли воспользоваться малолѣтствомъ Василія Васильевича, но за то въ самомъ потомствѣ Калиты вспыхнула усобица—первая и послѣдняя за престолонаслѣдіе.

У великаго князя было четверо дядей; старшій Юрій Димитріевичъ, князь звенигородскій и галицкій (Галича Мер-

скаго), не хотѣлъ признать племянника старшимъ; правда, сначала онъ избѣгалъ открытой борьбы, но когда умеръ дѣдъ великаго князя грозный Витовтъ, онъ пошелъ тягаться съ племянникомъ въ Орду. Тяжба не выгорѣла въ его пользу, ханъ Улу-Махметъ, благодаря умѣнью боярина Ивана Димитріевича Всеволожскаго задобрить ордынскихъ вельможъ, далъ ярлыкъ Василію Васильевичу (1432). Но мы знаемъ, какъ вѣсокъ теперь былъ ханскій голосъ; Юрій не подчинился и взялся за оружіе. Виновниками такого поворота были: тотъ же Всеволожскій и сыновья Юрія, Василій Косой и Димитрій Шемяка. Всеволожскій отъѣхалъ изъ Москвы, разсердившись, что Василій не исполнилъ обѣщанія жениться на его дочери, и подговаривалъ Юрія на племянника; то же дѣлали и сыновья Юрія, изъ нихъ Василій Косой былъ оскорбленъ на свадьбѣ великаго князя, который по желанію матери взялъ въ жены княжну боровскую Марію Ярославну (дочь Ярослава Владиміровича—внучку Владиміра Андреевича Храбраго *). Василій Васильевичъ, не приготовленный къ борьбѣ, потерпѣлъ пораженіе и попался въ плѣнъ; Юрій сѣлъ въ Москвѣ и далъ племяннику въ удѣлъ Коломну. Сюда въ Коломну стали толпами приходить бояре, дворяне и слуги, „откладываясь“ отъ Юрія, потому что „не привыкли служить галицкимъ князьямъ.“ Видя это, Юрій счелъ за лучшее уступить племяннику великое княженіе, тѣмъ болѣе, что озлился на сыновей за убійство своего боярина Морозова (посовѣтовавшаго не держать въ плѣну Василія). Василій Васильевичъ пошелъ теперь войною на двоюродныхъ братьевъ; Юрій, вопреки договору, опять сошелся съ сыновьями и вторично, поразивъ племянника, утвердился въ Москвѣ, но здѣсь скоро умеръ. Мѣсто его поспѣшилъ занять старшій сынъ Василій Косой. Война продолжалась, оставленный

*) Постоянно справляться съ родословною таблицею № 2-й.

братьями (кромѣ Шемяки былъ еще братъ Димитрій Красный), Косой былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и ослѣпленъ; Василій Васильевичъ занялъ снова Москву (1436) и укрѣпилъ себя договорами съ князьями, изъ коихъ иные переходили изъ стороны въ сторону. Во время этихъ усобицъ умерли и остальные дяди великаго князя; изъ нихъ Андрей оставилъ двухъ сыновей, которые и наслѣдовали отцовскій удѣлъ: Иванъ Андреевичъ получилъ Можайскъ, а Михаилъ —Верею. Но борьба великаго князя съ братьями Юрьевичами не кончилась; она возобновилась и при томъ въ связи съ дѣлами татарскими. Ханъ Улу-Махметъ, изгнанный изъ Золотой Орды братомъ, появился въ русскихъ предѣлахъ и, поразивъ великокняжескую рать, бросился на Волгу, засѣлъ въ Казани и утвердилъ свою власть надъ здѣшними Татарами и окрестными инородцами. Отсюда онъ нападалъ на земли московскія и разъ Василій Васильевичъ, вышедшей къ нему на встрѣчу, попался въ плѣнъ и отвезенъ былъ къ Казань (1445). Этимъ воспользовался Димитрій Шемяка и вступилъ въ переговоры съ Улу-Махметомъ, чтобы тотъ не отпускалъ Василія; но пока они длились, Василій за обѣщаніе большаго выкупа получилъ свободу, при чемъ привелъ съ собою много Татаръ. Уже и прежде Василій принималъ на службу татарскихъ выходцевъ и нѣкоторымъ знатнымъ давалъ города въ кормленіе *); но какъ при отцѣ Василіѣ Димитріевичѣ не нравились выходцы изъ Литвы, такъ и теперь не понравилась татарскіе служилые люди; это, въ связи съ налогами для уплаты выкупа, вызывало ропотъ, что и было на руку Шемякѣ. Сговорившись съ князьями Борисомъ тверскимъ и Иваномъ можайскимъ, Шемяка врасплохъ овладѣлъ Москвою, разграбилъ казну и захватилъ преданныхъ великокняже-

*) Въ числѣ такихъ выходцевъ былъ сынъ Улу-Махмета Касимъ, который получилъ въ кормленіе нѣсколько городковъ на Окѣ (царство касимовское).

скихъ бояръ; Иванъ можайскій между тѣмъ пошелъ къ Троицѣ, куда Василій отправился на богомолье, схватилъ его и повезъ въ Москву; здѣсь его ослѣпили. Сначала Василій, прозванный Темнымъ, содержался въ плѣну, но, уступая увѣщанію духовенства, Шемяка отпустилъ его въ Вологду и обязалъ дать „проклятыя грамоты“ (клятвенное обѣщаніе) не искать великаго княженія. Лишь только Василій очутился на свободѣ, повторилось прежнее; къ нему отовсюду стали приходить приверженцы, между прочимъ князья Ряполовскіе (потомки стародубскихъ князей). Темный двинулся съ ними по направленію къ Твери и, получивъ помощь отъ тамошняго князя Бориса, пошелъ на Москву; одновременно на соединеніе съ великимъ княземъ шли другіе его приверженцы, убѣжавшіе отъ Шемяки въ Литву (князь серпуховскій Василій Ярославичъ, князь Оболенскій (потомокъ Михаила черниговскаго), Басенокъ и др.), а также служилые Татары. Когда Шемяка удалился изъ Москвы, она сейчасъ передалась Василію и *юрьевичъ* не бившись помирился, выговоривъ себѣ и союзнику Ивану можайскому сохраненіе волостей (1447). Впрочемъ Шемяка не угомонился, онъ все продолжалъ строить козни, поднималъ удѣльныхъ князей, искалъ помощи въ Новгородѣ. Только понесши рѣшительное пораженіе и лишенный удѣла Галича, онъ бѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ и умеръ, какъ думаютъ отъ отравы. Сынъ его Иванъ ушелъ въ Литву и получилъ тамъ волости. Такъ кончилась продолжительная борьба въ пользу порядка престолонаслѣдія по праву первородства, въ пользу слѣпаго князя, потому что выгоды такого порядка сознавали бояре и духовенство. Какъ заинтересовано было высшее духовенство въ только что разсказанныхъ событіяхъ покажутъ намъ слѣдующіе примѣры. Въ началѣ княженія Василія Темнаго митрополитъ Фотій ѣздилъ въ Галичъ отговаривать Юрія не искать великаго княженія и отказался благословить народъ. Послѣ освобожденія ослѣпленнаго Ва-

силія Васильевича игуменъ *кирилло-бѣлозерскаго* монастыря Трифонъ снялъ съ него клятву. Особенно замѣчательно посланіе къ Шемякѣ отъ лица высшаго духовенства съ митрополитомъ Іоною во главѣ; оно было написано послѣ того какъ Шемяка, помирившись съ Василіемъ, продолжалъ заводить крамолы. Въ этомъ посланіи духовенство прямо высказывается за единодержавіе, порицаетъ отца *шемякина* Юрія, не добившагося великаго княженія („и княженія великаго ни како же не досяглъ, что ему Богомъ не дано, ни земскою изъ начальства пошлиною"), сравниваетъ поступокъ Шемяки съ дѣломъ Каина и Святополка Окаяннаго, защищаетъ даже великаго князя отъ упрека, что держитъ на службѣ Татаръ, и въ заключеніе грозитъ Шемякѣ отлученіемъ отъ церкви Божіей и проклятіемъ.

Укрѣпившись на великокняжескомъ столѣ, Василій Васильевичъ, на опытѣ извѣдавшій невыгоды удѣльнаго строя, отнялъ у всѣхъ почти московскихъ князей ихъ волости. Кромѣ Шемяки съ братьями, потеряли свои удѣлы князья: Иванъ Андреевичъ можайскій за прежнія вины и Василій Ярославичъ серпуховскій (братъ жены *василіевой*) неизвѣстно за что. Первый бѣжалъ въ Литву и получилъ тамъ нѣсколько городовъ, второй былъ заточенъ, а сынъ его также ушелъ къ литовскому князю. Можайскъ и Серпуховъ великій князь взялъ себѣ. Не тронулъ Василій одного Михаила Андреевича верейскаго. Такъ прекратилось дробленіе московскаго княжества, а такое дробленіе было причиною слабости другихъ княжествъ. Суздальскіе князья (правнуки Димитрія Константиновича напр. Иванъ Васильевичъ Горбатый) уступили Суздаль Василію и перешли въ число служебныхъ князей. (Горбатый получилъ въ кормленіе Городецъ ср. предъид. §). Князья тверской и рязанскій въ началѣ княженія Василія заключили выгодные для себя договоры съ Витовтомъ, но когда послѣдній умеръ и Темный вышелъ съ торжествомъ

изъ борьбы съ Юрьевичами, они преклонились предъ могуществомъ Москвы. Рязанскій князь Иванъ Ѳедоровичъ *) умирая поручилъ своего малолѣтняго сына великому князю, Василій привезъ его въ Москву, а въ Рязань послалъ намѣстниковъ. Тверской князь Борисъ Александровичъ (внукъ Ивана Михайловича), какъ мы уже знаемъ, отвернулся отъ Шемяки и помогъ Василію, при чемъ помолвилъ дочь свою Марію за старшаго сына *василіева* Ивана. Позднѣе онъ заключилъ съ московскимъ княземъ договоръ, которымъ обязывался „воевать вмѣстѣ и Татаръ и Ляховъ и Литву и Нѣмцевъ.“ Понимая вредъ дробленія, Василій II Темный не рѣшился вполнѣ нарушить старый порядокъ и умирая далъ удѣлы всѣмъ пяти сыновьямъ, но старшему великому князю Ивану (III) выдѣлилъ самые большіе и лучшіе города, въ томъ числѣ Владиміръ, который уже не названъ стольнымъ а приравненъ къ другимъ городамъ.

Въ княженіе Василія II Россія принимала участіе въ „флорентійской уніи“ въ лицѣ митрополита Исидора. Онъ подписалъ соглашеніе и, когда вернулся, былъ взятъ подъ стражу и преданъ суду за самовольное подчиненіе русской церкви папѣ. Исидоръ спасся бѣгствомъ въ Римъ и получилъ тамъ кардинальскую шляпу. Исидоръ былъ послѣднимъ митрополитомъ изъ *грековъ;* соборъ русскаго духовенства избралъ въ преемники ему рязанскаго епископа Іону; Василій извѣстилъ только объ этомъ греческаго императора и новый митрополитъ не поѣхалъ въ Константинополь (съ тѣхъ поръ посвященіе русскихъ митрополитовъ константинопольскимъ патріархомъ прекратилось).

§ 131. **Новгородъ и Псковъ.** Мы знаемъ отношенія Новгорода къ великимъ князьямъ послѣ Александра Невскаго. Съ усиленіемъ Москвы, когда другіе князья преклонились

*) Сынъ Ѳеодора Ольговича.

предъ потомками Калиты, *новгородцы* по необходимости должны были принимать великокняжескихъ намѣстниковъ. Но ревниво оберегая свои вольности, *новгородцы* часто сталкивались съ притязаніями Москвы. Поводами къ столкновеніямъ были: „черный боръ," т. е. дань великому князю по договорамъ съ новгородскихъ волостей, и право княжескаго суда съ сопряженными съ этимъ пошлинами. Кромѣ того ссорили Новгородъ съ московскими князьями ушкуйники, которые по старинному, проникая далеко, грабили не только бывшую страну волжскихъ Болгаръ, но и тверскія и московскія владѣнія. Московскіе князья въ свою очередь, какъ то дѣлали прежде суздальскіе, захватывали Торжокъ, Волокъ Ламскій и задерживали купцовъ. Въ княженіе Димитрія Донскаго ушкуйники пограбили Кострому и Нижній, великій князь пошелъ войною и заставилъ *новгородцевъ* откупиться 8 тыс. рубл. (1386). Василій Димитріевичъ задумалъ отнять у Новгорода двинскую землю, въ которой новгородскіе бояре владѣли большими помѣстьями; два раза московскіе воеводы ходили въ Заволочье, но успѣха не имѣли (бояре—помѣщики двинскіе тяготились зависимостью отъ Новгорода).

Не находя противъ Москвы защиты у другихъ князей сѣверовосточныхъ, Новгородъ обращалъ взоры въ сторону Литвы. Уже во время Калиты *новгородцы* призвали сына Гедимина и дали ему въ кормленіе нѣсколько городовъ; подобные примѣры встрѣчаются и послѣ, такъ противъ Василія I они обращались къ Витовту. Но Витовтъ, подобно московскимъ князьямъ, требовалъ покорности, захватывалъ новгородскія волости и Новгородъ и отъ него долженъ былъ откупаться. Тогда то и стала зарождаться въ Новгородѣ партія литовская рядомъ съ московскою. Борьба этихъ партій проявилась на вѣчѣ, образовался особый классъ людей *вѣчниковъ*, т. е. крикуновъ за деньги („худые мужики вѣчники"). Между двухъ опасностей, отъ Москвы и Литвы,

Новгороду приходилось дорого платиться, чтобы сохранить остатки самостоятельности. Напр. когда воеводы Василія II разбили *новгородцевъ*, великій князь потребовалъ гораздо больше прежняго; кромѣ денегъ, *новгородцы* должны были отказаться отъ права давать грамоты отъ имени вѣча безъ князя и присягнуть, что не будутъ принимать враждебныхъ Москвѣ князей (1456 г.). (Разрывъ съ Новгородомъ произошелъ за укрывательство Шемяки).

Въ московскій періодъ Новгородъ и Псковъ продолжали войны съ рыцарями и Шведами. Въ княженіе Симеона шведскій король Магнусъ задумалъ обратить *новгородцевъ* въ католичество и пошелъ на нихъ крестовымъ походомъ *). Магнусъ завладѣлъ Орѣховымъ (Орѣшкомъ), *новгородцы* отняли его, но только когда они взяли Выборгъ, шведскій король согласился мириться. Во время этой войны Новгородъ призналъ полную независимость Пскова (1348 г.)—положено было въ Псковѣ не быть намѣстнику новгородскому и *псковичей* на судъ въ Новгородъ не требовать, называться ему не пригородомъ, а „младшимъ братомъ.“ Осталась только церковная зависимость, но и тутъ владыка судныя дѣла долженъ былъ поручать *псковичу*.

II. Литовско-русское княжество.

§ 132. **Гедиминъ и Ольгердъ.** Въ концѣ XIII ст. въ Литвѣ утвердилась новая княжеская династія; первыми замѣчательными представителями ея были Витень и Гедиминъ. Они положили начало возвышенію Литвы, это сейчасъ сказалось какъ

---

*) Любопытенъ отвѣтъ *новгородцевъ* на предложеніе Магнуса спорить о вѣрѣ: „аще ли хощеши увѣдати, коя вѣра лучша, наша или ваша, пошли въ Царьградъ къ патріарху, зане мы пріяли отъ Грець правовѣрную вѣру, а съ тобою ся не спираемъ про вѣру.“

въ удачныхъ войнахъ съ рыцарями, такъ и въ пріобрѣтеніи русскихъ областей. Въ составъ государства, кромѣ прежде присоединенныхъ полоцкой земли и Черной Руси, вошли при Гедиминѣ: княжество витебское и часть Волыни; эти русскія земли Гедиминъ доставилъ сыновьямъ своимъ Ольгерду и Любарту, женивъ ихъ на русскихъ княжнахъ (жена Любарта была внука Юрія I галицко-волынскаго, § 98). Такъ началось собираніе западнорусскихъ земель Литвою. Гедиминъ (1316—1341) принялъ титулъ великаго князя литовскаго и русскаго и утвердилъ свою столицу во вновь построенномъ городѣ Вильнѣ, въ окрестностяхъ котораго находилось тогда главное святилище „ромово.“ Съ присоединеніемъ русскихъ областей въ Литвѣ стало утверждаться русское вліяніе: главную силу войска княжескаго составляли Русскіе, а выдающимся лицомъ при Гедиминѣ былъ русскій человѣкъ Давидъ, староста гродненскій. Православіе также проникло въ Литву, самъ князь оставался язычникомъ, но не преслѣдовалъ христіанъ; сыновья его брали себѣ женъ между русскими княжнами и въ Вильнѣ была уже православная церковь. Являлись въ Литву и католическіе монахи, но ихъ пропаганда и старанія обратить Гедимина не увѣнчались успѣхомъ. Приглашеніе иностранцевъ, сношенія съ Ганзою и построеніе городовъ свидѣтельствуютъ, что первый литовско-русскій князь заботился о преуспѣяніи своего государства. Гедиминъ, умершій во время осады одного замка въ войнѣ съ рыцарями, оставилъ семь сыновей и надѣлилъ каждаго удѣломъ. Два изъ нихъ, Ольгердъ и Кейстутъ, связанные тѣсною дружбою, отняли у третьяго брата Явнутія Вильну и подѣлили между собою все государство— Ольгердъ съ титуломъ великаго князя взялъ Вильну и русскія области, а Кейстутъ собственно литовскія земли. Явнутій ушелъ въ Москву (при Симеонѣ Г.) и принялъ православіе; другіе братья, сохранивъ удѣлы, сдѣлались подручниками Ольгерда.

Ольгердъ (1341—1377) раздвинулъ предѣлы государства присоединеніемъ новыхъ русскихъ земель. Ослабленіе Золотой Орды послѣ Чанибека облегчило ему это дѣло. Княжества кіевское и чернигово-сѣверское пріобрѣтены были безъ большихъ усилій—Русскіе охотно мѣняли Татаръ на Литву. Послѣднимъ кіевскимъ княземъ изъ поколѣнія Владиміра Св. былъ Ѳеодоръ (неизвѣстно изъ какой линіи); Ольгердъ посадилъ въ Кіевѣ сына своего Владиміра. Въ чернигово-сѣверской землѣ продолжали сидѣть въ своихъ удѣлахъ потомки прежняго княжескаго рода подъ верховною властью великаго князя литовскаго, таковы Новосильскіе, Одоевскіе, Воротынскіе; впрочемъ нѣкоторыя области раздалъ Ольгердъ своимъ сыновьямъ или родичамъ. Бо́льшаго труда стоило Ольгерду пріобрѣтеніе Волыни и Подолья; за обладаніе первою пришлось выдержать борьбу съ Казиміромъ польскимъ, только преемникъ послѣдняго Людовикъ отказался отъ Волыни. Подолье, населенное въ древности Тиверцами и Угличами, не имѣло своей княжеской линіи и было спорною областью между южнорусскими князьями; послѣ татарскаго нашествія въ Подольѣ расположились татарскія орды, а при распаденіи кипчакскаго царства здѣсь образовался независимый улусъ. Ольгердъ не разъ пользовался услугами этихъ Татаръ въ войнѣ съ Казиміромъ, а потомъ отнялъ у нихъ все Подолье. Чрезвычайно воинственный и хитро-скрытный, какъ его изображаютъ русскіе лѣтописцы, Ольгердъ простиралъ свои виды и на другія русскія земли, такъ онъ то помогалъ смоленскому князю Ивану Александровичу противъ другихъ русскихъ князей, то опустошалъ и грабилъ смоленскую область. Посягательство на псковскія и новгородскія волости не имѣло успѣха; Псковъ, нуждаясь въ помощи противъ Нѣмцевъ, искалъ дружбы Ольгерда и посадилъ у себя сына его Андрея; но когда тотъ вздумалъ править черезъ намѣстниковъ, *псковичи* прогнали его. Новгородцы, искавшіе въ Литвѣ помощи

противъ Москвы, отступились отъ Ольгерда, когда онъ повоевалъ ихъ области. О войнѣ Ольгерда съ Димитріемъ Донскимъ изъ-за Твери мы знаемъ. Въ своихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ на сѣверовосточную Русь Ольгердъ былъ постоянно отвлекаемъ борьбою на западѣ съ орденами ливонскимъ и тевтонскимъ. Присоединеніе новыхъ русскихъ земель усилило и вліяніе русской гражданственности: оно выразилось въ употребленіи русскаго языка при дворѣ и въ грамотахъ, въ крещеніи многихъ членовъ княжеской фамиліи. Жены Ольгерда свободно исповѣдывали православіе; послѣ смерти первой жены, княжны витебской, онъ женился на тверской княжнѣ Ульянѣ (Юліаніи Александровнѣ); обѣ жены строили церкви въ Вильнѣ. Есть извѣстіе, что и самъ Ольгердъ былъ окрещенъ, сыновья же и дочери его были православными и въ родствѣ съ потомками Владиміра св.; примѣру князей слѣдовали и знатные Литовцы *). Торжество русскихъ интересовъ вызывало даже ропотъ въ собственной Литвѣ, но—глухой, быть можетъ потому, что Литва имѣла въ князѣ Кейступѣ истаго представителя своей народности. Кейступъ былъ постоянно занятъ войною съ рыцарями и Ольгердъ помогалъ ему. Рѣдкій годъ проходилъ, чтобы рыцари не дѣлали опустошительныхъ набѣговъ на литовскія владѣнія—эти набѣги считались увеселительными прогулками, которыя тевтоны устраивали для пріѣзжихъ гостей. Братья Гедиминовичи съ другими князьями отвѣчали такими же вторженіями въ орденскія владѣнія; дѣло иногда доходило до крупныхъ битвъ, но мелкая война (партизанская) преобладала.

§ 133. **Ягайло и Витовтъ.** Послѣ смерти Ольгерда сынъ его Ягайло захватилъ великое княженіе и тѣмъ вооружилъ

---

*) Вторженіе католицизма парализовалось честолюбивыми стремленіями меченосцевъ, которые старались захватить земли и въ случаѣ удачи насильственно обращали жителей въ христіанство.

противъ себя дядю Кейстута и братьевъ. Происшедшія усобицы кончились въ пользу Ягайлы: Кейстутъ обманнымъ способомъ былъ схваченъ и убитъ, а нѣкоторые братья потеряли удѣлы,—одинъ, Андрей полоцкій, ушелъ въ Псковъ и посаженъ былъ здѣсь опять на столъ, другой Димитрій Ольгердовичъ, князь трубчевскій, вступилъ въ службу Димитрія Донскаго (ср. § 128 б).

Ягайло (1377—1434) соединилъ, какъ мы знаемъ, свое государство съ Польшею. Событіе это имѣло важное значеніе для судебъ литовско-русскаго княжества. Оно порвало подготовлявшееся мирное сліяніе Литвы и западной Руси подъ преобладающимъ вліяніемъ православно-русской гражданственности. Польская королева Ядвига, уступая давленію магнатовъ и духовенства, отдала свою руку Ягайлу, при чемъ послѣдній обязался за признаніе его польскимъ королемъ перейти въ католическую вѣру *) и крестить Литву, еще въ громадномъ большинствѣ преданную язычеству. Случилось это въ 1386 г. Условія соединенія двухъ государствъ были: Литва и Польша соединяются какъ равное съ равнымъ, какъ независимое съ независимымъ; Поляки не могутъ пріобрѣтать земель въ Литвѣ и русскихъ областяхъ, а Литовцы въ Польшѣ. Въ томъ же 1386 г. послѣдовало крещеніе Литвы въ католичество: Ягайло (Владиславъ II) прибылъ въ Вильну съ ксендзами и, послѣ истребленія языческихъ святынь, началось огульное крещеніе, при чемъ для приманки новообращеннымъ раздавали подарки. Особаго сопротивленія новая вѣра въ Литвѣ не встрѣтила, исключая Жмуди, но попытка навязать латинство православнымъ въ русскихъ областяхъ вызвала отпоръ. Повинуясь внушеніямъ изъ Рима, Ягайло прибѣгъ къ насиліямъ; между прочимъ требовалось, чтобы, въ случаѣ браковъ между православными и католиками, мужъ

*) Есть извѣстіе, что Ягайло, сынъ Юліаніи тверской, былъ воспитанъ матерью въ православіи и носилъ христіанское имя Якова.

или жена православные принимали латинскую вѣру. Представителемъ протеста явился возвратившійся Андрей Ольгердовичъ, онъ захватилъ Полоцкъ и началъ войну съ братомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что, принявъ католицизмъ, Ягайло не можетъ владѣть русскими землями. Ягайло побѣдилъ и назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Литву съ титуломъ великаго князя другаго брата Скиргайла, котораго русскій лѣтописецъ очень превозноситъ какъ оставшагося вѣрнымъ православію.

Недовольны были не только въ русскихъ областяхъ, недовольство раздѣляли и Литовцы. Поляки, вопреки договорному условію, пріобрѣтали земли въ Литвѣ и послѣдняя опасалась потери самобытности; Ягайло совсѣмъ переселился въ Краковъ и подпалъ вліянію магнатовъ, которые желали включенія Литвы въ составъ польскаго государства. Общимъ недовольствомъ и воспользовался сынъ Кейстута Витовтъ. Захваченный въ плѣнъ вмѣстѣ съ отцемъ, Витовтъ бѣжалъ изъ заключенія при содѣйствіи своей жены и съ помощью нѣмецкихъ рыцарей поднялъ войну противъ двоюроднаго брата. Грабежи рыцарей—союзниковъ побудили братьевъ помириться и Витовтъ получилъ гродненское княжество; когда же Ягайло сдѣлался королемъ польскимъ, Витовтъ возобновилъ при поддержкѣ тѣхъ же *нѣмцевъ* войну. Оба магистра, и великій и ливонскій, осадили Вильну, но города не взяли и ушли; Витовтъ же съ остальными рыцарями захватилъ Гродно (которымъ прежде овладѣлъ Ягайло); при этомъ обнаружилась вражда Литовцевъ къ Полякамъ. Первые истребили послѣднихъ и сдали городъ Витовту. Война, впрочемъ, тѣмъ и кончилась; общія невыгоды отъ рыцарскихъ опустошеній и захватъ орденомъ Жмуди (которую Витовтъ обѣщалъ за помощь) заставили братьевъ опять помириться. Витовтъ получилъ великое княженіе литовско-русское; Скиргайло долженъ былъ удовольствоваться кіевскимъ столомъ съ титуломъ великаго князя русскаго (Владиміръ Ольгердовичъ, сидѣвшій въ

Кіевѣ, былъ изгнанъ Витовтомъ). Съ этихъ поръ, т. е. съ 1392 года Витовтъ жилъ въ мирѣ съ Ягайломъ.

§ 134. **Витовтъ—великій князь литовско-русскій.** Витовтъ (1392—1430) былъ только по имени вассаломъ польской короны, а на самомъ дѣлѣ вполнѣ независимымъ великимъ княземъ литовскимъ и русскимъ. Замѣчательна и внѣшняя и внутренняя политика этого князя. Продолжая наступательныя дѣйствія своихъ предшественниковъ на русскія земли, онъ завладѣлъ Смоленскомъ и, какъ уже извѣстно, послѣ войны съ Олегомъ рязанскимъ, у котораго искалъ помощи Юрій смоленскій*), присоединилъ къ Литвѣ отчину Ростиславичей (1402). Посягалъ Витовтъ и на вѣчевые города сѣверной Руси, но и Псковъ, искавшій у него помощи противъ ливонцевъ, и Новгородъ—противъ Москвы, скоро отшатнулись, замѣтивъ честолюбивые замыслы (см. §§ 129 и 131); къ тому же они не могли искренно къ нему тянуть какъ къ католику (Витовтъ принялъ латинство вмѣстѣ съ Ягайломъ). Грозенъ, какъ его представляютъ русскіе лѣтописцы, былъ Витовтъ Татарамъ и Нѣмцамъ. Онъ далеко отодвинулъ татарскія кочевья, правда попытка возвратить Тохтамышу, который отъ Тамерлана бѣжалъ въ Литву, золотоордынскій улусъ кончилась пораженіемъ Витовта Эдигеемъ на Ворсклѣ (1399). За то война съ тевтонами, которые не хотѣли возвращать Жмуди, завершилась погромомъ, отъ котораго орденъ не могъ уже оправиться. Въ союзѣ съ Ягайломъ и другими князьями Витовтъ нанесъ рыцарямъ страшное пораженіе въ 1410 г. (битва подъ Танненбергомъ или, какъ у насъ принято ее называть, битва *гринвальдская*, см. § 117). Самъ магистръ палъ и честь побѣды принадлежала русскимъ полкамъ, особенно смоленскому (другіе русскіе полки: кіевскій, полоцкій, витебскій). Жмудь была возвращена, но и

*) Внукъ вышеупомянутаго въ § 132 Ивана Александровича ср. § 129.

Витовту, подобно рыцарямъ, приходилось силою понуждать жителей къ христіанству.

Правительственная дѣятельность Витовта характеризуется стремленіемъ обезпечить литовско-русскому княжеству самобытность, на которую посягала польская аристократія. Такое посягательство выразилось особенно на созванномъ общемъ сеймѣ изъ обѣихъ частей соединенной короны въ Городлѣ, (на Зап. Бугѣ) въ 1413 г. Поляки настаивали, чтобы въ будущемъ происходили общіе сеймы и совмѣстное избраніе одного государя; литовскіе вельможи протестовали; чтобы привлечь послѣднихъ на свою сторону, сеймъ предоставилъ литовскимъ дворянамъ права польской шляхты, но только католикамъ; православные были лишены этого права и тѣмъ положена была рознь между литовцами католиками съ одной стороны и православными какъ въ Литвѣ, такъ и въ русскихъ областяхъ съ другой. Какъ противовѣсъ польскимъ домогательствамъ, Витовтъ задумалъ провозгласить себя литовско-русскимъ королемъ и вошелъ объ этомъ въ переговоры съ императоромъ Сигизмундомъ. Желая заручиться помощью литовскаго князя противъ гусситовъ, Сигизмундъ согласился и склонилъ даже къ согласію и Ягайла, но дѣлу помѣшали происки польскихъ вельможъ и папы, которому Поляки представляли, что католицизму грозитъ опасность въ случаѣ самобытности Литвы. Витовтъ въ ожиданіи королевской короны, отправленной Сигизмундомъ, пригласилъ на торжество между прочимъ московскаго князя, своего внука; но послы съ короною были задержаны Поляками, а Витовтъ между тѣмъ скончался. Съ тою же цѣлью—доставить своему государству полную независимость, Витовтъ хотѣлъ освободить западнорусскую церковь отъ подчиненія въ іерархическомъ отношеніи общерусскому митрополиту въ Москвѣ. Встрѣтивъ отпоръ со стороны константинопольскаго патріарха на учрежденіе особой митрополіи, онъ поручилъ собору западнорусскихъ еписко-

повъ избрать митрополита. Выборъ палъ на *болгарина* Григорія Цамблака (1415 г.). Такимъ образомъ Кіевъ, въ которомъ поселился Григорій, опять сдѣлался митрополіею.

§ 135. **Судьба литовско-русскаго княжества послѣ Витовта.** По смерти Витовта литовскіе и русскіе вельможи провозгласили княземъ Свидригайла Ольгердовича. Поборникъ русско-православныхъ интересовъ и самобытности литовскаго государства, Свидригайло не нравился Полякамъ; они хотѣли отнять у княжества Подолье и потому польскіе паны противопоставили Свидригайлу Сигизмунда Кейстутовича, князя стародубскаго. Въ прошедшей междоусобной войнѣ одолѣлъ Сигизмундъ, но за податливость Польшѣ онъ поплатился жизнью—его убили русскіе князья два брата Чарторыйскіе. Русскіе вельможи теперь раздѣлились и выставили нѣсколько кандидатовъ; царствовавшій уже тогда въ Польшѣ Владиславъ III (*варненскій*) назначилъ по совѣту магнатовъ своего брата Казиміра литовскимъ намѣстникомъ. Литовцы и Русскіе требовали, чтобъ Казиміръ провозгласилъ себя великимъ княземъ и раздоръ изъ-за положенія Казиміра въ Литвѣ разрѣшился тѣмъ, что Поляки избрали его послѣ Владислава III въ короли. Казиміръ цѣлые два года медлилъ принять польскую корону, наконецъ согласился, но предварительно обязался предъ Литовцами, что ихъ государство будетъ независимымъ и что онъ не отдастъ Польшѣ Подолья и Волыни. Соединивъ такимъ образомъ оба государства въ своемъ лицѣ, Казиміръ (IV) очутился между двухъ огней: съ одной стороны Литовцы требовали самобытности своего княжества, съ другой Поляки притязали на включеніе наслѣдственнаго государства Ягеллоновъ въ составъ Польши.

Смуты въ литовскомъ княжествѣ и одновременныя усобицы въ московскомъ въ княженіе Василія Темнаго не позволяли обоимъ государствамъ вмѣшиваться въ дѣла другъ друга; но если войны между ними и не было при Темномъ,

то были натянутыя отношенія, вслѣдствіе принятія на кормленіе князей-бѣглецовъ. Такъ Василій II далъ у себя убѣжище сыну Сигизмунда, Михаилу, а Казиміръ принялъ сына Шемяки и Ивана Можайскаго—первому далъ Рыльскъ и Новгородъ Сѣверскій, а второму Стародубъ и Гомель.

III. Внутреннее состояніе сѣверовосточной Руси отъ нашествія татарскаго до смерти Василія Темнаго.

§ 136. **Общее обозрѣніе.** Главнымъ событіемъ означеннаго промежутка времени было отдѣленіе югозападной Россіи отъ сѣверовосточной; первая соединила свою судьбу сначала съ Литвою, а потомъ съ Польшею; вторая собственными средствами собиралась въ одно государственное тѣло. Ядромъ этого государства сдѣлалась суздальская земля, которая распалась на множество удѣловъ послѣ Всеволода III. Усобицы, отсюда вытекавшія, носятъ иной характеръ, чѣмъ усобицы предшествовавшаго періода: каждый князь стремится усилиться на счетъ другихъ и при этомъ къ своей волости старается прихватить стольный Владиміръ и вѣчевой Новгородъ. Въ этой борьбѣ сначала выдвинулись князья тверскіе, но за тѣмъ перевѣсъ склонился на сторону князей московскихъ. Послѣдніе и сдѣлались собирателями сѣверовосточной Россіи и какъ они достигли этого мы знаемъ. За исключеніемъ княжества тверскаго, всѣ удѣлы, принадлежавшіе разнымъ линіямъ Всеволода III или Ярослава Всеволодовича, сосредоточились въ рукахъ потомковъ Калиты: одни достались имъ какъ выморочные, другіе были отняты или уступлены князьями, которые сами поступили въ число служебныхъ князей. Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланы были пріобрѣтенія на счетъ Рязани, Смоленска и Великаго Новгорода, а также раздробив-

шагося черниго-сѣверскаго княжества. Данилъ московскій владѣлъ всего однимъ городомъ и нѣсколькими селами, а государство Василія Темнаго обнимало, кромѣ московской, цѣликомъ или частью нынѣшнія губерніи: калужскую, тульскую, владимірскую, нижегородскую, вятскую, костромскую, вологодскую, ярославскую и тверскую. Въ этомъ слагающемся московскомъ государствѣ продолжаетъ еще жить прежняя удѣльная система, но старый порядокъ удѣльный борется съ новымъ государственнымъ и постепенно ему уступаетъ. А новый порядокъ выражается въ престолонаслѣдіи по праву первородства, въ измѣнившихся отношеніяхъ князей удѣльныхъ къ великому, въ надѣленіи послѣдняго отцомъ бо́льшею волостью. Дошедшіе до насъ многіе договоры московскаго князя съ удѣльными свидѣтельствуютъ о наступившихъ перемѣнахъ; такими договорами (грамотами) опредѣляются обязательства удѣльныхъ въ случаѣ войны или платежа дани Татарамъ, опредѣляется порядокъ суда между боярами двухъ князей или суда между княземъ и бояриномъ другаго князя и пр. При этомъ выраженіе въ родѣ „держать старшаго честно и грозно“ или признаніе дядею племянника старшимъ братомъ, въ смыслѣ великаго князя, показываютъ, что съ прежними названіями кровнаго родства связываются другія понятія. Изъ договоровъ князей тверскихъ и рязанскихъ съ московскимъ мы узнаемъ, что они, продолжая называться великими, также преклонились предъ государственнымъ авторитетомъ потомковъ Калиты и стали въ подчиненныя, подручныя отношенія. Какъ признакъ измѣнившихся отношеній могутъ служить новыя слова для обозначенія великаго князя: „господарь“, „государь“ вмѣсто прежде употреблявшагося „господинъ“. Отмѣтимъ, какъ любопытную черту, высокое значеніе матери—княгини; въ завѣщаніяхъ отецъ приказываетъ сыновьямъ во всемъ слушаться матери, надѣляетъ вдову собственными волостями и предоставляетъ ей распорядиться

удѣломъ сына, который умретъ безъ потомства, т. е. право подѣлить выморочный удѣлъ между другими сыновьями.

Татарское иго не имѣло прямаго вліянія на установленіе государственнаго порядка. Довольствуясь покорностью, Татары не вмѣшивались во внутренніе наши распорядки. Покорность выражалась въ выходѣ или дани и нѣкоторыхъ другихъ повинностяхъ, напр. ямской, т. е. поставкѣ подводъ для ханскихъ чиновниковъ, въ подаркахъ отвозимыхъ или посылаемыхъ хану, ханшѣ и др., наконецъ въ томъ, что при посаженіи на столъ, т. е. вокняженіи, присутствовалъ баскакъ. Въ началѣ ига баскаки, а также численники и сборщики дани, жили по главнымъ городамъ, но со временъ Ивана Даниловича, когда великіе князья сами стали доставлять выходъ въ Орду, пребываніе татарскихъ чиновниковъ постепенно выходитъ изъ обычая. Количество дани не было опредѣлено, это зависѣло отъ значенія великаго князя въ Ордѣ и мы знаемъ, какъ князь иногда умаливалъ дань, а слѣдовательно отъ него зависѣло оказать льготу удѣльнымъ.

§ 137. **Князь и дружина.** Образъ жизни русскихъ князей мало измѣнился противу прежняго и отличался тою же простотою. Понятно, что болѣе сложное хозяйство князей московскихъ (при чемъ хозяйство государственное не отдѣлялось отъ частнаго) потребовало увеличенія штата людей, отсюда новые придворные чины, каковы: *дворскій, казначей, ключникъ.* Областные правители назывались *намѣстники* или *волостели;* они за службу получали „кормленіе“, т. е. извѣстную часть доходовъ съ пошлинъ торговыхъ, судныхъ и пр. Обычай давать князю два имени выходитъ изъ употребленія, рѣже упоминаются шумные пиры, хотя князья не прочь повеселиться въ торжественныхъ случаяхъ. Княжескіе доходы прежніе, но являются и новые источники— отъ торговли предметами охоты *(княжіи бобровники)* и солью. Дань, шедшая въ Орду, и подати вообще взимались

за круговою порукою съ *сохи*—земледѣльческой единицы и съ промысловъ, приравнивавшихся по доходности къ сохѣ.

Дружина, сохраняя прежній военный характеръ, сдѣлалась землевладѣльческимъ классомъ: самое слово дружина постепенно выходитъ изъ употребленія и замѣняется названіемъ „служилые люди“. По прежнему служилые люди сохраняютъ право отъѣзда отъ одного князя къ другому, при чемъ не теряютъ своихъ владѣній, въ договорахъ напр. прямо сказано: „боярамъ и слугамъ нашимъ вольнымъ воля“. Высшую ступень служилыхъ людей составляли бояре—бывшіе старшіе дружинники; къ нимъ примкнули служилые князья, какъ потомки удѣльныхъ суздальскихъ, такъ и перешедшіе изъ литовско-русскаго княжества, а также выходцы изъ другихъ странъ. За службу служилые люди получали кормленіе въ качествѣ волостелей и пр. и помѣстья, т. е. земли въ пользованіе въ придачу къ вотчинамъ—наслѣдственнымъ имѣніямъ. И вотчины и помѣстья боярскія не были вполнѣ свободны отъ государственныхъ повинностей, но иные бояре получали привилегіи, освобождавшія ихъ отъ княжескихъ сборщиковъ дани и суда намѣстниковъ, исключая суда уголовнаго, который всегда оставался прерогативою княжеской власти. На подобныя льготы выдавались *жалованныя грамоты*. Между боярами являются разные разряды, обозначавшіе придворную должность или чинъ, напр. *путный бояринъ*, *бояринъ конюшій*, *окольничій*. Изъ должностныхъ лицъ особенно выдвигается *тысяцкій*, сановникъ и военный и гражданскій. Значеніе его мы видѣли на Вельяминовѣ, родъ котораго занималъ должность эту наслѣдственно. Потомки младшихъ дружинниковъ составили низшіе разряды служилыхъ людей, общее ихъ названіе *дворяне* въ смыслѣ придворныхъ; упоминаются *боярскіе дѣти* —это люди, выдвинувшіеся изъ младшей дружины, но не достигшіе еще боярства.

§ 138. **Городское и сельское населеніе. Матеріальное и нравственное состояніе общества.** Въ городскомъ и сельскомъ быту населенія отмѣтимъ слѣдующія перемѣны: въ городахъ жители перестаютъ сходиться на вѣче; если таковыя и встрѣчаются, то это были сходки безпорядочныя безъ всякаго государственнаго значенія. Сельскіе жители, хотя и сохраняютъ право перехода, но въ интересахъ государственныхъ и хозяйственныхъ свобода передвиженія ограничена опредѣленнымъ срокомъ, именно около осенняго *юрьева* дня по окончаніи полевыхъ работъ. Встрѣчается и полное запрещеніе перехода въ видѣ льготы землевладѣльцамъ, напр. грамота, пожалованная Василіемъ Темнымъ троицкому монастырю, запрещала крестьянамъ выходъ изъ одного села, принадлежавшаго обители. Сельскія общины, не принадлежавшія служилымъ людямъ или духовенству или не составлявшія княжеской собственности, назывались *черными сотнями* или *черносошными* — это земельныя пустопорожнія мѣста, на которыя князья привлекали жителей, давая имъ разныя льготы; они тянули данью *(тягломъ)* какъ и всѣ крестьяне отъ сохи. Изъ новыхъ разрядовъ населенія упоминаются *закладни* и *казаки*. Первыми назывались люди, добровольно лишившіе себя свободы тѣмъ, что закладывались за другихъ, чтобъ избавиться отъ повинностей. Казаками назывались засельники степей, то были люди бездомовные, не находившіе работы, или люди, не терпимые въ обществѣ, наконецъ бѣглые холопы. Оставаясь православными и признавая власть правительства, насколько то имъ было выгодно, эти казацкія поселенія въ степяхъ и въ пограничныхъ съ степью земляхъ служили оплотомъ противъ Татаръ. Упоминаемые въ первый разъ рязанскіе казаки около половины XV ст. явились на помощь русскимъ князьямъ противъ одного татарскаго царевича, вооруженные *сулицами*, *рогатинами* и *саблями*.

Домашній бытъ народа почти не измѣнился сравнительно съ предъидущимъ временемъ—та же простота въ жилищахъ и одеждѣ. Княжескія усобицы и насилія, чинимыя Татарами, дѣлали жизнь и имущество русскаго человѣка не обезпеченными—отсюда застой въ промыслахъ и торговлѣ; впрочемъ, нѣкоторые города, Новгородъ, Нижній, продолжали сношенія съ западомъ и востокомъ. Каменныя постройки рѣдки, исключенія составляютъ церкви, напр. въ Москвѣ *успенскій соборъ*, построенный Калитою. Лучшіе мастера иноземцы, но упоминаются и свои, напр. Андрей Рублевъ иконописецъ въ XV в. Названныя причины вредно вліяли и на нравы: русскій человѣкъ искалъ отъ житейскихъ невзгодъ отдыха въ грубыхъ развлеченіяхъ—отсюда пороки и преступленія. Женщина изъ зажиточнаго класса въ виду этой грубости нравовъ ушла въ теремъ или запрятана была туда мужемъ отъ татарскаго похищенія. Единственное убѣжище отъ мірской суеты и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе вѣрную охрану имущества представляли монастыри, и мы видимъ, что сюда уходитъ и человѣкъ, жаждущій знанія, и тотъ, кто желаетъ приберечь плоды своихъ трудовъ. Огрубѣніе нравовъ а также татарское вліяніе отразились и на законодательствѣ; входятъ въ употребленіе прежде не существовавшія тѣлесныя наказанія, напр. *правежъ*—неисправнаго должника били по пятамъ.

§ 139. **Церковь и монастыри.** Мы знаемъ, какое важное участіе принимала русская церковь, въ ея высшихъ представителяхъ, въ ходѣ возвышенія московскаго государства. Но при всемъ своемъ значеніи наша іерархія была далека отъ честолюбивыхъ замысловъ латинскаго духовенства; русскіе митрополиты не только не посягаютъ на свѣтскую власть, напротивъ они тѣсно солидарны съ великокняжескою политикою; этотъ союзъ выражается и въ желаніи митрополита жить тамъ, гдѣ сидитъ сильнѣйшій князь; этимъ объясняется и перенесеніе митрополіи во Владиміръ, потомъ въ Москву.

Всѣ почти митрополиты, начиная съ Кирилла II, часто разъѣзжавшаго по Руси и мирившаго князей, были личности замѣчательныя и принимали участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Вотъ имена ихъ: Кириллъ II, Максимъ, св. Петръ, Ѳеогностъ, св. Алексѣй, Кипріанъ, Фотій, Исидоръ, Іона. Максимъ, переселившійся во Владиміръ, первый добылъ льготный ярлыкъ въ Ордѣ; Петръ отправился туда при воцареніи Узбека и возвратился съ ярлыкомъ, по которому духовенство и лица, живущія на церковныхъ земляхъ, освобождались отъ дани. Какимъ значеніемъ пользовался въ Сараѣ Алексѣй, мы знаемъ—разъ онъ ѣздилъ туда лечить ханшу, а въ другой разъ отвращать бѣду отъ Россіи. Алексѣй былъ сынъ выѣхавшаго изъ Чернигова въ Москву боярина Ѳеодора Плещеева, двадцати лѣтъ отъ роду постригся въ монахи и занималъ сначала епископію владимірскую. Считаясь всероссійскими, митрополиты управляли русскою церковью и въ областяхъ, отошедшихъ къ Литвѣ, и часто посѣщали западнорусскія епархіи. Князья литовскіе желали доставить западнорусской церкви самостоятельное управленіе; уже Ольгердъ хлопоталъ объ этомъ и отчасти успѣлъ. Но поставленный для западной Россіи патріархомъ константинопольскимъ митрополитъ Кипріанъ, послѣ смерти св. Алексѣя, сдѣлался митрополитомъ московскимъ. При Витовтѣ, какъ мы знаемъ, митрополія раздѣлилась, но когда Григорій Цамблакъ умеръ послѣ возвращенія изъ Констанца, куда онъ ѣздилъ на соборъ, преемникъ Кипріана Фотій московскій управлялъ и западнорусскою церковью. Раздѣленіе митрополіи временное сдѣлалось окончательнымъ послѣ флорентійскаго собора. Казиміръ IV, сначала изъ политическихъ видовъ подчинившій западнорусскую церковь Іонѣ московскому, потомъ уступилъ внушеніямъ изъ Рима и около 1460 г. призналъ для своихъ владѣній особаго митрополита въ лицѣ Григорія, ученика Исидора. И московскій князь и Іона протестовали.

Права и власть митрополита оставались прежнія. Онъ имѣлъ своихъ бояръ и слугъ, которые ходили на войну съ особымъ воеводою, но подъ великокняжескимъ знаменемъ. Для управленія своими селами и для суда церковнаго митрополитъ назначалъ изъ своихъ слугъ *волостелей* и *десятинниковъ*. Епископы назначались митрополитомъ съ согласія князей, всѣхъ епархій въ XV ст. было 18, въ томъ числѣ сарайская для православныхъ въ Ордѣ. Пастырская дѣятельность русскихъ іерарховъ выражалась въ поученіяхъ, посланіяхъ къ князьямъ и народу, въ составленіи „правилъ“; послѣднія обнародовались митрополитомъ или лично, или отъ имени собора. Особенно замѣчательны „правила Кирилла II“, одобренныя соборомъ во Владимірѣ въ 1274 г. и касавшіяся церковныхъ уставовъ. Въ своихъ поученіяхъ и посланіяхъ митрополиты Петръ, Алексѣй и др., а также Кириллъ бѣлозерскій, давали совѣты пастырямъ и паствѣ, говорили о церковномъ благочиніи и нравственности, опровергали заблужденія. Для насъ они важны, какъ картины нравовъ того времени.

Въ XIV в. русская церковь вела борьбу съ ересью „стригольниковъ“, появившеюся на сѣверѣ въ Новгородѣ и Псковѣ. Основателемъ ея считаютъ Карпа, растриженнаго монаха по однимъ, по другимъ мірянина. Еретики учили, что не нужно священниковъ, поучать вѣрѣ могутъ и міряне, что не слѣдуетъ отпѣвать и поминать умершихъ и пр. Не смотря на то, что Карпъ и два его послѣдователя были сброшены съ волховскаго моста и что ученіе стригольниковъ обличали и греческіе патріархи и русскіе митрополиты (напр. посланіе Фотія къ *псковичамъ*), ересь прекратилась только около половины XV столѣтія. Продолжалась и миссіонерская дѣятельность среди язычниковъ. Особенно замѣчателенъ Стефанъ Пермскій, „апостолъ Зырянъ“, сынъ устюжскаго причетника и постриженникъ ростовскаго монастыря. Онъ

подготовился къ своему подвигу изобрѣтеніемъ азбуки и переводомъ книгъ на зырянскій языкъ (2-я полов. XIV ст.). Не смотря на противодѣйствіе волхвовъ, Стефанъ крестилъ многихъ, построилъ церковь, училъ грамотѣ и продолжалъ свою полезную дѣятельность до самой смерти въ качествѣ пермскаго епископа.

Число монастырей увеличилось въ эпоху татарскую; ихъ основывали князья и отшельники. Монастыри раздѣлялись на общежительные и необщежительные, въ послѣднихъ монахи собирались вмѣстѣ только на церковную службу. Относительно суда и назначенія игуменовъ монастыри зависѣли отъ князя или были епископскіе, митрополичьи, даже патріаршіе. Щедро надѣляемыя землями, нѣкоторыя обители получали отъ князей жалованныя грамоты на свободу отъ податей, на право собственнаго суда, за исключеніемъ тятьбы съ поличнымъ, душегубства и разбоя. Изъ монастырей, возникшихъ въ татарскую эпоху, самые замѣчательные *троицко-сергіевъ* и *кирилловъ бѣлозерскій*. Первый былъ основанъ св. Сергіемъ (въ міру Варѳоломей), сыномъ ростовскаго боярина, переселившагося въ городъ Радонежъ. Лишившись родителей, Сергій постригся, удалился въ сосѣдній лѣсъ и долго прожилъ одинъ, пока къ нему, какъ нѣкогда къ Антонію печерскому, не стала приходить братія; такъ возникъ монастырь во имя Св. Троицы. Подобно Антонію, Сергій самъ строилъ келліи и исполнялъ всѣ тяжелыя работы, носилъ дрова, шилъ и варилъ на братію. Въ началѣ до того бѣдный, что Сергій, посвященный въ игумены, служилъ обѣдню въ холщевыхъ ризахъ („таковы ризы худы скропаны"), троицко-сергіевъ монастырь впослѣдствіи сдѣлался очень богатымъ отъ благочестивыхъ приношеній. Св. Сергій, отклонившій предложеніе св. Алексѣя замѣнить его на митрополіи, умеръ въ 1391 г. Троицкая обитель сдѣлалась разсадникомъ многихъ монастырей и для сѣверной Россіи имѣла то же религіозное значе-

ніе, какъ для южной печерскій монастырь. Основателемъ кирилло-бѣлозерскаго монастыря былъ Кириллъ, постриженникъ, а потомъ архимандритъ *симонова* монастыря. Оставивъ монастырь, онъ ушелъ на Бѣлоозеро въ пустыню и сначала жилъ здѣсь въ подземной келліи. Кириллъ извѣстенъ своими посланіями къ князьямъ и между прочимъ къ великому князю Василію Димитріевичу. Сохранились книги, писанныя самимъ Кирилломъ; въ одной изъ нихъ находится объясненіе грома, падающихъ звѣздъ и пр., заимствованное у древнихъ писателей. Основанные въ пустынныхъ мѣстахъ названные монастыри расчищали дебри и пр., а также были странноприимными домами и богадѣльнями.

§ 140. **Литература.** Матеріальное и нравственное состояніе общества не могло благопріятствовать успѣхамъ просвѣщенія: образованность и грамотность пали въ сравненіе съ предшествовавшимъ временемъ. Самымъ образованнымъ сословіемъ было духовенство и преимущественно высшее. Кромѣ поученій и пр., нѣкоторые пастыри выдвинулись въ качествѣ проповѣдниковъ, таковъ Серапіонъ, епископъ владимірскій, прежде архимандритъ кіевопечерской лавры. Онъ призывалъ къ покаянію въ годину татарскаго бѣдствія и вооружался противъ суевѣрій, напр. онъ обличалъ тѣхъ, которые приписывали волхвамъ способность чарами производить разныя бѣдствія (XIII в.). Изъ другихъ произведеній духовной литературы до насъ дошли житія святыхъ, расказы о посѣщеніи св. мѣстъ; сохранилось и описаніе флорентійскаго собора, составленное однимъ изъ спутниковъ Исидора. Продолжались и переводы съ греческаго. Изъ памятниковъ свѣтской литературы замѣчательны лѣтописи, пѣсни и сказанія или повѣсти. Лѣтописная дѣятельность существовала по прежнему въ разныхъ мѣстахъ. Народныя пѣсни звучали грустью въ переживаемое тяжелое время. Сказанія или повѣсти отличались риторическими украшеніями, таковы: сказаніе о нашествіи

Батыя съ расказами о подвигѣ Коловрата, смерти Евпраксіи и пр., многія сказанія объ Александрѣ Невскомъ, о *мамаевомъ* побоищѣ, о нашествіи Тамерлана. Наиболѣе виднымъ произведеніемъ считается „о житіи и преставленіи великаго князя Димитрія Ивановича, царя русскаго“—это панегирикъ нравственнымъ качествамъ Донскаго. Какъ любопытный памятникъ отмѣтимъ „хожденіе“ въ Индію Аѳанасія Никитина; описаніе торговыхъ путей, нравовъ, обычаевъ, и пр. показываетъ наблюдательность русскаго человѣка—качество отличающее и другихъ составителей хожденій на Аѳонъ, въ Палестину.

Г. ТОРЖЕСТВО МОНАРХІИ НАДЪ ФЕОДАЛИЗМОМЪ НА ИСХОДѢ „СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ“.

§ 141. **Франція при Карлѣ VII и Людовикѣ XI. Карлъ Смѣлый бургундскій.** Царствованіе Карла VII (до 1361), кромѣ освобожденія страны отъ иноземнаго владычества, замѣчательно еще какъ новый моментъ въ исторіи возвышенія королевской власти во Франціи. Съ согласія государственныхъ чиновъ король положилъ начало постоянному войску. Изъ лучшихъ людей, составлявшихъ наемные отряды, сформированы были 15 „ордонансъ-компаній“ по 600 человѣкъ каждая—это конница *(жандармы* gensdarmes); къ нимъ присоединена пѣхота, для которой каждый приходъ доставлялъ по одному человѣку; освобожденный отъ податей, онъ обучался военному дѣлу и умѣнью обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ—это *стрѣлки* (francs archers). Огнестрѣльное оружіе, хотя и примѣнялось къ дѣлу съ начала столѣтней войны *), только теперь, благодаря усовершенствованіямъ,

*) Уже въ битвѣ при Креси у Англичанъ были пушки, по вслѣдствіе плохаго устройства онѣ причиняли мало вреда непріятелю.

получило важное значеніе. Постоянное войско съ пушками, ружьями и пр. состояло на королевскомъ жалованьи и сдѣлалось главною опорою престола; съ его помощью король могъ легко и быстро справиться съ строптивыми вассалами или горожанами. Для содержанія постояннаго войска установлены были новые налоги, взиманіе которыхъ во всей странѣ предоставлено королю государственными чинами разъ навсегда. Параллельно съ этимъ усиленіемъ королевской власти идетъ и паденіе вліянія римской куріи. Французское высшее духовенство приняло на созванномъ синодѣ разныя ограниченія папской власти, какъ они выработаны были въ Базелѣ; изданная Карломъ VII *прагматическая санкція* узаконила ихъ, что́ и поставило „галликанскую церковь“ въ бо́льшую независимость отъ Рима.

Феодалы, недовольные паденіемъ своего значенія, не разъ поднимали возстаніе противъ Карла VII и находили поддержку у дофина Людовика. Но этотъ самый Людовикъ XI (1461—1483), ставши по смерти отца королемъ, доставилъ рѣшительное торжество монархіи надъ феодализмомъ. Во Франціи были еще сильные коронные вассалы, каковы герцоги: орлеанскій, анжуйскій, бретанскій и особенно бургундскій. Называя себя „божіею милостью“, они не хотѣли признавать ни королевскаго права на подати, ни суда королевскаго парламента въ своихъ владѣніяхъ. Эти феодалы-державцы составили союзъ подъ именемъ „общественнаго блага“, такъ названнаго подъ предлогомъ освобожденія народа отъ тяжелыхъ податей. Въ происшедшей войнѣ Людовикъ XI потерпѣлъ пораженіе и долженъ былъ уступить вассаламъ и права и земли, но скоро онъ съумѣлъ разстроить союзъ и даже вовлечь нѣкоторыхъ вельможъ въ свои интересы. Пользуясь ихъ разъединеніемъ и особенно обширными затѣями Карла Смѣлаго, герцога бургундскаго, Людовикъ отнялъ у многихъ феодаловъ ихъ владѣнія и присоединилъ къ коронѣ;

такимъ образомъ въ концѣ его царствованія въ составъ государства вошли: Бургундія, Провансъ, Гіеннь и Франція приблизилась къ своимъ естественнымъ границамъ, округлилась; недоставало Бретани и на югѣ Наварры. И достигъ Людовикъ XI этого не побѣдами, а умною, но вмѣстѣ хитрою и коварною политикою и ловкою дипломатіею; потлѣдняя не пренебрегала шпіонами или подстрекательствомъ къ возстанію во владѣніяхъ враговъ. Сокрушивъ вассаловъ, Людовикъ, не созывая государственные чины, самъ налагалъ новыя или возвышалъ прежнія подати и расширилъ право суда королевскаго учрежденіемъ новыхъ парламентовъ; въ отдѣльныхъ областяхъ, особенно въ новоприсоединенныхъ, король допускалъ собранія провинціальныхъ чиновъ, которые не вмѣшивались въ государственныя дѣла. Военную организацію онъ подвинулъ и при этомъ нанималъ въ свою службу Швейцарцевъ, у которыхъ въ то время развилась страсть служить за деньги наемниками. Не довѣряя вельможамъ, король приблизилъ къ себѣ людей изъ низшаго класса и съ годами сталъ до того подозрителенъ, что жилъ безвыѣздно въ укрѣпленномъ замкѣ Плесси ле Туръ (на Лоарѣ), окруженный стражею, мѣняя прислугу и внимая стонамъ заключенныхъ, которыхъ онъ запиралъ въ узкія желѣзныя клѣтки. Въ его царствованіе положено было начало государственной почтѣ. Сынъ Людовика XI Карлъ VIII женитьбою присоединилъ къ коронѣ Бретань.

Самымъ опаснымъ соперникомъ Людовика XI былъ Карлъ Смѣлый, герцогъ бургундскій, и французскій король сокрушилъ его чужими руками. Основателемъ такъ называемаго „новобургундскаго государства“ былъ сынъ Іоанна Добраго Филиппъ (§ 107). Этотъ Филиппъ, прозванный Смѣлымъ, присоединилъ къ герцогству бургундскому по брачному союзу Франшконте (графство бургундское) а также наслѣдовалъ фландрскія земли съ Антверпеномъ, Мехельномъ

и другими богатыми городами. Его сынъ и внукъ Іоаннъ Безстрашный и Филиппъ Добрый куплею, оружіемъ и по наслѣдству пріобрѣли многія нидерландскія области, принадлежавшія духовнымъ и свѣтскимъ господамъ, номинально считавшимся вассалами нѣмецкаго императора. Такимъ образомъ почти всѣ Нидерланды (Голландія и Бельгія) очутились въ рукахъ герцоговъ бургундскихъ. Владѣя такимъ обширнымъ государствомъ, Филиппъ Добрый, учредитель ордена *золотаго руна*, былъ могущественный государь, отъ воли котораго зависѣла судьба его сюзерена Карла VII. Дворъ его отличался пышностью, образованіемъ и привлекалъ рыцарскими и поэтическими состязаніями. Сынъ Филиппа Д. Карлъ Смѣлый погубилъ себя и свое государство безмѣрнымъ честолюбіемъ, которое увлекало его постоянно къ новымъ предпріятіямъ. Ему хотѣлось округлить свои владѣнія присоединеніемъ Лотарингіи, Эльзаса и создать „австразійское“ государство съ королевскимъ титуломъ. Это вовлекло его въ войны съ сосѣдями, съ Швейцарцами, а также съ Австріею. Людовикъ XI какъ нельзя лучше воспользовался затѣями Карла. Сначала разбитый въ открытомъ полѣ *), Людовикъ усвоилъ по отношенію къ герцогу бургундскому иную политику; заключивъ миръ, онъ сталъ изъ подъ руки натравлять на Карла сосѣдей, между прочимъ онъ съумѣлъ примирить для общей борьбы противъ *бургундца* давнишнихъ враговъ: австрійскаго герцога и Швейцарцевъ. Сначала Карлу Смѣлому удалось отнять у лотарингскаго герцога его владѣнія съ столицею Нанси (которую онъ думалъ сдѣлать средоточіемъ своего государства); онъ захватилъ также Эльзасъ, принадлежавшій австрійскимъ Габсбургамъ, и думалъ уже завладѣть городами прирейнскими, какъ встрѣ-

*) Карлъ не довольствовался побѣдою, но унизилъ своего соперника, заставилъ его въ своемъ лагерѣ присутствовать при наказаніи *литтихцевъ*, которыхъ французскій король возбудилъ къ возстанію.

тилъ отпоръ со стороны Швейцарцевъ, которыхъ Людовикъ возбуждалъ чрезъ торжественныя посольства. Въ двухъ битвахъ, быстро слѣдовавшихъ одна за другою (при Грансонѣ и Муртенѣ, 1476), Карлъ потерпѣлъ сильныя пораженія, а Швейцарцы завладѣли огромною добычею, еще разъ доказавъ превосходство легкой инфантеріи надъ тяжеловѣсною конницею. Видя разрушеніе своихъ плановъ, Карлъ (въ слѣдующемъ году) пошелъ съ большимъ войскомъ противъ Швейцарцевъ; но соединенныя силы послѣднихъ и *лотарингцевъ* снова его разбили при Нанси и самъ герцогъ погибъ спасаясь бѣгствомъ. Людовикъ XI теперь выступилъ съ своими притязаніями и захватилъ бургундское герцогство; онъ посягалъ и на другія владѣнія Карла, но дочь послѣдняго Марія поспѣшила выйти замужъ за Максимиліана (австрійскаго, впослѣдствіи императора) и тѣмъ сохранила для своего потомства Нидерланды и Франшконте.

§ 142. **Война розъ въ Англіи и Генрихъ VII.** Исходъ столѣтней войны оскорбилъ національное чувство Англичанъ. Подозрѣвая въ сочувствіи къ Франціи королевскую чету (король Генрихъ VI, сынъ французской принцессы, былъ женатъ также на французской принцессѣ Маргаритѣ анжуйской), народъ поднималъ возстанія и расправлялся съ придворными вельможами, считая нѣкоторыхъ измѣнниками. Такимъ настроеніемъ въ странѣ задумалъ воспользоваться герцогъ іоркскій Ричардъ (потомокъ четвертаго сына Эдуарда III, Генрихъ VI изъ дома ланкастерскаго происходилъ отъ третьяго сына Эдуарда III). Онъ нашелъ приверженцевъ и началъ войну съ своимъ родственникомъ около 1450 г. Эта война за престолъ между двумя линіями дома Плантагенетовъ извѣстна подъ именемъ войны *алой и бѣлой розы;* она продолжалась болѣе 30 лѣтъ и сопровождалась безпощаднымъ истребленіемъ членовъ королевскаго дома и казнью многихъ вельможъ, которые часто мѣняли знамя. (Названіе войны произошло

отъ того, что алая роза была гербомъ ланкастерскаго дома, а бѣлая—іоркскаго). Война велась съ перемѣннымъ счастьемъ, сначала Ричардъ имѣлъ успѣхъ и даже провозглашенъ былъ правителемъ государства, но потомъ потерялъ сраженіе и жизнь въ битвѣ съ мужественною Маргаритою, самой водившею войска вмѣсто мужа. Какъ послѣдняя получала помощь отъ родственника Людовика XI, такъ іоркскую партію поддерживалъ Карлъ Смѣлый. При содѣйствіи герцога бургундскаго, сынъ Ричарда Эдуардъ продолжалъ войну; послѣ кровопролитной битвы (при Тьюксбери 1471) онъ достигъ престола и приказалъ умертвить въ *тоуэрѣ* (Tower башня для государственныхъ узниковъ) Генриха VI, который четыре раза мѣнялъ тронъ на заключеніе и обратно. Въ теченіе этого періода войны обращаетъ вниманіе графъ Варвикъ, котораго прозвали „дѣлателемъ королей," такъ какъ онъ, мѣняя партіи, своими побѣдами доставлялъ престолъ то Генриху VI, то Эдуарду (онъ погибъ въ одной битвѣ съ Эдуардомъ). Эдуардъ IV хотѣлъ упрочить свой домъ на престолѣ, но въ самой іоркской семьѣ произошли раздоры. Палачемъ своего дома явился младшій братъ короля Ричардъ. Страшный извергъ и лицемѣръ, Ричардъ, уже заподозрѣнный въ гибели одного брата, вкрался въ довѣренность Эдуарда IV и тотъ назначилъ его опекуномъ своихъ дѣтей и правителемъ. Но снѣдаемый честолюбіемъ, онъ приказалъ умертвить своихъ малолѣтнихъ племянниковъ и провозгласилъ себя королемъ подъ именемъ Ричарда III. Престолъ, пріобрѣтенный злодѣйствомъ, онъ хотѣлъ удержать новыми злодѣйствами: родственники и вельможи падали подъ ударами палача или убійцъ и ужасъ оладѣлъ всѣми. Вотъ почему многіе вельможи отшатнулись отъ него, когда на берегъ Англіи высадился Генрихъ Тюдоръ, побочная вѣтвь ланкастерской фамиліи, спасшійся отъ общей гибели своего дома бѣгствомъ во Францію. Въ происшедшей битвѣ при Босвортѣ Генрихъ,

поддержанный сторонниками алой розы, побѣдилъ и Ричардъ палъ въ сраженіи (1485 г.).

Въ лицѣ Генриха вступила на престолъ Англіи новая династія Тюдоровъ, а война розъ кончилась. Чтобы примирить враждующія партіи, первый *тюдоръ* Генрихъ VII женился на дочери Эдуарда IV. Правда, іоркская партія пыталась еще воротить себѣ власть и выставила даже двухъ самозванцевъ, но они не имѣли успѣха. Какъ во Франціи результатъ внѣшней войны благопріятствовалъ торжеству монархическаго начала, такъ въ Англіи этому способствовала междоусобная война. Гибель многихъ вельможъ, опалы, конфискація имуществъ, постигшія другихъ, сломили притязанія аристократіи. Не нуждаясь въ деньгахъ, Генрихъ VII рѣдко созывалъ парламентъ, завелъ, подобно Карлу VII французскому, нѣчто въ родѣ постояннаго войска и учредилъ для нѣкоторыхъ преступленій королевскій судъ безъ присяжныхъ *(звѣздную палату)*.

§ 143. **Соединенныя Кастилія и Арагонія или начало испанской монархіи. Фердинандъ и Изабелла.** Исторія Кастиліи и Арагоніи въ XIV и большей половинѣ XV ст. представляетъ мало интереса: споры за престолъ, борьба королей съ аристократіею, которая поднимала мятежи и присваивала себѣ коронныя имѣнія, довели государства, особенно Кастилію, до состоянія анархіи *). Конецъ смутамъ и начало прочнымъ порядкамъ положили въ Кастиліи Изабелла (съ 1474 г.), а въ Арагоніи Фердинандъ (1479—1516), прозванные Католическими. Еще будучи *инфантами* (наслѣдниками престола), они вступили въ бракъ и хотя каждый

*) Изъ событій, кромѣ пріобрѣтенія Альфонсомъ арагонскимъ Неаполя, отмѣтимъ, какъ предвѣстіе новой эпохи для всей Европы, утвержденіе *кастильцевъ* на островахъ *канарскихъ* и одновременное завоеваніе Португальцами Порто-Санто и Мадеры ок. 1415 г.

управлялъ независимо своимъ государствомъ, но оба проводили одну и ту же политику—усиленія королевской власти и утвержденія монархическаго принципа. Вотъ средства для достиженія цѣли: корона пріобрѣла отъ папы званіе гросмейстера духовно-рыцарскихъ орденовъ и право назначать епископовъ; короли отняли у феодаловъ право суда и ввели постоянныя войска. Королевскій судъ, равно строгій для всѣхъ, казнилъ смертью многихъ вельможъ *(грандовъ)* за прежнія и новыя смуты; у другихъ конфискованы были имущества, а это сломило притязанія грандовъ (напр. на наслѣдственность нѣкоторыхъ должностей). Для организаціи войска Фердинандъ воспользовался такъ называемою *германдадою*, т. е. союзами городовъ; преобразовавъ это учрежденіе, король заставилъ горожанъ своими милиціями *(жандармеріею)* охранять порядокъ и исполненіе судебныхъ приговоровъ. Большую услугу королевской власти въ достиженіи цѣли оказала *инквизиція*. Этотъ страшный духовный судъ былъ учрежденъ или вѣрнѣе возстановленъ въ Испаніи около 1480 г. по совѣту доминиканскаго *пріора* (настоятеля) Торквемады для преслѣдованія „новыхъ христіанъ,“ или Евреевъ, которые во время прежнихъ гоненій переходили для виду въ христіанство. Назначенный великимъ инквизиторомъ Торквемада проявилъ безпощадную жестокость; руководимые имъ инквизиціонные трибуналы сожгли сотни тысячъ еретиковъ, столько же поплатились другими наказаніями—тюрьмою, штрафами и пр. и вынесли клеймо позора себѣ и своимъ дѣтямъ. Королевская власть, назначавшая инквизиторовъ, воспользовалась церковнымъ судомъ для преслѣдованія людей ей опасныхъ, а это было тѣмъ легче, что многія знатныя фамиліи въ крови своей имѣли примѣсь еврейскаго племени (женитьбою на дочеряхъ *новыхъ христіанъ* иные гранды поправляли свои разстроенныя имущества). Малѣйшее подозрѣніе, доносъ врага —этого было достаточно, чтобы попасть въ инквизиціонную

тюрьму и подвергнуться ужасающимъ пыткамъ, а потомъ извѣдать ауто-да-фе или позорящія наказанія; ни одинъ грандъ или епископъ не былъ внѣ опасности. Имѣнія сожженныхъ и *примиренныхъ* (съ церковью) конфисковались и увеличивали средства казны. Торквемадѣ, который самъ былъ потомокъ еврейской фамиліи, было мало всѣхъ ужасовъ инквизиціи; онъ убѣдилъ набожную, но вовсе не жестокую Изабеллу, во славу церкви изгнать изъ государства всѣхъ Евреевъ. Послѣдовавшее распоряженіе о выселеніи приводилось строго въ исполненіе, до 160 тыс. Евреевъ должны были покинуть Испанію и потянулись въ разныя страны, преимущественно въ Африку *).

Крупнымъ событіемъ въ царствованіе Фердинанда и Изабеллы было завоеваніе гранадскаго королевства. Окруженный христіанскими владѣніями, остатокъ маврскаго владычества держался на *пиринейскомъ* полуостровѣ два столѣтія отчасти въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Кастиліи. Не всегда мирное поведеніе вассала и религіозный фанатизмъ вызвали послѣднюю борьбу ислама съ христіанствомъ на полуостровѣ. Война длилась 10 лѣтъ съ страшнымъ ожесточеніемъ. Послѣ взятія Малаги, всѣ жители которой были проданы въ рабство, и нѣкоторыхъ другихъ городовъ, очередь дошла до столицы; выказавъ отчаянное сопротивленіе, послѣдній эмиръ Боабдилъ сдалъ Гранаду въ началѣ 1492 г. и удалился въ Африку, откуда Мавры получали поддержку. Завоеваніе гра-

*) Евреи хотѣли откупиться и предлагали на нужды войны съ Маврами королевской читѣ 30 тыс. дукатовъ. Разсказываютъ, что въ тотъ моментъ, когда еврейская депутація явилась съ деньгами, во дворецъ вошелъ Торквемада и, поднявъ распятіе, произнесъ: „Іуда Искаріотъ продалъ своего учителя за 30 серебренниковъ, ваши величества опять хотите его продать за 30 тысячъ; вотъ Онъ, возьмите Его и торгуйтесь.“ Съ послѣдними словами онъ бросилъ распятіе на столъ и удалился. Поступокъ инквизитора произвелъ должное впечатлѣніе.

надскаго халифата, не безъ участія рыцарей изъ другихъ странъ, замѣчательно въ лѣтописяхъ войны; при взятіи Малаги впервые примѣнены были къ дѣлу подземныя *мины;* впервые же, благодаря Изабеллѣ, самой водившей войска, мы встрѣчаемъ лучшій уходъ за ранеными; „дома королевы для больныхъ“ можно считать первыми попытками смягчить ужасы войны дѣлами милосердія. Покорившимся Маврамъ сначала предоставлена была свобода совѣсти, но потомъ духовникъ королевы Хименесъ сталъ ихъ насильственно обращать въ христіанство. Это повело къ возстаніямъ, но они были подавлены и Маврамъ предложили на выборъ креститься или выселяться. Крещеные подъ именемъ *морисковъ* испытали, какъ и крещеные Евреи, преслѣдованія инквизиціи. Хименесъ, францисканскій монахъ, игралъ выдающуюся роль во вторую половину царствованія Фердинанда и Изабеллы; строгій аскетъ, онъ, противъ воли, по желанію королевы, сталъ архіепископомъ толедскимъ и великимъ инквизиторомъ; совѣтами его пользовалась королевская чета, а послѣ смерти Изабеллы онъ, украшенный кардинальскою шапкою, руководилъ самостоятельно управленіемъ Кастиліи *). Кромѣ Гранады, Фердинандъ присоединилъ къ Арагоніи королевство наварское, расположенное по обѣимъ сторонамъ *пиринейскихъ* горъ **).

Изабелла назначила своимъ преемникомъ въ Кастиліи внука своего Карла, сына дочери Іоанны; Фердинанду въ Арагоніи также наслѣдовалъ Карлъ и такимъ образомъ со-

---

*) Человѣкъ высшаго образованія, реформаторъ монастырей своего ордена, основатель университета въ Алкалѣ, Хименесъ платилъ дань фанатизму своего народа. Послѣднее должно сказать и о Изабеллѣ, которая отличалась и нравственными качествами и правительственными способностями.

**) Послѣднимъ королемъ наварскимъ былъ французскій дворянинъ Іоаннъ д'Альбре; потомки его носили титулъ королей наварскихъ и владѣли нѣкоторыми землями, которыя потомъ вошли въ составъ Франціи.

вершилось соединеніе двухъ государствъ или образованіе испанской монархіи *).

Фердинандъ Католикъ напоминаетъ Людовика XI своею коварною политикою и дипломатическимъ искусствомъ; онъ между прочимъ первый завелъ обычай имѣть постоянныхъ представителей при иностранныхъ дворахъ.

§ 144. **Германія при трехъ Габсбургахъ, преемникахъ Сигизмунда.** Послѣ смерти Сигизмунда (въ лицѣ котораго прекратился домъ люксембургскій), курфирсты избрали въ императоры Альбрехта II австрійскаго; съ этихъ поръ императорская корона надолго сдѣлалась какъ бы наслѣдственнымъ достояніемъ Габсбурговъ. Краткое царствованіе Альбрехта было поглощено заботами о Богеміи и Венгріи, раздираемыхъ усобицами и угрожаемыхъ Турками (короны венгерскую и чешскую получилъ Альбрехтъ въ качествѣ зятя Сигизмунда). Правленіе преемника его Фридриха III (1440—1493 племянникъ Альбрехта) было наполнено рядомъ неудачъ. Въ качествѣ опекуна посмертнаго сына Альбрехта (Владислава Постума) онъ потерялъ для своего дома Богемію и Венгрію; послѣдовавшія войны съ Матвѣемъ венгерскимъ, овладѣвшимъ Вѣною, и Турками были несчастливы. Чрезвычайно бездѣятельный Фридрихъ III спокойно созерцалъ современныя событія (паденіе Константинополя, утвержденіе Сфорцы въ Миланѣ, затѣи Карла Смѣлаго). Въ Германіи князья, присвоивъ себѣ имперскіе поборы и освободившись отъ императорской юрисдикціи, стали совершенно независимыми. Введеніе огнестрѣльнаго оружія и постоянныхъ войскъ усилило значеніе князей и мѣстныхъ земскихъ чиновъ, которые разрѣшали налоги. Имперія страдала отсут-

*) Дочь Фердинанда и Изабеллы Іоанна Безумная выдана была замужъ за Филиппа Краснаго, сына Максимиліана, германскаго императора. Сынъ отъ этого брака Карлъ I наслѣдовалъ своему дѣду и бабкѣ въ Кастиліи и Арагоніи.

ствіемъ всякаго единства; до тысячи князей и городовъ своевольничали и вели безпрерывныя усобицы; императорская власть и законы не имѣли никакой силы и многіе прелаты, господа и города отказывали въ повиновеніи императору и подчинялись князьямъ. Такое печальное состояніе государства привело наконецъ къ общему желанію установить какой либо порядокъ, что и осуществлено было до нѣкоторой степени при сынѣ Фридриха Максимиліанѣ I (1493—1519). На имперскомъ сеймѣ въ Вормсѣ (1495 г.) послѣдовало установленіе земскаго мира: усобицы и кулачное право воспрещены подъ угрозою опалы и изгнанія. Для соблюденія этого „вѣчнаго земскаго мира“ и рѣшенія споровъ между князьями, городами и пр. учрежденъ былъ *верховный имперскій судъ (рейхскамергерихтъ)*, члены котораго избирались чинами и который поставленъ былъ въ независимое положеніе отъ императора и князей. Въ интересахъ лучшаго отправленія правосудія Германія раздѣлена была на 10 округовъ; окружные земскіе чины приводили въ исполненіе рѣшенія рейхскамергерихта. Окружные чины получили скоро бо́льшее значеніе, чѣмъ имперскій сеймъ, на который князья стали рѣдко являться и вмѣсто себя посылали уполномоченныхъ (окружные чины поддерживали порядокъ, мирили своихъ членовъ, опредѣляли контингентъ войска и пр.). Максимиліанъ долженъ былъ подчиниться этимъ преобразованіямъ, которыя умаляли значеніе императора, чтобы получить отъ сейма деньги, необходимыя для войнъ съ Франціею (за наслѣдіе Маріи бургундской), Венеціею, Турками. Такъ какъ компетенціи имперскаго суда не хотѣли подчиниться Швейцарцы, то была война и съ ними; она кончилась фактическимъ признаніемъ независимости союза, состоявшаго уже изъ 13 кантоновъ. Максимиліанъ удачными брачными союзами распространилъ наслѣдственныя владѣнія Габсбурговъ; самъ онъ женитьбою на Маріи бургундской пріобрѣлъ Нидерланды, а бракъ его

сына Филиппа Красиваго съ инфантою Іоанною проложилъ Габсбургамъ дорогу на испанскій престолъ.

Д. ОБРАЗОВАННОСТЬ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ ВЪ XIV И XV СТОЛѢТІЯХЪ.

§ 145. **Поэзія; мистеріи и начало театра. Исторія.** XIV и XV вѣка имѣютъ значеніе переходнаго времени отъ средневѣковой эпохи къ новой жизни западно-европейскихъ народовъ. Феодализмъ съ рыцарствомъ и церковное единовластіе Рима отживаютъ свое время и постепенно падаютъ. Правда, церковь не сразу снизошла съ своего пьедестала, но удары, нанесенные папству одинъ за другимъ, потрясли прежній авторитетъ римскаго первосвященника; іерархія и папы, взамѣнъ ускользавшей духовной власти, стали преслѣдовать мірскія цѣли. И рыцарство долго еще играло роль въ общественной жизни, но также постепенно вырождалось. Погоня за одними земными благами, частыя измѣны сюзеренамъ, рыцари-искатели приключеній, рыцари-грабители—все это дискредитировало феодальную аристократію. Разсказываютъ же про англійскихъ рыцарей, что они завязывали одинъ глазъ зеленымъ платкомъ и обѣщали своей дамѣ снять его только послѣ совершенныхъ подвиговъ во Франціи. Турниры и придворные пиры, сохраняя внѣшнюю форму, сдѣлались выставкою тщеславія и роскоши въ оружіи, одеждѣ, гербахъ, а утонченная галантерія (galanterie) прикрывала развратъ. Огнестрѣльное оружіе, сослужившее важную службу королямъ, нанесло феодальному рыцарству послѣдній смертельный ударъ. Рядомъ съ отцвѣтаніемъ господствовавшихъ началъ выдвигаются новыя—принципъ монархическій съ государственнымъ

объединеніемъ и буржоазія, получившая вмѣстѣ съ достаткомъ и голосъ въ общественныхъ дѣлахъ. Соотвѣтственно измѣнившимся явленіямъ и потребностямъ и образованность должна была ступить на новую дорогу; клерикальная и аристократически-рыцарская литература уступила мѣсто свѣтской и народной. Понятно, что старая культура держится еще долго, особенно рыцарская поэзія, тѣмъ болѣе, что богатые горожане, принаравливаясь къ существующимъ обычаямъ и подражая рыцарямъ въ богатствѣ и роскоши, хотятъ подражать имъ и въ духовной жизни, хотятъ восторгаться и рыцарскими романами и пѣснями любви. Когда рыцари, занятые своими политическими дѣлами, пренебрегли поэзіею, жонглеры и минстрели перешли въ дома богатыхъ горожанъ; тамъ гдѣ, какъ въ Германіи и Нидерландахъ, демократическій элементъ проявилъ свою силу въ городахъ въ лицѣ цеховыхъ ремесленниковъ, поэзія перешла на улицу и сдѣлалась народною. Напримѣръ, въ Германіи *мейстерзенгеры*, пѣвцы-простолюдины, составляли въ XV ст. корпорацію съ учителями и учениками; они по воскреснымъ днямъ забавляли цеховыхъ ремесленниковъ импровизированными стихами, проникнутыми юморомъ и площаднымъ буфонствомъ.

Рыцарская поэзія, какъ и само рыцарство, дольше держалась и даже цвѣла позднимъ цвѣтомъ во Франціи; во Франціи, особенно при дворѣ бургундскихъ герцоговъ, до самаго конца XV ст. сохранялись рыцарскія преданія съ турнирами и блестящими пирами, а столѣтняя война поддерживала рыцарскій духъ. Но примѣняясь къ новымъ требованіямъ жизни, труверы въ своихъ романахъ изображали измѣнившіяся общественныя и церковныя отношенія; удовлетворяя вкусамъ читателей къ насмѣшкамъ и пикантному, авторы облекали намеки на современные вопросы въ поучительную форму—отсюда новый видъ эпоса *аллегорія*. Появившійся

еще въ XIII в. романъ „о розѣ“ *) сдѣлался любимою книгою въ XIV и XV стол. во всей Европѣ и подвергался многимъ комментаріямъ, благодаря своему сатирическому и иносказательному характеру. Аллегорія скоро проникла во всю рыцарскую поэзію, какъ эпическую, такъ и лирическую не только во Франціи, но и въ Германіи и Нидерландахъ. Любовь, составляющая главное содержаніе рыцарской поэзіи, стала олицетворяться въ качествѣ дѣйствующаго лица, напр. въ Германіи подъ именемъ Frau Minne. Романы, бравшіе содержаніе изъ прежнихъ цикловъ артуровскаго и каролингскаго, изображали героевъ въ чертахъ, соотвѣтствовавшихъ упадку рыцарства—неуклюжими, смѣшными. Какъ переходная къ народной „мѣщанской“, явилась поэзія нравоучительная въ видѣ басень, анекдотовъ и стихотвореній поучительнаго содержанія; видъ этотъ особенно развился въ Нидерландахъ. Янъ Блоендаль, обыкновенно называемый де Клеркъ, написалъ нѣсколько нравоучительныхъ поэмъ, въ которыхъ трактуетъ о важности торговли, подсмѣивается надъ господами и духовными и расхваливаетъ горожанъ и крестьянъ. Къ концу среднихъ вѣковъ, особенно подъ вліяніемъ событій на *балканскомъ* полуостровѣ и войнъ съ Турками, опять оживилась романтическая поэзія; при этомъ явился новый циклъ объ Амадисѣ, героѣ, отодвинутомъ въ даль вѣковъ. Романы *амадисовскаго* цикла отличаются отъ прежнихъ картинами сверхъестественныхъ подвиговъ и борьбы героевъ съ фантастическими чудовищами. Наконецъ получилъ распространеніе повѣствовательный родъ, которому положилъ начало Боккаччіо, *новеллы* (расказы) котораго были переведены на всѣ языки. Изъ замѣчательныхъ подражателей автора „декамероне“ назовемъ англійскаго дворянина Чосера (Chaucer), ко-

*) Романъ о розѣ началъ Вильгельмъ де Лоррисъ, а окончилъ Жанъ де Менгъ (Jean de Meung).

торый считается творцомъ англійскаго литературнаго языка (до него англійскіе трубадуры пѣли на французскомъ языкѣ). Его „кантерберійскія исторіи“ написаны стихотворнымъ размѣромъ; въ нихъ онъ, подобно Боккаччіо, заставляетъ много лицъ разнаго званія, отправившихся на богомолье въ Кантербери, принять предложеніе хозяина корчмы, именно коротать дальнѣйшій путь расказами. Эти *исторіи* изобилуютъ юморомъ и намеками на современныя общественныя отношенія. Чосеру принадлежитъ и обработка по французскому образцу романа о розѣ.

Лирика повторяла прежнія темы, но какъ рыцарство вырождается, сохраняя внѣшнюю форму, такъ и рыцарскія пѣсни поражаютъ отсутствіемъ истиннаго вдохновенія; поэты изощряются въ подборѣ риѳмъ и строфъ; при этомъ являются новые виды стихотвореній, игриваго характера, напр. тріолетъ, куплетъ, баллада; поэты стараются блеснуть остроуміемъ. Изъ трубадуровъ достойны вниманія Фроассаръ и Карлъ орлеанскій.

Къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ относится и начало драматической поэзіи, которая, какъ и въ Греціи, возникла изъ религіозныхъ празднествъ. Такъ называемыя *мистеріи* или изображенія въ лицахъ разныхъ моментовъ изъ жизни Спасителя, особенно страстей и воскресенія Христова, происходили въ самой церкви. Напр. во время представленія страстей одинъ изъ духовенства передавалъ расказъ евангелиста, другой слова Спасителя, третій рѣчи другихъ лицъ, а хоръ —то, что говорилъ народъ. Со временемъ за недостаткомъ мѣста въ церкви представленіе перешло на улицу, по сосѣдству съ храмомъ, и мистеріи, при участіи многихъ дѣйствующихъ лицъ не только духовныхъ, но и мірянъ, длились по нѣсколько дней; тогда то онѣ отклонились отъ прямаго своего назначенія поучать народъ. Появились вставки комическаго содержанія, которыя отвлекали вниманіе отъ серьезности дѣйствія; такія

вставки влагались въ уста Іуды, купца, у котораго женщины у распятаго креста покупали вещи и проч.; онѣ вызывали смѣхъ и доставляли удовольствіе толпѣ. Правда, церковь преслѣдовала такое уклоненіе мистерій отъ своей задачи; но разъ мистеріи очутились на площади, народъ завладѣлъ любимыми зрѣлищами и сдѣлалъ ихъ своимъ достояніемъ.

Настоящія драматическія представленія появились во Франціи; здѣсь между прочимъ на сцену выходилъ и дьяволъ въ смѣшномъ видѣ—отсюда и названіе такихъ сценъ *diableries* (отъ diable—чортъ). Впервые по случаю посвященія въ рыцари сыновей Филиппа IV въ 1313 г. упоминаются представленія цѣлаго ряда мистерій, напр. трехъ волхвовъ, Пилата, умывающаго руки, страшнаго суда и пр. Карлъ VI далъ привилегію обществу „братству страстей“ (confrairie de la passion) на представленіе мистерій; это было первое, такъ сказать, драматическое общество изъ духовныхъ и мірянъ, которое съ подмостокъ изображало всю жизнь Іисуса Христа отъ рожденія до воскресенія; серьезность предмета не мѣшала актерамъ вставлять и элементъ комическій. Самымъ замѣчательнымъ произведеніемъ этого рода было „grand mystére“ одного епископа, оно состояло изъ трехъ частей и 174 дѣйствій и исполнялось при участіи 400 лицъ. Сцена представляла три отдѣленія: среднее изображало землю, преимущественно окрестности Іерусалима, верхнее—небо, нижнее—адъ.

Въ XV ст. другое общество „bazoche“ изъ адвокатовъ и легистовъ пріобрѣло также привилегію на театральныя представленія, но въ виду привилегіи прежняго общества на мистеріи, оно дало своимъ пьесамъ названіе *моралите* (moralités); они отличались отъ мистерій своимъ аллегорически-нравоучительнымъ характеромъ, въ нихъ добродѣтель, порокъ и другія отвлеченныя понятія изображались въ лицахъ; изъ этихъ моралите выработалась *комедія;* большую извѣстность

пріобрѣла комедія „о господинѣ адвокатѣ Пателенѣ“ какъ характеристикою дѣйствующихъ лицъ, такъ и завязкою, исполненною комизма. Изъ писателей замѣчателенъ Гренгоаръ при Людовикѣ XI. Было еще и третье общество: „enfants sans souci“ (беззаботныхъ дѣтей) изъ молодыхъ людей знатныхъ фамилій. Оно называло свои пьесы *sotties* (глупости, шалости); пороки и современныя глупости иногда съ намеками на высокопоставленныхъ дѣятелей выставлялись на сценѣ.

Тотъ же ходъ развитія драматической поэзіи, что и во Франціи, былъ и въ другихъ странахъ. Въ Италіи во времена Петрарки и Боккаччіо появилась такъ называемая „commedia dell'arte“—это сцены, въ которыхъ опредѣленныя роли (называемыя *масками*) импровизировали разговоры; на сцену являлись докторъ изъ Болоньи (Панталоне), богатый венеціанскій купецъ, арлекинъ и др.

Схоластика продолжала свое существованіе до конца среднихъ вѣковъ, но она пережевывала старое содержаніе. Ѳома и Дунсъ Скотъ довели науку до той законченности, что прибавить что либо казалось ихъ послѣдователямъ невозможнымъ. Вопросы, ими поставленные, и данные на нихъ отвѣты были заучиваемы наизустъ и выставлялись какъ нѣчто непреложное на ученыхъ турнирахъ. Мистики напротивъ своими назидательными сочиненіями имѣли благотворное вліяніе. Самымъ замѣчательнымъ представителемъ мистицизма въ XV ст. былъ Ѳома кемпійскій (въ Нидерландахъ), книга котораго „о подражаніи Христу“ была переведена на всѣ живые языки.

Историческая литература мемоаровъ процвѣтала, какъ и въ прежнюю эпоху, во Франціи. Самыми замѣчательными ея представителями были Фроассаръ (XIV ст.) и Филиппъ де Коминъ (XV и нач. XVI ст.). Фроассаръ, каноникъ въ Шиме (Chimay), въ своихъ „хроникахъ“ изобразилъ намъ

весь XIV вѣкъ; не будучи самъ участникомъ въ событіяхъ, онъ во время частыхъ путешествій имѣлъ возможность познакомиться съ дѣйствующими лицами и событіями своего времени не только Франціи и Англіи, но и другихъ странъ. Его мастерски написанныя хроники знакомятъ насъ преимущественно съ высшимъ сословіемъ. Читая его, наглядно представляешь себѣ придворную жизнь, сборы на войну, битвы и пр. Филиппъ де Коминъ дворянинъ, перешедшій на службу отъ Карла Смѣлаго къ Людовику XI, въ своихъ „достопримѣчательностяхъ“ представилъ эпоху торжества монархіи во Франціи. Его сочиненіе уже составляетъ переходъ къ прагматической исторіи. Чрезъ его произведеніе проходитъ идея о существованіи міроваго порядка (о божественномъ провидѣніи), между прочимъ онъ старается показать связь между событіями, ихъ причины и слѣдствія. Не смотря на пристрастіе, отдаваемое Людовику XI предъ соперникомъ, событія и характеристики лицъ изложены довольно безпристрастно.

Самою образованною страною въ XV ст. была Италія. Здѣсь по почину Петрарки началось изученіе древнихъ классиковъ, при чемъ къ этимъ писателямъ предъявлены были иныя требованія, иныя задачи,—деселѣ монахи читали ихъ языка ради, но не интересовались содержаніемъ. Ученые міряне цѣлою толпою пошли по слѣдамъ пѣвца Лауры и произвели переворотъ въ наукѣ, а также въ искусствѣ. Время это получило названіе „эпохи возрожденія наукъ и искусствъ“; возрожденная наука и возрожденное искусство сдѣлались достояніемъ всего человѣчества. Эпоха возрожденія такъ тѣсно связана съ новою жизнью, въ которую вступило человѣчество со второй половины XV в., что знакомство съ эпохою должно быть отнесено къ исторіи послѣднихъ четырехъ вѣковъ или такъ называемой „новой исторіи“. Къ курсу новой исторіи мы относимъ

и тѣ событія всемірно-историческаго значенія XIV и XV вѣковъ, которыя хотя и характеризуютъ пытливость средневѣковаго человѣка, но которыя по своимъ послѣдствіямъ имѣли громадное вліяніе на измѣненія средневѣковаго общественнаго строя и были предвѣстниками новой эпохи въ жизни всѣхъ народовъ. Мы разумѣемъ великія изобрѣтенія (компасъ, огнестрѣльное оружіе, книгопечатаніе) и открытія *европейцами* новыхъ земель.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Предисловіе. I

Введеніе 1

Европейскіе народы: Кельты, Германцы, Славяне §§ 1—3 5

Первый періодъ. Эпоха великаго переселенія народовъ и паденія з. р. имперіи; основаніе новыхъ государствъ §§ 4—6 18

Государства остготское, лангобардское и франкское; распространеніе христіанства между Германцами и начало свѣтской власти папъ §§ 8—10 . 26

Византійская имперія §§ 11—13 35

Арабы подъ вліяніемъ ислама и очеркъ исторіи халифата §§ 14—16 41

Время Карла В. и феодализмъ §§ 17—20 . . . 48

Распаденіе монархіи Карла В. и раздѣленіе церкви §§ 21—24 57

Второй періодъ. Государства, образовавшіяся изъ монархіи Карла В. §§ 25—28 63

Начало государственной жизни у западныхъ и южныхъ Славянъ и просвѣщеніе ихъ христіанствомъ. Кириллъ и Меѳодій §§ 29—33 70

Исторія Византіи и южныхъ Славянъ до конца XI ст. §§ 34—36 80

Начало русскаго государства и его исторія до смерти Ярослава §§ 37—42 87

стран.
Исторія Англіи § 43 102
Образованность и судъ въ зап. Европѣ до конца XI ст. §§ 44 и 45 105
Третій періодъ. Кіевскій періодъ удѣльно-вѣчевой Руси §§ 46—49 108
Географическій очеркъ удѣльно-вѣчевой Руси и внутренній бытъ Новгорода В. §§ 50 и 51 120
Владимірскій періодъ удѣльно-вѣчевой Руси до начала монгольскаго ига §§ 52—57 130
Общественный бытъ и образованность древней Руси §§ 58—62 142
Германія и Италія: борьба императоровъ съ папами, Григорій VII; гвельфы и гибеллины, Иннокентій III и Фридрихъ II; междуцарствіе въ Германіи и сицилійская вечерня §§ 63—68 . . . 162
Франція при Капетингахъ: общее обозрѣніе, городскія общины, возвышеніе королевской власти, Филиппъ II Августъ, Людовикъ IX Св., Филиппъ IV Красивый §§ 69—71 186
Англія при первыхъ Плантагенетахъ и начало представительнаго правленія §§ 72 и 73 195
Крестовые походы. Имперіи византійская и латинская. Асѣни въ Болгаріи §§ 74—83 201
Слѣдствія крестовыхъ походовъ. Средневѣковое общество и образованность въ эпоху крестовыхъ походовъ §§ 84—90 221
Пиринейскій полуостровъ до конца XIII ст. § 91 . 256
Владимірскій періодъ удѣльно-вѣчевой Руси отъ татарскаго нашествія до конца XIV ст. §§ 92—94. 260
Александръ Ярославичъ Невскій и судьба сѣверовосточной Руси §§ 95—97 267
Даніилъ галицкій и южная Русь. Литва и Миндовгъ §§ 98—100 274

стран.

Чехія, Польша, Венгрія, Скандинавія и Данія §§ 101—104 281

Четвертый періодъ. Филиппъ IV и Бонифацій VIII. Развитіе представительнаго правленія въ Англіи. Столѣтняя война §§ 105—107 290

Германія, Италія, Швейцарія. Великій церковный расколъ, Гуссъ, гусситскія войны §§ 108—112 . 304

Италія въ XIV и XV столѣтіяхъ §§ 113—116 . 318

Западные Славяне и Венгрія §§ 117—119 . . . 331

Сербы, Византія и Турки Османы §§ 120—122 . 337

Скандинавія и Данія § 123 347

Собираніе сѣверовосточной Россіи Москвою §§ 124—131 348

Литовско-русское княжество §§ 132—135 . . . 370

Внутреннее состояніе сѣверовосточной Руси отъ татарскаго нашествія до смерти Василія Темнаго §§ 136—140 379

Торжество монархіи надъ феодализмомъ на исходѣ среднихъ вѣковъ §§ 141—144 389

Образованность въ зап. Европѣ въ XIV и XV столѣтіяхъ § 145 401

ВАЖНѢЙШІЯ ПОГРѢШНОСТИ.

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
24	9 св.	небольшими, толпами	небольшимитолпами
34	5 сн.	главенства, начало	главенства и начало
90	15 св.	судлъ	судилъ
217	4 сн.	1217	1219
261	1и2св.	Романовичъ	Рюриковичъ

ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
4	9 св.	половины	половинѣ
17	послѣди.	§§ 98 и 99	§§ 99 и 100
23	6 св.	Каталаунскомъ	каталаунскомъ
26	8 св.	хрістіанства	христіанства
47	послѣди.	Газнавицкое	Газнавидское
50	10 св.	смерью	смертью
90	14 св.	вѣчы	вѣчѣ
92	12 сн.	Чехова	Чеховъ
99	16 св.	отца,	отца
142	15 св.	III	IV
234	7 сн.	дворянствома	дворянствомъ
253	1 св.	древне греческихъ	древнегреческихъ
273	9 св.	Тимофея	Тимоѳея
397	7 сн.	читѣ	четѣ
Въ разныхъ мѣстахъ		Владиміръ св.	Владиміръ Св.

РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА № 1.

Поколѣніе Владиміра Святаго.

Владиміръ Св.

- Изяславъ (полоцкій) — Брячиславъ — Всеславъ.
- Святополкъ (туровскій)
- Борисъ (ростовскій)
- Глѣбъ (муромск.)
- Святославъ (древлянскій)
- Мстиславъ (тмутаракапскій)
- Ярославъ (новгородскій)
  - Владиміръ. — Ростиславъ (покол. кн. галицкихъ) — Володарь. Василько. — Владимірко. — Ярославъ Осм. — Владиміръ.
  - Изяславъ (кіевск. и новгор.) — Святополкъ II.
  - Святославъ (черниговск. и муром.-рязанск.) — Олегъ. Давидъ — Изяславъ. Ярославъ. (покол. мур.-раз. кн.)
  - Всеволодъ (переяславск. и рост.-суз.) — Влад. Мономахъ.
  - Вячеславъ (смоленскій) — Борисъ.
  - Игорь (владим.-волынскій) — Давидъ.

Поколѣніе Владиміра Мономаха.

Владиміръ Мономахъ.

Старшая линія: Мстиславъ.

- Изяславъ II (покол. кн. волынскихъ) — Мстиславъ II. — Романъ (новгородск., галицкій)
  - Даніилъ (галицкій) — Левъ. — Юрій I (кн. галиц.-вол.) — Юрій II (внукъ Юрія I).
  - Шварнъ.
  - Мстиславъ.
  - Василько (волынскій) — Владиміръ.
- Ростиславъ (покол. кн. смоленскихъ).
  - Романъ. — Мстиславъ (кн. кіевскій † 1223) — Святославъ (кн. новгородск.)
  - Рюрикъ (кн. кіевскій) — Владиміръ (участв. въ битвѣ на Калкѣ).
  - Мстиславъ Хр. — Мстиславъ Уд.

Младшая линія: Юрій Долгорукій (покол. кн. суздальскихъ).

- Ростиславъ. (Ростиславичи).
- Андрей Богол. — Юрій (новгородск.)
- Всеволодъ III.
  - Константинъ. — Василько (ростовскій).
  - Святославъ. (юрьевскій).
  - Юрій II.
  - Ярославъ. (кн. новгор.) — Алекс. Невскій.
- Михаилъ.
- Глѣбъ. (кн. кіевскій).

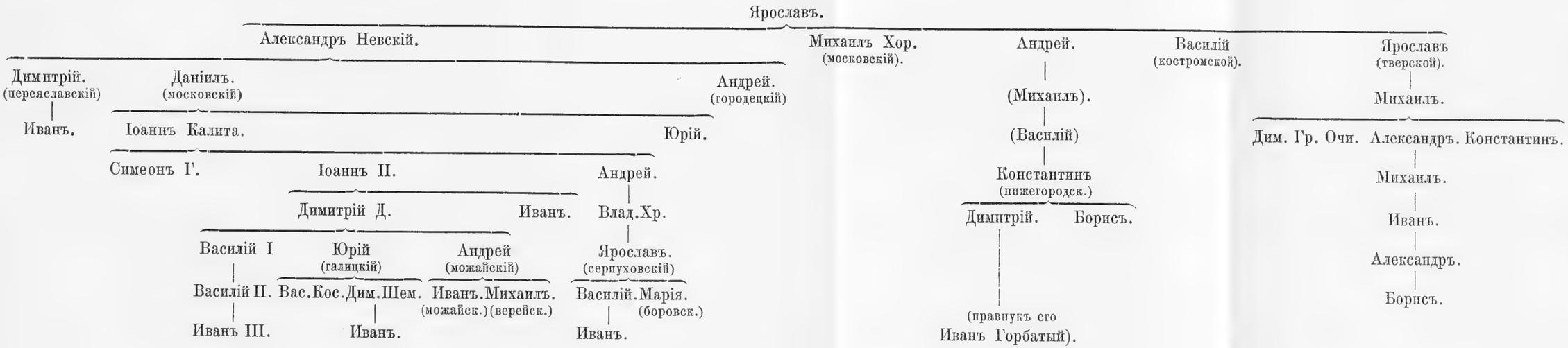
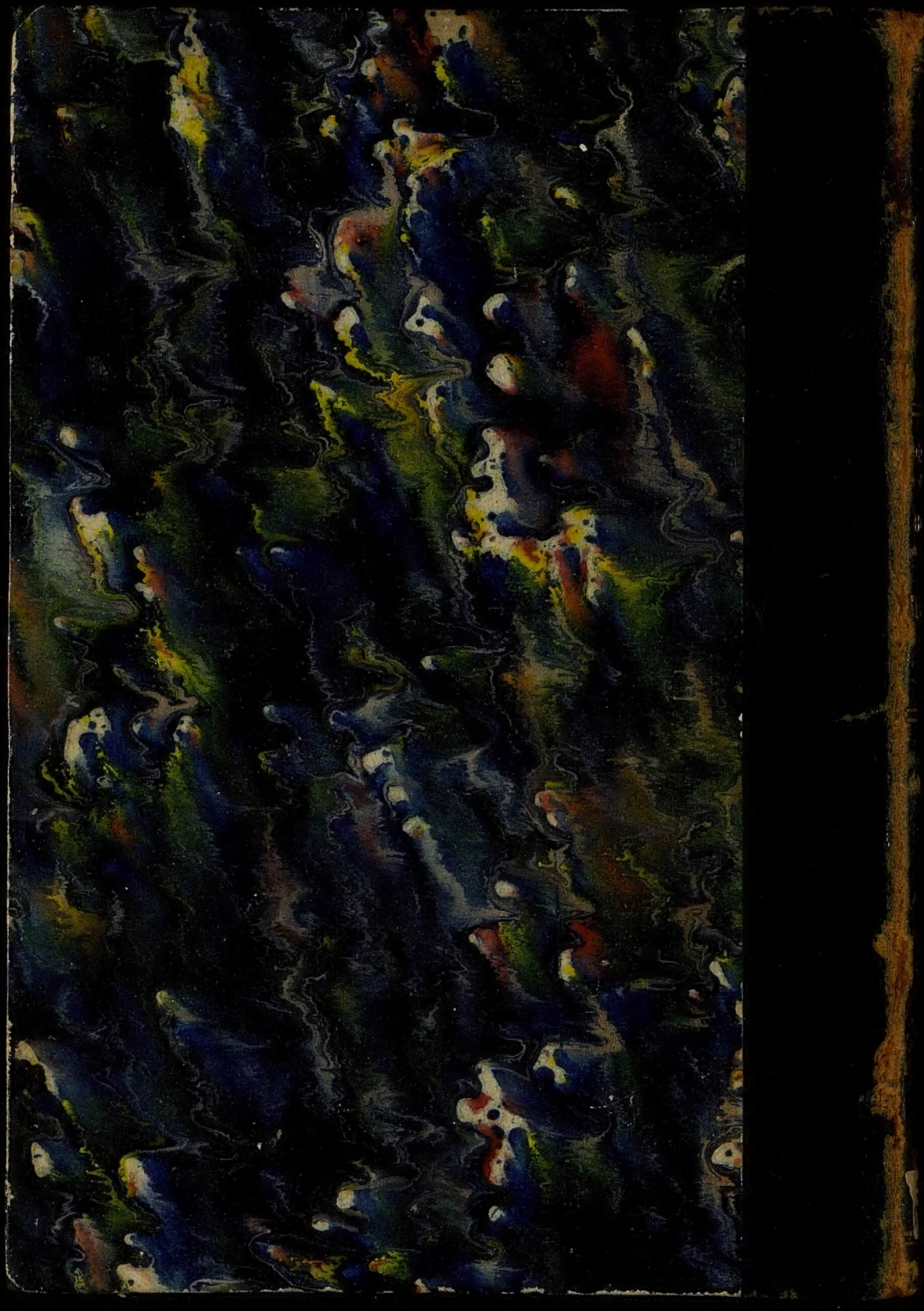
Поколѣніе Олега Святославича.

Олегъ Святославичъ.

- Всеволодъ II (кн. кіевскій) — Святославъ (кн. кіевскій).
  - Мстиславъ (кн. черниг. † 1223).
  - Всеволодъ Чермный (кн. кіевскій) — Михаилъ (замуч. въ ордѣ) — Ростиславъ.
- Игорь (кн. кіевскій).
- Святославъ.
  - Олегъ — Святославъ (рыльскій).
  - Игорь (сѣверскій) — Владиміръ (путивльскій).
  - Всеволодъ (трубчевскій).

РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА № 2.

Поколѣніе Ярослава Всеволодовича.



L14